ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А.Н. Жеравина

ТОМСК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТИ)

Издательство Томского университета
2010

Историю города сооружали люди, поэтому
о них больше, чем о стенах и разных
постройках, должен говорить историк.

И.Е. Забелин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории городов является одной из важнейших проблем современной исторической науки. Ретроспективный взгляд на развитие экономики и культуры городов может помочь разрешить многие актуальные вопросы экономического и культурного развития в наши дни.

В процессе изучения исторического прошлого городов особую значимость обретает проблема «Город как совокупность людского общежития». Такая постановка вопроса требует всестороннего изучения источников, извлечения из них сведений не только о событиях, о ходе истории, но в не меньшей степени об обыденной жизни разных слоев городских жителей.

Среди горожан были коренные томичи и те, кто родился не здесь, но прожил в Томске долгие годы. Среди его жителей были купцы, мещане, крестьяне, священнослужители. Уроженцы разных городов России становились студентами первого и долгое время единственного высшего учебного заведения за Уралом – Томского Императорского университета. Еще задолго до его открытия в Томске работали выпускники учебных заведений Петербурга, Москвы, Казани, других городов России в качестве учителей и директоров мужской гимназии.

Среди огромного массива отложившегося в фондах центральных и местных архивов материала в последние десятилетия все большее значение приобретает информация со страниц дореволюционной печати. В последние десятилетия произошли заметные изменения в самом принципе обращения исследователей к таким материалам. Длительное время они использовались для определения роли печатных изданий в идейно-политической борьбе за массы в предреволюционные годы, в период Октября 1917 г.

Теперь краеведы и профессиональные историки все чаще стали обращаться к дореволюционной периодической печати в процессе исследования разных сюжетов исторического прошлого города. Оказалось, что без информации, извлекаемой со страниц дореволюционных газет, стано-

УДК 94(571.16). 081/83
ББК 63.3(253.3)5
Ж 59

Рецензенты:
д-р ист. наук *С.Ф. Фоминых*
д-р ист. наук *Э.И. Черняк*

Жеравина А.Н.
Ж 59 Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати) / Под ред. В.П. Зиновьева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 402 с.

ISBN 978-5-7511-1934-8

На материалах дореволюционной печати раскрывается многогранный мир сравнительно недавнего прошлого Томска. Жизнь города предстает как совокупность людского общежития с многообразием возможностей для реализации личности. Особое внимание уделяется роли университета в превращении дореволюционного Томска в своеобразный центр притяжения передовых интеллектуальных сил страны.

Для историков и всех интересующихся историей родного города.

УДК 94(571.16). 081/83
ББК 63.3(253.3)5

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-00317а

ISBN 978-5-7511-1934-8

© А.Н. Жеравина, 2010

вится невозможным во всей полноте представить занятия горожан, их нравы, обычаи, мысли, чувства, устройство городского быта и управления.

Новизна монографии состоит в использовании информации дореволюционной печати в качестве главного источника. Она написана на базе извлечения материалов из газет методом сплошного их сбора. Такая работа по накоплению газетной информации по всем сюжетам истории города одним автором была проведена впервые. Основным источником послужили материалы «Томских губернских ведомостей», которые с конца 50-х гг. XIX в. были единственным информационным средством.

Выходили «Ведомости» в двух частях – официальной и неофициальной, наиболее информационно насыщенной оказалась вторая часть. В неофициальном отделе газеты публиковались материалы по злободневным вопросам экономической, общественно-политической, культурной жизни Томска как центра губернии.

В современной отечественной историографии все более возрастает значение повседневности. С 80-х гг. XX в. идёт формирование устойчивого интереса к индивиду, к анализу конкретных жизненных ситуаций. Все больше места занимает в историографии человеческая индивидуальность. История не случайно рассматривается как наука о человеке, изменяющемся в социально-темпоральном «пространстве прошлого и своими действиями изменяющем это пространство»[1]. Изучение повседневности имеет важное значение для осмысления места человека в истории. Современная историческая наука, по определению Л.П. Репиной, характеризуется вторжением в самые различные области социально-исторического бытия человека. Новый этап в современной исторической науке отмечен наряду с изучением крупных государственных процессов прошлого анализом межиндивидных отношений в малых группах, повседневного жизненного опыта прошлых поколений. При этом важнейшее значение приобретает исследование индивидуальной деятельности, сознания и поведения людей. Изучение повседневной жизни позволяет шире исследовать творческую роль личности, механизм принятия решений индивидом. А это, в свою очередь, способствует обеспечению синтеза индивидуального и социального в истории[2].

История повседневности оказывается теснейшим образом связанной с восприятием человеком прошлого, окружающего его мира, со

---

[1] *Репина Л.П.* Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра. Вместо предисловия // Междисциплинарный подход к изучению прошлого. М., 2003. С. 11, 17.

[2] Там же. С. 10, 17.

своеобразием групповых поведенческих норм, отражаясь в жизни людей, в их сознании, поведении как социальной группы, так и отдельного человека. Представляется возможным через изучение повседневности исследовать то, какими чувствами и представлениями руководствовались люди в своих действиях, что побуждало их поступать так, а не иначе. В процессе изучения повседневности важная задача сводится к реконструкции поведения людей прошлого путем присущего им способа восприятия действительности[1].

Сегодня, когда в историографии сложился подход к «Губернским ведомостям» как к достоверному документу эпохи, появилась возможность использования материалов неофициальной части газеты для всестороннего изучения истории Томска во времени и пространстве[2].

По другим газетам разной общественно-политической направленности («Сибирский вестник», «Сибирская правда», «Голос Томска», «Томский вестник», «Торгово-промышленная газета») оказалось возможным составить емкое представление о том, как жили, работали, отдыхали горожане, к чему стремились, над чем бились в течение многих лет с целью улучшения экологической ситуации в городе, его благоустройства, как решались вопросы развития на разных уровнях образования. В последние годы стало уделяться внимание роли гимназий в культурной жизни провинциальных городов[3]. История гимназического образования в Томске содержит богатый материал для сравнительно-исторического изучения его применительно к российской провинции.

Особую ценность в современных условиях обретает история благотворительности, проявления которой широко освещались на страницах печати. По-новому предстает ее роль в объединении усилий горожан разной сословной принадлежности и разного имущественного положения на оказание совершенно неотложной помощи остро нуждавшимся в ней.

Периодическая печать содержит богатейший материал для изучения предпринимательства в пореформенном Томске. Опыт экономического развития города во второй половине XIX – начале XX в. еще не стал

---

[1] *Керов В.В.* Историческая антропология: сегодня и завтра // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001 / 2002. М., 2002. С. 9.

[2] *Шевцов В.В.* Губернские ведомости Сибири как документ эпохи // Документ в парадизме междисциплинарного подхода: Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции (г. Томск, 27–28 октября 2005 г.). Томск, 2006. С. 247–249.

[3] *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-Восточные губернии Европейской России). Самара, 2001; *Дашкевич Л.А.* Гимназии в культурной жизни провинциального города первой четверти XIX в. (по материалам Урала) // Диалог со временем. 2006. № 16.

объектом изучения с учетом возможности использования его в современном Томске. В этом смысле он, вероятно, может иметь большую практическую значимость.

К изданию обработанных материалов дореволюционной печати Томска в виде монографии в значительной мере побудил интерес к ним со стороны слушателей во время многочисленных выступлений перед участниками краеведческой конференции в 1989 г., сотрудниками археографической лаборатории университета, краеведами Томска в Пушкинской библиотеке, участниками Кирилло-Мефодьевских чтений в мае 1992 г.

Пожалуй, самым значительным событием, связанным с обнародованием результатов собственного осмысления накопленной информации можно считать мое участие в работе Первого съезда соотечественников в марте 1992 г. Он был подготовлен и проведен Сибирским русским домом. Созданный в августе 1991 г. в Новосибирске как некоммерческая международная организация с целью оказания помощи возрождению экономики и духовной культуры Сибири и России в целом он имел 14 филиалов за рубежом, во всех административных центрах Сибири и Дальнего Востока, а также в странах СНГ.

В работе съезда, прошедшего в Омске, приняли участие более 300 делегатов из Франции, Румынии, США, Болгарии, Германии, Латвии, Литвы, Австралии, Голландии. Главным предметом обсуждения стало состояние нарождавшегося свободного предпринимательства в Сибири, его возможностей и перспектив в производственной, научной и культурной сферах жизни.

По инициативе одного из самых деятельных членов оргкомитета съезда Альбины Львовны Бейчаниновой на пленарном заседании съезда был зачитан мой доклад на тему «Из истории частного предпринимательства в Сибири (конец XIX – начало XX в.»). Присутствовавший на съезде Владимир Романович Плюхин, старший редактор журнала «Земля сибирская, земля дальневосточная», издающегося в Омске, опубликовал материалы доклада в апрельском номере журнала за этот же год.

Сибирь конца XIX – начала XX в., необозримая площадка, во всех уголках которой кипела работа по созданию материальных и духовных богатств, адресованных человеку, с ее колоссальным опытом частного предпринимательства вызвала живой интерес участников съезда. И один из представителей Алтая, обратившись к делегации Челябинской области, буквально умолял с трибуны съезда: «Помогите, сделайте для

нас маслобойки, крупорушки, мы не можем без них обеспечить переработку сельхозпродукции!».

С годами, после публикации серии статей по истории дореволюционного Томска и международных контактов Сибири, постепенно стала зреть мысль о необходимости написания книги с целью возможно большего использования накопленного материала, которым хотелось поделиться не только с научной общественностью, но и с жителями города.

Читатель непременно обратит внимание на неоднородность монографии по форме и содержанию ее разделов. Одни написаны исключительно на основе газетных материалов, другие – с использованием наработок предшественников и коллег, а также источников, извлеченных из «Журнала заседаний ученого совета Томского Императорского университета», «Свода постановлений Томской городской думы» с 70-х гг. XIX и до начала XX в., энциклопедических справочных материалов. Это является показателем того, что только газетного материала для изучения исторического прошлого города недостаточно. Но, с другой стороны, это же свидетельствует о невозможности обойтись сегодня без использования уникального материала, отложившегося на страницах дореволюционной печати о повседневной жизни города, в которой оказались запечатленными конкретные результаты деятельности его жителей. Самое ценное в ней состоит в указании имен людей, оставивших глубокий след в истории Томска. Не исключено, что кто-нибудь обнаружит здесь своих предков.

Техническое оформление текста обеспечили С.В. Самусева и Т.В. Юркова. Работу по подготовке иллюстраций выаолнил В.В. Шевцов. Всем им сердечное спасибо.

В книге использованы иллюстрации, опубликованные в альбомах «Томск: история города в иллюстрациях» (Томск, 2004), «Прогулка по старому Томску», составленному Э.К. Майданюком по материалам собственной коллекции (Томск, 1992).

В работу также вошли иллюстрации из фондов ГАТО, ТОКМ, Истории музея ТГУ и ОРКП НБ ТГУ.

ТОМСК В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Важным рубежом в жизни городов Сибири стал 1857 г. Именно тогда в Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске появились первые номера газеты «Губернские ведомости». Материалы газеты представляют значительный интерес для изучения исторического прошлого Томска, его округа. Наряду с публикацией правительственных постановлений, циркуляров в ней печатались сведения об общей численности жителей Томска, их сословной принадлежности, статьи о развитии промышленности и торговли в Томске, об облике города, жизни горожан, их занятиях, досуге, хозяйственной деятельности сельских жителей подгородных волостей.

Много места в газете посвящено развитию торговли и промышленности в Томске «с его округом». Подробное описание хозяйства жителей Спасской, Нелюбинской, Семилужской, Уртамской, Богородской, Тутальской волостей на конец 1858 г. позволяет судить об экономических связях города с его окрестностями. Жители самой близкой к Томску Спасской волости (в ней проживало 6532 чел.) занимались хлебопашеством, однако хлеба в некоторых селениях не хватало даже на пропитание и его покупали в Томске. На продажу в Томск из Спасской волости вывозился скот, крестьяне торговали на томском рынке и овощами. Но в целом занятия сельским хозяйством не обеспечивали жителям Спасской волости всех «крестьянских нужд». Поэтому они занимались промыслами и ремеслами: пчеловодством, ломкой бутового камня, изготовлением упряжных дуг, колес, хомутных клещей, драли ивовую кору, употреблявшуюся для выделки кожи, собирали хмель, кедровые орехи, занимались извозом, нанимались на золотые прииски. И тем не менее в газете констатировалось, что «благосостояние крестьян не в цветущем состоянии и бедность проглядывает почти повсеместно».

Жители Нелюбинской волости (7544 чел.) занимались рубкой дров, заготовкой строевого леса, сплавом его по Томи или доставкой гужом в Томск на продажу. Больше всего леса они поставляли на стеклоделательные заводы в селе Нелюбино, куда большими партиями доставля-

лась зола. В селениях волости изготавливались дровни, телеги, повозки, которые продавались в Томске. Из Нелюбинской волости в город вывозились частично и продукты скотоводства. Хлебопашество здесь было развито очень слабо, в некоторых селениях жители вовсе не имели пашен, ограничивались рыболовством. Например, в д. Попадейкиной, что находилась вниз по течению Томи в 15 верстах от Томска, на 45 дворов использовалось 7 неводов, до 300 самоловов, рыбу ловили круглый год, за исключением самых сильных морозов. Весь улов доставляли в Томск в свежем виде. За счет продажи нельмы, хариусов, щуки, окуней, налимов и другой рыбы оплачивались все подати и повинности крестьян.

С Томском было связано и другое доходное занятие: из-за мелководья Томи многие суда часто не могли доходить до города и останавливались вблизи д. Попадейкиной, а жители ее занимались перевозкой товаров в Томск.

В Семилужской волости (5808 чел.) производимого хлеба хватало на пропитание, часть его шла и на продажу. Главными занятиями селян были извоз и ямская гоньба. Ремесла «находились в самом незавидном развитии».

Относительно Уртамской волости (5801 чел.) сообщалось, что в ней «особых промыслов и ремесел нет, но хлебопашество в значительном размере и с порядочною выгодою». Хлеб оттуда сбывался преимущественно в Томск: «скотоводство в хорошем состоянии и способствует к поддержанию довольства жителей». Они занимались сплавом в Томск вниз по Оби, затем вверх по Томи вывозом строевого леса на продажу.

Подгородные крестьяне поставляли на Томский рынок овощи «в изобилии», и цены на них были «довольно умеренные». Овощи можно было купить как оптом для зимних запасов, так и в розницу «каждонедельно в торговые дни».

Главными поставщиками хлеба в Томск были, наряду с Уртамской, Богородская (3653 чел.), Пачинская (3050 чел.) и Тутальская (4887 чел.) волости. Богородские крестьяне занимались рыболовством и сбором кедрового ореха. Пачинские и тутальские – заготовляли и сплавляли в Томск дрова, известь, что давало им «порядочный доход».

Ежегодно с 15 декабря по 15 января в Томске проводилась ярмарка, но денежный оборот ее – 25 тыс. р. серебром – был невелик. Цены Томской ярмарки считались умеренными: пуд ржаной муки стоил 20 к. (в урожайные годы – 6 к.), пшеничной – 30 к., мяса – 1 р., масла коровьего – до 4 р., сажень дров – 1 р. 25 к., 1 тыс. штук кирпича – 6 р., п. железа – 1 р. 60 к., сахара – 16 р., ф. фамильного чая – 2 р., ф. табака – 85 к.

Правда, с возникновением золотых промыслов в Томской губернии произошло заметное вздорожание цен на хлеб[1].

И все же главная торговля велась не на ярмарке, а на базаре и в магазинах Томска. Центром торговли в городе служил Гостиный двор с 46 лавками, наполненными разнообразными товарами. На базаре, кроме того, имелось 50 лавочек, несколько балаганов, 24 лавки были к услугам покупателей в Биржевом корпусе. Здесь сбывалась, кроме хлеба, рыбы, мяса, масла, меда, кедровых орехов, разнообразная продукция ремесленного производства (дровни, повозки, упряжные дуги, хомуты, колеса), изготовлявшаяся в с. Спасском под Томском, а также в с. Нелюбино.

Торговлей мелочью и съестными припасами на базаре занимались многие жители Томска: торговали здесь краской, железными, бакалейными и так называемыми китайскими товарами. На томский базар поступала и продукция частных семи кожевенных, четырех свечных, трех мыловаренных, двадцати кирпичных заводов. Выделка кожи считалась «не вполне удовлетворительной» вследствие употребления при обработке кожи таловой коры, «не имеющей в себе нужного дубильного вещества». Производившихся ежегодно на частных заводах 4,5 тыс. пудов свеч не хватало на удовлетворение даже городских потребностей. До 20 тыс. пудов свеч поступало на базар с купеческого завода за городом. Магазины и лавки – а их, по свидетельству газеты, насчитывалось не менее сотни – располагались по всему городу в частных домах «под вычурными вывесками», которые не уступали «в затейливости и столичным»[2].

Время от времени в газете давались объявления об открытии новых магазинов в Томске. В марте 1858 г. купцы братья Сорокины известили «почтеннейшую томскую и иногороднюю публику» об открытии ими в каменном флигеле при доме почетного гражданина М.К. Шебалина магазина, «в коем продаются фруктовые, овощные, колониальные, кондитерские и гастрономические товары, табак, папиросы разных сортов, сигары рижских, санкт-петербургских и заграничных фабрик в Гаванне, разнообразные парфюмерные и косметические товары, китайские чаи, сахар и кофе, стеариновые свечи». Объявители сообщили и о своей готовности «удовлетворить всем требованиям лиц», которые удостоят их «своим вниманием, как в отношении товаров, так и возможной умеренности» их цен. Доверие публики гарантировали «оправдать добросовестным исполнением ее требований»[3].

---

[1] *Томские* губернские ведомости (далее – ТГВ). 1858. 26 дек.
[2] Там же. 7 февр.
[3] Там же. 21 марта.

Через несколько номеров «Томские губернские ведомости» извещали, что во вновь открытой П.Г. Медведевым лавке «имеется большой выбор разных галантерейных товаров, как то: дамския манишки, воротнички, рукавчики, шарфы, кокетки, блонды, кружева, ленты, бахрамы, перчатки французския, зонтики, а также помада, духи французския, фуражки, мужския манишки, галстуки, сапоги и галоши, сигары, папиросы и табак известных российских и заграничных фабрик и разныя мелочные товары. Цены на означенныя товары назначены самые умеренные. Лавка находится в гостинном ряду, в бывшей Щекина»[1].

В Сенной части Томска в доме мещанки Хотимской каинский купец 2-й гильдии Моисей Исаевич Прейсман открыл в апреле 1860 г. «папиросную и крошенного курительного табаку» фабрику, на которой «посредством привезенной из Москвы табачно-крошильной машины» изготавливались «из купленных в Санкт-Петербурге и Москве из первых рук, американского… турецкого дробека… табачных листьев, самый свежий табак, разных сортов и по разным ценам папиросы с мундштуками и крученыя». Прейсман также продавал «крошенный курительный американский и турецкий фунтовый табак по весьма сходным ценам». Предполагалась организация «главной продажи» при «вновь открытом заведении виноградными винами и бакалейными товарами» сына М. Прейсмана Дениса в каменном доме купца Михаила Каминера по Большой улице в Воскресенской части Томска[2].

Современники считали, что жизнь в Томске в середине XIX в. была значительно дешевле, чем в других губернских городах России. Но это, похоже, относилось только к тем, кто имел собственный дом, налаженное хозяйство. Оплата квартиры обходилась недешево. Холостые мелкие чиновники за комнату на хозяйском содержании платили по 5–7 р., за две комнаты – 10–12 р. С женатых и семейных за две комнаты без хозяйского содержания брали 7–10 р., за три комнаты с надворными службами – 12–16 р. серебром в месяц. Власти констатировали, что жилье большей частью сдавалось холодное, сырое. Тем не менее приезжие предпочитали останавливаться в частных домах, так как четыре томские гостиницы, существовавшие в середине XIX в., не имели «полного удобства»[3].

Много неудобств доставляла и непролазная грязь на улицах города, в дождь, особенно осенью, они становились не только труднопроходи-

---

[1] *ТГВ*. 1858. 4 апр.
[2] Там же. 1860. 29 апр.
[3] Там же. 1858. 26 дек.

мыми, но и непроезжими. Тогда вместо обыкновенных дрожек и пролеток в Томске использовались длинные дроги. В солнечные дни, когда грязь просыхала, нечем было дышать из-за клубов поднимаемой ветром пыли. Тротуары были проложены только по главным улицам, и лишь улицы освещались фонарями[1].

Летом 1858 г. были проведены работы по благоустройству города[2].

Много внимания на страницах «Томских губернских ведомостей» уделялось различным сюжетам, касающимся развития народного образования. Подробно было описано важное событие в культурной жизни города – открытие Духовной семинарии. Вопрос об открытии в Томске Духовной семинарии поставил еще в 1826 г. первый епископ Томский преосвященнейший Агапит. Но его замысел осуществился лишь в 1858 г., и 21 сентября в Благовещенском кафедральном соборе состоялся торжественный молебен. Перед молебном из архиерейского дома была принесена считавшаяся чудотворной икона Божьей матери и икона Святителя Иннокентия Иркутского, которой Преосвященнейший Парфений благословил новую семинарию. Затем по главной улице города свершился крестный ход к зданию духовной семинарии. Стройное пение архиерейского хора, исполнившего церковные гимны, духовенство в светлых ризах, с крестами и иконами, окропление «святой водой» здания и всех молящихся в присутствии его преосвященства Парфения, духовенства, именитых граждан Томска оставили глубокий след в памяти свидетелей этого события[3].

К 60-м гг. XIX в. относится начало решения вопроса об открытии училища «для девиц»[4].

В ноябре 1860 г. «Губернские ведомости» объявили об открытии в Томске воскресной школы. Всех «без различия возраста» желавших учиться «закону Божию, русской и славянской грамоте, арифметике и черчению» приглашали собраться 27 ноября к поздней обедне в Богоявленскую церковь. После обедни всем вместе предлагалось отправиться в губернскую мужскую гимназию, «что в доме госпожи Гуляевой, отслушать там молебен и с Богом начать учиться». Открытие воскресной школы благословил преосвященнейший Парфений[5].

---

[1] *ТГВ*. 1858. 7 февр.
[2] Там же. 26 дек.
[3] Там же. 14 нояб.
[4] Там же. 1860. 24 июня.
[5] Там же. 1858. 18 нояб.

Страницы «Томских губернских ведомостей» доносят до нас и то, как томичи проводили свой досуг, как удовлетворяли свои духовные потребности.

Среди праздников, которые отмечались жителями города, важное место занимала встреча Нового года. Люди высшего круга встречали его «за столом с бокалами шампанского в руках, высказывая при этом друг другу свои благопожелания и думая про себя о своих надеждах и опасениях». Жители «средней руки» тоже собирались «в большие или меньшие кружки», пили в 12 часов «не из бокалов, а из рюмок, и не шампанское, а вино более скромного названия: мадеру, херес или же наливку домашнего приготовления». Третьи пили «просто водку очищенную или неочищенную, горькую, сладкую или какую-нибудь другую». Празднование Нового года сопровождалось разъездами по домам «в масках или полумасках, в костюмах хороших и дурных, в национальных и фантастических» тех, кто любили мистификации или были падки «на разнообразие всякого рода».

Молодые женихи и невесты занимались «гаданием во всевозможных видах – и картами, и замораживанием воды, и запором рукомойника, и мерением полов, и подслушиванием под окнами, и кольцами, сеянием просы и т.д.». В сообщении о встрече 1864 г. подчеркивалось, что ушедший год был счастливым для Томска, что он вошел в историю города открытием публичной библиотеки, женской гимназии, начавшегося телеграфного сообщения Томска с европейской частью страны. Выражалось пожелание «видеть в Томске устроенным другое приходское училище – ремесленную школу и мостовые»[1].

С интересом читаются материалы о досуге горожан. Раз в неделю по вторникам устраивались дамские вечера с танцами. Дамы на балах старались не уступать друг другу в богатстве и роскоши своих нарядов и считали за лучшее «остаться дома, чем явиться на бал одетой скромнее других»[2]. По пятницам мужчины из высшего чиновничества играли в карты и бильярд. Вечера проходили в особо устроенном на территории публичного сада просторном доме. В саду стоял и театр, но постоянной труппы в Томске в середине XIX в. еще не было. В начале 60-х гг. не без основания томичи сетовали: «Да, плохо жить в отдаленных местностях: концерты так редки, да и те с грехом пополам. Поскорее хотелось бы видеть здесь порядочный театр!»[3].

---

[1] *ТГВ*. 1864. 3 янв.
[2] Там же. 24 янв.
[3] Там же. 1863. 20 дек.

Спектакли давали заезжие актеры. Желающих посетить спектакли всегда бывало много. Часто в Томске выступали музыканты и певцы, останавливавшиеся здесь, а затем следовавшие в Восточную Сибирь. Почтеннейшую публику забавляли всевозможные фокусники, эквилибристы, акробаты, гимнасты. На Святой неделе устраивались качели, на масленице – ледяные горы и бега по Томи. Купцы имели возможность продемонстрировать роскошь своих экипажей, среди которых встречались «очень хорошие, последней моды – прямо столичные». Тогда можно было увидеть «много карет, колясок, возков, дрожек, пролеток, кабриолетов изящных и богатых, также прекрасных и отличной породы лошадей». Масленица считалась самым лучшим временем для народного увеселения. Во время торжественных праздников бывали великолепные фейерверки и иллюминации.

Народных гуляний за городом не проводилось. Горожане довольствовались общественной рощей, находившейся в самом городе, или прогулками в лагерях (ныне Лагерный сад) во время вступления туда квартировавшего в Томске батальона войск Сибирского отдельного корпуса.

В пасхальные дни из-за грязи в городе не было возможности гулять по его улицам ни пешком, ни в экипажах. Излюбленным местом, где собирались на Пасху горожане, служила Воскресенская гора, уже успевавшая освободиться от снега и обсохнуть. Здесь устраивались круглые качели, балаганы заезжих фокусников, под шатрами раскидывались столы с резными пряниками и орехами. Каждый день гремела батальонная музыка, шарманки потешали публику «разными пискливыми музыкальными пьесами». Народ веселился, затевая игры: бились яйцами, катали их, играли «в орешку» на медные гроши и копейки, иногда на серебряный гривенник. Около шатров с лакомствами устанавливались «колеса фортуны» с выигрышами пряниками. Толпы народа окружали панорамы или райки, показывавшие виды столичных городов и других «интересных для публики картин». Толпу забавляли смешные прибаутки управлявших панорамами. В 1858 г. на третий день Пасхи открылся театр, где заезжая труппа Лазарева давала представления в течение всей недели. Из-за бездорожья других увеселений в городе тогда не было.

Массовые гуляния всегда собирали ребятишек бедных горожан, не имевших денег на лакомство. Им иногда кое-что перепадало. Некоторые господа, накупив пряников, бросали их «на драку», а ребята, опе-

режая и отталкивая друг друга, взапуски бежали за пряниками, подбирали их из грязи без всякого разбора[1].

Летом томичей манила к себе природа. Сегодня только с чувством щемящей тоски по утраченому можно читать о том, какой была в середине XIX в. Ушайка: «шаловливая и своенравная», извивавшаяся «то широким и быстрым бассейном, то мелким и тихим ручьем, скромно журчащим по камешкам. В долинах и лугах, по разным направлениям, пасутся табуны рогатого и мелкого скота городских жителей, оживляющие пустынную природу своим блеянием, вместе с веселою песнею пастухов, а нередко и мелодическими звуками домашней тростниковой флейты. По берегам Ушайки дети ловят в реке маленьких рыбок, особенно пескарей, которых множество». Каждое воскресенье, в праздничные дни и даже в будни в хорошую погоду можно было видеть «несколько семейных групп, расположившихся на лугу по Ушайке с самоварами. Чистый воздух, благоухание цветов, свобода и непринужденность в расположении, доставляют приехавшим истинное наслаждение – и детям и взрослым. Тут: прогулка по лугу, сбор земляники… веселые игры, ужение рыбы, которым занимаются все: от детей до пожилых, не исключая дам и девиц».

Некоторые горожане предпочитали выезжать на отдых на острова Томи или противоположный берег ее. Владельцы заимок с домами выезжали туда на все летнее время. Из этих заимок наиболее интересными были Степановка, принадлежавшая потомственному почетному гражданину Степану Сосулину, и Басандайка, которой владели потомственные почетные граждане Поповы. Особое восхищение современников вызывала Степановка «с хозяйственными заведениями, великолепною церковью, богатою оранжереею».

Когда читаешь о своем городе тех лет, не одно только отрадное чувство вызывает это чтение. Целый ряд прекрасных зданий, церквей, упоминаемых в газете, исчезли с лица томской земли.

Совершенно очевидно, что со временем что-то само по себе отживает и может остаться только в памяти потомков. Но чем можно оправдать варварство (иначе это не назовешь), совершенное по отношению, скажем, к томскому гостиному двору, придававшему удивительный колорит городу? Сколько бы еще он мог выполнять не осознаваемую нами свою историческую миссию сохранения связи времен, если с ним не могли справиться бульдозеры и его пришлось стирать с лица земли с

[1] *ТГВ*. 1858. 21 марта.

помощью мощнейшей силы взрыва? Тем горше обо всем этом писать сегодня, когда вспоминаешь о том, что вскоре после уничтожения Гостиного двора в Томск пришел очередной номер журнала «История СССР» с перечнем памятников прошлого, имеющих историческую ценность и потому охраняемых законом. В их числе был назван и томский гостиный двор.

Материалы «Томских губернских ведомостей» дают возможность судить о том, как жили, трудились, отдыхали, чему радовались, чем огорчались, к чему стремились наши предшественники. В газетных публикациях оказался сконцентрированным исторический опыт городской жизни, имеющий сегодня и научную, и практическую ценность.

Мир старины родного города захватывает и вместе с тем заставляет задумываться над современностью, особенно в условиях интенсивной застройки городской территории. К сожалению, люди, ответственные за сохранение исторического облика города, похоже, мало задумываются над тем, насколько значима история зданий, в которых жили и производили материальные и духовные ценности горожане в те далекие годы, не понимают, что история зданий не отделима от его экономической, социальной и культурной жизни. Иначе не происходила бы с такой катастрофической быстротой утрата городом его исторического прошлого в процессе появления новых сооружений в соответствии со вкусами новых заказчиков.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТОМСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Организация местного производства в Томске в 60–70-е гг. XIX в.

В пореформенный период Томск вошел в число крупных и быстрорастущих городов. К 1917 г. он уступил первенство в Сибири по численности населения лишь Омску, в котором было 113700 жителей.

Заметно изменился облик города за счет увеличения в нем числа домов с 3111 в 1869 г. до 7382 в 1911 г. Город оставался в основном 1–2-этажным, но с 1866 до 1911 г. число 3-этажных домов в Томске выросло с 5 до 130, 2-этажных с 44 до 2258, общее число квартир – с 14764 в 1880 г. до 16751 квартиры в 1912 г. Во второй половине XIX в. каждые 10 лет население города увеличивалось на 8,5 тыс. человек, с 1897 г. – почти ежегодно на 3000 чел.[1]

Потребности жителей города удовлетворялись за счёт развития магазинно-лавочной, базарной и разносной торговли. Разносчики, сбывавшие товары собственного производства по более низким ценам, составляли серьёзную конкуренцию для торгующих в лавках.

Вторая половина XIX в. была ознаменована интенсивным развитием торговли через магазины.

Сын каинского купца Моисея Прейсмана, основателя в Томске папиросной фабрики, Яков Моисеев Прейсман в 1865 г. открыл здесь магазин «сукна, драпу, ситцу, трика, шелковых материй, атласу, бархату всех цветов, парчи, платков, готового мужского платья, шляпок, капоров». В этом магазине имелся широкий ассортимент мехов и изделий из них. Предлагались покупателям чай, сахар и продукция отцовского заведения – сигареты и папиросы[2].

Братья Сорокины, торговавшие в Томске с 1858 г. в собственном магазине, с 1 января 1870 г. открыли второй магазин «с большим выбо-

---

[1] *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск. Томск, 2000 С. 113–114; *Костров Н.* Статистика недвижимой собственности в Томске // ТГВ. 1867. 5 мая; *Памятная* книжка Томской губернии на 1913 г. Томск, 1913. С. 13, 17.

[2] *ТГВ*. 1865. 8 янв.

ром товаров по ценам умеренным». С июня 1873 г. фирма братьев была ликвидирована с их общего взаимного согласия. Игнатий Сорокин открыл торговый дом «И. Сорокин и К°» совместно с вкладчиками потомственными почетными гражданами Николаем и Иваном Алексеевичами Абрикосовыми[1]. С 60-х гг. XIX в. развернулась торговля в магазине кяхтинского купца 1-й гильдии С.И. Скорнякова, томских купцов 1-й гильдии отца и сына Калининых-Шушляевых. Осенью 1872 г. Е.М. Голованов довел до сведения жителей Томска об открытии торговли товарами широкого ассортимента: шляпами, фуражками, шапками «всех возможных фасонов и достоинств», мужской, дамской, детской обувью «известных фабрикантов», резиновыми галошами, чемоданами, саквояжами, портфелями, «кучерским платьем», перчатками, рукавицами, чулками. Голованов выражал надежду «за добросовестное исполнение своего дела» заслужить местный отзыв о себе и полное доверие публики[2]. Торговый дом братьев Герасимовых известил о получении большого ассортимента товаров русских и иностранных мануфактур, готовой мужской и дамской одежды, перчаток. Предлагались также разнообразные шелковые, шерстяные, суконные, льняные, полотняные и бумажные товары. Гарантировалась «доброкачественность» всех товаров «при умеренных ценах»[3].

С 8 августа 1874 г. объявлялась продажа вина с оптового склада томского купца В. Вытнова по 3 р. 20 к. за ведро «обыкновенной очистки», по 3 р. 50 к. – особой очистки для городских жителей, по 4 р. – высшей очистки, столовое вино – по 4 р. 50 к. – 5 р. Качество вина гарантировалось приготовлением его «без примесей серного газа» на собственном винокуренном заводе, с применением аппарата по системе Фишера и Галле[4]. Томский 1-й гильдии купец винокуренный заводчик, владелец Рафаило-Павловского завода в Томске в 1874 г. открыл оптовый склад вина и спирта в доме его компаньона Р.А. Бейлина. Продажа вина объявлялась по цене 3 р. 20 к. за ведро «при существующих в прочих складах 4 р. за ведро»[5].

По заказу из Костромы можно было приобрести обувь, изготовленную в Варшавской мастерской С.Ф. Рудзкого. При предварительной отправке денег от 50 до 200 р. томские торговцы могли на соответст-

---

[1] *ТГВ*. 1873. 9 июня.
[2] Там же. 1868. 2 февр., 4 окт.; 1872. 7 окт.; 1873. 18 авг.
[3] Там же. 1872. 11 нояб.
[4] Там же. 1873. 10 авг.
[5] Там же. 1874. 16 марта.

вующую сумму получить образцы обуви и оформить заказ на её поставку в Томск. С осени 1879 г. с открытием в Благовещенском переулке Варшавского магазина дамской и мужской обуви первой Варшавской мастерской Германа отпала потребность в пользовании услугами мастерской Рудзкого[1].

Могли вызвать интерес предложения, поступавшие в Томск из Казани. Мастерская детского платья А.В. Пальчинской принимала на себя высылку различных предметов детского и дамского туалета: платья, белья, материй, головных уборов, обуви варшавской и казанской, чулок, перчаток, галантерейных товаров по умеренным ценам. Кроме того, в Казани имелась мастерская, в которой изготавливались классные столы новейших систем, подъёмные классные доски, разнообразные станки для рисования, пособия по черчению, арифметике, геометрии, прикладной механике, фребелевские и «другие в этом роде игры», детские игрушки, подарки детям на праздники[2].

В «Томских губернских ведомостях» иногда появлялись публикации с предупреждением относительно опасности, которая могла исходить от товаров, обработанных отравляющими веществами. В конце 60-х гг. сообщалось о случаях отравления детей конфетами, окрашенными в зелёный цвет мышьяком и медью, конфетами, окрашенными свинцовыми белилами, киноварью (сернистой ртутью). Приводились факты отравления в 1858 г. в Москве из-за употребления мороженого, окрашенного мышьяковисто-кислой окисью меди. Второй случай произошёл в Москве же, в армянской семинарии, в которой отравились 22 человека, съевшие зеленое желе, окрашенное окисью меди, и голубое, окрашенное уксусно-кислой окисью меди.

В 1868 г. был запрещён ввоз из-за границы обоев и легких материй, покрытых мышьяковистыми красками – матовыми и глянцевыми. Запрещалось также производить детские игрушки, окрашенные этими красками, а также окрашивать ими пряники, конфеты, мармелад, пастилу, мороженое. Вместе с тем обращалось внимание на то, что попрежнему продавались пряники, оклеенные сусальным золотом. Нередко дети поднимают обёртки конфет, окрашенные ядовитыми красками и берут их в рот. А родители часто дают сосать конфеты детям в этих обёртках. Дети травились, получая в подарок ящики с ядовитыми игрушками[3].

---

[1] *ТГВ*. 1879. 14 сент.
[2] Там же. 6 янв.
[3] Там же. 1869. 21 февр.

Повторение через много лет запрещения на провоз из-за границы, продажу и производство в России «окрашенных мышьяковистыми красками детских игрушек разного рода и свечей для елок, содержащих мышьяк», являлось подтверждением того, что опасность отравления таким образом продолжала сохраняться[1].

Томские купцы заботились не только о расширении ассортимента привозимых товаров. Они вкладывали накопленные капиталы в организацию производства в различных отраслях городского хозяйства. Потребность в этом диктовалась растущим спросом со стороны жителей Томска, а также приглашениями к участию в торгах.

На 1865 г. Томское общее губернское правление объявило о предстоящих торгах. Для нижних чинов этапных и инвалидных команд Томской губернии предстояло приобрести по 623 пары сапог из черной кожи, онучей из серого сукна, лосиных рукавиц «с шерстяными варежками». Кроме того, для отправки этих вещей в этапные команды требовалось закупить 66 циновок, 22 рогожины, 140 саженей толстых пеньковых веревок, 5 ф. «ушивочных» веревок, всего на сумму в 4127 р. 12 к.[2]

На 1868 г. было объявлено о поставке «к пропитанию» для Томской арестантской роты гражданского ведомства 886 п. мяса, 16 п. масла скоромного или сала топлёного, 56 п. конопляного масла, 97 п. свежей рыбы («щучины»), 1191 п. гороха, 27 п. пшеничной муки, 2100 штук репчатого лука, 3 ведер сметаны, 6 ведер творога, 12 п. крупчатой муки 3-го сорта, 400 штук яиц, 650 п. овса. Вызывались желающие явиться к торгам[3]. На 1869 г. приглашались к поставкам для томской губернской типографии 230 стоп бумаги газетной, 250 стоп – писчей голландской и 75 п. – серой[4]. Большой торг был объявлен на 1873 г. Для духовной семинарии на поставку: 1000 п. ржаной муки, 90 п. «просовой» крупы, 25 кулей крупчатой муки 2-го сорта, 140 п. гречневой крупы, 15 п. гороха, 316 п. мяса, 215 п. рыбы, 45 п. соли, 18 п. коровьего масла, 11 п. постного масла. 9 п. мёда, 310 п. овса, 1090 п. сена, 34 п. сальных свеч, 5 п. уральского мыла, 260 саженей однополенных березовых дров, 16 стоп белой бумаги, 25 стоп – серой, 6 ф. сургуча, 12 ф. чернильных орешков, 6 ф. железного купороса, 3 ф. камеди[5].

---

[1] *ТГВ*. 1892. 30 янв.
[2] Там же. 1864. 10 апр.
[3] Там же. 1867. 17 нояб.
[4] Там же. 1868. 6 дек.
[5] Там же. 1872. 28 окт.

Городская дума приглашала желающих принять участие в торгах «на отдачу в арендное содержание» на 1871 г.: городовых весов, 7 мест под устройство харчевен, 13 мест «збитенного ряду», мест для торговли пряниками и маслом, каменного биржевого корпуса, мест на берегу Томи для торговли в весеннее время, мест в хлебном ряду, места из-под сгоревшего 2-го деревянного корпуса лавок, мест на Базарной площади для торговли мукой, мест в лоскутном ряду от нового моста и около него[1]. Реализация арендного содержания объявленных мест, как ожидалось, должна была в определённой мере внести порядок в торговые дела города, заметно повлиять на сокращение торговли в разнос.

Важное значение для развития экономики города имело открытие новых заведений. Наряду с действующим заводом Прейсмана в 1865 г. заявила о намерении открыть «папиросное заведение» на Большой улице прибывшая в Томск Елагина. Ею гарантировалось производство папирос «разных цен», стоимостью от 10 до 4 р. за 1000 штук. При покупке большими партиями (для перепродажи) обещалась скидка от 10 до 20 % с каждого рубля. «За изящную работу, как и за качество табаков», Елагина ручалась[2].

Конкуренцию для производителей табачных изделий мог составить Зинштейн, открывший близ Ушайки, рядом с оптиком и механиком Рейнвартом в доме Хлебникова заведение. К осени 1869 г. в нём уже имелся большой «выбор папирос из турецких и американских табаков разных сортов и цен» от 2 р. 10 к. до 50 р. за 1000 штук. Для желающих предлагалось приобретение пробного ящика с вложенными в него по 10 штук «разных сортов, форматов и цен», начиная от 1 р. и до 50 р. за 100 штук папирос. На пробный ящик назначалась цена в 2 р. 50 к. При приобретении не менее 10000 папирос обещалась скидка в размере 5 % с каждого рубля. Объявлено было изготовление и нюхательного табака[3].

На салотопенном, свечном и мыловаренном заводах томского купца А. Верхратского в 60-е гг. XIX в. ежедневно производилось более 3000 п. свеч «хорошего достоинства», столько же пудов содового мыла, которое «равнялось добротою мылу уральских заводов»[4].

---

[1] *ТГВ*. 1970. 31 окт.
[2] Там же. 1865. 1 окт.
[3] Там же. 1869. 7 нояб.
[4] Там же. 1867. 17 нояб.

В 60-е гг. XIX в. возникли и винокуренные заводы И.Л. Фуксмана (с 20 рабочими и 19600 р. годового производства), А.Н. Пастухова (с 41 рабочим и 29900 р.), спичечная мануфактура вятского купца И.Е. Овечкина (с 21 рабочим и 7000 р.). Вырос объем производства в кожевенных заведениях И.Е. Еренева (с 31 рабочим и 67000 р.) и И. Вильянова (с 16 рабочими и 44500 р.)[1].

По самым умеренным ценам реализовывались в разных местах Томска «всякого рода водки и наливки» купца 2-й гильдии Ф.И. Акулова. Сам завод и склад располагались в собственном доме купца по Подгорной улице[2].

В 70-е гг. в промышленности Томска продолжало сохраняться преобладание предприятий по обработке животных продуктов, в первую очередь кожевенных. Этому способствовали большой спрос на кожевенные изделия и наличие значительных запасов сырья. Во второй половине 70-х гг. в заведениях И. Воинова, И. Вильянова, И. Еренева, А. Пастухова выпускалось по 30–50 тыс. кож ежегодно на сумму от 100 до 250 тыс. р. каждым.

Заметно ускорилось развитие пищевой промышленности за счет появления мукомольных мельниц братьев Каменских и Е. Исаева. Расширилось производство уже ставшей известной табачной мануфактуры Горбачевых – лучшего папиросного заведения Томской губернии. И. Сорокин со своими компаньонами наладил производство в Томске конфет, миндального и орехового печенья, пирожного, бисквитов для вина, бисквитов-ванили для шоколада, тортов и различных пирогов, мороженого, желе. Продажа объявленных товаров реализовывалась в обоих магазинах торгового дома «И. Сорокин и К°», а заказы принимались на Миллионной улице в доме Тецкова. С разрешения Медицинского департамента в Духовском переулке в доме потомственных почетных граждан Серебрянниковых М. Рейхзелингман наладил производство искусственных минеральных вод, применив машину новейшей конструкции. Лимонады, разные шипучие напитки производства заведения Рейхзелингмана, по его оценке, не уступали «лучшим привозным водам». Он гарантировал, что вода его приготовления «имеет особое свойство: она может простоять годы, не теряя своего достоинства и вполне сохраняет газ и вкус», и по обыкновению уже уверял в умеренности

[1] *Дмитриенко Н.М.* Указ. соч. С. 152–153.
[2] *ТГВ*. 1870. 28 февр.

цен, благодаря чему «каждый может иметь у себя дома сельтерскую воду и лимонад как в бутылках, так и особенных сифонах»[1].

Московский портной Константин Данилов сначала открыл свое заведение в доме Алексеева, затем перевел его в собственный дом против городской рощи. Заказы поэтому подешевели. Они принимались на изготовление фрачной, сюртучной пары, мундиров, пиджаков, брюк и жилетов, пальто на вате и без ваты, шубы, шинели на вате и без ваты, крылатки с подкладкой и без подкладки. Данилов гарантировал выполнение заказов «в самом отчетливом виде и по последним парижским журналам»[2].

В те же годы делались шаги, направленные на организацию производства в Томске стекла, стеклянной, хрустальной и аптечной посуды. Нарымская купчиха Э. Розенбаум наладила изготовление разноцветных спичек в Сенной части Томска. Гласный городской думы В.Н. Вытнов заявил о своей готовности в направлении к Нелюбинской волости на земле, принадлежавшей городскому обществу, «устроить мукомольную мельницу или другое какое-либо заведение». Больше он склонялся к устройству мельницы, исходя из того, что «как жители города, так равно и крестьяне нуждаются в помоле зернового хлеба». Вытнов полагал, что, узнав о появлении мельницы, крестьяне охотно повезут на базар продавать хлеб зерном, а жителям города выгодно будет приобретать хлеб зерном, а не мукой и молоть его на мельнице. Вытнов просил разрешить ему «устроить такую мельницу на свой счет, для чего уступить ему землю под постройку мельницы» сроком на 40 лет с обязательством платить в доход города арендную плату 15 р. в год. Городская дума постановила: «провести городскому архитектору к тому освидетельствование просимого Вытновым места с его участием», посмотреть, не будет ли «чрез устройство плотины» после засыпки берегов с обеих сторон речки Нестоянного озера «заливать водою ближайшие сенокосные городские луга, отдаваемые частным лицам в оброк, чтобы затем еще раз рассмотреть вопрос в думе»[3].

В заведении Екатерины Павловны Бельской уже на протяжении 10 лет «по самым последним модам» выполнялись заказы на изготовление «шляп, чепчиков, уборов и прочих дамских нарядов». Добросовестным исполнением запасов, «вкусом отделки» владелица мастерской уже заслужила внимание «почтенной публики». Желая еще больше угодить

---

[1] *Дмитриенко Н.М.* Указ. соч. С. 153; *ТГВ*. 1874. 13 июня; 1876. 22 мая.

[2] *ТГВ*. 1876. 22 мая.

[3] Там же. 1867. 20 янв.; 1869, 18 апр.; *Свод* постановлений Томской городской думы с 1871 по 1873 г. (далее – Свод постановлений…). Томск, 1887. С. 53.

своим клиентам, Бельская пригласила из-за Урала «ученую мастерицу для шитья как сказанных уборов, так и платьев, шуб и прочих нарядов для дам». Заказы принимались и на шитье мужских сорочек. Кроме того, жителям города предлагались готовые и шились на машине «бумажные и суконные чулки, носки, шарфы, платки, косынки, фуфайки и все, что могло быть востребовано заказчиками «по весьма умеренным ценам». В мастерской, находившейся на Обрубе, заказы принимались и от иногородних[1].

Высокое качество виноводочных изделий признавалось за предприятием Фуксмана. Этому же было подчинено использование в 1872 г. парового двигателя в небольшом маслобойном заведении Д.И. Тецкова.

В 1872 г. в Томске заработала иконостасная, иконописная и ризочеканная мастерская И.А. Панкрышева – первое подобного рода предприятие в Сибири.

В слесарных мастерских А. Иванова, А. Стефаненко, Н. Никифорова, канатном заведении Н. Баранчукова, кожевенных мастерских И. Еренева, И. Воинова, колбасного предприятия А. Фильберта производилась продукция, пользовавшаяся постоянно растущим спросом у жителей города[2].

Некоторые мастера проявляли изобретательность. Занимавшийся в Томске «часовым мастерством» крестьянин Семилужской волости из ссыльных Мезгин отличился тем, что собрал часы с особым механизмом. Эти часы он изготовил «в память проезда чрез Томскую губернию Е.И.В. великого князя Владимира Александровича». «За смотрение разными лицами» этих часов мастер собрал 55 р., которые пожертвовал «на расходы лечебницы для больных», за что получил благодарность губернатора[3].

Одаренный мастер медных дел томский мещанин Алексей Григорьев Хтодоренко в 1877 г. изобрел винтовой пресс для оттиска мыла. Освидетельствованный в присутствии членов ремесленной управы пресс был признан «по чистоте отделки и отливки медных и железных вещей» и «по приспособлению его к делу вполне удовлетворительным». Автор изобретения был награжден похвальным листом[4].

Конец 70-х гг. XIX в. явился временем наивысшего подъема промышленного производства в Томске. В последующее время оно стало

---

[1] *ТГВ*. 1878. 14 окт.
[2] *Дмитриенко Н.М.* Указ. соч. С. 149, 153; *ТГВ*. 1874. 16 марта.
[3] *ТГВ*. 1873. 6 окт.
[4] Там же. 1877. 24 сент.

сокращаться. Это было вызвано факторами местного рынка. В результате финансовой несостоятельности ряда крупных промышленников в Томске закрылись принадлежавшие им сравнительно крупные предприятия (Е. Исаева, Горбачевых, Н. Минского). Заметно уменьшилось количество выделываемых в городе кож, других продуктов переработки животного сырья[1].

«Вооружить труженика соответственно его занятиям полезными сведениями»

Спад промышленного производства в Томске совпал с общим состоянием экономической конъюнктуры в Сибири и в целом по стране. Не случайно именно тогда проявилось внимание правительства к «народному труду». Для выяснения его общего состояния было учреждено Общество народного труда. Основанием для его создания явилась парадоксальная ситуация. В России – «стране по преимуществу земледельческой, где 43 млн населения имеют в земледелии главный источник существования», почти не было доступных народу сельскохозяйственных школ. Городские ремесленники были вынуждены довольствоваться приемами и образцами, унаследованными от предков. Им неоткуда было узнать, как сделать свой труд более успешным и прибыльным. Этому можно было научиться в ремесленных школах, но их или не было вовсе или было слишком мало.

Сельские и городские народные училища давали лишь начальное образование. Они не могли оказать нужного влияния на изменение условий народного труда к лучшему. «До сих пор, – отмечалось в проспектах комитета, – в нашем отечестве поражает прискорбная несообразность: при изобилии естественных богатств в стране масса населения не только лишена достатков, но во многих местах претерпевает нужду и лишения… на каждом шагу приходится убеждаться, как беспомощен наш простолюдин перед самыми незначительными препятствиями на его трудовом пути… как много труда пропадет бесследно и для страны и для самого труженика. К какой бы отрасли народного труда мы ни обратились, всюду встречается та же малая производительность усилий, то же незнакомство с самыми обыкновенными усовершенствованиями в работе, которые способны были бы и облегчить ее и сделать более скорою и прибыльною».

---

[1] *Дмитриенко Н.М.* Указ. соч. С. 153–154.

Отсюда вытекала настоятельная необходимость «вооружить труженика соответственно его занятиям полезными сведениями». Об осознании такой необходимости громко заявлялось в общественных управлениях, частных собраниях, в печати, учебных обществах, правительственных учреждениях. В пользу этого же высказывались участники прошедших во многих регионах страны незадолго до учреждения Общества народного труда сельскохозяйственных съездов. На их заседаниях ставился вопрос о необходимости «улучшения условий крестьянского хозяйства путем распространения ремесленно-земледельческих и рукодельных школ». В этом деле предстояла огромная работа.

14 мая 1881 г. император наложил резолюцию на записку учредительного Общества: «Совершенно разделяю эту благую мысль и желаю искренно полного успеха».

Учредители Общества ставили задачу «служить связующим звеном между разрозненными начинаниями отдельных деятелей и учреждений, оказывая им содействие». В исключительных случаях предполагалось открытие и содержание на его средства образовательных и вспомогательных учреждений, где «местный почин и средства окажутся недостаточными».

Главной сферой деятельности Общества считалась подготовка в основанных им школах необходимых для этих учреждений руководителей, учителей, мастеров. Естественно, это было выполнимо при условии наличия достаточных средств. Предполагалось издание руководств, учебников, инструкций. Членами Общества на местах могли быть отдельные частные лица, общественные и сословные учреждения. Местом Главного управления был определен Санкт-Петербург. Со всем вышеизложенным 11 декабря 1881 г. были ознакомлены гласные городской думы.

Комитет учредителей Общества просил доставить сведения по следующим пунктам:

1. Какие занятия или промыслы распространены среди местного населения.

2. Какие меры по местным условиям могли бы оказать наиболее действенное влияние на улучшение народного труда и местных промыслов.

3. Какие из намеченных Обществом образовательных и вспомогательных учреждений признаются наиболее необходимыми и могли бы прежде всего получить осуществление.

4. Имеются ли на месте деятели, способные лично оказать содействие осуществлению этих учреждений.

5. Какие и в каких размерах могут быть изысканы для этого местные средства.

6. Для образования капитала Общества предполагалось открытие пожертвований деньгами и недвижимым имуществом (помещениями, усадьбами, земельными участками).

На основании предложения губернатора от 20 марта 1884 г. и городского головы от 29 марта городская дума постановила: просить горожан о вступлении в Общество улучшения народного труда. При этом подчеркивалась очень важная задача, которую предстояло решить с учетом целей Общества. Для Томска устройство ремесленного училища признавалось и необходимым и выполнимым. В городе имелся для этой цели капитал в 40000 р.

Было принято решение об избрании из гласных особой комиссии для всестороннего обсуждения предстоящих дел и просить ее дать свое заключение в думу.

В комиссию были избраны Г.К. Тюменцев, Б.П. Шостакович и Н.А. Булыгин.

Чего не хватало сибирякам, чтобы пользоваться произведенным на месте?

Одновременно с разработкой мер к более продуктивному хозяйственному развитию Сибири со стороны правительства проявилось стремление выразить взгляд на самые существенные вопросы изнутри, в самой Сибири.

Автор объемной публикации аналитического характера «Промышленность в Сибири», помещенной в «Сибирском вестнике», считал первостепенной задачей для Сибири вытеснение из нее привозной продукции. Для этого требовалось обратить главное внимание на развитие обрабатывающей промышленности.

В качестве примера приводился опыт Америки. Автор писал: «Америка старше Сибири неполным столетием, а всевозможными обработанными произведениями ея буквально завалены все европейские рынки, так что в отношении промышленной производительности, во многих случаях Европа не в состоянии выдержать с ней конкуренции». Стремительное развитие промышленности в Америке оказалось возможным «благодаря предприимчивости и энергии людей, которые так же как

первые русские жители Сибири пришли в совершенно чужую им страну, но пользуясь внутренним богатством ее, не ограничились одною грубою, хищническою эксплуатацией, а почти сразу начали обрабатывать все, что находили в новом своем отечестве».

В Сибири «же главные продукты народных промыслов… вывозятся необработанными, а взамен их большею частию, получается забракованный и лишний в Европейской России [товар]». Открытым остается вопрос «об улучшении и развитии сибирского металлического дела… Вся остальная промышленность, кроме недостатка предприимчивости, в развитии своем не встречает никаких препятствий, а между тем она также еще в колыбели».

Отмечалось, что Сибирь своего сырья почти не обрабатывает, из производимого на месте можно говорить только о муке и водке, «все же остальное, – писал автор, – приготовляется в размерах, далеко не удовлетворяющих требования всего населения, ни по количеству, ни по качеству». Почти не развитым был скорняжный промысел, в Сибири получила развитие только местная выделка «отличных черненных шуб», изготовление которых начинается в Томске. К началу 80-х гг. XIX в. в Томске появилось несколько приезжих скорняков. Но они пока ограничивались исполнением немногих частных заказов. Хороший мех, обработанный на месте, оставался редким исключением.

Получалось так, что сибиряку выгоднее было купить шубу в Москве, чем в Томске. Чтобы «попасть к нам в виде меха, шкурка убитого в Томской губернии зверька должна проехать взад и вперед 10–15 тыс. верст и пройти через несколько рук купцов и ремесленников».

Автор задавался вопросом: «Чего же нам недостает, чтобы пользоваться и торговать сибирскими мехами, обработанными на месте?» Ответ на него был кратким и, представляется, объёмным: «… недостает только предприимчивости… первый серьезный шаг, сделанный в этом направлении, неминуемо дал бы хороший результат как для производителя, так и для потребителя». Основание заводов по обработке пушнины привело бы к тому, что «в течение весьма непродолжительного времени Сибирь, отправляя излишек своей пушнины в виде обработанного ценного товара», могла бы получить «для себя большую экономию» и дать «заработок значительному количеству своих людей». И как убедительно замечал автор по данному сюжету: «Грешно сибирякам носить чужие шубы, пора бы уже начать шить свои».

Не менее аргументированными представляются его размышления по поводу возможностей для развития других отраслей производства

продукции, которая тоже могла бы создаваться на месте: «Обувь мы носим из всевозможного – Петербургского, Кунгурского, Гамбургского, Варшавского товара, одежду и белье тоже, ездим на казанских тарантасах, металлические изделия получаем с Урала, посуду – со всей России» и т.д. «Высшие сорта шелковых, шерстяных и льняных материй Сибирь сама заготовлять не может; вследствие своих климатических условий не в состоянии производить в достаточном количестве необходимых для этого сырьевых материалов, но перерабатывать на месте значительную часть своего сырья хотя бы первоначально для местного только потребления вполне возможно» – насколько современно это замечание автора второй половины XIX в.!

Ежегодно в то время из Сибири отправлялось громадное количество кож, а собственно сибирские кожевенные производства находились «на той же точке замерзания, как и скорняжные». Обработкой кожи занимались в основном крестьяне. Незначительное количество производимых ими желтых дубленых и сыромятных кож использовались в основном на крестьянскую упряжь.

Примером для Сибири в целом и для Томска в частности мог бы стать Кунгурский уезд, «один из самых бедных уездов Пермской губернии», в котором «существует множество кожевенных заводов, снабжающих Сибирь порядочным товаром». И вновь ставится само собой напрашивающийся вопрос: «…почему же у нас до сих пор нет ни одного подобного заведения?»

В больших количествах из Сибири вывозилось сало. Но заводов по производству стеариновых свеч здесь не было, и даже самое простое мыло завозилось из-за Урала. Автор привел пример построенного около Екатеринбурга завода Губарта и К°, производившего из местных продуктов стеариновые свечи. Завод этот, несмотря на его небольшие размеры, «действовал весьма успешно, так что губартовские свечи, в течение нескольких лет, кроме местного потребления, приобрели себе известность в Иркутской и даже Нижегородской ярмарке». И снова вопрос, заключающий размышления автора: «Отчего бы не устроить еще несколько таких заводов в Сибири? Ничего, кроме предприимчивости, для этого не нужно. О деньгах не может быть и речи – они найдутся». Автор был прав, говоря о том, что «долго и много пришлось бы говорить, перечисляя те продукты, которые Сибирь получает извне, имея полную возможность приготовить их у себя. Невозможно высчитать, сколько денег переплачивается за одну лишь перевозку туда и обратно, не говоря уже о самой обработке товаров».

Самым лучшим доказательством крайней нужды Сибири в развитии местной промышленности является действие немногих открывшихся частных промышленных заведений. Некоторое оживление отмечено автором в стекляном производстве, хотя первые стекольные заводы давали стекло и посуду «низших сортов». Перечень промышленных заведений в Сибири пока остается очень малым. «За исключением водочного производства, остальная промышленность поражает своей незначительностью, в сравнении с численностью народонаселения и его потребностями. Вместе с тем обороты существующих заводов явно доказывают, что всякое промышленное дело в Сибири, если только иметь целью доставить стране доброкачественный продукт, сразу находит поддержку в публике, покупающей его произведения, а потому следует желать и советовать, чтобы предприимчивые люди со специальными познаниями… употребляли силы и капиталы для поднятия местной обрабатывающей промышленности»[1].

О мерах к поощрению кустарных промыслов

В середине 80-х гг. XIX в. в «Сибирском вестнике» появилась очень интересная и важная публикация. Она свидетельствовала об осознании правительством необходимости поддержки кустарной промышленности. В течение достаточно длительного времени по линии департамента земледелия и сельского хозяйства Министерства государственных имуществ и торговли и мануфактур, Министерства финансов состоялось обследование современного в тот период состояния в России, говоря сегодняшним языком, малого бизнеса.

Богатый материал, собранный Министерствами, был передан на рассмотрение специальной комиссии. Она выработала целый ряд мер «к поощрению повсеместно в империи кустарных промыслов». Важнейшим и результативным из них оказалось разрешение кустарям образовать свои специальные артели «для выделки всевозможных изделий кустарного производства».

Кустарным мастерам предоставлялось право создавать артели «из лиц всех сословий», достигших 17 лет и «неопороченных по суду». Артель могла считаться состоявшейся с числом членов ее не менее 20 человек. Она имела право продавать свои изделия на ярмарках и в особых складах. Артели давалось право на прием подрядов и заказов от казен-

[1] *Сибирский* вестник (далее – СВ). 1885. 12 дек.

ных и общественных учреждений, а также на нее возлагалась ответственность за исполнение принятых обязательств перед заказчиками[1].

Задача развития и улучшения качества кустарных изделий в Томске задолго до заметных сдвигов в производственной деятельности томских ремесленников ими самими начинала осознаваться все отчетливее.

На их собрании, состоявшемся 2 ноября 1886 г., наряду с обсуждением новых правил выдачи ссуд особое внимание было обращено на общее состояние производства ремесленных изделий в Томске.

Большую обеспокоенность ремесленников вызывал процесс вытеснения производимых в городе изделий привозными. Причина этого объяснялась и тем, что «никто не заботился, – как отмечалось на собрании, – о нашем ремесленнике». Он, не имея средств «сделаться мастером-хозяином», вынужден был поступать в работники, часто даже к не знающему своего мастерства хозяину. А наниматель и не заботился об улучшении изделий, выходивших из его мастерской. Вся конкуренция между владельцами ремесленных заведений сводилась к переманиванию у других владельцев лучших мастеров с выдачей им денег вперед.

Не всегда предоставление ссуды владельцам ремесленных заведений из общего капитала ремесленного цеха было связано с тратой ее на улучшение самого производства. Часто получившие ссуду находили более выгодным «оставить мастерство и заняться торговлей, не выходя из цеха».

По новым правилам, разработанным специальной выбранной ремесленниками комиссией, право на получение ссуды имели только те ремесленники, которые не переставали заниматься ремеслом.

Уже тогда была высказана мысль о необходимости «ремесленному обществу… позаботиться об открытии склада местных ремесленных изделий, куда ремесленники могли бы доставлять свои изделия для продажи». Представлялась важной реализация таким образом изделий ремесленников через склад. Из вырученных денег нуждающиеся могли бы из кассы получить ссуду. Такой склад при отсутствии в городе магазинов произведений «местных ремесленников», мог бы приобрести большое значение и повлиять на улучшение самого производства.

Но тогда еще не пришло время открытия такого склада в Томске.

Практическое решение собрания ремесленников пока было связано с порядком выдачи ссуды томским мастерам, являвшимся членами ремесленного общества.

---

[1] *Сибирская* правда (далее – СП). 1885. 12 дек.

2 ноября 1886 г. было решено выбрать 5 депутатов с предоставлением им права выдачи ссуд «по установленным правилам». Депутаты могли собираться либо еженедельно, либо по мере надобности, что должно было обеспечить выдачу ссуды «значительно скорее».

Но с годами решающее значение приобретала проблема создания артелей ремесленников с главной задачей не только организации производства изделий улучшенного качества, но и их реализации на условиях, выгодных как для производителей, так и для покупателей – жителей Томска[1].

В корреспонденции, опубликованной осенью 1886 г. в «Сибирском вестнике» под рубрикой «Чем мы живы?», сообщалось, что «в среде ремесленного сословия бродит пока еще не ясная мысль об учреждении магазина-склада, куда ремесленники могли бы доставлять изделия для продажи, причем нуждающимся предполагалась выдача ссуды в размере, равном стоимости представленной вещи или несколько менее».

Первой в городе возникла артель портных. В феврале 1905 г. состоялось обнародование устава этой артели. Ее члены должны были работать в артельной мастерской с 7 часов утра до 8 часов вечера с перерывами на обед с 12 часов дня на 1 час и на вечерний чай – на полчаса.

При вступлении в артель вносился 10-рублевый взнос. Членам артели запрещалось принимать заказы с их исполнением на дому. За нарушение этого правила предусматривался 50-рублевый штраф. За неявку на работу без уважительной причины делался вычет, по уважительной причине выплата полагалась в течение месяца и еще в размере половины в течение следующих 2 месяцев. Позднее члены артели были обязаны полученное возвратить по частям. Члены артели являлись собственниками всего артельного имущества.

Через каждые 2 года член артели имел право на полуторамесячный отпуск с оплатой лишь двух недель отпуска.

В случае проявления нерадивого отношения к работе «ленивый» член артели должен был заплатить штраф в размере дневного заработка, во второй раз – в тройном размере заработка, в третий раз должен был изгоняться из артели. Немедленно исключались из нее уличенные в воровстве, пьянстве[2].

Второе томское ремесленное общество обратилось весной 1908 г. в кустарный отдел департамента земледелия с просьбой «для выработки

---

[1] *СВ*. 1886. 17 февр.
[2] *ТГВ*. 1905. 17 февр.

наиболее красивых и прочных изделий» выслать ему рисунки стильной мебели, плетеных, железных, жестяных и токарных изделий, а также рисунки по резной отделке домов и оград». Обществом сообщалось о намерении со временем «принять на себя посредничество в приобретении материалов».

В Томске живо интересовались всем новым в организации ремесленного производства и, что очень важно, путями реализации изготовленных изделий. Когда стало известно о том, что в Москве открылся музей кустарных изделий, который «торгует очень хорошо», члены ремесленного товарищества задумались: «Может быть, у нас, при отсутствии магазинов, в которых можно найти произведения местных ремесленников, например столярные изделия, такой склад будет иметь гораздо более значения и повлияет на улучшение самого производства»[1].

Длительное время жители Томска испытывали большие неудобства при желании оформить интерьер своего жилища. Горожан не без оснований заботили нереализованные возможности, какими располагала Сибирь для развития промышленности. «Квартиры даже не бедных людей, – сообщал «Сибирский вестник» в 1886 г., – убирались… скверной мебелью. Что за удивительные фасоны кресел, какие столы, шкафы! Не только купленные на базаре, но и сделанные на заказ, они поражали своим безобразием». Уже тогда понималась ненормальность положения: спрос на мебель в Томске, крае, богатом лесом, удовлетворяли за счет привоза мебели из европейской части страны.

В 80-е гг., оказывается, что-то из мебели продавалось только по пятницам на базаре, приходилось «бегать по столярам» или дожидаться распродажи, когда можно было приобрести стол или комод «по случаю». Поэтому зревшая среди ремесленников идея возможности использования опыта московских собратьев, изделия которых стали реализовываться через только что открытый музей кустарных промыслов, представлялась перспективной и осуществимой.

С открытием в Томске склада ремесленных изделий горожане получили возможность приобретения самых разных товаров. К их услугам предлагались «мягкая мебель, бамбуковые буфеты, гардеробы, комоды, столы разные, стулья плетеные, балалайки, готовые брюки, дамские жакеты, прочные и дешевые кровати, шорные изделия, сундучки, «комнатные ледники», умывальники, оригинальные, удобные для кабинетных работников вращающиеся этажерки, ванны, головные уборы и дру-

[1] *СВ*. 1886. 24 окт.

гие изделия талантливых мастеров Брувера, Володовского, Никифорова, Рыкуляна, Рогожина, Ошина. Работавший в мебельном заведении Матушевского старшим мастером по изготовлению мягкой мебели Демченко открыл свое дело и стал принимать заказы на мягкую мебель «всевозможных моделей, фасонов и фантазии, драпировок, чехлов, пружинных и волосяных матрацов, переделку мягкой мебели» по адресу проживания по Никитинской улице, 43, кв. 10. Скорняк Гуревич выполнял заказы по выделке, подборке, окраске разных мехов, очищению их от моли.

Не исключено, что ушедший в феврале 1908 г. из заведения Матушевского Демченко через месяц стал членом ремесленного товарищества. Изделия его работы уже были выставлены на продажу в складе товарищества в 20-х числах марта.

При знакомстве читателей «Голоса Томска» с выставленными для продажи вещами в магазине товарищества ремесленников с сожалением отмечалось отсутствие обуви. С наступлением весны на нее ожидался большой спрос. «Поэтому очень желательно, чтобы товарищество постаралось заполнить этот недостаток», – давалась рекомендация газеты. В другой публикации обращалось внимание на то, что «ощущался недостаток в дешевом платье и белье, на которые есть спрос»[1].

Деятельность товарищества ремесленников стала заметным подспорьем в удовлетворении потребностей горожан. Традиционным товаром стала разнообразная высокого качества мебель, продававшаяся на 10–15 % дешевле, чем в местных магазинах. Постепенно стал обеспечиваться прием заказов на все ремесленные изделия с гарантией их «доброкачественности».

Только за неполных 9 месяцев с открытия склада в 1908 г. было продано товаров на 4496 р. (при поступлении их на сумму в 10056 р.).

Товарищество ремесленников выполнило заказ по ремонту железнодорожной мебели. Изготовление мебели для строившейся тогда окружной психиатрической больницы в Томске дало доход свыше 4 тыс. р. Похоже, что это был первый случай поставки в казну изделий производителя при содействии общественной организации без какого-либо посредничества.

Главным результатом деятельности ремесленного товарищества, артелей стало увеличение объема производимой продукции, насыщение местного рынка товарами, что иногда создавало конкуренцию даже для

[1] *Голос* Томска (далее – ГТ). 1908. 17 февр., 21, 25 марта.

крупных торговых фирм. Владелец крупнейшего в Томске мебельного магазина Рукавишников очень скоро почувствовал себя не совсем спокойно, когда томичи получили возможность приобретать мебель хорошего качества на складе ремесленного товарищества дешевле, чем в его магазине[1].

Во время строительства здания главного корпуса университета строительная комиссия воспользовалась услугами известного в Томске мастера-столяра Голинского, заключив с ним контракт на покрытие полов и изготовление 400 дверей. Столярные работы в церкви Петра и Павла выполнял мастер Лопухов[2].

Большая часть ремесленников была занята в организации производства и реализации произведенной продукции будучи членами ремесленного товарищества. В период начавшейся активной деятельности объединения ремесленников Томска в печати в качестве примера для подражания была помещена статья, взятая из «Московских губернских ведомостей». В ней читателям Томска сообщалось об интересном опыте жителей Суздальского уезда. Они, оказывается, по инициативе зажиточного крестьянина Хромова, решили в своем селе Круглове открыть ткацкую фабрику на товарищеских началах. На общем сходе крестьяне постановили, чтобы каждый пай стоил не более 100 р., одно лицо могло приобрести несколько паев и один пай в складчину могли приобрести несколько крестьян. Те, у кого не было денег в наличии, приобретали пай, продав скот. В короткий срок товариществом, располагавшим «складочным» капиталом в размере 60000 р., было начато строительство фабрики на 200 станков.

Жителям Томска об этом сообщалось весной 1908 г., а летом этого же года планировалось фабрику «пустить в ход». Крестьяне-пайщики были хозяевами фабрики, ее рабочими и служащими. Они не обошлись и без посторонних лиц, для пользы дела пригласив опытного управляющего и механика. В публикации речь шла об инициативе сельских жителей, однако важно значение инициативы и предприимчивости, которые имели огромное значение в экономическом развитии каждого региона.

В 1909 г. ожидалось проведение Всероссийского съезда потребительских товариществ в Москве. На случай, если бы удалось отправить для участия в его работе делегатов от Томска, предполагалось внесение

---

[1] *ГТ*. 1908. 3 апр., 5, 21, 25, 27 марта, 27 июля, 2, 22 авг., 30 сент., 29 окт.

[2] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. Томск, 1903. С. 860–862; *ГТ*. 1908. 1 марта.

ими на съезде предложения об учреждении в Москве, при одной из кооперацией, специального бюро для выполнения функций посредника в снабжении кустарей и ремесленных товариществ материалами. Не дожидаясь открытия съезда, члены томского ремесленного товарищества весной 1908 г. выступили инициаторами постановки вопроса об открытии вышеуказанного специального бюро в Москве.

На весну 1909 г. планировалось и открытие в Москве Всероссийской «художественно-промышленной выставки мебели, декоративных работ и принадлежностей домашней обстановки». Редакция «Голоса Томска» ставила вопрос о целесообразности и томским ремесленникам послать на выставку «экспонаты своей работы».

Обсуждение этого вопроса прошло на одном из заседаний городской думы, но никакого решения по нему принято не было[1]. То есть вопрос о возможности участия томских ремесленников в предстоящей выставке остался открытым.

В хозяйственной жизни дореволюционного Томска заметную роль сыграла частная инициатива булочников, пряничников, мясников, колбасников, маслобойцев, скорняков, кожевенников, мыловаров, шорников и мастеров других специальностей. Все они, пусть далеко не полностью, но все же удовлетворяли потребности жителей губернского центра. В полной мере они удовлетвориться могли тем, что производилось и привозилось в город крупными предпринимателями.

Развитие частного предпринимательства в конце XIX – начале XX в.

О роли частного предпринимательства в развитии города свидетельствует вся его история. В частности, в период упоминавшегося строительства здания главного корпуса университета очень заметно выросли цены на кирпич – с 15 до 18 р. за 1000 штук. Городской голова З.М. Цибульский предложил П.В. Михайлову «устроить вместе завод» для налаживания производства кирпича с целью снижения на него цен. Первоначально отказавшись от сделанного Цибульским предложения, Михайлов затем все же принял его. Открытие завода оказало большую помощь строительному комитету в сокращении расходов на сооружение и устройство здания университета, в выходе «из затруднительного положения» и содействовало понижению цены на кирпич. На второй

[1] *ГТ*. 1908. 27 марта.

год поставки кирпича новым заводом цена на него упала до 12 р. за 1000 штук, а затем даже до 9 р. и ниже[1].

На машинно-кирпичноделательном заводе И.М. Некрасова принимались заказы на фигурный кирпич, разный по прочности (огнеупорный и строительный), фасонный для карнизов и фабричных труб[2].

Существенную роль в экономическом развитии Томска могло бы сыграть открытие чугунно-литейных заводов.

В 1887 г. красноярский мещанин Антон Степанов Чернышев получил разрешение на изготовление колоколов в течение 10 лет на пустопорожнем месте в городском выгоне против Вознесенского кладбища. В самом конце XIX в. на углу Малой Подгорной улицы и Белозерского переулка было разрешено содержание чугунно-литейного завода дворянину И.М. Саблинскому[3].

Но в целом железоделательное производство в Томске было развито очень слабо. Дверные, оконные, печные приборы, газовые, свинцовые трубы, листовой свинец, цинк, ванны, нагреватели, чугунные печи, различные приборы в большом выборе, переносные горны, кузнечные меха, железо листовое, котельное и сортовое в Томске продавалось не местного производства, а изготовленное на нижнетагильских заводах. Сталь также была привозная – английская инструментальная.

Все вышеназванные товары имелись в магазинах И.М. Некрасова. С годами ассортимент подобного рода товаров расширялся. В магазине на Миллионной улице, 12, в 1915 г. предлагались колокола весом от 10 ф. до 15 п. Изделия зарубежных фирм: весы от 30 до 75 п., жатвенные машины, пожарная машина, плуги, кровельное железо, сортовое, обручное, серпы[4].

Не местного производства, а привозные механизмы предлагались в магазинах П.Н. Рукавишникова и Фельзенмейера.

Осенью 1886 г. в магазине Фельзенмейера можно было взять напрокат механическую капустную машину, которая шинковала капусту «быстро, ровно и чисто». Стоимость проката за 1 сутки составляла 1 р.[5]

На приобретенной в магазине Рукавишникова чулочной машине можно было научиться работать за 10 дней. Приобретенные навыки работы на такой машине, по мнению владельца магазина, могли обеспе-

---

[1] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 860–862.
[2] *ТГВ*. 1897. 9 окт.; *ГТ*. 1908, 27 янв.
[3] Там же. 1899. 17 июня.
[4] *ГТ*. 1908. 27 янв.; *ТВ*. 1915. 19 апр.
[5] *СВ*. 1886. 28 сент.

чить «ежедневный, постоянный, достаточный, добросовестный заработок»[1].

Летом 1886 г. предприниматель из Санкт-Петербурга открыл в Томске заведение с производством штемпелей и печатей, которые до этого заказывались для сибирских городов из Екатеринбурга. Для жителей Томска выпускались карандаши, штемпели, сургучные печати, монограммы. Штемпели предназначались для бланков присутственных мест, счетов, писем, конвертов, визитных карточек, факсимиле, повесток, разных надписей. На предприятии принимались заказы на всевозможные работы «по всем металлам и резьбе печатей». Выполнение работ «по весьма умеренным ценам» обеспечивалось в течение 24 часов. Заведение открылось на Почтамтской улице в доме Рабиновича[2].

Еще один завод каучуковых и металлических штемпелей и печатей был открыт в 1901 г. мещанином из Санкт-Петербурга Ф.А. Талызиным[3].

В 1887 г. у Дальнего ключа функционировал кожевенный завод томского купца А.Н. Пастухова, вложившего в его строительство и организацию производства более 300000 р. Купец Мизгер изъявил желание рядом с предприятием Пастухова построить винокуренный завод. Учитывая несогласие на это Пастухова, городская дума не удовлетворила просьбу Мизгера, исходя из того, что отходы винокуренного завода будут заражать воздух и строительство его создаст опасность в пожарном отношении[4].

В связи с проведением железной дороги чиновник Томского губернского совета Солодеев дважды приглашал в компаньоны для торговли с Китаем, Монголией «даже с небольшим капиталом»[5].

Весной 1885 г. учителя Панов и Туполев обратились с просьбой разрешить им открыть заведение «для производства из древесной серы колесной мази, канифоли и других продуктов» в Юрточной части «в ненаселенной, окруженной пустырями местности». Они гарантировали безопасность в пожарном отношении и то, что вредного влияния на экологию не произойдет. Дума решила уведомить губернское правле-

---

[1] *ГТ*. 1908. 6 февр.
[2] *ТГВ*. 1886. 25 июля.
[3] Там же. 1901, 11 окт.
[4] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 2285.
[5] *СВ*. 1886. 6, 22 июля.

ние, что «к устройству этого заведения препятствий со стороны городского управления нет»[1].

Мыловаренный завод имела купчиха Ульянова. На ее заимке находился кожевенный завод Шморгенера. Мещанка Бродянкина занималась «пряничным производством», пока в январе 1888 г. не сгорел ее дом со всем имуществом[2].

На земле, арендуемой у крестьян деревни Лучановой, в мае 1893 г. кузнецкий купец П.И. Ложников и купеческая жена Л.Д. Быховская открыли совместный кожевенный завод вблизи этой деревни[3].

Из осмотренных в 1893 г. различных заведений Томска 26 имели смешанное производство. На заводах Еренева, Пермитина, Колосова, Ульяновой, Селиванова, Петрова, Борисова, Ларина, Бронникова «топка сала и варка мыла» сочетались с выделкой кож. В 90-е гг. кожевенные, мыловаренные и свечные заводы содержались купцами А. Ильиным, М. Ляпуновым, Н. Нечаевым, крестьянином Пермской губернии И. Кузнецовым, мещанином Барановым[4]. С 1887 г. начало действовать овчинно-шубное заведение купца 2-й гильдии И.Б. Яковлева и ачинской мещанки М.Д. Крайтер[5]. В столярной мастерской Лоскутова принимались заказы от жителей Томска и иногородних на церковные, иконописные работы, изготовление рам, дверей, паркетов, резной мебели, на производство малярных работ с ручательством «на добросовестность». Разнообразная мебель изготавливалась столяром Новицким, а также в столярном заведении крестьянки Е.Е. Лопуховой, в столярной мастерской Кроера[6]. Товарищество «Гольдгамер» на окраине Томска открыло паровую механическую столярную фабрику и лесопильный завод[7].

В 1900 г. мещанин М.С. Кужелев получил разрешение на содержание в Томске завода для изготовления земледельческих орудий[8]. До этого времени Томский казенный склад земледельческих орудий предоставлял «в бесплатное для крестьян пользование машины для очистки и сортировки семян». Приобретенные складом машины были размещены во дворе Королевского ремесленного училища. Крестьяне могли с ними ознакомиться с 6 часов утра до 6 часов вечера, о чем «Томские

---

[1] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 3243.
[2] *СВ*. 1888. 1, 2, 6, 9 янв.
[3] *ТГВ*. 1893. 10 июня.
[4] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 382–385, 856, 885; *ТГВ*. 1898. 19 нояб.
[5] *ТГВ*. 1897. 18 сент.
[6] Там же. 1897. 29 мая; 1898. 22 февр., 27 дек.
[7] Там же. 1903. 13 марта.
[8] Там же. 1900. 23 нояб.

губернские ведомости» сообщили 27 марта 1897 г. В начале мая 1897 г. казенный склад объявил о «приеме на себя доставки разного рода земледельческих орудий как из России, так и из-за границы». Пользуясь скидками цен различных фирм и заводов, «склад при тщательном выборе машин и орудий, доставляет их по значительно дешевым ценам». На складе в то время были предназначенные на продажу различные плуги заводов Воткинского, Рязанского товариществ, англо-болгарские плуги и плуги Красноуфимского промышленного училища, камышловские сабаны, сортировки и веялки работ воткинского завода, уфимских и красноуфимских кустарей, жатвенные машины чикагского завода, австрийские, вилейские косы. Плуги, сбывавшиеся в Томске, производились в начале XX в. в мастерских А.Г. Иванова и Н.П. Черноскутова, в которых было занято соответственно 20 и 12 рабочих[1].

Продолжалось открытие новых салотопенных, свечных и мыловаренных заводов. Один из мыловаров Пермской губернии предлагал томским предпринимателям свои услуги по обучению мыловаренному искусству и производству колесной мази. Мыловар за подписью В.П., имевший благодарности от тех, кого он уже успел обучить обещанному мастерству, гарантировал высылку образцов его работы «белого, желтого, серого и мраморного мыла и колесной мази». Мастер убеждал, что «способ приготовления мыла и колесной мази прост и вполне доступен каждому. Мыловарение очень выгодно, при небольших затратах приносит значительный доход»[2]. В достоверности утверждения по поводу того, что мыловарение – доходное дело, убеждают успехи хозяйственной деятельности купца Верхратского[3].

По Миллионной улице в доме Русакова имел свое красильно-химическое заведение Вильгельм Шейнман. В нем выполнялись работы, связанные с окраской разных дамских шелковых и бархатных платьев. Мужские осенние пальто на вате и зимние на меху красились без распарывания и приводились «в первоначальный, совершенно тождественный с новым, вид и цвет». По образцу подбирался цвет шелковых материй, «совершенно полинявших от времени лежания на выставках в магазинах, целыми кусками». С платьев и других домашних вещей выводились пятна. Восстанавливался первоначальный вид мебели и

---

[1] *ТГВ*. 1897. 1 мая, 18 дек.; 1899, 18 нояб.; 1900. 23 нояб., 14 дек.; 1901. 11 окт.; *О заводах*, о складах земледельческих машин и орудий. Составлено по сведениям за 1903 и 1904 гг. СПб., 1905. С. 111–112.

[2] *ТГВ*. 1898. 12 марта.

[3] Там же. 1880. 27 сент.

окраски матерчатой обивки мебели после выведения различных пятен, также как возвращался прежний вид мехам.

Услугами заведения Шейнмана уже воспользовались многие известные жители Томска, выразившие ему благодарность за высокое качество выполненных работ. Он поименно называл около 20 клиентов, при этом отмечая, что, кроме них, еще многие другие обращались к нему с разными заказами[1].

В 80-е гг. XIX в. выполнялись заказы по пошиву модных дамских нарядов П. Волковой (в доме Минского по Магистратской улице)[2]. В открывшейся летом 1886 г. на Миллионной улице в собственном доме Е.Г. Абрамовой мастерской принимались заказы на дамские платья и пальто. Они исполнялись под руководством опытной закройщицы, приглашенной Абрамовой из Екатеринбурга[3]. На Почтамтской улице в мастерской Шрейбера заказывались военные папахи, шапки, фуражки, дамские шапочки, а также исполнялись заказы для духовного и гражданского ведомств[4]. В шапочной мастерской Огуркера изготавливались по заказам фуражки, шапки, папахи, дамские шапки и муфты по самым новейшим фасонам «скоро, аккуратно и по умеренным ценам», под заказ работал и портной дамского платья Савельев на улице Акимовской[5].

С такой же гарантией скорого, аккуратного выполнения и по умеренным ценам гарантировалось исполнение заказов «на военное и штатское платье» портным А.И. Измайловым[6]. Портной Шапиро шил по заказам служащих и чиновников многих казенных учреждений Томска[7]. Не имея разрешения, содержал в Томске по Спасской улице в доме № 6 модную мастерскую верхнего платья каинский мещанин Исай Моисеев Штейнбук[8]. До перехода в начале 1915 г. на службу в качестве закройщика в торговом доме Бобровниковых имел свою пошивочную мастерскую портной Антон Эглит[9]. По моделям весеннего сезона дамского, мужского, детского платья можно было сделать заказы на пошив в мастерской Вологина, изделия которой выставлялись на продажу в магазине центрального депо. Товар для приема заказов предлагался в этом же

---

[1] *СВ*. 1887. 15 февр.
[2] *ТГВ*. 1885. 25 июля.
[3] *СВ*. 1886. 27 июля.
[4] Там же. 23 марта.
[5] *ГТ*. 1908. 9 нояб.
[6] *СП*. 1910. 6 февр.
[7] *ГТ*. 1908. 13 дек.
[8] *ТГВ*. 1910. 9 июня.
[9] Там же. 1915. 19 февр.

магазине – «товар только лучших фабрик». Знакомство с новейшими журналами, равно как и «копировка моделей», проводились только в мастерской[1].

Заметные успехи были достигнуты в местном производстве кондитерами и изготовителями различного рода прохладительных и горячительных напитков.

Булочник Н.Г. Яров из Солдатской слободы в 1887 г. заявил о своем умении приготовить «из яиц муку и сгущать молоко», которое вполне заменяло привозное из Швейцарии[2]. Яичный порошок и сгущенное молоко использовались им в собственной булочной для изготовления кондитерских изделий.

И.Г. Тихонов в 1880 г. начинал с приготовления булочных изделий, пирожных, тортов, обеспечил производство конфет, шоколада. Со временем магазин Тихонова стал предлагать в большом выборе гастрономические товары, «всегда свежие, почти все необходимые хозяйственные и столовые припасы», всех сортов крупчатую муку, масло (сливочное, горчичное, подсолнечное, конопляное, лампадное, гарное), разнообразные крупы, ягоды: винные, изюм, кишмиш, сабзу, чернослив, финики, вишни, яблоки сушеные, перец «горошчатый», черный, белый, молотый и стручковый, горчицу в разных видах, разный миндаль, ваниль, шафран, кардамон, столовую соль, свечи стеариновые, мыло, соду для белья, чай, сахар, кофе «во всех видах». Все это было из числа привозимых товаров. А из своей кондитерской фабрики всегда были свежие, ежедневно привозившиеся пирожки, печенье к чаю, пряники, коврижки, конфеты, шоколад, другие кондитерские изделия, принимались заказы на их изготовление.

В 1906 г. было объявлено о предстоящем получении балыков белужьих, сельди королевской, ревельской кильки, икры омулевой, кеты и амурской семги.

В следующие годы ассортимент продаваемых в магазине Тихонова товаров пополнился за счет фруктовых компотов в консервных банках, фруктового и ягодного варенья, сотового меда, миндального, сгущенного молока, всевозможных рыбных консервов и «малосолой» семги.

В связи с приближением Пасхи, «во избежание неудовлетворительного спроса» Тихонов предложил оформлять заказы на покупку товаров «заблаговременно, не беспокоясь уплатою денег за них тот час же, ибо

---

[1] *ГТ*. 1908. 29 февр.
[2] *СВ*. 1887. 21 янв.

записанный товар может быть приготовлен и доставлен по назначению в тот день, когда покупатель для расчета может располагать деньгами».

В 1908 г. в магазине имелись в большом выборе вина, водки, наливки, ликеры заграничных и лучших российских заводов, а также, как всегда, всевозможные свежие кондитерские печенья. Осенью этого года поступил «в продажу в магазин Тихонова донской осетровый балык, копченая рыба с Кавказа, крупная архангельская сельдь, колбаса копченая «Московская», «Краковская», омулевая икра. В 1915 г. на фабрике Тихонова была выпущена новая продукция: кофе и какао «в сгущенном виде с миндальным молоком из расчета одной плитки на чашку горячей воды»[1].

В Томске, как сообщала в сентябре 1913 г. «Сибирская правда», побывал представитель одной из фирм Европейской России «для ознакомления с местными условиями конфетного, шоколадного, пряничного и сушечного производства на предмет устройства в Сибири (Томске или Барнауле) этих производств по новейшим приспособлениям» и по ценам, «более доступным покупателям среднего и низшего класса». В публикации отмечалось, что «потребность в устройстве» подобной фабрики, по современным способам приготовления ощущается давно в Сибири, особенно по более или менее удешевленным ценам, так как приобретение товаров в магазинах Тихонова и других кондитеров, конечно, многим жителям города не по карману[2].

Купец Фельзенмейер уделял внимание удешевлению цен на товары своего магазина, но не за счет их низкого качества. Он полагал, что все, «кто твердо знает свое дело», должны считать своей обязанностью «для развития края и для общей пользы стараться развивать сибирскую промышленность, чтобы не впадать в зависимость от тех товаров, которые можно выделывать здесь». В магазинах Фельзенмейера наряду с широчайшим ассортиментом зарубежных товаров, продавались изготовленные им паштеты, стоимость которых составляла 80 к., в отличие от страсбургских паштетов, стоивших 2 р. 85 к. Вкусные паштеты местного производства были к тому же еще и свежее привозных. Привозные товары Фельзенмейер имел возможность продавать дешевле, чем они стоили в других магазинах города. Он сам, без посредников, закупал товары и, судя по всему, не пользовался услугами перевозчиков[3].

---

[1] *Томская* торгово-промышленная газета (далее – ТТПГ). 1906. 28 окт.; *ГТ*. 1908. 29 февр., 4 апр., 16 нояб.; *Томский* вестник (далее – ТВ). 1915. 20 февр., 18 марта.

[2] *СП*. 1913. 21 сент.

[3] *СВ*. 1886. 17 июня, 24 авг.

С сырьем в то время проблем не возникало. Не было недостатка в свежей, соленой, копченой, консервированной рыбе. Тешка, балыки, осетровая, муксунья, нельмовая, омулевая икра не переводились. Около 20 рыботорговцев обеспечивали жителей города рыбой, поставляемой из населенных пунктов Томской губернии. А в рыбных лавках и магазинах А. Калинина и других владельцев крупных магазинов продавалась рыба в свежем и переработанном виде, доставленная из городов Европейской России и Дальнего Востока[1].

Из Каинского и Тарского округов зимой за 800 и более верст привозились в Томск гуси, утки, другая домашняя птица, рыба, масло. В иные дни на Офицерской улице выстраивалась очередь из 60 с лишним возов с тушами мяса для его клеймения. В конце XIX в. на томских бойнях ежегодно забивалось до 17000 голов рогатого скота, 5000 телят и овец. В 1897 г. только на своей бойне купец И. Колосов забил до 8000 овец. В 1898 г. в Томск привезено было более 35000 туш рогатого скота, 4500 телят и более 4000 овец. Таким же «урожайным» оказался и 1914 г., когда было забито 24240 голов рогатого скота, 3406 телят, 4243 овцы, 116 лошадей, 1074 свиньи, всего более 33000 голов[2]. Было что коптить и перерабатывать.

По материалам периодической печати создается впечатление, что даже в годы Первой мировой войны томский базар не обходился без продуктов питания – там было все. В условиях повсеместного подорожания жизни в военное время катастрофического положения в Томске не было, хотя, естественно, он не мог избежать роста цен[3].

В 1915 г., когда в стране сильно выросли цены на кожевенные изделия из-за нехватки дубильного экстракта, военно-промышленный комитет решил оборудовать в Томске завод по получению экстракта. Местные владельцы кожевенных заводов Фуксман, Голованов и товарищество кожевенного производства взяли на себя предварительные расходы[4].

По данным «Памятной книжки Томской губернии на 1910 год», запросы жителей губернского центра удовлетворяли крупные торговые дома «Е. Кухтерин и С-я», «Е. Осипов и М. Ярославцев», «П.Н. Рукавишников с сыном Петром», «Братья Барсуковы», «Федулов с С-ми», «В.А. Горохов», «И.И. Андроновский и С-я», «Михайлов и Малышев»,

---

[1] *ГТ*. 1908. 20, 21 марта.

[2] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 1297; С. 1898 г. С. 367–379; *ТВ*. 1915. 23 июля.

[3] *СП*. 1912, 18 февр.; *ТВ*. 1915. 15, 17 июля.

[4] *ТВ*. 1915. 4 авг.

«Братья Форер», «Штоль и Шмидт», «Смирнов и С-я», «Голованов с С-ми». Эти и другие торговые дома и товарищества представляли собой крупные универсальные магазины с широчайшим ассортиментом промышленных, галантерейных, винно-бакалейных товаров. В городе было много и специализированных магазинов: 6 – книжных, писчебумажных и канцелярских товаров, 6 – музыкальных товаров, 11 – белья, меховых товаров и готового платья, 16 – обувных и кожевенных изделий, 17 – винно-бакалейных и табачных, 12 – чайных, 2 – ламповых и посудохозяйственных, 3 – мебельных, 1 – швейных машин, 11 – скобяных и железных товаров, 4 – по продаже керосина, осветительного масла, стекла, 3 – колбасных, 5 – азиатских товаров, 4 – жировых товаров, 3 – мыла и свеч.

С 6 часов утра и до 7 часов вечера без перерыва мясо любого сорта можно было купить в 11 мясных лавках.

Бесперебойно Томск обеспечивался продукцией пивоваренных и винокуренных заводов.

В других специализированных магазинах продавались канаты и веревки, ружья и охотничьи товары.

С 70-х гг. XIX в. получила широкое распространение в городе продажа семян, рассады, ранних овощей. Купец А. Верхратский построил великолепную теплицу, в которой для продажи томичам в горшках выращивалась рассада огурцов, арбузов, дыни. Продавал Верхратский до 200 сортов семян различных цветов, свежие огурцы, салат и прочую зелень[1].

В 80-е гг. семена продавались также в магазине Темных. 9 января 1887 г. Д. Пектужев доводил до сведения покупателей о получении им из-за границы большого ассортимента цветочных семян, «в непродолжительном времени» он ожидал получения «большого транспорта огородных семян», которые продавались «по умеренным ценам»[2]. Через несколько дней объявил о поступлении свежих огородных, цветочных, сельскохозяйственных семян Соловкин. Семена, полученные из-за границы, продавались им по ценам российских каталогов, 25 сортов для грунта и 10 – для высадки в горшках. Очевидно, Соловкин хороший доход получал от торговли семенами в Томске, если искал компаньона на время от года до трех и больше лет с капиталом от 1000 до 5000 р. «на весьма выгодных условиях для поставки и увеличения идущего дела»[3].

---

[1] *ТГВ*. 1896. 7 марта; 1870. 14 марта.

[2] *СВ*. 1887. 9 янв., 23 марта.

[3] Там же. 14 янв.

В Томск семена присылались и московским торговым домом «Н.В. Лисицына и С-ей»[1].

В 1908 г. семена огородных культур, клевера можно было купить в доме № 21 на Магистратской улице у торговца Чибирева[2]. 9 мая продавались в обществе садоводства саженцы тополя, малины, крыжовника, смородины, клубники, сирени, шиповника, желтой акации, рассада огурцов, томатов, салат, редис и спаржа[3].

Уже по сниженным ценам продавались спаржа, редис, оранжерейные растения 13 мая. В конце июня в доме по Солдатской улице, 20 поступили в продажу цветущие глоксинии и другие цветы[4]. В середине июля появилась в продаже спелая малина по цене 25 к. за фунт[5].

На складе стекла П.Ф. Дроздова на Магистратской улице можно было купить «специально заготовленное стекло для оранжерейных рам по умеренным ценам»[6].

О высоком профессионализме томичей свидетельствовали изделия кондитерской фабрики И.Г. Тихонова, обойной – Е. Осипова и М. Ярославцева (первой обойной фабрики в Сибири), иконописной, иконостасной и ризочеканной мастерской И. Панкрышева. Открытая в 1872 г. и явившаяся первым подобного рода предприятием мастерская Панкрышева прославилась высочайшим качеством изделий, которые реализовывались в магазине церковной утвари Панкрышева же. В 1908 г. он получил шестую медаль экспертной комиссии сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки. «Сибирская правда» сочла за честь известить своих читателей, что «присужденная золотая медаль» свидетельствует «о блестящем успехе экспонатов», представленных Панкрышевым на выставке[7]. Изделия его мастерской удостаивались благодарностей членов императорской фамилии, подарков и наград от высочайших особ.

Качественной была всевозможная обувь мастера Постникова, работавшего в шубно-овчинном заведении купца Козлова. На международной выставке в Брюсселе и всероссийских выставках в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону была отмечена меда-

---

[1] *ТГВ*. 1898. 15 янв.
[2] *ГТ*. 1908. 20 февр.
[3] Там же. 5 мая.
[4] Там же. 13 мая, 29 июня.
[5] Там же. 17 июля.
[6] Там же. 2 марта.
[7] *СП*. 1908. 14 сент.

лями обувь томской фабрики Каплан[1], продукция переплетной мастерской при Томской губернской типографии, в которой книги переплетались шагреневой кожей с тиснением их названий золотом, богослужебные книги и за-престольные Евангелия «одевались» в «золотообразный бархатный переплет»[2].

В опыте прошлого восхищает постоянная ориентированность материального и духовного производства на человека, заинтересованность производителей материальных и духовных ценностей в скорейшем потреблении их продукции теми, кому она предназначалась. Значительным был опыт реализации продуктов производства по схеме: «производитель – потребитель», что давало возможность потреблять их последним «по умеренным ценам». В магазинах Томска бесперебойно продавались изделия местных промышленных предприятий, мастерских, ремесленного товарищества[3].

Томского покупателя ожидали ткани и готовые изделия зарубежных фабрик, швейные машины знаменитой фирмы «Зингер», американские сельскохозяйственные машины, замки, коньки, санки, «патентованные первейшие в мире по высшей прочности, доброкачественности и изяществу, фасонов с ручательством за беспримерную прочность каждой пары» галоши из Риги; рояли и пианино знаменитых европейских фабрик, берлинские лампы для освещения улиц, швейцарские часы, венская мебель и обувь, микроскопы, мыло и пудра фирмы Д. Гартман, испанские шарфы, китайские и французские вазы, в широком ассортименте привозные гастрономические товары[4].

Предприниматели и владельцы магазинов Томска были заинтересованы в привлечении заказчиков и покупателей добросовестным и доброкачественным удовлетворением их потребностей.

Неслучайно в объявлениях об открытии новых магазинов или о поступлении новых товаров гарантировалось их высокое качество, равно как и владельцами предприятий гарантировалось выполнение заказов не только в срок, но и «доброкачественно».

Качество любого товара и обслуживание покупателей должно было быть высоким. Это являлось общим правилом. Но в каждодневной жизни города нередко имело место отступление от него.

---

[1] *ГТ*. 1908. 28 янв.

[2] *ТГВ*. 1892. 15 окт.

[3] *ГТ*. 1908. 6 февр., 6 апр., 19 нояб.

[4] *СВ*. 1886. 24 авг., 26 окт.; *ТГВ*. 1897. 26 нояб., 4, 18 дек.; 1898. 8, 22 янв., 26 февр.; *СП*. 1913. 16 февр., 31 авг., 7 сент.; *ГТ*. 1908. 24 июля; *ТВ*. 1915. 14 мая.

Способы обмана покупателей

Оптовые и розничные покупатели нередко сталкивались с обманом, обсчётом, обвешиванием, приобретением товаров не просто низкого качества, но совершенно не пригодных к потреблению.

Случалось, что перед праздниками, когда обычно шла бойкая торговля, скупщики товаров оптом у крестьян старались их обмануть, о чем те часто не догадывались. Зимой 1886 г. скупщик, отставной фельдфебель Федотов, сторговал у крестьянина Тунаева четверо саней орехов по 1 р. 80 к. за пуд. Он привез орехи во двор дома С.К. Кузьмина «для перевески и сдачи орехов кяхтинскому мещанину, мелкому торговцу Кириллову. Когда перевесили уже 42 п., крестьянин заметил, что из-под доски, на которой были гири, выпал свинцовый брус, весом около 12 ф. Он этот брус схватил, выскочил со двора и начал кричать, что его обвешивают на фальшивых весах. Федотов и Кириллов, зажав рот крестьянину, потащили его во двор, но тот не дался и заявил в полицию. После осмотра весов оказалось, что коромысла у них были не оштемпелеваны, а под доской укреплена железная скоба, в которой и лежал 12-фунтовый брус, случайно выпавший. Кириллов в свое оправдание пытался заявить, что взял эти весы 2 месяца тому назад от Федотова, а тот сказал, что не знает, кто укрепил брус. Весы были конфискованы. Кириллова обязали рассчитать Тунаева, прибавив на каждый пуд принятых орехов недостающие 12 ф. При этом было отмечено, что этот факт не единичный, по нему сделано заключение: весы мелких торговцев следует проверять, а затем почаще их внимательно осматривать[1].

Обман покупателей совершался по-разному. В бакалейном магазине по Благовещенскому переулку продавался сахар 2-го сорта, менее сладкий, по цене 1-го[2]. Степное мясо, тяжеловесное, больше ценилось и стоило дороже местного, легковесного. Но простой покупатель этого не знал и покупал более дешевое мясо по цене тяжеловесного[3].

Для обвешивания покупателя необязательно было совершать какие-то махинации с гирями. Почти во всех торговых лавках и магазинах бумажные кули «шли в вес». Зачастую они делались из толстой бумаги.

---

[1] *СВ*. 1886. 28 февр.
[2] *ГТ*. 1908. 8 нояб.
[3] *ТВ*. 1915. 25 июля.

Оказывалось, что на 10 ф. чистого веса сахара всегда не хватало его более фунта[1].

Со значительным недовесом иногда отпускался товар в китайском частном магазине. Зимой 1908 г. в фунте купленного там сахара не хватило ⅛ ф., хотя сахар был перевешен «с укупоркой – толстым бумажным кошельком с бичевкой». Читателям «Томский вестник» напоминал, что за «такие фокусы в Китае угощают известной порцией бамбука по пяткам»[2].

Нередко случалось, особенно в праздничные дни, что в колбасных заведениях продавались «совершенно испорченные окорока, прокислые колбасы и т.п.; были даже случаи, что целые семьи заболевали от подобного мяса»[3].

После многократных проверок условий хранения мяса и колбас на фабрике Фильберта составлялись протоколы с фиксацией «по прежнему антисанитарного содержания мясных продуктов», хотя Фильберт уже несколько раз подвергался штрафу на сумму в 200–300 р. В феврале 1908 г. на его складе и фабрике было обнаружено до 400 несвежих языков[4]. В магазине Дашевского на Почтамтской улице в мае 1915 г. была куплена чайная колбаса, в которой оказались «грязно-зеленые куски того, что могло быть в кишке до ее промывания»[5]. Осенью 1908 г. был отмечен факт вывоза одним мелким частным торговцем для продажи целого ящика голландского сыра, подвергшегося «значительной порче, негодного для употребления»[6]. В кондитерской Брониславова была продана булочка, в которой оказалась запеченной грязная крупа с мукой[7]. Летом 1908 г. в мясных лавках города, кроме лавок Лурьи и Кухтерина, скопилось сгнившее мясо, хранившееся в помещениях лавок с грязными стенами и полами[8].

Осенью 1911 г. в течение нескольких недель шла торговля подгнившими дынями на Почтамтской улице. Они продавались на 3–5 к. дешевле за 1 ф., но каждая дыня оказывалась сгнившей наполовину или на четверть. Однако из-за даже незначительного снижения цены торговля дынями, разложенными «на всем полу подвала, шла самая бойкая»[9].

---

[1] *СП*. 1909. 4 окт.
[2] *ГТ*. 1908. 9 февр.
[3] *СВ*. 1888. 1 янв.
[4] *ТВ*. 1915. 22 февр., 8 мая.
[5] Там же. 8 мая.
[6] *ГТ*. 1908. 25 нояб.
[7] Там же. 9 мая.
[8] Там же. 5 авг.
[9] *СП*. 1911. 5 нояб.

В начале апреля 1908 г. торговый врач Панаротов и околоточный надзиратель 5-го участка произвели осмотр некоторых колбасных и булочных. Они обнаружили в колбасной Киселева, в булочно-кондитерских Кудряшова, Костина, Вернгольта, Помазана «рабочих грязными, в потных рубашках, без колпаков и фартуков, а если в них – то сомнительной чистоты». Рабочие Вернгольта страдали хронической экземой кожи головы, но для лечения никаких мер не принималось. У одного рабочего в колбасной Киселева оказалась подозрительная сыпь, у рабочего Костина – трахома. Особенно грязно содержалась «кондитерская» (не зря взято в кавычках. – *А.Ж.*) Кудряшова. Она помещалась в подвале с земляным полом и стенами из камня-сырца, сырая, пыльная. В лавке при этой «кондитерской» была такая же грязь. Все это врач и надзиратель занесли в протокол. О полной непригодности помещения, занимаемого Кудряшовым, для кондитерской они составили особый протокол[1].

В чайной колбасе, купленной в колбасной Китц на Почтамтской улице, оказался «солидный и острый многогранный осколок стекла», так же как в фунте китайской пастилы, приобретенной в фруктово-бакалейной лавочке на углу Почтамтской улицы и Ямского переулка против магазина Гадалова оказалось несколько осколков стекла «довольно порядочной величины»[2].

В винно-бакалейной лавке купца Монахова на углу Александровской и Преображенской улиц было в августе 1908 г. куплено полфунта ветчины. В ней оказались червяки «довольно крупной величины». Монахов принял ветчину обратно, заменив ее доброкачественной и что важно – он утверждал, что испорченную ветчину ему привезли из колбасной Киселева, на которого в апреле 1908 г. уже был составлен протокол[3].

Глубокой осенью 1908 г. особенно увеличилось число продавцов горячей еды – «супа, печенок, легких, пельменей, пирожков с осердьем». Не находя покупателей на толкучем рынке, владельцы походных «харчевен» ютились около стоянок извозчиков и особенно около винных лавок, где всегда находились покупатели их дешевого товара. Насколько чисто он содержался, можно судить по тому, что, когда, забирая 12 ноября в участок какого-то пьяницу, городовой опрокинул такую походную «харчевню» и вывалил все ее содержимое, торговец, не долго

---

[1] *ГТ*. 1908. 8 апр.
[2] Там же. 8 июля, 15 авг.
[3] Там же. 1908. 27 авг.

думая, засучил рукава, собрал с тротуара пригоршнями свои «деликатесы», положил их обратно в опрокинутую посуду и продолжил торговлю[1].

В декабре 1908 г. на татарина Мустафу Шагиева, продававшего испортившуюся сельдь, был составлен протокол, а бочонок сельди уничтожен[2]. Весной этого же года был отмечен уже пятый случай отравления в городе несвежей кетой[3].

Весной 1915 г., когда цены на свежую рыбу оказались высокими и недоступными для небогатых жителей города, они вынуждены были покупать продававшуюся на базаре рыбу из-за ее дешевизны. 25 мая в 5 часов вечера в городскую больницу были доставлены нарымская мещанка Дарья Рогова и ее прислуга крестьянка Томского уезда Аграфена с признаками отравления рыбным пирогом. Прислуга приготовила пирог из рыбы зимней заготовки, купленной накануне на базаре. Купить что-либо из рыбных продуктов с лодок из первых рук было, оказывается, совершенно невозможно. Рыбу скупали «гуртом» рыбопромышленники за несколько дней вперед[4].

В марте 1910 г. на Базарной площади стали появляться торговцы всевозможными сладостями с лотков без стеклянных крышек и ничем не прикрытых, что было грубым нарушением правила хранения таких изделий. В магазинах и кондитерских они находились под стеклом и накрывались еще марлей. Этому тем более должны были следовать уличные торговцы. Осмотр и пробу товаров покупатели совершали очень грязными руками и более того – даже забинтованными. Никто не мог поручиться, что забинтованные руки поражены не заразными болезнями[5]. В масле, которое продавалось в шатре на углу между каменными корпусами на Базарной площади, иногда можно было обнаружить и раскрошенное сено.

Опасно было покупать продукты на толкучем рынке, можно было приобрести скупленные залежалые кильку в коробках, срезки с сыра, заплесневелые и мятые[6].

Торговля пельменями и «всевозможными съестными припасами на толкучке проводилась «при невозможных санитарных условиях»[7].

---

[1] *ГТ*. 1908. 16 нояб.
[2] Там же. 1908. 6 дек.
[3] Там же. 1908. 2 апр.
[4] *ТВ*. 1915. 28 мая. 17 июня.
[5] *СП*. 1910. 27 марта.
[6] Там же. 1911. 3 апр.
[7] *ГТ*. 1908. 4 нояб.

Обмануться на «толкучке» можно было очень просто. В 1910 г. на толкучем рынке появилось много продавцов «с рук» поддельных медных колец и сувениров со стеклянными вставками. На них имелась проба «56». Простодушные крестьяне и томские горничные покупали кольца и сувениры, принимая их за изготовленные из драгоценного металла[1].

Всегда существовала вероятность приобретения на «толкучке» совершенно не пригодной к носке вещи. Служащий одного из учреждений города, скопив денег, купил шубу на толкучем рынке, соблазнившись дешевой ценой. Но дома обнаружилось в шубе «бесчисленное множество мелких насекомых, проявившихся на черном фоне сюртука»[2].

Обмануться можно было, сделав заказ на товар путем выписки его по почте. Один из железнодорожных служащих по объявлению в «Сибирской жизни» выписал из города Лодзи от общества «Меркурий» себе и жене пару штиблет. Они оказались произведенными из некачественного материала, «весьма аляповатой работы и местами даже подошвы не пробиты шпилями». В результате подошвы чуть держались, а в сырую погоду штиблеты носить оказалось совершенно невозможно.

Публикация о приведенном факте сопровождалась утверждением, что речь шла не о единичном случае подобного рода выполнения заказов по почте. Один из заказчиков материала на пиджак получил «грубый и плохой материал, оказавшийся пригодным лишь для подстилки под ноги»[3].

В 1913 г. «Сибирская правда» сообщила о распродаже «гнилого товара» в магазине на Почтамтской улице. Из предлагавшихся покупателям перчаток попадались такие, что «внутренность» их расползалась менее чем через неделю[4].

Имели место случаи, когда товар, некачественно изготовленный, доставлял большие неприятности многим покупателям. В редакцию «Сибирской правды» в 1913 г. обращались многие жители города с жалобой на плохое качество спичек вятской фабрики торгового дома «И.И. Сапожников с С-ми». Они продавались во многих лавках Томска. Спичек, изготовленных на этой фабрике, не только на ветру, но даже в комнате для зажжения свечи приходилось каждый раз тратить не по одной, а по 5–6 штук. Коробки, в которой было до 60 штук спичек, хватало всего на 9–12 попыток зажигания в лучшем случае. Это было очень невыгодно, особенно для бедных жителей города. Считалось более

[1] *СП*. 1910. 20 февр.
[2] *ГТ*. 1908. 30 нояб.
[3] *СП*. 1910. 6 нояб.
[4] Там же. 1913. 16 янв.

предпочтительным покупать коробки по 50 спичек, но при условии их более высокого качества.

Редакция газеты особенно рекомендовала томским торговцам «избегать покупку спичек этой фабрики», а местному акцизному надзору – «произвести испытания их качества и сообщить вятскому акцизному управлению для принятия мер к прекращению выпуска таких недоброкачественных спичек»[1].

Конкурентная борьба на томских рынках

Важнейшей проблемой, касавшейся значительной части жителей города, являлось повышение цен. Причины его могли быть разные, иногда сказывались неурожай или, как уже отмечалось, скупка рыбопромышленниками свежей рыбы, которая не довозилась до рынка.

Известно, что, кроме томских, торговлей занимались и иногородние купцы Сибири и европейской части страны и даже сами производители продукции. В 80-е гг. XIX в. избыток сахара в России заставил многих сахарозаводчиков искать новые рынки сбыта. Крупнейший сахарозаводчик Бродский, заводы которого были разбросаны по всему югу, в 1886 г. поставил в Томск 50000 пудов сахара. До этого томские торговцы вынуждены были сбывать в Томске сахар, приобретенный на московском рынке, Нижегородской или Ирбитской ярмарках из вторых и даже третьих рук. С 1886 г. сахар в Томске стал продаваться самим производителем, поэтому потребители были избавлены от переплаты накладных расходов[2].

Это событие оказалось очень важным для горожан. Незадолго до появления в продаже сахара, привезенного в Томск Бродским, город пережил заметное подорожание его. В течение нескольких недель цена на сахар в Томске выросла с 5 р. 40 к. до 6 р. 30 к. за пуд. Причиной послужило полученное в Томске телеграфное известие о том, что урожай свеклы на юге России не оправдал ожиданий, и сахар вздорожал в местах его производства на 10–15 %»[3]. Поэтому очень кстати оказалось поступление в Томск сахара, доставленного Бродским.

В военное время цена на продукты питания выросла очень заметно, на сахар головной – до 8 р. 30 к. Цены на квартиры поднялись на 50–70 %[4].

---

[1] *СП*. 1913. 26 янв.
[2] *СВ*. 1887. 28 янв.
[3] Там же. 1886. 28 сент.
[4] *ТВ*. 1915. 23, 25 авг.

Иногда цены поднимались искусственно. В «Томском вестнике» обращалось внимание на борьбу во многих сибирских городах «с искусственным вздутием цен на предметы первой необходимости», и был приведен пример, свидетельствовавший о результативности такой борьбы в Чите.

Одно время говорили в этом городе о мясном голоде когда «у мясников были солидные запасы мяса зимней бойки и под городом, в степи держались гурты скота». Мясо вздорожало чуть ли не вдвое, бедное население оказалось вынужденным перейти на употребление вместо мяса амурской соленой рыбы. В этой ситуации мясное отделение читинского общества потребителей открыло свою лавку, в которой мясо продавалось по цене ниже базарной. Когда в городе мясо стоило 22 к., в лавке оно продавалось по 20 к. Затем частные торговцы понизили цену и у себя до 20 к., лавка тоже понизила – до 18 к. за фунт мяса. Наконец общество потребителей установило рекордную цену по 15 к. за фунт задней части и 13 к. – передней. Но на этом не закончилось снижение цены на мясо в лавке общества потребителей, оно было доведено до 13–12 к. за фунт свежего мяса, торговцы продолжали торговать по 15 и 14 к. за фунт. Благодаря умело проявленному стремлению руководства общества потребителей по приведению к нормальному минимуму цен на мясо этого удалось добиться, что вызвало большое доверие покупателей к потребительской лавке[1].

Во время Первой мировой войны в августе 1915 г. на заседании городской думы решался вопрос о возможности ходатайства относительно перевода в Томск некоторых фабрик и заводов, которые эвакуировались с запада России и открытия в Томске Русско-Американского банка. Возражений ни по одному из поднятых вопросов не появилось, хотя высказывались опасения, не опоздал ли город со своим ходатайством.

С обстоятельной речью о значении переноса некоторых фабрик и заводов в Томск выступал С.М. Богашев. «Что касается открытия банка американского типа, то при дешевизне топлива и обилия сырья некоторые отрасли промышленности в Томске могли бы процветать благодаря железной дороге и водному пути на юг и север. Можно было считать обеспеченными материалами в Томском регионе кожевенное, суконное и стеариновое производства. Большой успех могла бы иметь сухая перегонка дерева (производство канифоли, скипидара, древесного уксуса).

[1] *ТВ*. 1915. 25 апр.

Благодаря же отсутствию на месте этих производств, – отметил Богашев. – …мы выписываем массу того, чего у нас самих непочатый край».

В качестве главного тормоза к развитию промышленности в Томске, как и во всей Сибири, М.И. Максимов назвал тяготение к Москве, «куда едут, когда нужно что-либо покупать». Как уже отмечалось выше, первый шаг по перегонке дерева был сделан в Томске, но этим дело и ограничилось. Другая причина состояла в недостатке рабочих рук в Сибири. Общий вывод выступления Максимова свелся к признанию нужности развития промышленности в Томске. Но он полагал, что нельзя рассчитывать здесь на большой сбыт.

Значение тяготения к Москве и иностранному рынку признал и Богашев. Но при этом он все же верил в возможность процветания промышленности в Томске и в целом в Томском районе, «так как несомненно, – говорил он, – в будущем явится на сцену вопрос об урегулировании тарифа для перевозок. Что касается рабочих, то теперь в Европейской России освобождаются рабочие руки, освобождаются специалисты. У нас есть сырье и топливо, и мы должны использовать эти обстоятельства».

Участвовавшие в обсуждении М.Д. Михайловский, А.А. Грацианов, А.Ф. Громов, Н.В. Патрушев, П.В. Вологодский «смотрели на дело оптимистически и настаивали на срочном решении вопроса».

Дума приняла постановление: принять предложения управы с поправками и дополнениями, сделанными С.М. Богашевым и другими; немедленно телеграфировать в Петроград городскому голове П.Ф. Ломовицкому о решении думы с выяснившимися директивами; для окончательной разработки вопроса избрать комиссию. В нее вошел профессор А.М. Курлов – в качестве председателя, членами комиссии были избраны: С.М. Богашев, А.А. Грацианов, А.Ф. Громов, П.И. Иванов, П.В. Вологодский, М.Д. Михайловский, И.Ф. Скулимовский, Д.Е. Лефельд, В.Г. Голованов[1].

Что касается оптимистического настроя относительно будущего России, то он, похоже, был присущ не только томичам. В этом же 1915 г., когда война была еще в разгаре, в Петрограде определялись задачи на послевоенное время. Когда кончится война, «все войдет в нормальную колею, надо ожидать значительного экономического расцвета нашей страны». Особенно «замечательными» ожидались перспективы сельского хозяйства. Предполагалось, что «размеры сельскохозяй-

[1] *ТВ*. 1915. 25 авг.

ственного производства во многих европейских странах будут в ближайшие годы существенно сокращены, и России придется принять на себя роль житницы Европы в полном смысле этого слова». Учитывалось, что «война приведет к сокращению населения рабочего возраста, что вызовет промышленный спрос на сельскохозяйственные машины, и нужно уже сейчас наметить пути, которые способствовали бы удовлетворению такого усиленного спроса»[1].

Нет сомнения в том, что перспектива возможности удовлетворения этого «усиленного спроса» на сельскохозяйственные машины связывалась с расширением промышленного производства в городах, что могло коснуться в послевоенное время и Томска.

По известным причинам сложилось так, что послевоенная история страны и Томска не пошла по ожидаемому пути.

[1] *Очередные* задачи отечественного производства сельскохозяйственных машин и орудий и торговли ими. Пг., 1915. С. 1–2.

ТОМСК КАК СРЕДА ОБИТАНИЯ

Благоустройство города в середине XIX в.

После посещения Томска в 1770 г. П.С. Паллас писал о том тяжёлом впечатлении, которое произвёл на него город: «Нельзя себе ничего беспорядочнее представить, как узенькие, кривые и одна другую пересекающие улицы, домы, один другой загораживающие, и скверные лачужки, которые, как ещё по остаткам видно, все сие многолюдное место составляли». Это описание города относится к выгоревшей его части во время очередного пожара, случившегося в 1769 г. Тогда оказалась уничтоженной половина нижней береговой части Томска. Далее П.С. Паллас продолжал: «И так счастие города, что после пожара принудили жителей некоторым образом, против их упорства выстроить пожарища регулярными улицами и по новому плану»[1]. Речь идёт о плане застройки города, составленном в 1773 г. Он делил его на три уровня. Самая высокая и сухая зона города «близ крепости» планировалась для каменных зданий – для состоятельных жителей. Вторая зона приходилась на местность под Воскресенской горой в районе Песков. Она была отведена для деревянных зданий на каменном фундаменте для жителей менее состоятельных. В третью зону на окраине города отошли районы Заозерья, Заисточья, левый берег Ушайки. Она намечалась для деревянной застройки.

С превращением города в губернский центр в течение нескольких десятилетий до неузнаваемости изменился его облик. Заметно выросло количество домов. В 1806 г. в Томске было всего 4 каменных дома, 1817 г. их стало 12. К этому году произошло заметное сокращение числа деревянных домов (с 1567 на 121 дом стало меньше в результате истребления пожарами)[2].

На протяжении 1810–1830 гг. было составлено несколько проектов планировки Томска. План 1810 г. был сделан местным землемером.

---

[1] *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 2. С. 426, 430.

[2] *ТГВ*. 1874. 21 дек.

Большое значение имели планы 1818 и 1824 гг., составленные архитектором А.П. Деевым.

В частности, план 1824 г. предусматривал строгую прямоугольную сетку, стороны которой были направлены параллельно домикам. В нём впервые предлагалось веерное примыкание одной сетки кварталов к другой. В этом плане, утверждённом после доработок 1830 г., предусматривалось значительное территориальное увеличение города.

Самое большое внимание в этом плане уделялось развитию центра города в его южной части – на Юрточной горе. Здесь комплекс административных и общественных гражданских зданий должен был обеспечить формирование главной площади с монументальным зданием собора в середине. Благодаря симметрично расположенным к периметру зданиям присутственных мест, военного и гражданского губернаторов, казарм и полиции пространство площади решалось как замкнутое. К площади примыкала одна из главных улиц города – Почтамтская. Торговый центр продолжал сохраняться на прежнем месте – на правобережье Ушайки у её впадения в Томь. Он включал ансамбль зданий каменного гостиного двора, биржевой корпус, административное здание магистрата, здание городской думы. Планом предусматривалось создание системы площадей, равномерно располагаемых на территории города с храмом в середине и четырьмя стоящими по углам торговыми корпусами[1].

Вступивший в управление губернией А.Д. Озёрский сразу же обратил внимание на «недостаточно удовлетворительное состояние» города по чистоте. Он учредил особый комитет под председательством полицмейстера коллежского асессора Рудакова, городского головы 2-й гильдии купца Ивана Серебренникова, городского архитектора титулярного советника Еремеева и члена строительной комиссии корпуса инженеров путей сообщения подпоручика Фадеева. Комитет получил задание провести нивелировку улиц, определить направление водосточных труб для осушения улиц. Проложенные до этого канавы и крытые трубы задерживали сток воды.

Комитет решил начать устройство канав и водосточных труб на главной улице, по которой пролегал Московско-Иркутский тракт, затем на параллельной с ней Магистратской. Предполагалось засыпать дорожное полотно «грохоченным гравием» (галькой) и другими местными средствами, придавая ему «покатый вид для стока воды». Большая работа намечалась по очистке и устройству съезда с Воскресенской горы от здания частной управы к мосту через Ушайку.

---

[1] *Проекурянова Т.С.* Города Сибири и Приуралья // Москва и сложившиеся города XVIII – первой половины XIX веков. М.: Строиздат, 1998. С. 410.

Озёрский распорядился о сносе плетней и замене их заборами, приведении «в должный порядок» торговой площади, «сломке ветхой части старого гостиного двора, если наступил для сего законный срок». Жителям строго-настрого запрещалось сваливать на улицу нечистоты, для этого отводилось место вне города. Горожанам вменялось в обязанность обзавестись «на предстоящую зиму снарядами для свозки снега с дворов и улиц». Домовладельцам предлагалось «заготовить возможное количество щебня для насыпки улиц, пропуская его на местах добычи через грохот».

С апреля по октябрь 1858 г. Озёрский был занят обозрением Барнаульского, Кузнецкого, Бийского округов. Всё это время два раза в месяц комитет доносил ему о выполнении распоряжений по благоустройству Томска. К осени 1858 г. в городе было «устроено вновь и исправлено старых тротуаров до 2350 погонных саженей и заборов 1070 саженей»; сломано 83 ветхих и отремонтировано 7 домов; на торговой площади «балаганы для продажи съестных припасов перенесены на другое более приличное для них место и приведены, по возможности, в порядок». Благоустроительные работы производились за счёт сумм из городских доходов и добровольных пожертвований в размере 566 р. 50 к. Всего тогда на благоустройство города было потрачено около 1100 р. Проделанная комитетом работа получила высокую оценку Озёрского, особо он отметил, что «отделка, укрепление Воскресенской горы и съезд с нея устроены красиво и прочно. Съезд этот, образовавшийся из прохожей тропинки, при постепенном обвале горы, был крайне неудобен для въезда на гору от непомерной высоты земляного полотна, мягкости грунта, а весною и осенью – от размывов воды; при настоящем же устройстве ввоз совершенно удобен; оконечность горы, представлявшая крайнее безобразие и угрожавшая обрушением вновь возведенному зданию для частной управы, в настоящее время укреплена безопасно и служит украшением городу». Озерский имел в виду устроенный с левой стороны съезда с горы деревянный тротуар с 13 лестницами с перилами и таким же числом площадок. По обеим сторонам съезда небольшие крытые водосточные канавы выложили кирпичом, весь съезд усыпали крупным гравием, утрамбовав его катками. Гребни откосов Воскресенской горы были усажены деревьями.

При въезде на Иркутский тракт через овраг, в Солдатской слободе, на Садовой улице против «общественной рощи», а также при спуске с Острожной горы во время благоустроительных работ в Томске появились мосты. В низменных и болотистых местах города были проведены

канавы, поднято дорожное полотно, проложены деревянные тротуары. При спусках с Юрточной горы, по Почтамтской улице и в Заисточье для удобства пешеходов возвели перила. По Александровской улице, проходившей от Соборной пощади в предместье Солдатской слободки по низкому и болотистому месту, обычно почти непроходимому, провели по бокам каналы и поперечные крытые трубы, дорожное полотно подняли «насыпкой земли и гравия, утрамбовкою и укатыванием». С правой стороны улицы канаву обшили тёсом и сделали тротуары.

Таким образом, лето 1858 г. оказалось для Томска весьма благоприятным по результатам его благоустройства, Озёрскому было что оценивать при подведении итогов работы комитета, сформированного по его распоряжению в марте этого года[1].

Неотложные задачи по дальнейшему благоустройству города

Время шло, город продолжал застраиваться. По данным Ревизионной комиссии, сформированной в 1861 г. для оценки «всех недвижимых имуществ, находящихся в городе», и завершившей свою работу в 1866 г., жилых и нежилых построек в Томске было зарегистрировано 2060, в том числе – 70 незастроенных мест. После пожара 1866 г. число незастроенных мест выросло, как случалось после каждого пожара.

В 1866 г. каменных домов в городе было уже более 60, из них 11 – 3-этажных, 44 – 2-этажных, 9 – одноэтажных. Деревянных домов – 1996, из них 5 – 3-этажных, 691 – 2-этажных, 1300 – одноэтажных.

Колоссальным был разрыв в стоимости домов. Оцененных менее 100 р. в городе насчитывалось 56 домов; в 100–500 р. – 1069; в 500–1000 р. – 479; в 1000–5000 р. – 416; в 5000–10000 – 35; в 10000–20000 р. – 15; от 20000 до 30000 р. – 4; от 30000 до 40000 р. – 1. Самый дорогой дом был оценен в 40962 р. 80½ к., самый дешёвый – в 12 р. 50 к.

Недвижимая собственность распределялась среди жителей разной сословной принадлежности. В городе в 1866 г. было:

- дворян-собственников – 261,
- городского сословия – 1196,
- духовенства – 43,
- крестьян – 127,
- солдат и казаков – 219,

[1] *ТГВ*. 1858. 12 дек.

- инородцев – 50,
- разночинцев – 32,
- иностранных подданных – 1[1].

Таким образом, облик города менялся к лучшему благодаря изменению характера его застройки.

В нижней части города и через столетие продолжала сохраняться отмеченная ещё П.С. Палласом «грязь чрезмерная, так что кареты в оной вязнут по самые ступицы»[2].

С ранней весны до поздней осени непролазная грязь на улицах города доставляла много неудобств его жителям. Хотя их засыпали галькой, песком, в дождь, особенно осенью, улицы становились не только труднопроходимыми, но и непроезжими. Вместо дрожек и пролёток в Томске использовались длинные дроги. В солнечные дни, когда грязь просыхала, нечем было дышать из-за клубов поднимаемой ветром пыли. Почти бесполезным оказывалось приобретение жителями города большого количества крупного песка и гальки для посыпания улиц перед своими домами. При небольшом дожде из-за слабости грунта он разъезжался в кисель, а при небольшой суши превращался в порошок.

В середине мая 1864 г. Д. Кузнецов писал: на Пасху «грязь была нынешней весной и минувшей осенью в самом центре города, на самой лучшей улице до такой степени невыносимой, что и теперь ещё мороз пробирает по коже, как только вспомнишь о ней». Автору представлялось целесообразным перед рассыпанием гальки на улицах города «позаботиться о прочной утрамбовке почвы, на которую будет насыпаться галька».

Невыполнимым представлялось мощение улиц булыжником, но необходимо было вымостить крупными камнями по крайне мере торговые площади и территории «между старым и новопостроенным местами».

Благоустройство города требовало немалых затрат. Автором не ставился вопрос о возможности введения нового налога для этой цели. Но он считал «в высшей степени полезным для города, чтобы каждый крестьянин, едущий в город для продажи своего сельского продукта, захватил с собой на дороге два булыжника и сложил их на отведённом месте на торговой площади». К возу 20–25 п. прибавка лишних 10–20 ф. считалась вполне допустимой. А если это доставит крестьянам «какое-

[1] *Костров Н.* Статистика недвижимой собственности в Томске // ТГВ. 1867. 5 мая.
[2] *Паллас П.С.* Указ. соч. С. 428.

нибудь обременение», то предлагалось рассмотреть возможность вознаграждения их путём снижения платы за пользование городскими весами[1].

Несмотря на введенное с середины XIX в. запрещение жителям города «сваливать сор и нечистоту на улицы, определив для сего место вне города», оно не действовало. Выбор особой комиссией из жителей участковых смотрителей, обязанных «наблюдать за очисткой площадей, улиц, дворов» на своём участке, «на площадях по-прежнему (в начале 70-х гг. – *А.Ж.*) лежал «толстый слой навоза, а улицы и дворы» очищались «только теми домовладельцами, которые по развитию своему чувствуют в этом потребность».

В феврале 1871 г. генерал-губернатор Западной Сибири обратился к городскому голове с письмом «по предмету благоустройства и вообще по городскому хозяйству» с напоминанием обо «всей ответственности его по управлению городом», о невыносимых условиях», в которых находился Томск. Он писал, что «в городе нет ни одной вымощённой камнем улицы», улицы засыпаются «иногда и кое-как дресвой, щебнем, кирпичом и чем случается по усмотрению и доброй воле домовладельцев. Жители не стесняются выбрасывать на улицы всякие нечистоты и загромождать их складами леса, кирпича, извести и т.д., от чего город имеет безобразный вид, и весной, и осенью существует непроходимая грязь и вредные испарения, а летом пыль и духота». Внимания городского головы требовало неблагополучное в санитарном отношении состояние городских площадей, рынков, особенно мясных рядов, пристани и всей набережной реки Томи, а также состояние тротуаров, которые «во многих местах подверглись порче» и представляли опасность для пешеходов. В качестве одной из первоочередных задач в письме генерал-губернатора определялось «исправное содержание канав, тротуаров, мостов и перил». Губернскими и городскими властями осознавалась необходимость решения поставленной генерал-губернатором Западной Сибири задачи. Но «за неимением средств» и при отсутствии отпуска их из центра городу приходилось самому заботиться о своих нуждах, изыскивать источники «на улучшение городского хозяйства».

Проведение работы по благоустройству дорог осложнялось тем, что многое приходилось делать заново. Ещё в начале 60-х гг. немало усилий было направлено на прокладку под тротуарами водосточных труб, по

[1] *ТГВ*. 1864. 15 мая.

которым стекала с улиц вода (от таяния снега и дождя). Через 10 лет проложенные трубы оказались сильно засоренными. В 1873–1874 гг. городская дума планировала проложить одни тротуары. Но во время благоустроительных работ потребовалось заняться прочисткой под тротуарами канав, поставить новые столбы и укрепить боковые стены – по Ямскому переулку, Дворянской улице, в Загорном предместье, в Сенной части по Хомяковскому переулку.

В 1873–1874 гг. была произведена очистка дорог в городе и вне его от снега, грязи, навоза, возведены новые, исправлены ранее построенные мосты.

Всего на благоустройство города на протяжении 1873–1874 гг. было потрачено более 15000 р. Около половины этой суммы пошло на шоссировку улиц, в том числе около 300 р. на благоустройство Почтамтской улицы.

По этой самой главной улице города производился «непрерывный разъезд на экипажах и провоз разных тяжестей». Поэтому требовалось постоянное содержание «в исправности посредством очищения от скопляющихся навоза или грязи» и проведение ежегодного ремонта.

Однако по свидетельству члена городской управы А.И. Акулова, который выступил в феврале 1875 г. на заседании городской думы с докладом «О расходах на шоссировку улиц и другие предметы по устройству г. Томска», никакого ремонта улицы не производилось. Со времени устройства шоссе на Почтамтской улице с 1873 до начала 1875 г. «ни один из владельцев домов, расположенных здесь не позаботился не только о ремонте дорог, но даже об очищении её от навоза и грязи летом».

По поводу «невнимательности» домовладельцев к исполнению правил, изданных городской думой, А.И. Акулов обращался и к полиции, «но и тем не достиг благоприятного результата». К неоднократным обращениям городской управы с призывами «своевременно очищать улицы от навоза и грязи летом, домовладельцы Почтамтской улицы оставались глухими». Поэтому очистку улицы пришлось провести за счёт городских средств[1].

8 марта 1875 г. «Томские губернские ведомости» опубликовали «Правила о порядке содержания в исправности и чистоте улиц, тротуаров, канав, колодцев и ключей». Каждому домохозяину вменялось в обязанность очищать улицы против своего дома (до половины), летом

[1] *ТГВ*. 1875. 22 марта.

от мусора и грязи, зимой – от снежных наносов и ухабов, засыпать на улице ямы, выбоины, рытвины камнем, галькой, песком, но не навозом. Запрещалось оставлять на улице собранный в кучу мусор, распиливать на улице лес, занимать проезжую часть ее стройматериалом, устанавливать на главных улицах и в переулках «близ мостов и церквей, на кладбищах подвижных столов, ящиков» для продажи съестных припасов, продавать в указанных местах и с возов; сваливать близ ключей и колодцев всякого рода сор и нечистоты, класть поперёк улиц брёвна, плахи, выгонять скот бродить по улицам. Правилами запрещались на улицах, площадях, близ церковных оград игры с мячом, в городки. На главных улицах и торговых площадях запрещалось устройство качелей, «катальных гор». Оно допускалось «на побочных улицах и в других местах». Особо выделялось требование к содержанию в чистоте тротуаров[1].

В разгар лета 1875 г. городская управа сетовала на то, что «в Томске почему-то принято не слишком заботиться о чистоте улиц, дворов, мастерских, заводов и о придании городу здорового воздуха и красивой внешности».

Кроме того, сложилась практика возвышения не середины улицы, как это следовало делать, а боков ее около тротуаров. Вследствие этого на середине улицы образовывалась ложбина и вода никак не могла попасть в канавы. Летом 1875 г. городская управа объявила о запрещении «поднимать или возвышать одну сторону улицы без поднятия середины… употреблять для фашенника молодой березняк», который нужно было сохранять и беречь, так как он обеспечивал очищение воздуха[2].

Поиски новых вариантов содержания улиц

С годами особую остроту приобрело состояние тротуаров, мостовых, хождение по которым для пешеходов становилось все более опасным. 2 ноября 1880 г. в Воскресенской части города погиб купец Петр Щекин. Он умер от ушиба, полученного при падении с тротуара в подвал у лавки Чертолина[3]. В конце мая 1885 г. в «Сибирском вестнике» появилось сообщение относительно намерения городской управы летом «произвести опыты устройства в городе деревянной, по особому способу, и каменной (плитками) мостовой». Деревянную предполагалось про-

[1] *ТГВ*. 1875. 8 марта.
[2] Там же. 28 июня.
[3] Там же. 1881. 10 янв.

ложить по переулку реального училища между Магистратской и Миллионной улицами, каменную – из басандайского камня на одной из небольших улиц, пересекавших Почтамтскую. Ожидалась возможность прекратить «дорогое и совершенно неудовлетворительное шоссирование городских улиц непросеянной круглой галькой, благодаря которой в Томске весной и осенью нельзя перейти улицу, а летом жители дышат и портят зрение едкой пылью»[1].

В ноябре 1885 г. в «Сибирском вестнике» появилась перепечатка распоряжения начальника губернии с напоминанием о том, что оно жителями города не выполняется. «В Томске, несмотря на изданные городской думой обещанные для жителей постановления о мерах к охранению общественного здравия, и относительно содержания в исправности и чистоте улиц, площадей и тротуаров, многие улицы, дворы, торговые и промышленные заведения содержатся в явный ущерб народному здравию, грязно». Особую обеспокоенность городских властей вызывало состояние тротуаров, которое «по безобразному устройству и ветхости» создавало угрозу общественной безопасности. По тротуарам, скорее приспособленным для катания на коньках, становилось опасно ходить. Мальчишки, толпами шмыгавшие между прохожими на коньках, падая, создавали опасные ситуации для пешеходов. Автор публикации Щукин сетовал по поводу того, что можно даром брать «миллионы возов песку в самом городе, но никто не догадался привезти и разбросать его там, где ходит трудящийся человек, которому и некогда и не на что лечиться, если он сломает себе ногу, как это случилось с одною дамою». Самыми скользкими оказались тротуары около здания думы, у церквей, у домов богатых людей. Автор с иронией заключает: «Думе, конечно, не до того, чтобы думать о мостовых и песке… чтобы обыватель не разбивал носа на льду тротуаров, чтобы горели лучше фонари в темноте ночи, чтобы пил он не навозную воду»[2].

Через месяц после приведённой публикации в «Сибирском вестнике» вновь поднимается вопрос о состоянии тротуаров: «Наши тротуары находятся в весьма неудовлетворительном состоянии, особенно по бойким пунктам города, они положительно опасны для пешеходов». И далее называются конкретные адреса: «Так, по Почтамтской улице, от места и до угла против магазина Карнакова и по Миллионной, от магазина Ненашева до мужской гимназии – сплошная гололедица, и так

[1] *СВ*. 1885. 26 мая.
[2] Там же. 14 нояб.

скользко, что прохожие постоянно падают, причиняя себе более или менее тяжелые ушибы». Совершенно очевидно бесполезной оказалась посыпка тротуаров сухой и холодной золой или песком. При почти постоянном ветре она ни к чему не приводила, ветер моментально сдувал и золу и песок, чтобы посыпка приносила пользу, предлагалось производить её горячей золой или горячим песком, тогда они будут впитываться в лёд, и ветер не будет уносить их[1].

В 1892 г. на заседании комиссии по замощению улиц рассматривались варианты улучшения их состояния. П.М. Кошаров высказал соображение относительно предпочтительности мощения улиц только щебнем (битым кремнистым сланцем). Вновь было принято предложение комиссии о необходимости уничтожения канав под тротуарами: прошло двадцать лет с тех пор, как распоряжение об этом городской управой, поддержанное думой, было обнародовано, но ситуация оставалась прежней.

Поскольку не выполнялось домовладельцами и распоряжение по устройству улиц, комиссия по замощению улиц выступила с предложением «натуральную повинность домовладельцев по устройству улиц обратить в денежную». Городская дума приняла проект комиссии[2].

К весне 1892 г. определился план работ, которые считалось целесообразным начать с мощения Базарной площади, «наиболее посещаемой населением, наиболее нуждающейся в приведении в порядок». Контроль за осуществлением работ возлагался на избранную по решению городской думы комиссию в составе И.В. Богомолова, А.Ф. Жилля, С.А. Сухова, под председательством И.В. Богомолова. В апреле 1895 г. в состав комиссии были введены ещё А.П. Дубровин и И.В. Хмелев.

Ежегодно начиная с 1892 г. под контролем комиссии с 15 мая продолжались работы по благоустройству улиц города. Они сопровождались в 1895 г. перемощением рейнштоков на горе по Александровской улице, завершением работ на Офицерской улице, продолжением приведения в порядок бассейна. Ожидалось летом 1895 г. окончание дренажной канавы по Ерлыковской улице, завершение благоустройства Александровской улицы, между кирхой и садом Общества садоводства. Планировалось также приступить этим летом к новым работам по ремонту ул. Акимовской, Базарной площади, около церкви Богоявления, по Тецковскому и Хомяковскому переулкам, Миллионной, Магистратской и

---

[1] *СВ*. 1885. 19 дек.

[2] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 184–185.

Черепичной улицам, Набережной реки Ушайки, подъездов ко вновь строившемуся Базарному мосту, Жандармской улице, части Воскресенской от дома Гадалова до Белой улицы.

Общий объём расходов на все перечисленные работы определялся суммой в 15269 р. По смете на работы в 1895 г. определялось выделение 8000 р. Комиссия просила думу либо выделить остальные деньги, либо определить самые неотложные работы на лето 1895 г. и те, которые могут быть перенесены «до более благоприятного времени».

Дума постановила не производить пока мощение Базарной площади и Набережной реки Ушайки. На мощение Миллионной улицы – потратить 1000 р., Магистратской – 640 р., Жандармской – 1000 р., Воскресенской – 500 р. На производство всех ремонтных работ в 1895 г. было решено ассигновать 12000 р.[1]

Работы велись, деньги на них тратились немалые, а городские власти вновь и вновь вынуждены были констатировать: «С наступлением теплого сухого времени улицы города постоянно покрыты целыми облаками пыли, что, несомненно, крайне вредно для обывателей города».

В сентябре 1896 г. гласный А.П. Дубровин обратился в городскую думу с заявлением: «Наш город, в течение нескольких лет устраивая мостовые, затратил… десятки тысячи рублей, и в результате все-таки наши мостовые находятся в невозможном состоянии, как, например, Магистратская, Почтамтская улицы и Набережная реки Ушайки… На такой затраченный капитал возможно было сделать вполне прочные мостовые не только по центральным улицам, но и по всей окраине города потому, что у нас в черте городских земель есть для этого сколько угодно материалов». Летом 1896 г. автор заявления побывал «в главнейших городах Российской империи, специально проживая по нескольку лишних дней, наглядно ознакамливался с различными способами мощения улиц из разных материалов». Более практичным ему показалось мощение улиц города Одессы «под наблюдением опытных техников». Дубровин, полагая, что он достаточно хорошо усвоил способ мощения улиц в Одессе, «заручился для этого особыми руководствами». Он предлагал свои услуги городу, взяв на себя труд вымостить указанную ему улицу по десяти сажен разными способами и из разных материалов». На заготовку материалов он просил предоставить ему 500 р., заверяя: «…я точно определю, во что обойдётся стоимость квадратной сажени каждого способа мощения». Затем Дубровин полагал

[1] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 204–206.

возможным «отдать мощение улиц подрядчикам посредством торгов». Дума приняла его предложение.

Вместе с тем главную причину ужасной запылённости города в летнее время городская дума усматривала не в том, каким способом проводилось мощение улиц в Томске. На заседании городской управы 1 мая 1897 г. было отмечено: «… в лето прошлого 1896 г. только некоторые домовладельцы улицы против своих домов поливали, прочие же от этого отказывались, говоря, что делать этого не обязаны».

Городская управа сделала запрос в думу, «не будет ли признано возможным издать обязательное постановление о поливке улиц в летнее время не менее двух раз в день».

Городская дума решила «оставить этот вопрос открытым, поручив управе предложить свои соображения, не представится ли возможным организовать при городском общественном управлении особую артель водовозов, к услугам которой могли бы обращаться домовладельцы для поливки улиц».

Председатель комиссии И.В. Богомолов вёл переговоры с бароном Аминовым и инженером Ксирихи. Первый взялся помочь городу в нивелировке низменностей и берегов Томи, Ксирихи обещал поручить кому-либо из подведомственных ему специалистов нивелировку всех остальных частей города[1].

Городская дума постановила возложить на управу производство работ по замощению улиц города на лето 1897 г. Управе предоставлялось право на приглашение техника, если появится в этом надобность, назначить ему жалование по своему усмотрению. Летом этого года предлагалось ограничиться проведением только необходимых работ[2].

Внесённое 2 мая 1897 г. предложение члена комиссии об «исправлении» дороги к вокзалу железнодорожной станции «Томск» с выделением на это 2000 р. не прошло. Но позднее работа по ремонту этой части дороги всё же велась. В конце июня 1897 г. городская дума поручила управе «окончить устройство шоссе от города к железнодорожной станции «Томск»[3].

Иногда на заседаниях городской думы возникали вопросы, касающиеся отношения к достопримечательностям города. 23 мая 1897 г. возникла проблема ремонта сооружений, связанных с пребыванием в Томске в 1868 г. великого князя Владимира Александровича. Город тогда

---

[1] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 767–768.

[2] Там же С. 1144–1145.

[3] Там же С. 1147, 1148, 1193–1196.

подарил Томскому резервному батальону беседку, в которой были поднесены великому князю хлеб-соль, и лодку, в которой он «изволил переплыть реку Томь». В течение многих лет «эти предметы поддерживались батальоном с целью предохранить их от разрушения». Над лодкой был установлен деревянный навес. К лету 1897 г. навес упал, а беседка «пришла в такое состояние, что тоже угрожает падением», – констатировалось на заседании городской думы. Для ремонта этих сооружений требовалось около 200 р. Командир батальона просил у города хотя бы 100–150 р. Городская дума постановила выделить из городских средств за счет «сверхсметных поступлений на текущий год» 100 р.[1]

Горожане проявляли небрежное отношение к тому, что для них делалось в городе. Для входа в университетскую рощу в начале XX в. выдавались особые билеты, на обороте их с разъяснениями, призывавшими посетителей рощи к порядку. Но эти разъяснения не достигали своей цели: «в кустах против левого крыла здания университета скамейки были выворочены, …места около них загажены», некоторые скамейки пришли в ветхость или были расшатаны так, что едва стояли, а велосипедисты свободно разъезжали по аллеям, несмотря на запрещение[2].

Разработка новых инструкций по благоустройству города

У губернских властей постоянную озабоченность вызывало невыполнение в течение многих лет домовладельцами Томска распоряжений по поводу содержаниями ими улиц и тротуаров. 31 июля 1897 г. вице-губернатор направил полицмейстеру приказ обратить внимание на невыполнение жителями города постановления городской думы, изданного ещё в 1881 г., относительно исправления улиц и тротуаров, которые продолжали содержаться «в крайней неисправности». Одна из причин этого вице-губернатором усматривалась «в недостаточно внимательном отношении членов полиции к исполнению долга службы по наблюдению за городским благоустройством». Вице-губернатор потребовал от полицмейстера обеспечения «неослабного наблюдения за точным исполнением домовладельцами г. Томска постановлений 1881 г. … во всей их полноте», в случае неисполнения их в дальнейшем виновных (как чинов полиции, так и домовладельцев) следовало привлекать к от-

[1] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 1157.
[2] *ГТ*. 1908. 3 июля.

ветственности «в установленном порядке». Полицмейстеру вменялось в обязанность «по истечении каждого месяца» подавать ведомости «о всех замеченных по участкам неисправностях и нарушениях домовладельцами обязательных постановлений думы, вызвавших возбуждение преследования»[1].

Вскоре внимание вице-губернатора было обращено на несоответствие постановления городской думы 1881 г. «настоящему состоянию городского населения, как по численности, так и составу его жителей, обновлённому и увеличенному разного рода лицами, прибывшими в город по обязанностям службы во вновь образованные правительственные и частные учреждения, открытые в Томске за последние 10 лет».

Вице-губернатор предложил полицмейстеру войти в городскую думу с предложением о пересмотре обязательных постановлений 1881 г. «с целью согласования их с настоящими потребностями города», внести некоторые дополнения для обеспечения «безопасного передвижения жителям города по тротуарам и улицам», и для создания условий жизни «при необходимой гигиенической обстановке». Для приведения города «в благоустроенный вид», который должен соответствовать занимаемому им ныне положению среди «не только сибирских но и европейских городов», городскому управлению предлагалось в очередной раз обратить внимание «на неудовлетворительное содержание улиц, во многих случаях зависящее от отсутствия дворников в некоторых дворах».

Представлялось целесообразным составление инструкций для городского архитектора или комиссии, занимавшейся проблемами благоустройства города. Новые инструкции должны были обеспечить организацию наблюдения и руководства «при возведении разного рода построек обывателями», соблюдение необходимого расстояния между постройками, высоты окон подвальных этажей. Разработка инструкции имела важное значение для более чёткого определения взаимоотношений архитектора с домовладельцами.

В самом конце XIX в. городская дума обратила внимание на обширную, густо населённую и в то же время грязную часть Томска, известную под названием «Болото», окруженную с трёх сторон Воскресенской горой. Проезжать из этой части города в гору можно было только с восточной стороны по Акимовской и Загорной улицам. На плане города Томска значится Новокарповская улица, соединяющая «Болото» с северной его стороны с Воскресенской горой. Но в этой час-

[1] *ТГВ*. 1897. 31 июля.

ти Воскресенская гора круто обрывалась, пешеходы могли спускаться по крутому обрыву с трудом. На этом обрыве требовалось приобрести части мест, принадлежавших Плотникову и Федоровой, затем приступить к преодолению крутизны горы «для устройства пологого взвоза». Для этого предстояло прокопать верхнюю часть Ново-Карповской улицы до Воскресенской горы и сделать насыпь в нижней части этой улицы и перегородить таким обрывом Загорную улицу. Но представлялось более удобным «сделать продолжение на гору с Кондратьевской улицы», для чего требовалось приобретение крепостного места Гусева, в которое упиралась Кондратьевская улица.

Городская дума постановила купить участок земли Гусева площадью в 313½ квадратных саженей за запрошенную им цену в 1400 р.[1]

В начале XX в. вырос спрос на землю под постройку домов по обеим сторонам дорог от города на железнодорожные вокзалы «Томск» и «Степановский разъезд», но пока езда по ним была небезопасной, везти по ним поздно вечером и ночью отказывались извозчики[2].

На разработку новых инструкций относительно благоустройства города и соответствующего содержания улиц и тротуаров ушло много лет. Обязательное постановление Томской городской думы «для местных жителей» было разработано и утверждено 18 июня 1904 г. Называлось оно «О порядке содержания в исправности улиц, площадей, канав, естественных стоков тротуаров и переходов в городе Томске». Обязанность содержать всё перечисленное возлагалась на ведомства, учреждения и частные лица, владевшие домами или землями, «хотя бы владение происходило на праве аренды».

В постановлении зафиксировано подразделение улиц на мощёные и шоссированные, спланированные и не спланированные. Мощёные или шоссированные улицы должны были содержаться как в мощёной и шоссированной части, так и в обочинах или рейнштоках в том виде, какой они обрели при мощении и шоссировке. Ремонт мог производиться только теми материалами, которые использовались при мощении и шоссировании.

Постановлением предусматривалось содержание улиц, спланированных городским управлением «в том самом виде, какой придан им планировкой». Подсыпку на этих улицах на углублениях предполагалось производить каменным щебнем или галькой.

---

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 143–147.
[2] Там же. С. 876–878.

Перечень спланированных улиц и переулков включал: Дворянскую, Спасскую, Монастырскую, Монастырский переулок, Садовую от Почтамтской до Буткеевской, Александровскую от Еланской до Черепичной и от Жандармской до Преображенской, Торговую от Бульварной до Александровской, Нечевский переулок от Торговой до Жандармской, Нечаевскую, за исключением квартала от Жандармской до Тверской, Никитинскую от Жандармской до Спасской, Жандармскую до Александровской, Дроздовский, Макаровский и Татарский переулки, Большую Королевскую до Завьяловского переулка, Ямскую, Набережную Ушайки, Магистратскую, Миллионную – обе последние улицы до Серебренниковского переулка, Духовскую до Карповской, Тецковский и Приюто-Духовский переулки, Ефремовскую, Иркутскую до триумфальной арки, Акимовскую и Большую Кирпичную улицы.

Не спланированные или «совершенно испортившиеся» улицы должны были иметь середину выше обочин с пологим скатом. Допускалось в содержании улиц использование каменного щебня или гальки. Строго запрещалось (причём в который раз за последние два-три десятка лет! – *А.Ж.*) заливание и заваливание улиц навозом. Требовалось содержание в порядке рейнштоков, укрепление их в крутых местах обожжённым кирпичом или желобами из плах. Не разрешалась засыпка водосточных канав. Повторялось требование зимой очищать улицы от снега, снег, грязь, навоз – свозить с улицы на отведённые места. Повторялось запрещение выбрасывать на улицу «всякого рода отбросы, падаль, сор, выливать помои, нечистоты, вытрясать на улицах платье, ковры и т.д., спускать в рейншток и канавы нечистоты из помойных ям и ретирадных мест, а также всякого рода зловонные жидкости»[1].

Домовладельцы обязывались «устраивать и содержать каменные, бетонные, асфальтовые и деревянные тротуары высотой не более 6 вершков и шириной – по 1,5 аршина».

В начале XX в. околоточными надзирателями составлялись протоколы на домовладельцев, допускавших невыполнение постановления городской думы.

Такие протоколы были составлены на статского советника И.А. Быстржицкого «за неочистку тротуаров от снега и неуборку снега с улицы», на купчиху А.Н. Королеву «за неуборку снега с улицы», на неё же «за неуборку снега и неочистку тротуаров от льда по Ерлыковской улице, около конного завода», на купца И.М. Иваницкого «за неочистку

[1] *ТГВ*. 1904. 15 июля.

рейнштока по Бульварной улице № 14», на мещанку г. Ялты А. Соколову «за неуборку снега и разбрасывание его по улице» – на Ерлыковской улице № 17, на чиновника В. Александровского, мещанина М.З. Таловского «за неуборку снега», мещанина Н. Саваровского по Александровской улице «за неочистку двора и улицы от снега, неочистку помойной ямы и отхожего места»[1].

Зимой 1908 г. за свалку нечистот из помойной ямы на Ушайку был составлен протокол на В.М. Косенчука (жителя Новокиевской улицы, 28), а также на домовладельца Садыкова (Большая Королевская, 20) – за свалку нечистот на берег Томи. Домовладельца с Ефремовской улицы Карукес мировой судья «за неочистку помойной ямы» приговорил к штрафу в 50 р. На эту же сумму был оштрафован «за антисанитарное содержание двора» Драгомирецкий (Офицерская улица, 27). За «крайне грязное содержание дворов», отхожих мест, помойных ям весной 1908 г. были составлены протоколы на жителей улиц Загорной, Кондратьевской, Петровской[2].

За невыполнение обязанностей по содержанию улиц и тротуаров на 50 домовладельцев был наложен штраф в размере 50–100 р. в сентябре 1909 г. А в начале октября этого же года ещё с 15 домовладельцев взимался штраф в размере от 25 до 300 р.[3]

В районе каменных построек по Почтамтской, Миллионной, Магистратской улицам и Соборной площади стало запрещаться сооружение деревянных тротуаров. Пришедшие «в ветхость» следовало заменять асфальтовыми или проложенными из тесаного камня. Городская управа не разрешила в мае 1908 г. мещанской управе устройство деревянного тротуара. Считалось недопустимым настилание около дома полицейского управления деревянного тротуара, такой же тротуар был у дома Абакумовой прямо напротив самой городской управы «с громадными неудобными для ходьбы заплатами»[4].

Летом 1908 г. появились публикации о наличии во многих местах города ветхих тротуаров. «Сибирская правда» сообщала: «Ветхие тротуары можно встретить чуть ли не на каждой улице и даже около домов более или менее состоятельных владельцев. Недавно на Жандармской улице, около Снарского, один господин оступился в гнилую доску так неосторожно, чуть не вывихнул ногу, ушедши от этого дома сильно

---

[1] *ТГВ*. 1906. 22 марта.
[2] *ГТ*. 1908. 5, 18 янв., 19 марта, 1 апр., 17 мая.
[3] *СП*. 1909. 20 сент., 4 окт.
[4] *ГТ*. 1908. 8 мая.

прихрамывая». Извещение о случившемся завершалось вопросом: «Почему бы не обратить общее внимание на подобные тротуары с западней?»[1].

Через две с половиной недели после этого случая «Голос Томска» поместил заключение комиссии по благоустройству города: «Исправление тротуаров в городе идёт ужасно медленно»[2].

Судя по публикациям конца первого десятилетия XX в., масштабные работы по ремонту дорог в Томске не проводились. А за выполненную работу в отдельных регионах города жителям предъявлялся счёт за мощение улиц. Городская управа в ноябре 1908 г. постановила возбудить иск за мощение Миллионной улицы с Г.С. Кудрина (294 р.), Т.И. Коробова (349 р. 50 к.), А.Я. Березницкой (345 р. 75 к.), В.Н. Аронова (195 р.), И.И. Борисова (211 р.)[3].

Чаще всего в публикациях обращалось внимание на состояние тротуаров, которые с годами становились все более опасными для пешеходов. «После даже сравнительно небольшого ненастья эта улица (бывшая Жандармская, недавно переименованная в улицу Гоголя. – *А.Ж.*) превращается в нечто невозможное».

В августе 1908 г. жители Жандармской улицы ходатайствовали об исправлении пришедших в негодность откосов и перил при спуске на Никольскую улицу. Управа ответила отказом, ссылаясь на то, что «забота об исправлении спланированных улиц, площадей и канав лежит на домовладельцах». В случае выполнения работ, связанных с ремонтом или прокладкой тротуаров на отдельных участках улиц города, счёт предъявлялся домовладельцам. По правой стороне Садовой улицы пешеходы «чуть не по колено вязли в грязи» вследствие того, что совсем не было дощатых тротуаров. Их проложили арестанты от технологического института до госпитальных клиник (бывшего второго студенческого общежития). Они же обустроили и переходы. Полицмейстер представил счёт на 230 р. для возмещения денег с домовладельцев правой стороны Садовой улицы[4].

Много нареканий высказывалось жителями города на состояние тротуаров по Нечаевской улице «не только для пешего, но и для конного движения». Жители предупреждались: «Будьте осторожны, когда проходите мимо домов Пушкинского и бывшего дома Песляна, так как

---

[1] *СП*. 1908. 1 июня.
[2] *ГТ*. 1908. 19 июня.
[3] Там же. 14 нояб.
[4] Там же. 9 авг.

около этих домов валяется немало острых камней и железных срезков, которыми уже несколько человек испортили себе обувь». В тот же июльский летний день по Нечаевской улице «две барыни шли к обедне в воскресенье, одна из них оступилась на доске и приподнятым концом испортила обувь сзади их следовавшего господина, а другая задела своим платьем за гвоздь и разорвала конец юбки. Это против дома № 36, да не лучше тротуары и у других домов». Публикация завершалась пожеланием, чтобы «домовладельцы исправили тротуары, а то цены за квартиры возвышают, сами же не хотят даже тротуары починить, забить как следует гвозди в доски»[1].

В печати обращалось внимание городской управы и полиции «на устройство тротуаров на углу Солдатской улицы и Нечаевского переулка… помимо невозможного устройства» они содержались «крайне неопрятно» и «угрожали увечьем». В том районе находилась Еланская аптека. 23 января 1911 г. около 7 часов вечера Курицына, жена служащего на кирпичном заводе Некрасова, «проходя по Солдатской улице около домов Пешковского, где помещается Еланская аптека, на тротуаре поскользнулась и так упала, что разбилась до крови»[2].

Еще летом 1908 г. торговый дом Кухтериных обратился в городскую управу с просьбой о замощении Нечаевской улицы против их усадьбы во всю ширину с условием уплаты по 10 р. за квадратную сажень. Управа ответила на заявление Кухтериных согласием[3]. А через два года в печати сообщалось: «Около дома купца Кухтерина тротуары редко бывают в исправности и еще редко посыпаются песком, по сему ходьба по ним почти невозможна». В начале ноября 1910 г. «один господин, поскользнувшись, упал и не только зашибся, а даже разорвал шубу, задев за железную крышу, которая низка и собою закрывает вход в кондитерскую, помещавшуюся в подвале»[4].

По очень узкой Магистратской улице было большое движение. В сухое время поднималось облако пыли, которое стояло до тех пор, «пока не подует ветер вдоль улицы и не разметет ее». Пройти по улице в это время значило «окунуться в море пыли, которая попадает и в нос, и в рот, и в уши!» А между тем на этой улице жили такие домовладельцы, «которым стыдно было бы не поливать улицу против своих домов и магазинов»[5].

---

[1] *СП*. 1909. 26 июля.
[2] Там же. 1910. 11 дек., 29 янв.
[3] *ГТ*. 1908. 14 авг.
[4] *СП*. 1910. 13 нояб.
[5] Там же. 1911. 1 окт.

Чем дальше, тем опаснее становилось ходить по томским тротуарам даже днём. Гнилые доски проваливались, пешеходы рисковали переломать ноги. Многие настилы находились над глубокими ямами. На Никитинской улице в мае 1911 г. в такую яму провалился студент. Гвоздь глубоко вошёл в ботинок, ранив ногу[1].

С наступлением зимы, выпадением снега, когда тротуары «не только своевременно, но даже во многих местах совсем не очищаются, ноги скользят», пешеходы нередко срывались с мостков, часто высоких, падая иногда в канаву. Частыми становились ушибы, вывихи. Снежные сугробы в отдельных местах города доходили почти до второго этажа домов[2].

Постоянное обращение внимания на необходимость своевременной уборки снега не давало заметных результатов. В газетах продолжали называться конкретные адреса, по которым «неуборка снега на улицах города продолжала оставаться в том же виде»[3].

26 января 1912 г. «Сибирской правдой» сообщалось: «…за последнее время выпало в Томске очень много снегу, сбитого благодаря бурям в отдельные сугробы. Езда по некоторым улицам прямо невозможна, например по Бульварной, против Аполлинариевской улицы наметена гора, на которую и с пустым возом трудно и небезопасно взобраться. На улицах появилось много ухабов. Тротуары в большинстве не очищены, получились такие наросты, гребни, по которым ходить невозможно. Казенные усадьбы очищают снег несвоевременно»

Справедливо в печати обращалось внимание на то, что город Томск «хотя и университетский, ученый, прогрессивный, но страшно не культурный, куда ему до Иркутска». И далее ставился (в который раз!) вопрос: «Неужели же нельзя вменить в обязанность домовладельцам и строго следить, чтобы снег очищался и мостки или тротуары обязательно посыпались хотя бы золой, если не имеется песку. Ведь горячая зола лучше прилипает к снегу, ко льду и не сметывается ветром».

Много несчастий принесли горожанам оттепели в октябре 1911 г. «Бедные дамы особенно страдали от ушибов при падении… некоторые (пешеходы. – *А.Ж.*) избегали идти по тротуарам даже на Почтамтской улице, а шли по краю дороги, рискуя попасть под лошадь»[4].

---

[1] *СП*. 1911. 14 мая.
[2] *ГТ*. 1908. 18 нояб.
[3] *СП*. 1912. 14, 21 янв.
[4] Там же. 1911. 15 окт.

Большую опасность для пешеходов представляла лестница возле почты. В Томске не был использован опыт других городов по устройству посередине лестницы перил с поручнями, «чтобы могли держаться одновременно и правая и левая сторона публики». Было очевидно, что «устроить это без сложностей легко и зимою, в морозы»[1].

Самым огорчительным было поведение состоятельных горожан. Более десятка солидных домов в городе имел Акулов, который был способен «всегда дать под процент какую угодно сумму». Он почти в течение целого года загромождал «пол-улицы у своего дома на Гоголевской улице, стесняя жителей проездом». А при ходьбе по тротуару у его дома по Солдатской улице он «приучил публику практиковаться эквилибристикой». Лишь к середине лета 1911 г. он «смилостивился наконец положить прочные доски»[2]. Обледенелые тротуары оказывались преимущественно около домов купцов (Гадалова, Горланова, Кухтерина) на Нечаевской улице, по которой трудно было пройти без падения. Странным казалось не столько то, что именитые купцы плохо следили за содержанием тротуаров и редко посыпали обледенелые места песком, а то, что «на эту неисправность не обращали внимание полицейские чины, обязанные следить за исправным содержанием улиц, тротуаров и проч.»[3].

Зима 1911–1912 г. оказалась особенно снежной. Такого количества снега старожилы не могли вспомнить. Даже в середине марта нельзя было проходить по тротуарам, еще не очищенным от снега[4].

Сказывалось несвоевременное и некачественное проведение работ по мощению улиц летом. В 1910 г. мощение Никольской улицы затянулось до глубокой осени. Береговая её часть, идущая по левой стороне Ушайки, укреплялась уже с наступлением заморозков. Насыпь не удалось уложить плотно. Во время весеннего разлива большая часть укреплений дала осадку настолько, что мощеное полотно дороги провалилось[5].

Снежный отвал по Кондратьевской улице на правом низменном берегу Ушайки оказался таким, что трудно было рассчитывать на разовый проход воды при таянии снега в устье реки. Не случайно в самом конце марта 1913 г. выражалось опасение по поводу того, что «вода должна

---

[1] *СП*. 1911. 21 окт.
[2] Там же. 25 июня.
[3] Там же. 1910. 6 нояб.
[4] Там же. 1912. 3, 18 марта.
[5] Там же. 1913. 6 янв.

устремиться на правую сторону и затопить дома даже в том случае, если бы ледоход был беспрепятственным[1].

В печати продолжали появляться публикации с сообщениями об участившихся случаях падения пешеходов, особенно зимой, «на отшлифовавшихся» тротуарах, а в летнее время при ходьбе по сгнившим доскам.

Самым тяжелым, трагическим по своим последствиям оказалось падение в яму студента медицинского факультета университета Сергея Иерусалимского, приехавшего в Томск на учёбу из Костромы. 12 октября 1905 г. около 9 часов вечера у студента-медика Ст. Гусева собрались его друзья-студенты на вечеринку. Немного выпив и посидев до 11 часов, гости стали расходиться. Первым ушел Новинский. Сделав несколько шагов, он упал в яму и стал звать на помощь. Его вытащили из ямы, вырытой во дворе дома А.А. Монякова для укладки водопроводных труб. Новинский, к его счастью, отделался легкими ушибами. Но уступая дорогу Новинскому, упал в другую яму, через которую была поперек проложена плаха, С. Иерусалимский. Издававший крики и стоны он оказался разбитым параличом, сильно был поврежден у него спинной мозг. Иерусалимский пролежал в больнице с 14 октября 1905 г. по апрель 1906 г. Он предъявил Монякову, во дворе которого произошла трагедия, иск на сумму в 2000 р. Дело рассматривалось в суде 13 августа 1908 г. Суд вынес решение: просить Костромской окружной суд (по месту прописки пострадавшего) «провести судебно-медицинское освидетельствование Иерусалимского о степени потери трудоспособности и причинной связи с событиями 12 октября 1905 г.». Где бы ни проводилось его освидетельствование, очевидным последствием его падения стала полная потеря трудоспособности[2].

При ходьбе по краю проезжей части дороги там, где опасно было идти по тротуару, горожане «ежеминутно рисковали быть раздавленными», потому что движение по улицам города «происходило без всякого порядка». Особенно опасным считался участок на углу магазина Второва на повороте с Почтамтской улицы на Благовещенский переулок[3].

В опасности оказывались не только пешеходы. При проезде по Садовой улице пристяжка, запряженная в экипаж полицмейстера, попала августовской ночью 1908 г. в одну из вырытых канав. Испугавшись, она бросилась в сторону. Сбитый в сторону коренник попал в другую кана-

---

[1] *СП*. 1913. 30 марта.
[2] *ГТ*. 1908. 19 авг.
[3] *СП*. 1911. 5 нояб.

ву, при этом сломалась оглобля, и лошади, несмотря на все усилия полицмейстера и кучера, понесли их по канавам и рытвинам, подготовленным для мощения улицы. С большим трудом в конце улицы лошадей удалось остановить. Ремонт экипажа обошелся в 147 р. Управа отказалась его оплачивать, ссылаясь на то, что «экипаж был отремонтирован весною и расход на ремонт его не предусмотрен сметой»[1].

Для исправления улиц, подъездных путей, устройства дамбы городская управа во время Первой мировой войны решила использовать труд военнопленных. На первое время управа затребовала 120 человек. Позднее число военнопленных для использования их труда на благоустройстве города планировалось довести до 1000 человек[2].

Содержание отхожих мест

Проблема представлялась необыкновенно сложной, так как постоянно ощущалось отсутствие обустроенных ретирад и антисанитарное состояние имевшихся.

В феврале 1872 г. в городской думе обсуждался вопрос об устройстве отхожих мест при казармах Томского батальона. Командир Томского губернского батальона сообщил о принятых мерах «для предостережения нижних чинов» вверенного ему батальона от эпидемии холеры в Томске. Он признавал, что «отхожие места при казармах неудобны… находятся у самых кухонь, где люди обедают», и недалеко от манежа, «где бывает постоянное скопление людей для учения». Хотя ретирады «по возможности» очищаются… но все-таки они сохраняют настолько нечистоты, что исходящий от них дурной запах заражает воздух, проникает в кухни и казармы». К тому же нижние венцы ретирад «совершенно изгнили». Во избежание увеличения числа заболевших холерой среди нижних чинов батальона командир просил «сделать распоряжение о перестройке отхожих мест на более соответствующем месте». Городская управа просила городскую думу предусмотреть на 1872 г. расходы на перестройку ретирад. дума постановила: по получении от начальника губернии сведений о размерах отхожих мест при казармах составить проект и смету на их устройство[3].

---

[1] *ГТ*. 1908. 20 авг.
[2] *ТВ*. 1915. 20 мая.
[3] *ТГВ*. 1872. 8 апр.

28 апреля этого же года городская дума приняла решение о постройке двух ретирад при Томском губернском батальоне с отнесением расходов в размере 669 р. 21 к. на счёт квартирного сбора[1].

На заседании городской думы в мае 1872 г. рассматривался вопрос о постройке ретирад на Базарной площади. Этому предшествовало сообщение в городскую управу 7 апреля, что «на здешнем базаре нет ни одного устроенного отхожего места. Бывавшие на базаре люди оказывались вынужденными исправлять нужду под мостом через Ушайку и в других около базара местах, что весьма неудобно как по внешним условиям, так и в гигиеническом отношении». Испражнения (в теплое время), оставаясь неубранными, портя воздух, вредили здоровью. Если бы отхожие места были устроены в разных местах базара, их можно было очищать по мере надобности. Губернатор просил городскую управу об устройстве шести отхожих мест «в необходимых для сего местах». Управа вошла с представлением в городскую думу с тем, чтобы «расход на постройку отхожих мест был отнесен на экстраординарную сумму».

Дума приняла решение: «разрешить управе устройство ретирад на Базарной площади, сколько по усмотрению ее окажется нужным», за счет экстраординарных расходов, «соблюдая при устройстве ретирад всевозможную экономию в расходах»[2] (подчеркнуто мной. – *А.Ж.*).

В начале 90-х гг. по предложению томского губернатора городская дума постановила: поручить городской управе при участии представителя местной врачебной управы определить на Базарной площади г. Томска «целесообразное место для постройки ватерклозета, составить на эту постройку смету и представить в думу при рассмотрении сметы доходов и расходов на будущий 1894 год»[3].

За прошедшее с 1872 г. время общее санитарное состояние Базарной площади не изменилось к лучшему. Уже к концу первого десятилетия XX в. на базарных площадях и около толкучек туалеты содержались «в высшей степени антисанитарно» и далеко «давали о себе знать специфическим запахом». А главная базарная площадь, сильно унавоженная, загрязненная, оставалась очагом заразы «даже в благоприятное от холеры время»[4].

А что касается специфического запаха», он преследовал жителей почти всюду. Не было от него спасения ни на улицах города, ни на Ба-

---

[1] *ТГВ*. 1872. 5 авг.
[2] Там же. 9 сент.
[3] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 443.
[4] *СП*. 1909. 11 мая; 1911. 10 сент.

зарной площади, ни в читальном зале городской публичной библиотеки, ни в театре Королева, ни в Сбербанке. В проходных сенях городской публичной библиотеки, находившейся на Черепичной улице, зловоние было настолько сильным, что проникало и в читальный зал[1]. Некоторые жители Заисточья «местом для свалки материалов» из ватерклозетов избрали улицу около электрической станции. Около самого моста «образовались целые монбланы из экскрементов», распространявших, «несмотря на мороз, сильный аромат»[2].

В театре, в бельэтаже с правой стороны в каждый театральный вечер распространялся «отвратительный запах от ватерклозетов», которые, наконец, в середине 80-х гг. открыли для публики, но они оказались не доделанными до конца. Хотя трубы и были проложены, но в них не было воды. Устроенные небольшие вентиляции слишком плохо освежали воздух. В октябре 1886 г. была предпринята попытка очищения воздуха тлеющими тряпками. Но это привело к тому, что «образовалась такая удушливая вонь, что без платка у носа сидеть в ложе оказалось невозможно». Законным представляется поставленный в публикации вопрос: «Неужели так дорого стоит снабжение ватерклозетов водою?»[3]. Предложения, которые выносились на страницы газет, диктовались стремлением избавить жителей города «от заразного и неприятного запаха». Иногда ставился вопрос о необходимости дезинфекции туалетов на базарных площадях и около толкучек по ночам[4].

Буквально бедствием для жителей города стало появление в Томске обозов ассенизаторов, которые тянулись по улицам днём и ночью, «угощая прохожих и проезжих зловонием», так как большинство бочек были не приспособлены «к герметическому закупориванию» и даже не имели «простых крышек». Горожанам приходилось также «отходить на почтительное расстояние» от тех домов, в которых производилась очистка ям. Считалось целесообразным, чтобы городская управа снабдила городских ассенизаторов «дезинфикационными средствами», а частным ассенизаторам «иметь таратайки и бочки с плотными крышками и тоже дезинфицировать очищаемые ямы и бочки»[5].

Входящих в сберкассу на Миллионной улице «невольно» обдавал «специфический запах мочи из близ находящегося Vatera». Законным

---

[1] *ГТ*. 1908. 6 янв.
[2] Там же. 1 марта.
[3] *СВ*. 1886. 17 окт.
[4] *СП*. 1911. 10 сент.
[5] Там же. 10 дек.

являлся вопрос, поставленный в октябре 1911 г. «Сибирской правдой»: «Неужели правительственным местам следует напоминать о соблюдении санитарных правил?» Обращалось внимание на то, что «не лучше эти места содержатся и при камерах некоторых мировых судей. Вот уж последнее мы не знаем, чем и объяснить: сами же судят нарушителей обязательных постановлений о санитарии и сами же не заботятся об исполнении их. Очевидно, судить легче, чем содержать нужные места в порядке», – делалось заключение в «Сибирской правде»[1].

Размышления относительно необходимости осуществления мер к предотвращению распространения «аромата» при перевозке нечистот из туалетов в обозах оставалось, похоже, чаще всего без их реализации. 3 августа 1913 г. в 8 часов вечера обоз частных ассенизаторов так обильно полил нечистотами Солдатскую улицу, что «зловоние не только поражало обоняние идущих по улице, но, врываясь в открытые двери и окна, буквально отравляло все и вызывало рвоту»[2].

Что имели, не сумели сохранить

«Правилами о порядке содержания в исправности и чистоте улиц, тротуаров, канав» предусматривалась также обязанность домовладельцев «не сваливать близ ключей и колодцев всякого рода нечистоты».

В конце апреля 1872 г. во время осмотра губернатором вместе с председателем губернского правления двух заброшенных ключей и местности за городом обнаружились сваленными «целые горы нечистот». Ключи, в которых раньше была очень хорошая вода, поручили очистить арестантской роте. Наблюдение за сжиганием нечистот «принял на себя полицмейстер», хотя это не входило в его обязанность[3].

В октябре 1875 г. генерал-губернатор Западной Сибири вменил «даже в особую обязанность начальникам губернии не дозволять ни под каким видом засорение рек»[4]. Но такого рода распоряжения, как оказалось, оставались «гласом вопиющего в пустыне». Всякий мусор продолжал валиться в Томь, Ушайку, портя воду. Проблема водоснабжения с каждым годом все более обострялась в связи с засорением речной воды и источников чистой воды в ключах, которыми изобиловал Томск.

---

[1] *СП*. 1911. 15 окт.
[2] Там же. 1913. 10 авг.
[3] *ТГВ*. 1872. 29 апр.
[4] Там же. 1875. 8 марта.

В начале 70-х гг. в городской думе стал обсуждаться вопрос «о порядке устройства водопровода». Но дело до принятия конкретных решений не доходило в течение многих лет. Когда в 1885 г. стало известно, что «будет приступлено к устройству водопровода для университета», это было воспринято с надеждой на возможность Томску «за дешевую цену приобрести хорошую воду», с пожеланием не упустить удобный случай, иначе город может надолго остаться без воды. Сама идея устройства водопровода справедливо считалась «одним из первых условий благоустроенного города»[1].

Казалось бы, дело могло сдвинуться «с мертвой точки». Тем более что в июле 1886 г. екатеринбургский купец Э.И. Миткевич предложил свои услуги по устройству в Томске водопровода с выдачей ему концессии на 35 лет с правом эксплуатации им водопровода, который затем должен был перейти в собственность города. Почти через год после поступления предложения Миткевича командированным им инженерам предстояло провести нивелировку города. В июне 1887 г. состоялось назначение специальной комиссии для рассмотрения вопроса по поводу устройства в Томске водопровода. Один из её членов, М.Ф. Валгусов категорически выступил против этого, заявив, что город существует 300 лет «и во все время обходился без водопровода». Остальные члены комиссии высказались за сооружение водопровода на средства города.

В это время неоднократно обсуждались меры, направленные на предотвращение дальнейшего обмеления Томи, а также наводнений из-за заторов льда. За 1886–1890 гг. жители страшно пострадали от ужасных по своим последствиям наводнений. Высокий уровень воды в значительной мере был следствием продолжительной зимы и громадного количества выпавшего снега. Но главная причина наводнений справедливо усматривалась в «усердии самих жителей, с каким они вывозили ежедневно тысячи возов снега и навоза на Томь».

Один из старожилов Томска, Тюшев, помнивший, какими были наводнения за последние 50 лет, утверждал, что до весны 1890 г. такого ужасного наводнения и разорения города не было. Оно, по его мнению, было следствием сложившейся практики засорения реки самими жителями города. В течение многих лет «все вывозимое на реку разбрасывалось в разных местах и хотя способствовало образованию заторов льда, но не в такой степени, как тогда, когда стали назначаться на реке известные пункты, так называемые отвалы, предназначенные специально

[1] *СВ*. 1885. 26 мая.

для сваливаемых удаляемых из дворов снега, навоза и других нечистот». С начала устройства на Томи навозных отвалов наводнения стали учащаться.

Тюшев просил городскую думу «совершенно воспретить на будущее время сваливание нечистот, навоза и снега, как на реки Томь и Ушайку, так и на берега этих рек».

Поскольку загрязнение Томи было следствием сброса нечистот жителями г. Кузнецка, представлялось необходимым запрещение и для них «сваливания нечистот, навоза и снега в Томь».

Одна из причин засорения города состояла в широком использовании навоза в качестве строительного материала при шоссировании улиц и укреплении берегов. В памяти старожилов сохранился опыт проведения дороги в начале 50-х гг. по Александровской улице без употребления навоза. Дорога в течение длительного времени (около 20 лет) простояла без всякого ремонта. По решению той же строительной комиссии, занимавшейся устройством дороги по Александровской улице, произошло обустройство набережной Ушайки напротив здания полицейской управы без навоза. Набережная в течение нескольких десятилетий также просуществовала без ремонта.

С годами все очевиднее становилось употребление горожанами непригодной для питья воды. Это было одной из главных причин нередко возникавших эпидемий, которые приводили к высокой смертности.

В январе 1892 г. городской голова П.В. Михайлов на заседании думы среди «многих неотложных нужд» города, как то постройки моста, скотобойни, каменных корпусов, мощении улиц и площадей, в качестве одной из важнейших задач отметил необходимость устройства водопровода. Но поскольку на все это требовались большие деньги, а их у города не было, дума постановила на одном из заседаний образовать комиссию «для составления соображений и изыскания средств на эти сооружения»[1].

Что касается решения проблемы водоснабжения города чистой питьевой водой, были предприняты меры для определения качества воды, которой пользовались жители.

Осенью 1892 г. профессор гигиены А.И. Судаков, врачебный инспектор при участии и «других лиц» осмотрели некоторые районы Томска. Особое внимание было обращено на выявление причин наибольшей заболеваемости в городе летом предыдущего года с учётом «неудо-

[1] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 179.

влетворительных санитарных условий». Удручающая картина была зафиксирована при обследовании местности между Горшковским переулком и Болотной улицей. Заваленная навозом, всякого рода отбросами она превратилась в болото, издававшее «сильное зловоние» и окружённое со всех сторон «тесным рядом полуразвалившихся домиков», в которых ютилось «множество бедного люда». Болото постоянно было «наполнено стоячей водой, гниющей жидкостью». На той же улице находился колодец, из которого жители снабжались водой. А.И. Судаков произвел анализ её. Вода оказалась непригодной для питья. Не случайно, во время эпидемии холеры летом 1892 г. в Горшковском переулке не было дома, в котором «не умерло бы или не хворало» по несколько человек. Не лучшим оказалось положение с качеством воды в Никольском переулке, на Уржатке, некоторых улицах Заозерья[1].

Губернатор просил городского голову «немедленно озаботиться изысканием способов и средств… к постепенному оздоровлению» вышеназванных районов города. Начать это дело считалось целесообразным с назначения комиссии в составе полицмейстера, губернского и городского архитекторов, врача Еланцева, местного участкового врача, а также профессора А.И. Судакова. Он изъявил готовность содействовать «в этом важном деле» и взять на себя председательство в комиссии.

Городская дума постановила ввести в состав комиссии еще и гласных Д.Х. Иванова, М.Ф. Валгусова, Э.Д. Жуковского, В.Е. Носкова и Г.Ф. Семенова. Осенью 1892 г. комиссия начала осмотр наиболее неблагоприятных районов города в плане определения качества потребляемой жителями воды.

Что касается жителей ранее обследованных мест в районе Болота, губернатор полагал, что «лучше бы им переселиться в другие места, куда они могли бы перевезти свои дома или построить там новые» из даром отпускаемого им строительного материала.

Летом следующего 1893 г. по заданию губернатора геологом губернского правления Оссовским были проведены работы «с целью изыскания источников водоснабжения» для пересыльной тюрьмы, а также для всего города. Главная задача при проведении изыскательских работ сводилась к отысканию надежных по количеству источников воды, с тем чтобы можно было ими пользоваться для снабжения хорошей водой и жителей города.

---

[1] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 301–303.

Оссовский основательно подготовился к выполнению задания губернатора. Он ознакомился со специальной литературой, с результатами работы, проделанной незадолго до начала геологического исследования им местности в городе и его окрестностях профессором геологии А.М. Зайцевым. В «Известиях Томского университета» ещё до 1893 г. А.М. Зайцев опубликовал «Заметки о геологическом строении окрестностей г. Томска», учтённые Оссовским. В изыскательских работах участвовали также горный инженер В.С. Реутовский и ассистент университетской кафедры геологии А.Н. Державин.

Обследование Оссовского проводилось от правого берега Томи «близ военного лагеря по направлению на север и северо-восток к пороховому складу Ельденштейна и дальше версты на 3 от него до «Большого лога», пересекавшего дорогу, которая вела от города в деревню Заварзино. В результате были обследованы район Лагерного сада, побережье Томи вдоль университета и рощи, береговое обнажение Ушайки, побережье Томи у подножия Воскресенской горы, местность от пересыльной тюрьмы до порохового склада Ельденштейна. Овраг «Страшный ров», овраги к югу от Иркутского тракта в сторону реки Ушайки.

В районе порохового склада были обнаружены запасы воды, но их оказалось немного. Вода в Белом озере уже давно была загрязнена навозом и нечистотами.

Но Томск обладал чистейшей артезианской водой. Оссовский в отчёте о результатах проведенного им исследования источников особо подчеркнул: «природа сосредоточила тут все лучшее, что только в одной местности сосредоточить возможно для наилучшего, идеального профильтрования водяной струи». Подземная вода проходила через многочисленные напластования; через растительную почву, серый песок, желтую песчаную глину, слоистые пески с прослойками песчаной глины. Все эти напластования завершались слоем кварцевых галек (галечным слоем) и серым глинистым песком. На всем пути продвижения водяная струя не испытывала присутствия каких-либо примесей, которые могли бы оказаться вредными для здоровья или могли бы придать воде неприятный привкус. Профильтрованная при таких благоприятных условиях томская вода принадлежала «нечастым в природе явлениям». Она представляла, по определению Оссовского, «свойства так называемой артезианской воды».

Но ко времени обследования источников в начале 90-х гг. XIX в. эта идеальная вода давно уже утратила свою «совершенную природную

чистоту». Более того, «во многих случаях, в особенности в некоторые времена года» она оказалась «загрязненной азотною и азотистою кислотами и легко окисляющимися органическими веществами». Это заключение подтверждало ранее сделанный вывод профессора А.И. Судакова.

С учётом результатов всех исследований воды к 1893 г. оказалось возможным дать объективную оценку ее качества, степени ее пригодности для питья. К этому времени были проведены не только химико-физические, но и химико-биологические исследования воды, которая употреблялась жителями Томска для питья. Студент 5-го курса университета выполнил работу именно в этом плане, исследовав воду Томи, Ушайки, почти всех имевшихся в Томске общественных колодцев[1].

Наблюдения, произведенные во время исследований, и результаты специальных ранее проведенных анализов воды убедили Оссовского в том, что «все нагорные части (города. – *А.Ж.*) загрязнены в значительной степени навозом так, что продукты гниения органических веществ легко попадают в проходящую через загрязненное напластование атмосферную воду, и хотя при дальнейшем фильтровании вода в значительной мере очищается, известная доля их остается в составе водяной струи, исходящей в виде ключа».

Одна из важнейших причин порчи воды состояла в «устройстве резервуаров, из которых город пользовался водой. Бока почти всех резервуаров облагались деревянным, легко подвергающимся гниению срубом». Незакрытые отверстия срубов давали «весьма удобный доступ пыли, наносимой ветром и вообще всеми атмосферическими движениями». Ранее приведенный профессором Э.А. Леманом химический состав воды подтверждал данный вывод Оссовского.

Вода университетских ключей, достаточно хорошо защищённых от влияния внешних факторов, совсем не содержала или содержала в незначительной степени какие-либо примеси.

Для возвращения воде её природной чистоты Оссовский считал необходимым переоборудование всех имевшихся в городе резервуаров с заменой их деревянной обкладки цементной. Резервуары требовалось перестроить в виде закрытых водохранилищ, по типу резервуаров, сооруженных при университете.

Одним из главных условий очищения воды справедливо считалось прекращение дальнейшего загрязнения нагорных частей города и бли-

---

[1] *Журнал* заседаний Совета Императорского Томского университета… 19 октября 1893 г. С. 30–35.

жайшей ее окраины навозом. Этого можно было добиться только свозом нечистот в отведённые низменные места города, лежащие за пределами его заселённых частей вниз по течению реки.

Предстояло решить вопрос о выборе мест для сооружения новых резервуаров.

Вода двух колодцев в пределах ограды пересыльной тюрьмы, по данным профессора Э.А. Лемана и С.И. Залесского, оказалась пригодной для употребления, но её было явно недостаточно по сравнению с тем, что требовалось для ежесуточного потребления в пересыльной тюрьме.

Высказывалось предположение о наличии на небольшой глубине воды на дне «Страшного рва», достаточной для обеспечения ею не только тюрьмы, но и прилегающей нагорной части города. Все остальные районы города можно было бы обеспечить водой за счет обилия ключей, «истекающих почти повсеместно вдоль юго-западной и западной окраин». Но для этого требовалось провести «окончательную распланировку водоснабдительных сооружений» с учетом того, что «по естественным топографическим условиям местности» город разбит на две части, разделенные друг от друга руслом реки Ушайки. К этому естественному разделению территории города могло потребоваться не только использование всех «водоснабдительных сооружений», но и обеспечение достаточного запаса воды. В части города, расположенной по левому побережью Ушайки, считалось необходимым обратить особое внимание на ряд ключей, еще не использованных у военного лагеря. Их водой могли быть удовлетворены весьма «значительные в ней потребности».

Оссовским был сделан вывод о наличии значительных ещё запасов воды, которая поступает «в подлагерной местности» из «самовытекающих ключей», по всему западному склону как, например, по склону университетской возвышенности и дальше вниз по течению Томи вдоль улицы Почтамтской. Требовалось исследовать эти ключи и открыть новые путем проведения разведочных буровых работ. Такие же буровые разведки Оссовский считал целесообразным произвести самым тщательным образом по всем склонам оврагов всего южного, левого побережья Ушайки. Не исключено, предполагал Оссовский, что проведенные буровые разработки обеспечат возможность получить воду, которая превзойдет потребность для водоснабжения всего этого района города.

В северной части города по всему правому побережью Ушайки, кроме уже весьма значительного запаса готовой воды, доставляемой обильными ключами как реки Ушайки, так и Ближним, Средним и Дальним, были основания рассчитывать на открытие значительного количества ключей вдоль западного подножия Воскресенской возвышенности по направлению улицы Большой Подгорной и особенно у восточного ее подножия, против улицы Акимовской и переулков Болотного и Горшковского.

Все предстоящие буровые разработки могли дать, по мнению Оссовского, желаемые результаты при условии проведения их под непосредственным руководством и личным наблюдением геолога, ознакомленного с условиями «местного строения почвы».

При проведении работ по Нечаевской улице с целью основательного исследования там почвы Оссовский, заложив несколько скважин, обнаружил многочисленные ключи. Было установлено, что в резервуаре длиной в 3 сажени, шириной – в 2 и высотой в 1 сажень можно получить в сутки не менее 5400 ведер воды, при этом без какого-либо ослабления десятков других, бьющих в этом же месте ключей. Городская дума приняла во внимание соображения Оссовского относительно возможности устройства здесь бассейна, на что потребуется 3000 р. Городской управе дума разрешила устроить в указанном месте на Нечаевской улице бассейн с отнесением 3000 р. на средства облигационного займа.

В 1897 г. при очередном обсуждении в думе вопроса о снабжении жителей Томска чистой водой В.П. Картамышев предложил «вызвать техников и капиталистов», которые пожелали бы построить в городе водопровод. В последующие годы ситуация с качеством водоснабжения жителей Томска не претерпела изменений к лучшему. В сентябре 1900 г. на заседании городской думы было даже отмечено ухудшение ситуации. Многие ключи, в том числе Ближний, Шубинский и самый лучший по качеству воды Дальний ключ, всегда изобиловавший водой, давали весной «её весьма ничтожное количество».

Причина крылась в том, что они «чистились и ремонтировались весьма давно». Вследствие засорения ключей вода шла не в резервуары, а возле них. От Дальнего ключа большая часть источника оказалась отведенной на заимку Фуксмана. На выполнение составленной техником Ющинским сметы для перестройки Дальнего требовалась сумма в 4738 р. Городская дума решила вопрос о капитальном ремонте Дальне-

го ключа оставить открытым до рассмотрения сметы на 1902 г., а пока поручить управе произвести на Дальнем ключе «временный ремонт»[1].

Витавший в воздухе вопрос о проведении в городе водопровода так и не доходил до положительного решения. И даже после того, как наконец в городе появился водопровод, проблема с водоснабжением сохранялась. В 1908 г. «Голос Томска» обращался к читателям с вопросом, «неужели верно, что в городе есть водопровод, а жители пьют большей частью речную воду»? Водовозам разрешалось брать из реки воду для скота, но они обеспечивали ею и жителей для их употребления. Водокачки открывались в 6–7 часов утра, а водовозы привозили воду в 5 утра. Газета относилась с большим сомнением к уверениям водовозов по поводу того, что они подкупали сторожа за 10–15 к., и он открывал им воду раньше положенного времени[2].

С наступлением весны многие водовозы и домовладельцы брали воду из Ушайки. Городской управе предлагалось «установить надзор и тем оградить публику от опасности всевозможных заболеваний при употреблении грязной воды». Весной 1908 г. водой из Ушайки пользовались 2240 чел. Больше всего потребляли воду из реки жители Войлочной улицы. Это объяснялось отсутствием поблизости водоразборной будки. В 1907 г. Войлочная улица уже была одним из крупных очагов холерных заболеваний[3].

Серьезную тревогу вызывало продолжавшееся загрязнение родников. В августе 1908 г. сообщалось: «Близ пересечения Никитинской и Тверской раньше по желобу вытекал родник с чистой, как слеза, водой. Теперь он пробился помимо колодца, вода стала мутной, как в Ушайке, с каким-то беловатым осадком. А люди по-прежнему пьют эту воду. Управе надо бы обратить на это внимание» – таким резюме завершались подобного рода публикации[4].

1 сентября 1908 г. заканчивался срок трехлетней эксплуатации городского водопровода, которую обеспечивала фирма «Бромлей» по договору 1906 г. Заведующий водопроводом заранее просил городскую управу назначить до 1 сентября тех, кому он мог бы передать техническое оборудование водопровода[5].

---

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 705–707.
[2] *ГТ*. 1908. 4 янв.
[3] Там же. 19 апр., 25 марта.
[4] Там же. 19 авг.
[5] Там же. 20 авг.

В начале декабря 1908 г. читателям «Голоса Томска» сообщалось о предложении городу Красноярску со стороны представителя англо-шведской компании А.Б. Гутмана о возможности устройства водопровода. Красноярской управе предлагалось «войти в сношения с фирмой в целях устройства в Красноярске водопровода и трамвая». Фирма имела свои фабрики «для приготовления аппаратов, приборов, приспособлений», заявляла, что «принимает на себя исполнение этих сооружений» и выражала согласие на устройство в Красноярске водопровода и трамвая в кредит «под солидное обеспечение». В её планы входило ведение переговоров по поводу устройства водопроводов, трамваев и электрического освещения в городах Дальнего Востока. Условия заключения договора с Красноярском представлялись заманчивыми и для Томска[1].

Обоснованными продолжали оставаться жалобы по поводу невозможности пройти по улицам города из-за зловония. По этому поводу многочисленные публикации появились летом 1909 г. По Загорной улице мимо дома Шпиталина было «невозможно пройти, не зажавши носа: все нечистоты из помойной ямы спускались в водосточную канаву на улице»[2]. Иногда в одном номере газеты помещалось несколько публикаций по поводу безобразий, возникавших на разных улицах города вследствие нарушения домовладельцами правил их содержания, сообщалось о том, что «очень часто замечаются» стоки нечистот «из под заплотов» по Нечаевской, Никитинской и другим улицам. Из-за такого специфического запаха прохожим требовалось зажимать нос и рот. Невозможно было ни летом, ни зимой пройти мимо углового дома на пересечении Нечаевской улицы и Банного переулка, в котором помещались торговые бани: «Настолько велико зловоние». Было похоже, что «все нечистоты выгружаются во дворе и не вывозятся». И это имело место на одной из наиболее людных улиц[3].

Мировой судья 1-го участка в марте 1908 г. рассматривал дело Афанасьева, содержателя бань Муковозова. Среди многочисленных вопиющих безобразий, выявленных при осмотре бань, оказалось, что отбросы сбрасываются прямо к яру Ушайки. Афанасьев был приговорён к штрафу в размере 100 р.

Домовладелец нескольких домов на Обрубе Зеленевский спускал помои прямо на улицу, для чего было сделано специальное отверстие в заборе. 28 июля 1909 г. около 10 часов утра была спущена «такая масса

---

[1] *ГТ*. 1908. 5 дек.
[2] *СП*. 1909. 12 июля.
[3] *ГТ*. 1908. 28 июня; *СП*. 1909, 26 июля.

помоев, что даже проходящие стали возмущаться и попросили полицейского стражника 3 участка чтобы обратил внимание пристава для составления протокола»[1].

От тяжелого запаха на улицах города жители избавлялись при дуновении ветра, но неустранимыми оказывались последствия загрязнения улиц, берегов рек нечистотами потому, что это приводило к дальнейшему загрязнению не только речной, но и родниковой воды.

Совершенно очевидны непоправимые последствия влияния человеческого фактора на резкое ухудшение во второй половине XIX – начале XX в. качества питьевой воды в Томске. Несоблюдение жителями города элементарных норм содержания в чистоте улиц, особенно вблизи уникальных водосистем, которыми располагал город, привело к тому, что вода стала источником массовых заболеваний, часто с летальным исходом.

Действительно получилось так, что данное природой жители города не сумели сохранить, чем нанесли колоссальный ущерб себе же.

Превратности судьбы Белого озера

Состояние озера в начале XX в. вызывало большую озабоченность власти. По темно-коричневому цвету воды оно никак не соответствовало своему названию. Озеро занимало середину большой площади, окружённой с четырех сторон домами, расположенными по два квартала с каждой стороны. Поселившись по берегам, жители Воскресенской горы пользовались темной водой для водопоя домашнего скота и поливки огородов. Озёрная вода была особенно полезна для огородов. Она служила органическим удобрением.

Лед на Белом озере покрывался ежегодно толстым слоем навоза, который весной попадал в воду, окрашивая её в более тёмный, чем от водорослей, цвет. За 300 лет вода Белого озера настолько загрязнилась, что даже неприхотливый домашний скот перестал ее пить. Со временем на местах огородов вокруг озера появились постоялые дворы, усадьбы крупных извозопромышленников, занимавшихся доставкой товаров из Томска в Иркутск и обратно. Гонять лошадей на водопой на Томь или Ушайку было слишком далеко для владельцев постоялых дворов и извозопромышленников. Они и решились за свой счет очистить озеро. Еще в 70-х гг. XVIII в. извозопромышленники выпустили воду из Бело-

[1] *СП*. 1909. 2 авг.

го озера, углубили дно, убрали «торфяной остров», придали озеру правильную круглую форму, окружили его насыпью из вынутого торфа. На насыпи насадили деревья, озеро обрело благообразный вид. Вокруг него стали гулять прибрежные жители.

Но недолго любовались они Белым озером. Вода в нем вскоре стала темнокоричневой из-за торфа, оставшегося на дне и окружавшего озеро в виде насыпи. Деревья высохли. Лед, на котором в зимнее время делались проруби, стал вновь покрываться навозом, который не убирался весной и опускался на дно озера. Оно опять превратилось в большую зловонную лужу.

С прокладкой железной дороги через Сибирь извозный промысел ушел в прошлое, постоялые дворы опустели, извозопромышленники перестали поить своих лошадей из Белого озера. Вскоре после этого город покрылся сетью противопожарных водопроводов. Исчезла потребность в воде из Белого озера и для тушения пожаров. Летом 1906 г., когда случился большой пожар на Иркутской улице, как раз недалеко от Белого озера, тушили его уже из противопожарных рукавов. Даже в бочки набирали воду из более отдаленных водоразборных будок, а не из близлежащего озера. Из него воду надо было черпать, а из будок она сама лилась в бочки.

В начале XX в. были времена, когда озеро еще содержалось в сравнительной чистоте. Его берег был засажен деревьями и служил местом гуляний. Но весной 1908 г. в «Голосе Томска» констатировалось: «…в настоящее время озеро представляет мерзость запустения». Все деревья были поломаны, жители Белозерья полоскали в озере белье, мыли экипажи. Прекрасное озеро, «обладавшее, как говорят, даже целебными свойствами, превращено в болото, которое в недалеком будущем от всевозможных нечистот будет распространять только заразу и превратится в грязную лужу».

6 июня 1908 г. «Голос Томска» известил читателей о том, что в думе решался вопрос, как быть с Белым озером, может быть, засыпать его? Дума решила не засыпать. Было резонно отмечено, что «во всех городах есть пруды, служащие украшением», признано необходимым вновь обсадить озеро деревьями. Гласный А.М. Завитков, решительно настаивал на целесообразности осушения Белого озера и создании на его месте торговой площади, которая «принесет большую пользу городу как в санитарном отношении, так и в смысле увеличения его доходов».

В августе 1908 г. бактериологическое исследование воды Белого озера установило, что она «мутна, желта с сильным запахом, переполнена насекомыми». В ней было обнаружено наличие хлора, аммиака, азотистой и азотной кислот. Общее заключение по результатам исследования воды Белого озера свелось к утверждению: ею «нельзя пользоваться ни для каких хозяйственных целей».

Осенью 1908 г. отмечалось, что благодаря заботам городской управы «Белое озеро понемногу приводится в порядок, вокруг него вырыт двойной ряд для посадки деревьев». В середине сентября по распоряжению члена управы И.Д. Сычева «для приведения в порядок Белого озера» были командированы до 40 рабочих, которым «под наблюдением городского садовника» предстояло заняться посадкой деревьев, разбивкой дорожек, обкладкой их дерном и вообще приведением озера в приличное состояние».

В середине июня 1909 г. «Сибирская правда», вновь вернувшись к вопросу о судьбе Белого озера, обратилась к доводам А.М. Завиткова в пользу его осушения. Газета напомнила читателям об остроте спора между гласными думы. Одни, ратуя за сохранение Белого озера, считали его украшением города. Другие уверяли в целебности его воды для ревматиков и страдающих глазными болезнями. Третьи уверяли, что если случится пожар где-нибудь в Солдатской слободке или на Верхней Елани, то для тушения его вода понадобится именно из Белого озера, «потому что во время пожара водопровод может попортиться, и тогда выгорит весь город».

В корреспонденции, помещенной на страницах «Сибирской правды», городское самоуправление предостерегалось от увлечения «несуществующей красотой грязного озера» и мечты «о лечебном курорте там, где находится источник заразы».

Что касается возможности использования воды Белого озера для тушения пожаров, приводился довод относительно возможности использования водопровода: «…нечего надеяться и на спасение города от пожаров с помощью озера, когда есть водопровод. Не стало озера на Соборной площади, но Юрточная гора от этого не выгорела; много озер в Заисточном предместье, но оно выгорало уже три раза. Не спасет город старый примитивный способ тушения пожаров, если не поможет водопровод. На случай же порчи водопровода останутся целыми Томь и Ушайка».

Летом 1909 г. три десятка лошадей лишь одного крупного промышленника водили на водопой к Белому озеру.

Пытаясь убедить гласных в неоспоримой, на его взгляд, пользе осушения Белого озера для города, А.М. Завитков доказывал возможность размещения на месте озера лесного, сенного, дровяного базаров, щепного ряда и нескольких торговых лавок, которые сиротливо жались до сих пор около озера. По мнению Завиткова, после засыпки озера на новую торговую площадь жители окрестных деревень будут привозить «для продажи мелочные продукты и огородные овощи». С осушением Белого озера связывались надежды на то, что новая торговая площадь «оживит Воскресенскую гору и даст толчок к заселению лежащих неподалеку от нее кварталов за новой деревней». Казармы, которые решено было построить по Иркутскому тракту, «будут способствовать торговому обороту на Белозерской площади».

К счастью для города, его нынешних жителей судьба Белого озера была решена в пользу его сохранения. Можно считать полезным для будущего города, что вопрос А.М. Завиткова об осушении Белого озера и устройстве на его месте торговой площади «отцы города торжественно провалили». Вопрос был действительно слишком серьезным.

В последующие годы городским управлением предпринимались меры к очистке Белозерской площади от нежелательных явлений. Место базара переносилось на более обширную площадь, сюда же перемещался и щепной базар. Кроме того, намечалось выполнение давно предусмотренных мер, в том числе «приведение в благоустроенный вид Белозерского сада». «Сибирская правда» писала по этому поводу. «Мы от души радуемся, что были косвенной причиной этого разумного и необходимого распоряжения».

История водоснабжения горожан водой для питья и обеспечения его в целях борьбы с последствиями пожаров, свидетельствует об усилиях городских властей и общественности, направленных на решение проблемы противопожарной безопасности горожан и города. Поиски необходимых средств для строительства водопровода и исполнителей, обладавших самыми передовыми для того времени технологиями, привели к появлению в 1905 г. первого во всей Азиатской России водопровода. И хотя ещё далеко было до того времени, когда горожане станут получать по-настоящему качественную воду, хотя прошло до этого еще много десятилетий, первый шаг был сделан. Он оказался очень значимым фактом в истории создания инфраструктуры города. Об этом подробно рассказано в книге, изданной к столетию томского водопровода большим авторским коллективом под редакцией профессоров А.Ф. Порядина, доктора технических наук и В.П. Зиновьева, доктора исторических на-

ук. Можно только сожалеть о том, что не для всех интересующихся историей Томска она оказалась доступной.

Богато иллюстрированная, глубокая по содержанию, книга воссоздаёт трудный путь, пройденный в течение столетия в поисках оптимального решения одной из главнейших задач обеспечения горожан самым необходимым для их жизнедеятельности[1].

Чтобы лучше горели фонари

В феврале 1871 г. генерал-губернатор Западной Сибири в письме к городскому голове потребовал от последнего обратить серьезное внимание на необходимость устранения недостатков в освещении улиц города. Оно обеспечивалось тусклыми фонарями, к тому же еще и не регулярно. «Нередко случается, – говорилось в письме, – что в лунной ночи зажигаются фонари без всякой надобности, а в самые темные будто забывают об освещении и не зажигают ни одного фонаря»[2].

В то время город обходился фонарями, выполненными по заказу кузнецом Фохтом. В 1869 г. за изготовление 16 очередных фонарей он получил 40 р.[3]

В августе 1873 г. на заседании городской думы на повестку дня был вынесен вопрос «о порядке устройства водопроводов и газового освещения»[4]. Пока все шло на уровне постановки вопросов. Через много лет, в 1885 г. наряду с началом устройства водопровода в университете намечалось приступить к постройке здесь же и газового завода. Представлялось, что, «если удобный случай будет упущен, город надолго останется во мраке», что продолжало быть нередко «обычным состоянием его с наступлением темноты»[5].

Член городской думы В.П. Картамышев выступил с заявлением относительно того, что городское общество, сама городская дума и местная печать уже давно «осознали безотлагательную необходимость… введения улучшенного освещения». Он предложил опубликовать в местных сибирских газетах и в центральной печати («Новом времени», «Московских ведомостях») материал о намерении Томской городской

---

[1] *От чистого* истока. Век Томского водопровода / Под ред. проф. А.Ф. Порядина и проф. В.П. Зиновьева. Томск: Гала Пресс, 2005.

[2] *ТГВ*. 1872. 20 мая.

[3] Там же. 1870. 11 апр.

[4] Там же. 1873. 8 сент.

[5] *СВ*. 1885. 26 мая.

думы вызвать «техников и капиталистов, желающих предпринять в Томске постройку… усовершенствованного (по преимуществу электрического) освещения и просить обратиться со своими предложениями, техническими и денежными условиями в Томскую городскую управу»[1].

В первой половине 90-х гг. город приближался к практическому воплощению в жизнь идеи устройства электроосвещения его улиц.

В августе 1891 г. городская управа представила в думу предложение инженера-технолога Р.К. Арнольда об освещении города электричеством и высказанные ею замечания.

Дума решила для всестороннего предварительного обсуждения этого вопроса образовать комиссию. В нее вошли в качестве председателя занявший место городского головы М.М. Дмитриев, гласные И.Ф. Скулимовский, Ф.Х. Пушников, А.Н. Пастухов, В.Г. Патрушев, В.П. Картамышев, И.В. Богомолов, С.А. Сухов, П.И. Макушин, П.И. Покровский, Г.К. Тюменцев, А.Д. Родюков и все члены управы.

Городской думой было признано необходимым снестись с общественными управлениями некоторых городов Европейской России, в которых уже накоплен опыт исполнения электрического освещения[2].

В марте 1894 г. И.М. Некрасов заявил о желании «на собственный счет и страх устроить в Томске электроосвещение». Городская дума быстро откликнулась на инициативу томского горожанина. Управа получила ее поручение «немедленно доставить потомственному почетному гражданину Некрасову просимые им сведения о потребном количестве для города света, а также расстоянии сети освещения и просить его поспешить препровождением в управу для доклада думе полного проекта контракта»[3].

1 сентября этого же года И.М. Некрасов сообщил думе, во что может обойтись городу электроосвещение. По его заказу Московское агентство «Всеобщей К° электричества» составило смету освещения города электричеством. Предусмотренное освещение 144 фонарями в течение 4070 часов 46 минут ежегодно могло обойтись городу примерно в 40000 р. При освещении, вместо других фонарей, 1200 лампами накаливания (каждая по силе света будет равняться 15–16 свечам) освещение обойдется в 31597 р.

Городская дума сделала заключение относительно того, что «указанная стоимость освещения города далеко превосходит его средства,

---

[1] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 31–33.
[2] Там же. С. 78–79.
[3] Там же. С. 492.

которые он не может на это израсходовать». Поэтому предложение И.М. Некрасова было отклонено[1].

В феврале 1895 г. на заседании городской думы обсуждался вопрос о возможности отдачи концессии на электроосвещение города Технико-промышленному бюро в Томске.

Дума решила отдать концессию этому бюро. С начала освещения по предложенным бюро условиям предусматривалось наладить на 6 лет освещение по улицам: от Бульварной по Садовой, Почтамтской, Набережной Ушайки, подъему на Воскресенскую гору, мимо костела по Ефремовской улице до Раската, от него на Магистратскую, по Магистратской от Ушайки до Русаковского переулка, затем налево до Миллионной, по Миллионной, через Базарную площадь до Ушайки, площадь Соборную, около старого собора.

В указанных местах бюро брало на себя обязательство установить 25 фонарей с силой в 1200 свечей каждый с освещением их безвозмездно. Городское управление должно было оплатить стоимость фонарей и «принадлежностей к ним» в течение 6 лет «по равной части ежегодно».

Если город будет продолжать каждые 6 лет концессию, через 24 года в случае отказа выкупить предприятие, оно перейдет в собственность города безвозмездно.

В марте 1895 г. на заседании комиссии по устройству электроосвещения в Томске под председательством городского головы А.П. Карнакова, в присутствии членов управы В.В. Иванова, А.П. Дубровина, И.Д. Сычева, членов городской думы Г.М. Яцевича, И.Г. Гадалова, Е.П. Таловского, И.Т. Козьмина, М.Ф. Валгусова, председателя Технико-промышленного бюро в Томске В.С. Реутовского и томского полицмейстера М.И. Соколовского решался вопрос об отводе места для постройки центральной электростанции. Бюро претендовало на место на берегу Томи – на Базарной площади. Дума соглашалась отвести его на берегу Томи, напротив Подгорного переулка. По мнению Реутовского, это место неудобное, низкое, оно ежегодно затоплялось. Вопрос остался открытым. Его решение было передано на усмотрение думы. На ремонт фонарей городская дума решила выделять бюро ежегодно по 150 р. Место для постройки центральной электростанции было отведено на берегу Томи напротив Подгорного переулка[2].

---

[1] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 591.

[2] Там же. С. 708–713, 1733–1739.

В начале XX в. городская дума постановила уплатить Технико-промышленному бюро 2682 р., израсходованные им «на постановку городского электрического освещения сверх предположенной сметы». Оплату предстояло произвести по частям: в 1903 г. – 1129 р. 16 к., в 1904 г. – ту же сумму, в 1905 г. – остальные деньги[1].

Город освещался фонарями с наливанием в них по полфунта керосина. На все 635 фонарей на каждую ночь тратилось по 7 п. 36 ф. керосина[2].

Летом 1908 г. комиссия по благоустройству города рассматривала вопрос о замене простого керосинового освещения керосинокалильным. Вопрос остался открытым до выяснения, какая система («Люкс» или «Галл») лучше. Городской инженер получил поручение выяснить это[3].

Вскоре городской голова собрал комиссию для окончательного решения вопроса о выборе системы освещения между фонарями системы «Галл» и «Люкс». Фонари «Люкс» изготавливались из алюминия, легкого, неокислявшегося. Сила света в них равнялась силе света системы «Галл». В Сибири уже был первый опыт применения фонарей «Люкс». Ачинск заключил договор с компанией «Люкс» на освещение города фонарями ее системы[4].

На очередном заседании комиссии по благоустройству города лучшими были признаны фонари системы «Люкс», а также фирмы Рукавишникова «Гиршгорн». Дума сначала приняла решение приобрести 100 фонарей. Но комиссия, учитывая, что системы фонарей часто меняются и не исключено быстрое появление более усовершенствованных, сочла более целесообразным приобрести по 30 фонарей систем «Люкс» и «Гиршгорн»[5].

Рукавишников вскоре сообщил, что согласен уступить фонари по 145 р. вместо 150 р., как было условлено ранее. Фонари уже находились в пути, и к 1 октября предусматривалось их установление. Обучение фонарщиков Рукавишников брал на себя[6].

В то время была возможность воспользоваться услугами Эрлингера по устройству в Томске калильного освещения с помощью фонарей

---

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 1054–1055.
[2] *ГТ*. 1908. 17 янв.
[3] Там же. 19 июня.
[4] Там же. 2 авг.
[5] Там же. 5 авг.
[6] Там же. 28 авг.

«Галл» по цене одного мощностью в 1350 свечей («с полным прибором для спуска и подъема») в 175 р. Доставку из Москвы в Томск исполнитель заказа обещал обеспечить за свой счет. Установку фонарей он собирался произвести с рассрочкой на 2 года из 18 % годовых.

В середине сентября 1908 г. к имеющимся в городе 49 фонарям было приобретено еще 60 фонарей. Их предполагалось поставить среди улиц и на перекрестках. 109 новых, хороших фонарей оценивались как «значительный шаг к настоящему свету»[1].

К 1 октября, как ожидалось, фонари, приобретенные для города Рукавишниковым, не поступили. 17 октября городская управа предложила ему в суточный срок сообщить о дне установки их. Рукавишников известил управу, что, как только фонари, идущие из Берлина, прибудут в Томск, они сразу же будут установлены. Но на 20 ноября из обещанных 30 фонарей фирма Рукавишникова доставила только 13. В то же время фирма Эрлингера уже начала устанавливать фонари. Она не только выполнила сделанный ей заказ, но обещала через 2 недели установить в городе еще 20 фонарей[2].

Таким образом, у города была возможность выбора наиболее приемлемых вариантов фонарей для освещения улиц. В 1908 г. была возможность установления контакта с еще одной зарубежной фирмой, представитель которой был направлен для ведения переговоров с городами Дальнего Востока по поводу устройства водопроводов и электроосвещения. Эта англо-шведская фирма имела, как уже отмечалось, свои предприятия, занимавшиеся изготовлением аппаратов, всевозможных приспособлений, приборов для выполнения заказов по основным видам ее деятельности. Могла быть привлекательной для сибирских городов готовность фирмы выполнять заказы в кредит на довольно выгодных для заказчика условиях[3].

Улучшение освещения города заметно повлияло на изменения в быту его состоятельных жителей. Осенью 1908 г. по улице Ефремовской № 10 сдавалась квартира из 6 комнат и кухни с водопроводом, электроосвещением, теплым туалетом, ванной, парадным входом[4]. В 1913 г. Р.В. Фонштейну на углу Александровской и Торговой улиц принадлежали два дома, один из них полукаменный, двухэтажный с водопроводом и электроосвещением. Во дворе двухэтажного дома имелись все

[1] *ГТ*. 1908. 14 сент.
[2] Там же. 16 нояб.
[3] Там же. 5 дек.
[4] Там же. 30 окт.

надворные постройки – конюшня, амбар, завозня, «сушило», навес на всю длину служб. Все постройки новые, покрыты железом[1].

Владельцы частных заведений обзаводились осветителями для привлечения посетителей. У дверей открытой в 1908 г. кофейни на Почтамтской улице были повешены два больших фонаря в форме шаров рубинового и голубого цвета, освещающиеся короткими вспышками. Это создавало красивый световой эффект[2].

Однако до решения проблемы освещения всего города было еще очень далеко. Даже в наиболее людных районах города не было никакого освещения. В конце лета с 8 часов вечера в темноту погружался городской сад. Публика, выходившая из помещения биоскопа, была вынуждена испытывать неудобства. Справедливым было нарекание по поводу того, что «расход на освещение сада фонарями» был бы «не так уж велик»[3].

Оставались частыми «жалобы обывателей на неисправность освещения городских улиц»[4].

Устройство средств передвижения

С 80-х гг. XIX в. в числе неотложных оказалась задача устройства в городе средств передвижения. Инициатива в ее решении исходила не от городских властей, а со стороны предприимчивых людей, которые обращались с предложениями содержать средства передвижения по городу и за его пределами при определенных, выгодных для них условиях.

Летом 1888 г. с просьбой разрешить содержание в Томске дилижансов обратилась мещанка Р. Слосман. В течение 5 лет она собиралась обеспечивать перевоз пассажиров за плату в 5 к. с человека, кроме весенней и осенней распутицы, когда плату хотела увеличить до 6–9 к.

Городская управа исходила из того, что «устройство дилижансного движения в городе послужит и удобству горожан». При этом, пойдя навстречу Слосман, город абсолютно ничем не рискует: просительница не требовала от города никаких субсидий, а «в случае неудачи предприятия» она одна понесет и все убытки. Если же содержание дилижанса

---

[1] *ТГВ*. 1913. 6 февр.
[2] *ГТ*. 1908. 1 марта.
[3] Там же. 8 авг.
[4] *СП*. 1911. 20 авг.

окажется выгодным, то это вызовет конкуренцию. Кроме удобства для жителей, город будет иметь еще и денежный доход «от обложения омнибусов особою платою», какой облагались биржевые извозчики, которые и занимались до этого перевозкой жителей города.

Относительно каких-либо привилегий для Слосман городская дума исходила из того, что «ни в Законе, ни в практике городского самоуправления нет на этот предмет никакого ясного указания». Дума не гарантировала ей 5-летней привилегии и на этих условиях разрешила устройство дилижансов[1].

Ссылаясь на разрешение, данное Р. Слосман, мастеровой Пермской губернии М. Черных, заручившись разрешением полицмейстера, обратился с просьбой на дозволение ему «открыть по городу движение в омнибусах и крытых линейках в 4 лошади, как наиболее удобный и дешевый переезд для небогатых жителей». Дума дала разрешение, потребовав, «чтобы назначенная им такса была вывешена на экипажах и по улицам и площадям города». В пользу городского дохода была назначена плата от Черных в размере 20 р. в год с экипажа, запряженного 4 лошадьми[2].

В середине 90-х гг. объявился предприниматель, изъявивший желание завести дилижансы «с тем, чтобы правом езды мог пользоваться только он один в течение 3-х лет». Им оказался верхотурский мещанин А. Шадрин, заявивший в сентябре 1895 г. о своей готовности «завести дилижансы и привести их в действие по первому снегу». Он просил еще о том, чтобы с него не взыскивались деньги в доход города за последние месяцы 1895 г., а с 1 января 1896 г. «положить с каждого омнибуса плату, какую взносит за экипаж извозчик». Предложенный А. Шадриным маршрут включал движение от ворот университета до заимок с платой с одного человека по 5 к., с детей – по 3 к. «за полный конец через весь город». Он брал на себя обязательство зимние дилижансы устроить «с крышками на 10 человек» с упряжью по 2 или по 3 лошади. Образец летних омнибусов предполагалось Шадриным представить к весне 1896 г. На первый раз он собирался содержать 2 экипажа и в зависимости от того, как пойдут дела, организовать еще новые экипажи. Для «удобства учащейся молодежи» Шадрин считал возможным организовать перевозку и по другим улицам города. С пассажира с легким багажом при проезде от пристани к городу или от города к пристани пред-

[1] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 2397.
[2] Там же. С. 199–200.

полагалось взимание платы до 30 к., за провоз каждого человека до конца города, едущего из театра после вечернего представления Шадрин собирался взимать по 10 к.

Городская управа сочла нужным разрешить Шадрину устройство дилижансов на предложенных им условиях, кроме того, что он просил не взимать с него сбора за последние месяцы 1895 г. По 1 января 1896 г. с него решено было брать с экипажа по 5 р., а в 1896 г. – по 20 р. Дума утвердила мнение городской управы. Но сам Шадрин отказался от права на исключительное содержание дилижансов.

Весной 1897 г. городская дума занялась рассмотрением вопроса о возможности устройства в Томске трамвайного движения, которое признавалось «в принципе желательным». По распоряжению городского головы техник Скороходов составил смету на устройство конно-железной дороги на протяжении 10 верст. Стоимость оборудования была определена суммой в 187561 р. 71 к.

В то же время представитель общества «Унион» Реутовский и коллежский советник П.П. Кузьминский выступили с предложениями также взять на себя устройство трамвая в Томске. Предложенные ими условия были рассмотрены на заседании комиссии по благоустройству города, затем переданы в городскую думу для составления проекта договора. Гласные А.М. Завитков и А.Ф. Жилль, получив задание думы, разработали проект, в котором предусматривалось право города на выкуп трамвая через 18 лет с начала его эксплуатации.

Кузьминский просил концессию на 36 лет, с предоставлением городу права на выкуп трамвая через 24 года, общество «Унион» просило соответственно концессию на 45 лет, право выкупа через 20 лет.

Дума отдала предпочтение предложению Кузьминского, который брал на себя обязательство «на свой страх и риск» устроить сеть электрического железнодорожного аккумуляторного движения или с электрической тягой «посредством верхних проводов». Все расходы по эксплуатации и ремонту городских железных дорог Кузьминский также брал на себя. В течение 36-летнего срока концессии городское общественное управление по проекту Кузьминского не могло устраивать само, а также разрешать другому лицу «устройство в Томске линий электрического, парового, газового, конного и вообще всякого трамвая в плановой черте города, так и за этой чертой на выгоне».

Но через 6 лет, по усмотрению думы, город мог предложить Кузьминскому «устроить рельсовый путь в других частях города». Если в течение года он не сделает этого, город может сделать это сам или раз-

решить кому-либо другому. Кузьминскому предоставлялось право увеличить сеть дорог, но ему нельзя было их сократить. С окончанием срока концессии железнодорожный путь, строения, подвижной состав, паровые и другие двигатели, все движимое и недвижимое имущество должны были перейти городу безвозмездно.

Предусматривалось внесение Кузьминским городу платы первые 3 года в размере 1000 р., следующие 7 лет – по 3 % от валового его дохода, во второе десятилетие – по 3,5 %, в третье – по 4 %, в последние 6 лет – по 5 %.

Маршрут линии должен был проходить от угла Миллионной улицы до Войновского переулка – по Миллионной улице через Базарный мост, по Почтамтской и Садовой улицам до общежития студентов или Буткеевской улицы. От этой главной линии: с Базарной площади по Обрубу, Акимовской улице, Большой Кирпичной и Белой – до вокзала станции «Томск». На летнее время предусматривался маршрут от угла Миллионной улицы и Войновского переулка до пароходной пристани на Черемошниках.

Пути должны были пролагаться с таким расчетом, чтобы не мешать движению экипажей по улицам. Трансформаторы предусматривалось устанавливать наверху между деревянными столбами «в особом помещении» или же в небольших киосках, устанавливаемых с разрешения городской управы на улицах и площадях.

Стоимость проезда с 1 марта по 1 сентября с 7 часов утра до 10 часов вечера, с 1 сентября до 1 марта с 8 утра до 9 вечера для приезжавших на вокзал и пристань пассажиров первого класса и одноклассных вагонов предусматривалась по 5 к., второго класса – 3 к. по одной линии, с пересадкой на вторую линию или же на 1-ю часть ветки – 7 к. в первом классе и 5 к. – во втором. За проезд по трем или четырем частям – 9 к. в первом классе и 7 к. – во втором. За проезд по загородным линиям, если предприниматель посчитает нужным пускать вагоны в неуказанное время, плата может увеличиться вдвое. Дети до 5 лет должны были перевозиться бесплатно. С воспитанников и воспитанниц низших, средних и высших учебных заведений, носящих особую форму или имевших удостоверение, плата предусматривалась в 3 к., за провоз товара – не выше полкопейки с пуда и версты. Через 3 года после поступления предложения Кузьминского, 11 апреля 1900 г. договор с ним был подписан. До 11 июля он должен был внести 25000 руб. в городскую управу гарантированными правительством ценными бумагами, но на 22 августа еще не внес. Из Бельгии

Кузьминский прислал телеграмму с просьбой продлить срок предоставления залога и технического плана до 11 декабря. Дума пошла ему навстречу и удовлетворила просьбу.

Через несколько месяцев после первого обращения Кузьминского в городскую управу, в сентябре 1897 г. изъявил желание взять на себя устройство в Томске городских конно-железных дорог томский купец 2-й гильдии Н.И. Батурин. Дума приняла решение поручить городской управе составить смету стоимости сооружения сети городских железных дорог на 20-верстном расстоянии. Управе также поручалось выяснить, что выгоднее городу: самому заняться устройством железной дороги, во что это может обойтись ему или разрешить Батурину заняться этим, выяснив условия, предлагаемые им[1].

В последующие годы продолжали поступать новые заявления. В частности, весной 1901 г. томский мещанин Л. Петлин и крестьянин Уфимской губернии А. Трупин просили допустить их к провозу горожан и приезжих в Томск. Петлин заявил о своей готовности на паре лошадей перевозить до 8 человек от вокзалов и пароходных пристаней только «до его меблированных комнат» в доме его матери Анисьи Петлиной по Набережной Ушайки № 16. В случае, если не все места будут заняты прибывшими на вокзал или на пристань, Петлин просил разрешить ему перевоз и «посторонней публики», но не дальше Базарного моста, с оплатой от вокзалов по 25 к., а с Черемошинской пристани по 35 к. с человека с разным багажом. Трупин просил дать ему разрешение на перевоз жителей города на 4-конных дилижансах на тех же условиях, на которых разрешено было это в 1892 г. Черных с внесением в городскую кассу 20 р. в год с экипажа. Добавление к этим условиям касалось внесения проезда из Томска до станции «Томск» и «Межениновка» с платой в 25 к. с пассажира в один конец.

Дума разрешила обоим просителям «устройство и движение дилижансов по городу». В доход городу они должны были вносить плату в размере 15 р. с каждой лошади, т.е. больше, чем полагалось брать по условиям договора с Черных в 1892 г.[2]

В 1907 г. в городскую думу поступило ходатайство домовладелицы г. Томска А.М. Дукельской о разрешении ей устройства автомобильного движения «для общего пользования по городу со станции «Томск» до Раската, от Раската до начала Бульварной улицы, от начала Бульварной

---

[1] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 1255.

[2] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 802–804.

улицы до станции «Межениновка» и обратно» с оплатой проезда в один конец по 10 к. с человека. В движении предполагалось участие двух автомобилей «исключительно по замощенным улицам»[1].

С весны следующего года, в течение 1908 и 1909 гг., на перевоз жителей города на двух моторных лодках в дачные места за рекой Томью и на Басандайке просил выдать ему разрешение томский купец И.И. Смирнов. Свою инициативу он мотивировал желанием «дать толчок к развитию дачной жизни».

К моменту обращения с просьбой о разрешении перевозок горожан на моторных лодках Батурин на постройку их уже затратил немалую сумму денег, которых всего требовалось около 5000 р. Плату за перевоз он собирался взимать за доставку в Городок по 15 к., на Басандайку по 30 к.[2]

С каждым годом менялся облик города. Там, где стоял лес, вырастали дома, где находились загородные окраины, вытягивались ряды зданий. Население города росло вместе с его расширением. В то же время происходило повышение стоимости квартирной платы. Численность жителей города увеличивалась за счет притока чиновников, за счет студентов университета и технологического института, прибывавших в Томск из разных уголков страны. Приказчики, многочисленные служащие в разных конторах, ремесленники, чернорабочие, не имевшие собственного жилья, были квартиронанимателями. В то время, когда город «был сжат», большая часть учреждений, в которых служил, обучался и работал весь этот люд, находилась на сравнительно небольшом расстоянии от окраин. Тогда не было необходимости селиться там, так как плата за квартиру была сравнительно невысока и квартирный вопрос был не особенно актуален для жителей города.

Но в начале XX в., когда возросли цены на квартиру, малообеспеченные стремились поселиться на окраинах города, находившихся на расстоянии верст. Сотни и тысячи людей оказались вынужденными ежедневно терять много времени, преодолевая путь из одного конца города в другой из дома до работы и обратно. При том состоянии благоустройства улиц передвижение даже по центральным, еще не замощенным частям города в дождливую или весенне-осеннюю погоду становилось весьма затруднительным. Извозчики не соглашались подвозить пешеходов на окраины из-за боязни поломать экипаж.

---

[1] *ТГВ*. 1907. 27 мая.
[2] Там же. 23 сент.

В то время как в центре города непомерно росла стоимость платы за квартиру, на окраине владельцы домов не хуже, чем в центральных частях, вынуждены были довольствоваться получением платы с квартиросъемщиков в два раза ниже, чем в центре города.

Единственной возможностью для упорядочения и выравнивания квартирной платы могло стать решение проблемы устройства необходимых средств передвижения.

Вопрос этот на протяжении многих лет многократно обсуждался, но к концу первого десятилетия XX в. так и остался не разрешенным. Рассматривались варианты организации перевозки жителей города, но по разным причинам «дело всегда заканчивалось тем, что обыватель продолжал размешивать грязь, тонуть в рейнштоках и развивать торговлю обувью и галошами».

В конце января 1908 г. состоялось очередное заседание по рассмотрению проекта устройства электрической железной дороги, представленного Технико-промышленным бюро. Оно брало на себя обязательство «на свой счет и риск построить в Томске электрические дороги с центральной электрической станцией и всеми принадлежностями подвижного состава». Бюро также заявило о своей готовности «принять на себя все расходы по эксплуатации, ремонту городских железных дорог».

В проекте были определены основные направления движения по городу трамвая. Трамвайная линия должна была пройти в заселенных («селитбенных») районах города, а именно:

а) от Базарной площади до Войновского переулка по Миллионной улице;

б) от Базарной площади до здания второго общежития студентов;

в) от Базарной площади по Обрубу, Акимовской, Кирпичной и Белой улицам, по левой стороне Белого озера до Вознесенского кладбища;

г) от Ново-Соборной площади по Нечаевской, Солдатской и Бульварной улицам до Епархиального училища;

д) от Епархиального училища (на Бульварной улице) до станции «Мережниновка».

В течение первых двух лет предусматривалось создание двух первых линий, в последующие 3–5 лет – планировалось введение в эксплуатацию всех остальных линий.

В проекте был определен и размер платы за проезд в трамвае. Для пассажиров I класса и в одноклассных вагонах 2–3 к. с версты, во II классе $1^1/_2$–2 к. За проезд по загородным линиям и в ночное время по городским линиям предусматривалось удвоение размера платы за про-

езд. Время работы определялось: с 15 апреля по 1 октября с 7 часов утра до 10 часов вечера, с 1 октября до 15 апреля – с 8 часов утра до 9 вечера[1]. За детей младше 5 лет взимание платы не планировалось. Учащимся предполагалось предоставление права с билетами II класса ехать в вагоне I класса, в вагонах с одним первым классом – платить по стоимости проезда в вагонах II класса. Полицейским обещался бесплатный проезд, стоя, по одному в вагоне.

В праздничные дни: в первый день Нового года, в Рождество Христово, в Пасху трамвайное движение планировалось с 10 часов утра до 7 часов вечера, в Страстную субботу – до 7 часов вечера.

Через 18 лет эксплуатации трамвая город мог получить право его выкупа, предупредив об этом бюро за 2 года.

Весной 1908 г. в думу поступили новые проекты использования трамвая и конки. В корреспонденции под названием «Трамвай или конка», не отдавая предпочтения ни одному из предложенных проектов, автор корреспонденции завершал ее рассуждениями по поводу необходимости скорейшего решения транспортной проблемы: «Мы только можем вместе с каждым гражданином воскликнуть: «Господа гласные и отцы города! Спорьте, протестуйте, опровергайте, разбирайте и критикуйте представленные проекты, решайте, что лучше, трамвай или конка, но давайте нам средства передвигаться без ущерба для наших ног и не откладывайте, ради Бога, дела в долгий ящик»[2].

Ожидание ускоренного решения проблемы устройства передвижения по городу с учетом предлагаемых проектов основывалось на том, что возможности выбора вариантов были достаточно широкими. Летом 1908 г. ожидалось прибытие в Томск представителя группы германских специалистов «для предложения городской управе устроить электрический трамвай»[3].

Однако практическое решение вопроса о введении трамвайного движения в Томске задерживалось. Почти через год казалось, что все вопросы об участии Технико-промышленного бюро в устройстве трамвая на электрической тяге были решены с учетом всех предложенных им условий. Но в ноябре 1908 г. бюро сообщило городской управе об отказе «от своего предложения провести в г. Томске трамвай». Причина отказа обосновывалась опытом других городов, который «показал, что эксплуатация трамваев убыточна, а здесь климатические условия еще

[1] *ГТ*. 1908. 30 янв., 1 февр.
[2] Там же. 5 апр.
[3] Там же. 12 июня.

значительно удорожат эту эксплуатацию»[1]. Думе ничего не оставалось делать, как принять отказ Бюро. Она выразила желание, «чтобы городской голова И.М. Некрасов, при поездке в Петербург, по вопросу о строительстве железной дороги, поискал там концессионеров для устройства в Томске трамвая. И.М. Некрасов, в свою очередь, высказался в ответ о своем намерении «даже попытаться вызвать их путем публикации» приглашения в Томск[2].

В конце 1908 г. городским властям можно было иметь в виду возможность вступления в контакт с англо-шведской компанией, представитель которой А.Б. Гутман имел поручение о ведении переговоров по поводу устройства в городах Дальнего Востока водопроводов, электроосвещения и трамвая. Заманчивым могло быть согласие компании на устройство в Красноярске водопровода и трамвая «в кредит под солидное обеспечение»[3].

Зарубежные предприниматели в начале XX в. проявляли большой интерес к возможности заключения договоров с сибирскими городами на выполнение их заказов. В частности, бельгийские предприниматели летом 1913 г. заключили около 10 концессий на оборудование в различных городах Сибири трамваев и электрических станций. Газета «Томский вестник», извещая об этом своих читателей, сообщила о том, что «попутно бельгийцы интересуются нашей горной промышленностью, приобретая образцы минералогических коллекций». Томск посетил бельгийский посланник при русском дворе граф де Бюнсере, заявив, что его путешествие по Сибири не связано ни с какими коммерческими целями, а он просто знакомится с нашим краем. Вместе с тем он оказался одним из участников предпринимаемого похода иностранного капитала на Сибирь[4].

Начало развития телеграфного сообщения и телефонной связи в Томске

Значительно быстрее разрешилась проблема устройства в Томске телеграфного сообщения.

В середине XIX в. по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири началось решение вопроса о проведении телеграфной связи в

[1] *ТГ*. 1908. 26 нояб.
[2] Там же. 10 дек.
[3] Там же. 15 дек.
[4] *ТВ*. 1913. 17 сент.

восточные районы страны для установления ее между Петербургом и побережьем Тихого океана. В быстром темпе проведенные в 1859 г. изыскательские работы сменились с весны следующего года работой по установлению телеграфной связи вдоль Московско-Сибирского тракта. На протяжении 1861–1862 гг. она была доведена до Тюмени и Омска[1]. А 4 октября 1863 г. «Томские губернские ведомости» поздравили жителей Томска «с устройством телеграфического сообщения со всеми западносибирскими городами». 3 января 1864 г. в этой же газете было опубликовано известие о начале телеграфного сообщения Томска с европейской частью страны. Сразу же стало очевидным его преимущество по сравнению с почтовым сообщением. Письменные сообщения «шли крайне медленно». Из-за этого купцы несли большие убытки, вынужденные продавать на ярмарках товары по тем же ценам, по каким могли продать их в Томске, сведения о ценах шли с большим опозданием. Кроме того, многие жители города имели родственников в губерниях Европейской России, улучшению общения с которыми способствовало возникновение телеграфной связи[2].

Открытие ее имело огромное значение. Администрация, предприниматели и все жители города и губернии получили возможность сравнительно быстро получать и отправлять необходимую информацию.

В начале 70-х гг. управляющий делами Сибирского телеграфного агентства П.А. Клиндер из Иркутска обратился к томскому губернатору с предложением: «…если томское местное агентство или общество в г. Томске желает получать еженедельно телеграммы прямо из Петербурга», это можно облегчить при условии предварительного сбора денег в сумме 200 р.[3]

В течение почти 20 лет в Томске телеграфное сообщение обеспечивалось работой центральной станции. Ее начальник весной 1882 г. обратился в городскую думу с запросом относительно возможности открытия городских станций в дополнение к центральной. Он просил сообщить ему, есть ли для этого возможность. Для него очевидной была потребность в открытии городских станций «в виду развивающейся телеграфной корреспонденции для доставления публике удобств при большом протяжении города». Кроме того, начальник центральной станции Томска запрашивал, «не полезно ли было бы на время паро-

---

[1] *Разумов О.Н.* История электросвязи Томской области. Томск, 2000. С. 11–15.
[2] *ТГВ*. 1863. 4 окт.; 1864. 3 янв.
[3] Там же. 1873. 29 сент.

ходной навигации устраивать на пароходной пристани временную телеграфную станцию».

Городская дума приняла решение через городского голову уведомить начальника станции, что она «не имеет никаких данных, по которым можно было бы судить о пользе открытия в городе частных станций». Что касается открытия временной станции на пароходной пристани, дума высказалась положительно, считая, что можно открыть ее «в виде опыта»[1].

До 1886 г. почтовая контора и телеграфная станция располагались в одном здании. С этого года их объединили в одно учреждение – Томскую почтово-телеграфную контору, располагавшуюся по прежнему адресу на улице Почтамтской, 20.

Телеграфная связь довольно быстро стала входить в жизнь томичей, как и всех сибиряков. В некоторых сферах, особенно в предпринимательском деле, телеграф почти полностью заменил почту.

Новый импульс в развитии телеграфного дела за Уралом дало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. В 1895–1896 гг. с открытием движения на Западно-Сибирской и Средне-Сибирской железных дорогах началось оборудование служебных телеграфов на железнодорожных станциях.

Управление строительства Средне-Сибирской железной дороги находилось в Томске. Его руководство предложило провести телеграфную линию от управления, располагавшегося в доме купчихи Орловой по Ямскому переулку до Томской почтово-телеграфной станции. Такая линия была открыта 22 марта 1896 г. Она явилась первой городской телеграфной связью в Томске. К концу 1896 г. открылся прием телеграмм на близлежащих к Томску станциях «Итат», «Черемошнинская пристань» и «Вокзал»[2].

К концу XIX в. Томск превратился в крупный центр телеграфной связи в Сибири. В связи с необходимостью подготовки кадров для дальнейшего развития телеграфа в Томске появилась телеграфная школа, в которую принимались молодые люди в возрасте 16–35 лет, а также девицы и вдовы от 18 до 25-летнего возраста. Обучение продолжалось «не менее 4 месяцев». Школа находилась на улице Монастырской.

У томских связистов было немало проблем и трудностей, прежде всего связанных с условиями, в которых они работали. В 1897 г. при

---

[1] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 1132.

[2] *Разумов О.Н.* Указ. соч. С. 28.

вступлении в должность нового начальника почтово-телеграфной конторы Е.Я. Мухина газета «Томский листок» пожелала ему «вывести ее из настоящего плачевного состояния». Оно определялось «никуда не годным помещением, недостаточно малым штатом служащих, находящихся в настоящее время в положении невольников-негров», их тяжелым материальным положением.

Положение несколько улучшилось с началом в 1898 г. работ по перестройке Томской почтово-телеграфной конторы. Это оказалось возможным благодаря выделению Министерством внутренних дел 95000 р. на строительство нового здания для конторы и телеграфной станции. В отремонтированных старых зданиях предполагалось разместить управление почтово-телеграфного округа и квартиры служащих. Намеченные работы завершились в 1901 г. Новое здание почтово-телеграфной конторы рядом со старым в несколько перестроенном виде сохранилось до наших дней. В нем располагаются Томский главпочтамт и Центральный переговорочный пункт телеграфно-телефонной станции.

В начале 90-х гг. остро чувствовалась необходимость открытия городских отделений связи. 1 ноября 1903 г. в доме, арендованном у мещанина Пермякова на Большой Кирпичной улице, открылось первое такое отделение, но просуществовало оно лишь до начала 1906 г. Прошло еще более 5 лет, прежде чем 1 сентября 1911 г. в арендованном доме мещанина Акулова на углу улиц Офицерской и Ярлыковской вновь открылось первое городское почтово-телеграфное отделение.

Томск в начале XX в. общался по телеграфу не только с городами Сибири и Европейской части страны. Широкими были его международные связи. В 1913 г. из Томска было отправлено за границу более 1400 телеграмм, а получено около 1200 телеграмм. Тесными были его связи с Германией, Англией, Швейцарией, Францией, Австро-Венгрией. Томский телеграф был связан с 16 странами Европы, США, Египтом, Китаем[1].

С ростом населения в Томске резко увеличивался спрос на почтово-телеграфные услуги. Между тем здание Томской конторы стало тесным. С начала 90-х гг. в нем, кроме почты и телеграфа, размещалось еще управление городской телефонной сети, а с 1903 г. и телефонная станция. Возведение пристройки между центральным зданием конторы и северным флигелем обеспечило возможность перевода в нее телеграфной станции. Ситуация несколько улучшилась с открытия в июне 1916 г. второго городского почтово-телеграфного отделения на улице

[1] *Разумов О.Н.* Указ. соч. С. 35.

Духовской, 55. Почти одновременно на улице Иркутской появилось и третье городское отделение[1].

Телефон в Томске появился в 1886 г., когда 20 сентября была установлена телефонная связь, первая не только здесь, но и во всей Сибири. Она была установлена между книжным магазином и типографией П.И. Макушина, потратившего на новое дело 300 р. Примеру П.И. Макушина последовали некоторые другие предприниматели. Весной 1888 г. ходатайствовали о разрешении на устройство телефонного сообщения томские купцы П.В. Безходарнов и Толкачев, провизор Ковнацкий. К концу того же года они устроили телефонные линии между своими предприятиями. О.Н. Разумовым установлено, что у Безходарнова она составляла 5 верст.

В 1888 г. телефонная связь была установлена в только что открывшемся университете. Все оборудование и устройство связи было обеспечено смотрителем университетского газового завода, умельцем-самоучкой С.М. Глейхенгаузом, университетским механиком Энгелем, столяром Смильгиным и другими томскими мастерами.

Но созданной в конце 80-х гг. телефонной связью могли пользоваться лишь отдельные предприятия и университет.

Между тем росла острая необходимость в городской сети общего пользования. Об этом свидетельствовало обращение в сентябре 1890 г. местных пароходовладельцев к томскому губернатору с просьбой ходатайствовать перед Министерством внутренних дел о создании в Томске телефонной сети.

Осенью 1890 г. с получением разрешения министра внутренних дел начались работы по устройству телефонной связи в Томске. Построенная к концу этого года телефонная станция разместилась в доме Волынской по Ямскому переулку. Открытие телефонной сети планировалось на 1 января 1891 г. Но из-за большого объема работ, нехватки средств и материалов, строительство затянулось, и городская сеть начала действовать с 1893 г. А до этого в 1892 г. томские пароходовладельцы на свои средства протянули линию телефонной связи длиной в 76 верст от Томска до устья Томи. Там телефонная станция была оборудована рядом со стеклоделательным заводом Е.И. Королева. Томский купец В.А. Горохов устроил телефонную связь между селом Бердское в Барнаульском округе и своей мельницей, расположенной в 5 верстах от

[1] *Разумов О.Н.* Указ. соч. С. 30–38.

этого села. В конце XIX в. купцы Вытновы имели связь со своим винокуренным заводом в селе Зоркальцеве.

Созданная на деньги томских пароходовладельцев и других частных лиц и на казенные средства Томская телефонная сеть с 1 января 1894 г. перешла в категорию правительственных сетей, т.е. в государственную собственность.

За услуги Томской телефонной сети была установлена плата сначала от 60 до 75 р. в год в зависимости от категории абонента и расстояния между станцией и абонентом. В дальнейшем с учетом затрат на ремонт линий и станции она увеличилась. Абоненты, находившиеся на расстоянии до двух верст от станции, платили 75 р. в год. При больших расстояниях плата увеличивалась на 15 р. за каждую версту. В сообщении о телефонной сети в Томске в феврале 1894 г. объявлялось об установлении платы за сношение «между собой лиц и учреждений», находящихся «как в черте города, так и в окрестностях его» не далее двух верст – 100 р., далее двух верст – с доплатой еще 25 р. за каждую версту[1]. При зарплате рабочего в 150–200 р. в год, учителя – до 240 р. пользование телефоном могло быть доступным немногим жителям.

Несмотря на случавшиеся сбои в работе телефонной сети (остановки в связи с обрывами проводов, трудности в вызове телефонной станции, вызовы не того абонента и соединения не с тем абонентом, долгое неразъединение после окончания разговора) телефонная сеть продолжала развиваться. Ее развитие сопровождалось переоборудованием телефонной станции, увеличением штата сетей с 12 человек в конце XIX в. до 42 к началу Первой мировой войны, открытием городских станций, установкой телефона-автомата на станции «Томск I» для платного общественного пользования в январе 1914 г., замена воздушных проводов на воздушный кабельный, а затем на бронированный подземный кабель.

Томская телефонная сеть по времени открытия стала второй в Сибири (после открытия первой в Иркутске в 1892 г.) и 28-й в России среди правительственных сетей. Открывшись позднее Иркутской сети телефонная сеть Томска опережала ее по протяженности линий и проводов. В 1893 г. в Томске она составляла соответственно 102 и 243 версты, в Иркутске – 42 и 166 верст; абонентов в Томске было 97, в Иркутске – 78. В 1894 г., первый полный год своего функционирования, Томская телефонная сеть занимала 3-е место в стране по протяженности

[1] *ТГВ*. 1894. 24 февр.

линий и 5-е среди всех сетей страны, уступая только Московской загородной, Московской городской, Петербургской и Харьковской сетям.

Об общих показателях развития телефонной связи в Томске в дореволюционный период можно судить по росту числа абонентов с 97 в 1893 г. до 1370 в 1917 г., телефонов со 113 в 1894 г. до 1483 в 1917 г., телефонных разговоров с 126000 в 1894 г. до 995000 в 1902 г.[1]

Пример для других городов

В середине 1860-х гг., произошло событие, вызвавшее отклик почти во всех газетах Санкт-Петербурга. В октябре сюда была доставлена из Лондона паровая машина, заказанная Томском Г. Иоахиму и К° и изготовленная на заводе Р. Мерривезера с сыновьями. 4 ноября во дворе Адмиралтейства состоялось испытание машины при стечении большого числа петербуржцев. Несмотря на сильный ветер, все могли убедиться в том, как «струя воды твердо и усиленно шла по тому направлению, какое ей давали». «Санкт-Петербургский листок», «Сын Отечества», «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости» поместили подробное описание самой пожарной машины, ее габаритов, достоинств. Отмечалось, что во всех городах есть пожарные команды, есть они даже и в селах, но беда состояла в том, что немногие пожарные команды были обеспечены хорошими инструментами. Обычно команды состояли из одной-двух пожарных труб, нескольких бочек с обозом. Но эти трубы были больше пригодны для поливки улиц, чем «для противодействия сильному пламени». Поэтому усилия пожарных команд часто оказывались тщетными. Для приобретения же пожарных труб в городах не находили необходимых средств. Даже в Петербурге они появились совсем недавно, при этом только в одном пожарном депо.

Стоимость машины с четырехсотсаженной трубой обошлась в 11000 р. Труба весом в 180 пудов представляла собой чуть ли не целый паровоз. Несмотря на довольно большой объем, ее свободно могли везти 4 лошади (по ровной дороге).

Даже в Петербурге не было такой «чрезвычайно прочной и красивой» паровой машины по сравнению с приобретенной для Томска. Поэтому «Санкт-Петербургские ведомости» справедливо заметили: «Мы никак не можем согласиться с теми из присутствующих при испытании, которые говорили, что Петербург ни в чем подобном и не нуждается».

---

[1] *Разумов О.Н.* Указ. соч. С. 47–50.

В «Биржевых ведомостях» было обращено внимание на некоторые недостатки паровой машины – она требует большого ухода за собой. Подчеркивалось, что главным условием при ее эксплуатации явится наличие чистой воды, иначе рукава засоряются и труба может перестать действовать. «Поэтому Томск, не могущий похвастаться чистою водою, сделал для себя не совсем практическое приобретение… ему придется содержать особого механика, которому, конечно, должно будет платить порядочные деньги».

В корреспонденции, посвященной паровой машине, Набалов ответил на выступление «Биржевых ведомостей»: «Естественно, что всякая машина требует ухода. Автор наверное полагал, что Сибирь не имеет никакого понятия о паровых машинах, не зная того, что у нас они считаются десятками и при них есть и опытные механики и машинисты». Относительно качества воды согласно приложенной к трубе брошюре «насосы могли действовать даже грязною водою без вреда для клапанов. В силу этого заключение автора о том, что Томск, не могущий похвастаться чистою водою, сделал для себя непрактическое приобретение – вовсе непрактично».

Содержание машиниста «для ухода за машиною и для поправок было предвидено: по новым штатам города… назначено жалованья машинисту 500 р.».

Что же касается общей оценки приобретения Томском пожарной машины можно считать, что оно было воспринято восторженно как событие, имеющее огромное значение для всех городов России. В «Сыне Отечества» особо отмечались достоинства машины: «Мы видели одну из тех пожарных паровых труб, какие могут поспорить с каким угодно пламенем и которые представляют городу верную и хорошую гарантию в случае пожара, – и смотря на эту сильную струю воды, бившую высоким фонтаном, нам становилось отрадно за Томск, нам становилось вообще отрадно за то, что наши города так значительно начинают улучшаться относительно устройства в них пожарной части».

Искренней была радость газеты за Томск: «Как становится вдруг приятно, когда узнаешь, что превосходную паровую пожарную трубу… выписал для себя губернский город Томск, – город ни чем не лучше и не богаче других наших губернских городов! Так и бьется от удовольствия сердце, так и хочется сказать: слава Богу, взялись за ум! То, что сделал Томск, думаем, может быть доступно и каждому городу».

«Санкт-Петербургский листок», поздравив Томское городское общество «с полезным приобретением», пожелал «чтобы пример его бла-

готворно подействовал и на прочия Общества, в виду сознания, что улучшение пожарной части – насущная потребность».

По поводу дороговизны пожарной машины в газете «Сын Отечества» особо отмечалось: «Не следует забывать, что все подобные расходы – расходы самые производительные и скоро окупающиеся». Не сгорят благодаря такой трубе два лишних дома – вот и окупятся расходы, но с помощью такой трубы можно спасти сотни домов.

Радость от приобретения для Томска паровой машины, к сожалению, была омрачена тем, что затерялась телеграмма, которой была заказана машина фирме. Поэтому доставка ее запоздала более чем на 2 месяца. Это неизбежно приводило к возрастанию расходов на ее перевозку из Петербурга в Томск. В навигацию от Нижнего Новгорода до Перми, из Тюмени до Томска она могла быть доставлена «безденежно», а за гужевую перевозку предстояло заплатить деньги. Из Санкт-Петербурга машина была отправлена в ноябре, в феврале следующего 1867 г. ожидалась ее доставка в Томск. «Томские губернские ведомости» выражали надежду на то, что «будущее лето мы проведем без тех страшных тревог и опасений, под влиянием которых находились в прежние годы»[1].

Приобретение городом пожарной машины благотворно сказалось на появлении возможности для предотвращения распространения пожара на значительно большую площадь. 7 июня 1867 г. в 5 часов вечера начался пожар на территории городской мещанской богадельни. Сильный порывистый ветер угрожал не только близко расположенным зданиям Народного училища и богадельни, но и другим соседним строениям. Пожар удалось потушить благодаря «энергичным действиям чинов полиции и пожарной команды при дружном содействии жителей». Помогли в тушении пожара купцы Д. Тецков, А. Богомолов, А. Пономарев, приславшие принадлежавшие им пожарные машины[2].

Серьезным подспорьем для укрепления материальной базы пожарной части Томска явилось разрешение министра внутренних дел выдать из страхового капитала Томскому городскому обществу 32400 р. на устройство в Томске пожарной части[3].

В мае 1869 г. Комитет для устройства в Томске пожарной части поручил через начальника губернии томскому купцу С.П. Петрову, который жил в Москве, осмотреть три насоса «лучшего, усовершенствованного устройства», «объявленные в продажу». Петров должен был посо-

---

[1] *ТГВ*. 1866. 9 дек.

[2] Там же. 1867. 16 июня

[3] Там же. 1869. 18 апр.

ветоваться со знающими людьми. Если окажется, что насосы будут полезны, «по немедленному извещению Петрова», деньги намечалось выслать ему немедленно. Речь шла о насосах, способных накачивать 900–1200 ведер воды[1].

На противопожарные меры в 1869 г. были осуществлены расходы, связанные с выдачей «за исправление паровой машины Аврамову 200 р., кузнецу Назарову – за службу при паровой машине 50 р., на покупку 202 п. каменного угля – 56 р. 56 к., на выписку гидропульта – 20 р., на выписку 1000 экземпляров указателя мер предосторожности от пожара – 72 р.»[2].

Через 5 лет после начала эксплуатации машины по предложению 21 гласного городская дума приняла решение о прекращении её содержания, решение вопроса, «какое сделать употребление из самой машины», – отложить «до особого распоряжения думы, наблюдение за машиной поручить попечению управы»[3].

В случае положительного ответа губернатора авторы заявления просили городского голову известить публику о разрешении начать действие общества «печатным объявлением с приглашением желающих записаться в члены общества и с назначением в один из ближайших праздничных дней в Думском зале общего собрания членов» для выбора членов совета общества.

В городской управе авторы заявления считали нужным производить прием членов общества с составлением записи их фамилий, адресов и званий.

Городская дума постановила: просить городского голову «войти с ходатайством как об утверждении прочитанного устава, так и о немедленном открытии действий общества»[4].

В феврале 1899 г. городская дума уступила Томскому вольному пожарному обществу здание цирка на Ушайке безвозмездно для постройки пожарного депо на отведенном для того городом месте[5]. Однако пожары по-прежнему случались.

---

[1] *ТГВ*. 1869. 9 мая

[2] Там же. 1870. 11 апр.

[3] Там же. 1872. 12 февр.

[4] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 1126–1127.

[5] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 315–316.

Последствия пожаров

Последствия пожаров зависели от быстроты принятых мер к их тушению. В 2 часа ночи с 5 на 6 февраля 1872 г. в мелочной лавочке Калужского мещанина Григория Лопатникова на Магистратской улице около дома купца Карпова произошел пожар, который был быстро потушен. Убыток от него составил 500 р.[1]

В ночь с 9 на 10 декабря 1873 г. в Юрточной части произошел пожар в доме Мариинской мещанки У. Фефербаум, начавшийся с конюшни. Сгорели крыша у дома, «прочие прислуги». Хотя пожар удалось быстро прекратить, не удалось избежать серьезного убытка в 1070 р.[2] В 2 часа ночи 7 ноября 1883 г. начался пожар в сушильне кирпичного завода братьев Даниловых, потушенный быстро вскоре прибывшей пожарной командой. Быстро удалось сбить огонь пожарной команде 11 ноября в 3 часа дня на заводе фруктовых вод раввина Лейбина[3]. Пожарной же командой было потушено возгорание сажи в трубе в оранжерее купца Королева[4].

В конце 1898 г. состоявший в штате Томского городского полицейского управления Власов был переведен в Томскую пожарную команду для исполния обязанностей унтер-брандмейстера. Изъявив желание «ознакомиться с постановкой и ведением пожарного дела в столичных городах», он обратился к полицмейстеру «с ходатайством об оказании денежного пособия» на проезд до Санкт-Петербурга и обратно. Полицмейстер считал, что «служащие в пожарной команде лица, ознакомившиеся с постановкой пожарного дела в Санкт-Петербурге, несомненно, могут принести громадную пользу для г. Томска». Обосновывая необходимость поддержать идею Власова о командировании его в Санкт-Петербург, полицмейстер характеризовал его как «весьма прекрасного и способного молодого человека, намеревающегося всецело посвятить себя на служение томской пожарной команде». Полицмейстер просил городского голову «выдать Власову денежное пособие». Однако городская дума отклонила данное ходатайство[5].

В апреле 1902 г. городская дума приняла решение командировать в Москву на Всероссийский пожарный съезд брандмейстера Томской по-

---

[1] *ТГВ*. 1872. 15 апр.
[2] Там же. 1874. 19 янв.
[3] Там же. 1883. 15 дек.
[4] Там же. 1895. 20 июля.
[5] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 265–266.

жарной команды Петрова. После съезда ему поручено было задержаться недели на три и «познакомиться на практике с пожарным делом». Совершенно очевидно, командировка Власова в Санкт-Петербург в 1898 г. стала бы в плане знакомства с постановкой пожарного дела в столичном городе также полезной[1].

Служба в пожарной части была очень опасной. При выезде на пожар 27 декабря 1899 г. пожарный служитель А. Фролов получил увечье руки. Три кости запястья левой руки, неправильно сросшиеся в результате перелома, сделали Фролова «к физическому труду малоспособным». Городская дума 22 августа 1900 г. назначила ему пенсию в размере 60 р. с выдачей ее по 10 р. в месяц в течение полугодия. 5 сентября того же года по просьбе Фролова дума решила выдать ему эти деньги «единовременно»[2]. При тушении пожара на заводе Крюгера 4 сентября 1902 г. погиб член Томского добровольного пожарного общества А.М. Некрасов. Память его почтили вставанием на заседании городской думы и возложением венка на его гроб от имени городского управления[3]. Немногим пожарным удавалось прослужить в течение длительного времени. Служба в пожарной команде требовала огромного напряжения сил, тяжело сказывалась на состоянии здоровья пожарных. Редко кто мог выполнять ее в течение многих лет. В конце XIX в. в городской думе единственный раз рассматривался вопрос о выделении денежных средств с предоставлением длительного отпуска для выздоровления брандмейстера Василия Ивановича Власова.

В апреле 1895 г. Томский полицмейстер сообщил, что брандмейстер В.И. Власов, прослуживший в пожарной команде с 1874 г. в течение двух десятков лет, «значительно расстроил свое здоровье». Для восстановления «ослабевшего здоровья и поддержания энергии к дальнейшей службе» полицмейстер просил думу оказать Власову «материальное вспомоществование». Губернатор разрешил Власову двухмесячный отпуск. Полицмейстер просил, кроме этого, еще двухмесячное содержание для лечения на Алтае.

Дума заслушала также гласного врача П.П. Еланцева, который заявил, что Власов несколько раз обращался к нему за медицинской помощью. Он также подтвердил, что брандмейстер действительно нуждается в продолжительном лечении на Алтае. Городская дума единогласно постановила: «разрешить городской управе выдать брандмейстеру Вла-

---

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 1051–1052.
[2] Там же. С. 673–674.
[3] Там же. С. 1215.

сову жалованье 100 р. за два месяца, сверх разрешения ему с сохранением содержания двух месячного отпуска для излечения болезни»[1].

Летом 1896 г. полицмейстер обратился в думу с предложением о повышении Власову жалованья до 150 р. Однако дума сочла это невозможным. Вместо повышения жалованья она полагала возможным «выдать брандмейстеру Томской пожарной команды Василию Ивановичу Власову единовременно за его усердную и полезную службу 150 р.»[2]. Предполагалось, что в последующем ежегодно ему будет единовременно выдаваться по 150 р. Но жить ему оставалось недолго.

Весной 1898 г. Власов заболел. На расходы по его лечению ему было выдано жалование вперед за март и апрель месяцы в размере 100 р. Но 20 марта он умер. На его похороны было израсходовано 25 р. 65 к. По поводу понесенного расхода и выданного вперед жалованья дума постановила: «За долголетнюю службу его… принять на счет города как выданное ему вперед жалованье за апрель месяц (50 р.), так и расход на похороны»[3].

В мае 1898 г. вдове Варваре Ивановне Власовой городская дума назначила пенсию в размере 25 р. в месяц в течение 6 лет[4].

Иногда пожарные вознаграждение получали от пострадавших. В августе 1915 г. И.Г. Тихонов направил начальнику пожарной команды 100 р. для раздачи из них 75 р. городским пожарным командам и 25 р. – Добровольному пожарному обществу. Брандмейстеру центральной части И.Н. Петрову И.Г. Тихонов «препроводил 25 р. в личную собственность за проявленную во время пожара на конфетной фабрике распорядительность, благодаря которой удалось отстоять корпус фабрики и соседние строения»[5].

18 августа 1915 г. губернатор объявил о наградах Высочайше пожалованных чинам Томской пожарной команды. Были удостоены Дмитрий Комиссаров – золотой медали, Гусев, Всеволодский, Ковалев, Хлыновский, Штыренко, Пичугин и Софроненко – бронзовых нагрудных знаков Императорского Российского пожарного общества[6].

20 декабря 1901 г. произошел страшный, трагический случай убийства пожарного служителя Егора Семенова Филиппова его сослужив-

---

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 749.
[2] *Свод* постановлений… с 1881 по 1904 г. С. 1160.
[3] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 374–375.
[4] Там же. С. 389.
[5] *ТВ*. 1915. 11, 12 авг.
[6] Там же. 20 авг.

цем Соловьевым. Исполнявший должность Томского полицмейстера пристав 5-го участка П.П. Аршаулов в письме на имя городского головы описал подробно обстоятельства случившегося. В знойный июльский день, «когда от ветра облака пыли носились по улицам города, по Загорной улице, Горшковскому переулку загорелся дом Позднякова». Пожар начался от загоревшегося соседнего ветхого домишки, в котором были солома, деготь, что «представляло страшную опасность в пожарном отношении». Буквально через несколько минут «море огня, подгоняемое ветром, начало страшно бушевать, угрожая всему Болотному участку. Раздался набат, выкинули красный флаг». Пожарные, с напряженными, из-за частых пожаров, нервами, «как вихрь понеслись по улицам к месту огня». Не прошло 5–7 минут, как первая полицейская команда была уже на пожаре. Еще через 3 минуты приехала Сенная, а затем съехалась и вся пожарная команда. «Море огня бушевало, крики спасавших свое имущество, команды брандмейстеров – все это сливалось в один гул. По крышам, объятым пламенем, в густом дыму… мелькали каски пожарных, языки огня и дыма охватывали работавших, от жары трещали головы, от едкого дыма резало глаза… пожарные работали в самой гуще огня, редко обливаемые водой… Кто выскакивал из пламени, кого ударило доской или отвалившимся бревном… Это был сущий ад». А пожарные продолжали работать, исполняя свой долг «до самоотвержения, не смотря на получаемое ими маленькое содержание, рискуя ежеминутно отправиться к праотцам, и забывая совсем себя, они надеялись, что если умрут, то семьи их будут обеспечены городом, что жизнь их застрахована от всяких случайностей».

Пожар кончился, «не приняв размеров, которыми угрожал, благодаря героической работе пожарных. Команды разъехались усталые, с расстроенными нервами, пожарные начали приводить обоз в порядок, чтобы быть готовыми в случае тревоги вновь лететь сломя голову». В какой-нибудь час обоз был приведен в порядок. Возбужденные пожарные долго не могли прийти в себя», долго не могли уснуть. Некоторые совсем не могли найти себе места после того ада, который пришлось пережить на пожаре. Не мог заснуть и пожарный служитель Соловьев. Он долго «ходил расстроенный, сумрачный, не находя себе места, жаловался, что ему жарко, что он горит, у него болит голова, вся как в огне». Он работал на крыше дома Позднякова, «огненные языки пламени лизали его, едкий дым душил его и ел глаза, его то и дело обливали водой», одежда на нем могла загореться в любую минуту. Когда один пожарный провалился через крышу, Соловьев вместе с другими пожар-

ными бросился спасать его. «Искры фонтаном осыпали его с головы до ног», от всего пережитого через несколько часов Соловьев сошел с ума. Когда в казарме зажглись огни, он схватил лом и начал им размахивать направо и налево по нарам, где спали его товарищи. Прежде чем его обезоружили, он успел ранить двоих и размозжить голову Е.С. Филиппову. Его жена осталась с двумя детьми без средств к существованию.

Городская дума постановила назначить вдове Филиппова пособие в размере 180 р. с выдачей этих денег в течение года помесячно по 15 р.

Полицейские, исполнявшие на пожаре роль охранников и распорядителей, тоже подвергались опасности, хотя и меньшей, чем пожарники. Сам пристав П.П. Аршаулов тоже однажды пострадал, когда на него упала горящая крыша здания. Из огня и дыма его вытащили обгоревшим, он проболел два месяца[1].

Намного труднее, чем в самом городе, было вести борьбу с пожарами за его пределами, чаще всего – даже невозможно. Почти каждый из них приносил огромного размера убытки.

23 апреля 1875 г. в предместье Томска на масложатвенном заводе купца Дмитрия Тецкова произошел пожар, от которого сгорели сушильня «с бывшими на оной овчинами и дуботолчейка». Убыток – 2300 р.[2]

10 января 1876 г. в Нелюбинской волости близ деревни Рыбаловой сгорели винокуренный завод и бывшая при нем водоподъемная машина, принадлежавшие томскому 2-й гильдии купцу Минею Калинкеру[3].

В ночь на 12 сентября 1878 г. в селе Зоркальцеве сгорел винокуренный завод купцов Вытнова и Баландина. В ночь на 23 декабря 1887 г. на даче «Степановка» сгорел дом купца Ильи Фуксмана. Убыток составил 3000 р.[4] 6 февраля 1898 г. на винокуренном заводе Фуксмана же пожар нанес убытка на 2000 р.[5] А за 5 лет до этого 28 июня 1893 г. на Степановке сгорела паровая мельница Фуксмана, когда он потерпел убыток в размере 50000 р.[6]

28 сентября 1888 г. в деревне Заварзиной Спасской волости сгорела водяная мукомольная мельница купчихи Анны Полюговой[7]. Ночью на

---

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 1001–1005.
[2] Там же. 1875. 31 мая; 1876. 3 янв.
[3] Там же. 1876. 21 февр.
[4] Там же. 1888. 11 февр.
[5] Там же. 1898. 2 апр.
[6] Там же. 1893. 2 сент.
[7] Там же. 1888. 17 нояб.

31 мая 1896 г. около деревни Аникиной Спасской волости сгорела суконная фабрика купца Колосова, который понес убыток в размере 170000 р.[1]

С начала 60-х гг. XIX в. в «Томских губернских ведомостях» публиковались сообщения о пожарах, имевших место в предместьях Томска и далеко расположенных от него населенных пунктах. Иногда сообщалось о единичных случаях возгорания в отдельных крестьянских дворах. В марте 1863 г. в селе Бабарыкинском Богородской волости «от неосторожности дворохозяев» у крестьянина Дмитрия Кузнецова сгорел дом «с прислугами и имуществом». Убыток составил 200 р.[2]

Осенью 1870 г. в деревне Петуховой Спасской волости у крестьянина Григория Андреева «от Лукьянова сгорели два дома, пчелиный подвал, конюшня, 11 ульев с пчелами, 150 «простых» ульев и прочее имущество»[3]. В деревне Аникиной Спасской волости 19 мая 1886 г. сгорел дом крестьянина Гаврилы Хлебникова с двумя флигелями и прочими постройками. Хлебников понес убыток в размере 2000 р.

25 мая крестьянин села Богородского Жарков понес убытка от сгоревшего дома на 5000 р. Два дома сгорели у Степана Иванова (на 514 р.)[4]. 13 января 1894 г. в Парабельской волости сгорел дом с постройками крестьян Скирневских, убыток их составил 4000 р.[5] 31 октября 1896 г. в Нарыме пожар в доме мещанина Прянишникова принес убытки в 12000 р. В том же месяце близ деревни Новоселовой Кетской волости сгорела мукомольная мельница крестьянина Ягодкина[6]. Летом 1898 г. у крестьянина Богородской волости Елизара Оловянишникова сгорела пасека с 55 ульями[7].

Чаще всего загорание одного дома приводило к тому, что от этого страдали многие жители деревни.

В ночь на 16 сентября 1869 г. в Киреевске сгорело 65 домов (убыток – в 22827 р.)[8]. 12 августа в деревне Батуриной Уртамской волости загорелась конюшня крестьянина Афанасия Черданцева. От нее при сильном ветре за 2 часа сгорело 58 домов «со всем имуществом и при-

---

[1] *ТГВ*. 1896. 11 июля.
[2] Там же. 1863. 24 мая.
[3] Там же. 1870. 3 окт.
[4] Там же. 1886. 14 авг.
[5] Там же. 1894. 5 мая.
[6] Там же. 1897. 23 янв.
[7] Там же. 1898. 20 авг.
[8] Там же. 1869. 21 нояб.

пасами (ущерб на 6320 р.)[1]. 4 июня 1881 г. в деревне Вершининой Спасской волости сгорели дома 21 крестьянина «со всеми прислугами и имуществом» на 14525 р.[2] 7 июля 1881 г. в деревне Старо-Алейской Убинской волости Бийского округа с избы отставного солдата начался пожар. Сгорело 147 домов, убыток – на 63935 р.[3] Начальник Томской губернии обратился к жителям с просьбой оказать помощь пострадавшим. Летом 1888 г. в деревне Песочной Семилужской волости сгорело 11 крестьянских домов[4]. 26 июля 1890 г. в селе Уртамском сгорело 10 крестьянских домов («убытку» на 2110 р.)[5]. 22 апреля 1891 г. в деревне Николаевка Алчедатской волости Мариинского округа сгорело 52 крестьянских дома, убытков – на 10000 р.[6] 26 июня 1891 г. в деревне Северной Кетской волости сгорело 6 крестьянских домов (убыток – 4490 р.)[7]. 27 июля 1892 г. в селе Елгайском Елгайской волости сгорели 13 крестьянских домов с амбарами. Убыток составил 2630 р.[8]. 12 октября 1895 г. в Семилужской волости на заимке Нарымского мещанина Михайлова сгорели два подвала, в которых хранилось 100 пудов меду. Михайлов понес убыток в размере 1200 р.[9] 23 мая 1896 г. в селе Проскоковском «от топившейся бани» произошел пожар, который уничтожил 37 домов с надворными постройками, почтово-телеграфное отделение, квартиру земского заседателя, Убыток составил 60721 р.[10] 27 мая 1898 г. в деревне Чиковской сгорело 47 дворов, убыток – 9202 р.[11]

Большой ущерб понесли в начале октября 1871 г. крестьяне Богородской волости деревень Мулавинской, Батуриной, Мало-Бабарыкинской, села Бабарыкина, когда у них сгорело на полях разного хлеба в кладях 21519 пудов, 5542 копны сена и 866 саженей дров[12]. 7 октября 1878 г. в селе Протопоповском Спасской волости «от печи, имевшей железную трубу, проведенную в стену», сгорела приходская церковь[13]. 29 октября 1886 г. в селе Вороново Уртамской волости «от дурного со-

[1] *ТГВ*. 1876. 2 октяб.
[2] Там же. 1884. 22 авг.
[3] Там же. 1881. 14 нояб.
[4] Там же. 1888. 11 авг.
[5] Там же. 1890. 30 авг.
[6] Там же. 1891. 6 июня.
[7] Там же. 10 окт.
[8] Там же. 1892. 22 окт.
[9] Там же. 1895. 30 нояб.
[10] Там же. 1896. 11 июля.
[11] Там же. 1898. 20 авг.
[12] Там же. 1871. 18 дек.
[13] Там же. 1878. 11 нояб.

стояния труб» сгорел деревянный храм во имя Святителя Иннокентия. «Убытку причинено на 2000 р.»[1]. 23 сентября в селе Протопоповском снова сгорела «до основания» церковь по неизвестной причине[2].

Нередко пожары сопровождались человеческими жертвами.

Весной 1863 г. в селе Богородском Богородской волости у вдовы крестьянской жены Феклы Оловяншиниковой при пожаре стайки погибла ее 3-летняя дочь[3]. В деревне Астальцовой Богородской волости 28 апреля сгорел 6-летний солдатский сын Талбанов, спавший в амбаре поселенца Марунина[4].

В августе 1876 г. в деревне Батуриной, где сгорело 58 домов, сгорели трое малолетних детей крестьянина Оловянишникова Павел 10 лет, Иван двух с половиной лет и полуторогодовалая Матрена[5]. В ночь на 7 сентября 1877 г. в деревне Лучановой Спасской волости сгорел вместе с избушкой 100-летний поселенец Лаврентий Медведев[6].

В ночь на 4 сентября 1878 г. в Воскресенской части сгорел дом томского мещанина Григория Перфильева, при этом сгорела жена томского мещанина Татьяна Коломыльцева и получил сильные ожоги поселенец Почитанской волости деревни Постниковой Николай Галушка, отправленный в больницу[7]. В ночь на 1 сентября 1878 г. в Парабельской волости в деревне Городище сгорел дом «с прислугами» поселенца Петрова и обгорела его сноха, «спасая дитя свое»[8].

В ночь на 4 апреля 1880 г. в сенной части сгорел дом «со службами и имуществом» купца Евгения Серебренникова. Сгорели 2 лошади, корова, собака. Лежавший в постели уже около двух недель домовладелец с трудом был вынесен из горевшего дома. От испуга и болезни он умер на 3-й день после пожара. Оказалось, что кучер ходил с трубкой под сарай, где были сложены сухие стружки[9].

31 мая 1891 г. на пароходной пристани сгорела нагруженная пшеницей баржа купца Плотникова. Во время пожара погибли находившиеся в люке рабочие Андрей Шумахин и Прокопий Королев[10]. 19 апреля

---

[1] *ТГВ*. 1886. 24 дек.
[2] Там же. 1897. 25 дек.
[3] Там же. 1863. 24 мая.
[4] Там же. 5 июля.
[5] Там же. 1876. 2 окт.
[6] Там же. 1877. 15 окт.
[7] Там же. 1878. 21 окт.
[8] Там же. 4 нояб.
[9] Там же. 1880. 17 мая.
[10] Там же. 1891. 27 июня.

1893 г. в селе Осиновые Колки Верхнекаинской волости, когда сгорело 127 дворов, погибли мужчина, 2 женщины, еще 3 женщины сильно обгорели[1]. Весной 1897 г. в доме крестьянина Тюменцева в деревне Рыбаловой сгорел его 3-летний сын Александр[2].

Последствия пожаров усугублялись очень часто из-за ветра. 20 мая 1867 г. в Каинске у мещанина Юсупова в 7 часов вечера загорелась баня. Был сильный ветер, угли перебрасывало через несколько кварталов. Сгорело 112 домов, 27 флигелей[3].

Организация помощи погорельцам

Обычной реакцией на пережитое погорельцами было не только выражение сочувствия. Пожертвования со стороны жителей Томска вносились в зависимости от того, какими суммами могли располагать жертвователи.

В 1866 г. в пользу бедных жителей Томска, пострадавших от пожара 27 июля, любители сценического искусства дали спектакль, сбор от которого в размере 58 р. был передан губернатору Томской губернии[4].

В ночь с 10 на 11 марта 1881 г. в деревне Шестаковой Дмитриевской волости Мариинского округа произошел пожар. Он начался с «маслобойного заведения» крестьянина Егора Алексеева Корчуганова, при сильном порывистом ветре сгорело 60 домов «со всеми пристройками, хлебом, скотом и прочим имуществом на 30979 р.».

17 апреля начальник Томской губернии обратился с просьбой к жителям губернии «не отказать в помощи пострадавшим». На 6 мая 1881 г. было пожертвовано 952 р. Среди жертвователей были сам губернатор Мерцалов, Цибульский, Е.И. Королев, А. Сорокин, И. Козлов, П.И. Макушин, Вяткин, Ненашев, неизвестный, пожертвовавший 10 р.[5]

18 апреля 1881 г. более половины Красноярска стали жертвами пожара. 21 апреля томский губернатор обратился к жителям губернии с просьбой принять участие в пожертвованиях. На его призыв откликнулись 65 жертвователей, внесшие от 1 до 3000 р. 3000 р. пожертвовал Цибульский, по 1000 р. – Н.Н. Вяткин, торговый дом Петрова и Михай-

---

[1] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 405.
[2] *ТГВ*. 1897. 6 марта.
[3] Там же. 1867. 9 июня.
[4] Там же. 1866. 29 июля.
[5] Там же. 1881. 6 мая.

лова, 10 жертвователей, названных «неизвестный» или «некто», внесли от 1 до 6 р. Всего было собрано 6587 р.[1]

Жители Иркутска также пожертвовали в помощь пострадавшим от пожара 18000 р. Государыня императрица «из собственных сумм» пожертвовала в пользу не имущих погорельцев Красноярска» 3000 р.[2]

Жители города Томска для погорельцев деревни Шестаковой пожертвовали в 1881 г. 950 р. 68 к. Эти деньги были распределены между 64 жителями, из которых ничего не имеющие и более всех пострадавшие от пожара получили по 25 р., остальные – по 13 р.[3]

После сильного пожара в Томске за Истоком 27 мая 1882 г. для оказания помощи погорельцам была открыта подписка. Для оказания помощи пострадавшим от пожаров 1882 г. с 14 июля по 20 августа поступило пожертвований деньгами 37136 р. 90 к., 10 ящиков кирпичного чая и 2000 штук рогож.

Наиболее крупные пожертвования сделали:

– потомственный почетный гражданин Немчинов – 25000 р.,

– коммерческий советник Цибульский – 5000 р.,

– потомственные почетные граждане братья Королевы – 3000 р.,

– томский губернатор собрал 2445 р.[4]

9 мая 1884 г. пожар уничтожил треть всех домов города Кузнецка, в том числе уездное училище с его библиотекой. Читателям Томска «Губернские ведомости» сообщили: «Масса бедняков – погорельцев осталась без всякого крова и не имеет никаких средств к существованию». Был открыт сбор пожертвований. 18 купцов внесли от 50 до 300 р., служащие типо-литографии и переплетного заведения Михайлова и Макушина – 8 р. 95 к. Всего было собрано 2058 р. 95 к.[5]

В начале мая 1885 г. у новокрещенных инородцев Кузнецкого округа «случилось неожиданное несчастье». Жители одного аила, состоявшего из шести юрт, были на пашне, где и ночевали. В аиле оставалась одна старуха. Когда поднялась сильная буря, из чувала вылетел огонь на берестяную крышу юрты, которая мгновенно воспламенилась, от нее весь аил сгорел дотла.

В газете после сообщения о случившемся было помещено обращение с призывом: «Не найдется ли какая-либо боголюбивая душа и не поможет ли своею лептою новокрещенным братьям нашим во Христе»[6].

---

[1] *ТГВ*. 1881. 23 мая.

[2] Там же. 23 мая.

[3] Там же. 20 июня.

[4] Там же. 1882. 24 июня.

[5] Там же. 1884. 17 мая.

[6] Там же. 1885. 15 авг.

Погорельцам «в пособие» было выдано 32678 р. 55 к. Роздано купленного печеного хлеба на 597 р. 44 к. Построено временных балаганов на 18 р. 40 к. Денежными пособиями воспользовались 465 человек, из них 197 домовладельцев и 338 – не имевших недвижимой собственности. «Пособия» были распределены следующим образом: 900 р. получил 1 человек, 600 р. – 1, 500 р. – 1, от 400 до 500 р. – 13, от 300 до 400 р. – 22, от 200 до 300 р. – 23, от 100 до 200 р. – 39, от 20 до 100 р. – 27. Из тех, кто не имел собственности, получили: 150 р. – 1 человек, 130 р. – 1, 100 р. – 2, 90 р. – 1, 70–80 р. – 2, 60–70 р. – 4, 50–60 р. – 14, 40–50 р. – 7, 30–40 р. – 29, 20–30 р. – 44, 10–20 р. – 116, 2–10 р. – 117. Кроме того, томский губернатор выдал 4 человекам 400 р.[1]

23 июня 1887 г. в Березове пожар уничтожил 20 «жилых и нежилых строений, в том числе «тюремный замок», окружное полицейское управление, судебное учреждение, городскую думу, дом и флигель вдовы купца Быкова, где помещались почтовая контора и окружное казначейство, помещение архива. В кладовой казначейства гербовые марки и книги за 1887 г. удалось спасти, все остальное сгорело.

В этом же номере «Губернских ведомостей» было сообщено о страшном пожаре, который произошел в русском Пантелеймонском монастыре на Афоне, где сгорело 6 церквей, 40 келий. Убыток составил до 200000 р.[2]

В апреле 1893 г. после пожара в селе Осиновые Колки Верхне-Каинской волости, когда сгорело 127 дворов, 565 человек остались без крова и пропитания.

В селе Покровском Покровской волости Каинского округа сгорели 2/3 села, церковь, поселенческая богадельня, мост, часть скота и хлеба.

Томская городская дума постановила: «…по предложению губернатора пожертвовать в пользу погорельцев 500 р., позаимствовав из капитала погорельцев, затем вернув из общих городских средств».

Думой также было решено открыть частную подписку.

Пожары чаще всего возникали от неосторожного обращения с огнем, «от неисправности труб, печей, от трещины в трубе печи», «от неправильного вывода труб», «от железной печи», «от усиленной топки печей». В 1907 г. в Томске произошло 82 пожара, сгорело 88 зданий. Пожары принесли убытков на 82500 р. В том году они возникали от неисправности печей (28), неосторожного обращения с огнем (34), по неизвестным причинам (9). 11 пожаров возникли в результате поджогов[3].

---

[1] *ТГВ*. 1886. 19 июня.
[2] Там же. 1887. 24 сент.
[3] *ГТ*. 1881. 20 июня; 1908. 16 марта.

Однажды «от удара молнии» на заимке томского мещанина Сосипатра Бакланова сгорел «деревянный корпус из пяти отделений (4 завозни, 1 амбар) с разным имуществом». Убыток, понесенный Баклановым, составил 3779 р.[1] 5 июня 1893 г. в деревне Арышевой Ячинской инородческой управы также «от удара молнии» сгорело 20 инородческих домов со всеми постройками»[2].

Иногда предпринимались попытки принятия мер, направленных на предотвращение пожаров. Во избежание возникновения их «от неосторожного обращения с огнем» «всех торгующих как в каменных, так и в деревянных корпусах» городская управа в 1875 г. подпиской обязала, чтобы они «в лавках курить ни себе, ни посторонним не дозволяли». Для наблюдения за этим, «и вообще за порядком, в каждом рыбном ряду» выбрали старост, обязанных «о нарушителях изданных правил доводить до сведения городской управы для законного взыскания». Беспокойство городской управы не без оснований вызывало то, что многие жители ходили по городу с сигарами и папиросами. Пожар мог возникнуть и от непотушенного окурка[3].

Обеспокоенность по поводу сгорания лавок также была обоснованной. В начале сентября 1896 г. на Базарной площади сгорели 12 лавок с товаром, принадлежавшим разным людям. Убыток составил 20893 р.[4]

В том же году обнаружилось, что все кузницы в Белозерском кузнечном ряду в 3-й Воскресенской части города построены с отступлением от технических строительных правил, что было крайне опасным в пожарном отношении. Строительное отделение томского губернского управления распорядилось о закрытии кузниц. Их владельцы обратились с ходатайством о разрешении работ в старых кузницах до постройки новых. Они приняли противопожарные меры. Им было разрешено в феврале 1896 г. работать в старых кузницах до 1 апреля с предупреждением, что с этого дня они будут закрыты «вплоть до сломки». Многочисленные рабочие в результате этого могли остаться «без всяких занятий» и оказаться «с их семьями в безвыходно бедственном положении». На постройку каменных кузниц у кузнецов не было необходимых средств, «к другим занятиям они были неспособны». Кузнецы просили дать им другое место, в котором они могли бы продолжать работать в

[1] *ТГВ*. 1875. 23 авг.
[2] Там же. 1893. 21 окт.
[3] Там же. 1875. 7 июня.
[4] Там же. 1896. 21 нояб.

кузницах. Член городской управы И.Д. Сычев вместе с кузнечными мастерами осмотрел «просимое место вдали от жилых построек», но оно оказалось изрытым, здесь раньше были кирпичные сараи, его невозможно было выровнять и использовать для постройки кузниц. Поскольку была очевидна невозможность справиться с постройкой новых кузниц к 1 апреля, дума по просьбе кузнецов согласилась на продолжение работы в старых кузницах до 1 июля. Новое место было решено дать в аренду на 12 лет с платой по 5 к. с квадратной сажени[1].

Еще в 1827 г. было учреждено Российское страховое от огня общество. В 1896 г. его агентом в Томске был Н.Я. Беляев[2].

Страхование обеспечивало возмещение убытка от пожара, хотя, естественно, не полностью.

В 1908 г. на Верхней Елани произошел один из самых грандиозных пожаров. Около половины одиннадцатого вечером 7 июля на каланче рядом с пожарным депо забили в набат – на южной стороне города показалось огромное зарево. По улицам понеслись одна за другой пожарные части, были вызваны все резервы, бежал со всех сторон народ, мчались извозчики. Оказалось, что можно было доехать только до угла Бульварной и Офицерской улиц, так как далее стояла толпа народа, заполнившая оба конца квартала.

Пылали дома Гринберга. Громадные языки пламени вскидывались кверху и искры неслись целыми потоками. Стоял страшный жар. Дул сильный ветер, увеличивавший пламя и носивший волны огня из одной стороны в другую.

Горели не только два новых больших двух- и трехэтажных дома, в которых заканчивали доделки, но и все постройки, службы и даже стружки и мусор на земле. Все усилия были направлены к тому, чтобы отстоять дома священника Мраморного и не дать пламени перекинуться на другую сторону улицы.

Ситуация усугублялась тем, что пожарные машины прибыли не сразу, водопровод в течение получаса не обеспечивал необходимого напора воды. Пожар мог быть еще страшнее по своим последствиям, если бы не действия казачьей сотни и роты солдат. С их помощью удалось спасти имущество командира сотни, квартировавшего во флигеле двора. Солдаты и казаки разрушили заплоты, сделали перемычку, которая препятствовала распространению огня, и стерегли имущество.

---

[1] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 868.
[2] *ТГВ*. 1896. 4 янв.

У Гринберга удалось спасти немногое, большая часть его имущества была сложена в завозне, находившейся на задах двора и быстро охваченной огнем. Спасением для него оказалось то, что за день до пожара было отправлено на пароход из кладовых несколько тысяч пудов товара.

Во время пожара удалось вывести из конюшен лошадей, но коровы сгорели заживо.

Ущерб от пожара мог быть компенсирован Гринбергу лишь частично. Его дома были застрахованы в Петербургском страховом обществе на 17000 р.

Пожар угрожал перекинуться на дом профессора Грамматикати. Два с половиной часа не покидал линии огня И.В. Штевен, оставшийся вместо начальника губернии. Плащ его оказался прожженным в нескольких местах.

В пользу пожарного общества для поощрения дружинников за проявленную на пожаре отвагу были сделаны пожертвования соседями Гринберга[1].

В том же 1908 г. 21 октября в 3 часа дня произошел пожар в оранжерее общества садоводства. Служащие оранжереи, занимавшиеся посадкой в горшки недавно полученных роз, приняли все меры к тушению огня. Но одна теплица выгорела так, что пришла «в полную негодность». Убыток от пожара составил 1000 р. Погибли большей частью от жары и дыма незастрахованные растения. Пожар уничтожил лучшие левкои, уже зацветавшие, хризантемы, гвоздики. Он похоронил надежды выстроить хотя бы небольшое собственное помещение для собрания членов музея и библиотеки, так как страховой премии оно могло получить не более 600 р.[2]

В Еланской части города стали учащаться пожары. Являясь самой высокой частью города, Елань была местом, куда пожарные добирались к местам возгорания не так быстро, как это требовалось.

В ночь на 23 июля на Еланской улице загорелся дом, который спасти не удалось. Когда приехали пожарные, не оказалось достаточно воды, водопровод находился далеко, а протянутый рукав прорвался. Прорвался настолько, что вообще перестал подавать воду. Уже много раз и до этого пожара лопались рукава, водопроводные трубы. Ощущалась потребность в паровой машине, без которой пожарным было трудно обходиться. Без такой машины становилось немыслимым тушить высо-

---

[1] *ГТ.* 1908. 9, 11, 13 июля.

[2] Там же. 24 окт.

кие здания, которых в городе было уже много. Технологический институт уцелел, как отмечалось в 1911 г., «только Божиим Промыслом»[1].

В последующие годы заметно укреплялась материальная база Добровольного пожарного общества благодаря пожертвованиям купца И.И. Гадалова. Заказанный им для этого общества рессорный обоз в Москве обошелся ему в 2500 р. Гадалов произвел на свои средства перестройку депо Добровольного пожарного общества. Активно поддержала его В.Я. Гадалова, сделавшая крупное пожертвование в размере 1000 р. Сам И.И. Гадалов предлагал приступить к перестройке Еланского депо, которое решил пожертвовать городу с условием, чтобы оно именовалось «Еланское депо имени Иннокентия и Валентины Гадаловых». В мае 1915 г. И.И. Гадалов взял на себя уплату долгов Добровольного пожарного общества в размере 1700 р. С избранием его председателем правления этого общества он построил жилое помещение и конюшню стоимостью до 5250 р., перестроил бани и каретник, приобрел сбрую, инвентарь и прочее в общей сложности на 1860 р., выписал пожарный обоз за 3200 р. За свой счет И.И. Гадалов прибавил лошадям овса на корм, приобрел для общества оркестр, купил для него музыкальные инструменты и обязался содержать его в течение трех лет.

Кроме И.И. Гадалова материальную помощь пожарному обществу оказывали и другие томичи. Распорядительница торгового дома «В.А. Горохов» А.И. Горохова внесла 1000 р. на учреждение в томском отряде койки имени «Торгового дома В.А. Горохова».

В 1914 г. команда добровольного пожарного общества состояла из 160 человек. За год в Томске произошло 90 пожаров, команда тушила 73 из них, с участием от 10 до 115 человек[2].

Летом 1915 г. на утверждение губернатора был представлен разработанный устав нового общества под названием «Сибирское общество предупреждения и изучения пожаров». Одной из главных задач общества предусматривалось учреждение справочного бюро для выдачи населению сведений по архитектурным, техническим и противопожарным вопросам. В дополнение к много сделавшему в плане борьбы с пожарами Добровольному пожарному обществу создание нового общества свидетельствовало о стремлении его основателей поднять на более высокий уровень меры предупреждения пожаров[3].

---

[1] *СП*. 1911. 30 июля.
[2] *ТВ*. 1915. 27 янв., 16, 28 мая.
[3] Там же. 15 июля.

Состояние мест вечного покоя

25 июня 1874 г. губернатор А.П. Супруненко внес городскому голове предложение по поводу «беспорядочного состояния» Вознесенского кладбища и его «переполненности усопшими». «В неоднократных разговорах со мной, – писал губернатор, обращаясь к городскому голове Д.И. Тецкову, – по этому предмету вы соглашались, что необходимо избрать новое место подальше от города и устроить его основательно. Так как близость кладбища к городу и степень благоустройства его имеют громадное влияние на здоровье населения, то покорнейше прошу вас предложить на обсуждение думы вопрос об отводе места под новое кладбище… и об устройстве его на рациональных началах».

При этом губернатором заведомо предполагалось, что при обсуждении вопроса в думе, «конечно, будет обращено внимание на то, где взять средства» на устройство кладбища, постройку дома для сторожей, жалованье им, «что составит значительную сумму». Предусматривался порядок, при котором кладбище будет содержать «само себя, а остаток от ежегодного дохода поступит на пополнение единовременной затраты при устройстве его».

Губернатор счел нужным ознакомить городского голову с порядком устройства кладбища. «Всякое кладбище должно быть обнесено оградой и разделено на кварталы, между которыми необходимо провести улицы такой ширины, чтобы по ним можно было пронести усопшего, а посредине кладбища провести крестообразные широкие улицы для свободного движения погребальных процессий». В самом центре кладбища можно оставить место для церкви, которая вероятно будет построена иждивением или кем-нибудь из благотворителей». По углам кварталов следовало поставить столбики с обозначением на них номеров кварталов. Каждый из них требовалось разделить на участки с обозначением номера. Благодаря этому «по книгам кладбища всегда можно будет найти, когда и где похоронен усопший». Предусматривалось установление размера стоимости мест для захоронения: 40 р. – вблизи самой церкви, 10 р. – в кварталах, прилегающих к церкви, 5 р. – «по протяжению главных улиц». В самых отдаленных кварталах полагалось «назначить как можно дешевле, а для неимущих давать места даром по представлению удостоверения о бедности».

На уже действовавшем кладбище «близ женской общины» еще не было сторожей и дома для них, кварталы и места не были пронумерованы, хоронили усопших как попало.

Губернатор выражал уверенность, что городской голова наконец обратит внимание «на правильное устройство кладбищ, имеющих большое влияние на гигиенические условия города».

По представлению положений губернатора городская дума постановила поручить управе весной 1875 г. осмотреть Вознесенское кладбище и избрать «удобное место для нового кладбища, нанести его на план» и затем, высказав свои соображения по его устройству, вместе с планом представить на рассмотрение думы.

В начале 1876 г. место для устройства нового кладбища было определено за центральной тюрьмой по дороге в деревню Киргизку. Стоимость работы по его устройству определялась в 1125 р. Окончательное решение вопроса об устройстве на избранном месте кладбища было отложено до июня месяца. Управе до этого времени предстояло составить смету на постройку часовни и избы для сторожей, на устройство самого кладбища «с ограждением его канавами, разбивкой его на участки, устройством дорожек и столбиков».

Время от времени на заседаниях думы возникали вопросы, касавшиеся судьбы Вознесенского кладбища. Летом 1879 г. староста кладбищенской церкви обратился с просьбой о разрешении на постройку ограды вокруг кладбища «в предупреждение порчи и истребления находящихся на нем памятников». Городская дума в виду отсутствия средств на возведение ограды и с учетом того, что это кладбище «вскорости должно быть уничтожено», по предложению гласного И.В. Ермолаева решила северную и западную стороны кладбища окопать канавой, «вал засадить скорорастущими деревьями, жителей, родственники которых похоронены на Вознесенском кладбище, просить принять участие в посадке деревьев на валу»[1].

Через много лет после осмотра Вознесенского кладбища комиссией 26 августа 1892 г. было сделано заключение, что оно «более не может быть местом погребения умерших». По предварительному соглашению с его преосвященством Макарием, епископом Томским и Семипалатинским, губернатор Г.А. Тобизен полагал возможным устройство нового кладбища между Страшным рвом и дорогой в деревню Кузовлеву. Макарий распорядился о том, чтобы «тела умерших Протоиереев, Иереев были предаваемы земле на старом Вознесенском кладбище, вблизи церкви», как это требовалось указом Священного Синода от 12 апреля 1833 г., «впредь до построения церкви на новом кладбище».

---

[1] *Свод* постановлений… с 1874 по 1881 г. С. 134–136, 265–268, 670.

Тогда же было отмечено, что некоторые могилы на старом кладбище, в которых были погребены умершие от холеры, осели. Губернатор просил думу «распорядиться о поправке этих могил путем насыпания на них свежей земли и извести».

Дума постановила: вопрос об изыскании места под новое городское кладбище передать в особую комиссию, в состав которой избрать гласных Н.Я. Беляева, А.Ф. Толкачева, И.А. Толкачева, Н.И. Батурина и М.Ф. Валгусова.

В конце 90-х гг. вновь на заседании городской думы возник вопрос о Вознесенском кладбище. 8 июня 1899 г. городовой врач доложил думе о том, что 25 лет назад она «ввиду переполнения» его «трупами постановила для погребения мертвых тел отвести новое православное кладбище». В делах городской управы хранился и план места будущего кладбища, разработанный членами вышеназванной комиссии. Губернатор просил городскую управу внести на рассмотрение думы вопрос о закрытии старого и открытии нового кладбища. За прошедшие с 1874 г. 25 лет Вознесенское кладбище оказалось настолько переполненным, что «в санитарном отношении не может существовать без явного ущерба для здоровья жителей города». Число трупов за это время увеличилось, по сообщению врача, «по крайней мере тысяч на 30». Он привел свидетельство могильщиков, которые заявляли, что «при вскрытии могил им не только приходится наталкиваться на части, но даже и на целые трупы, которые не успевают сгнивать, так как могилы не выдерживают надлежащего срока и неприкосновенность их в течение 50 лет», что требовалось по законам Российской империи.

Оказалось, что план места под новое кладбище был разработан комиссией в 1893 г., а решение городской думы о прекращении погребений на Вознесенском кладбище было принято только через шесть лет 8 июня 1899 г.[1]

В последующие годы оно почти полностью было разорено, сторожа по-прежнему разоряли могилы, снимали кресты и оградки, которые «употребляли все на дрова»[2].

За прошедшие десятилетия с начала захоронений «близ женской общины» в 1915 г. кладбище находилось в состоянии полной заброшенности: валы осыпались, проходы между могилами занимались «новыми насельниками», между могилами бродил скот, ограды разруша-

---

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 849–851.

[2] *ГТ*. 1908. 14 авг.

лись хулиганами, все, что можно было унести, уносилось. Невольно у родственников и у знакомых похороненных на кладбище возникало чувство досады и обиды на тех, кто должен был «охранять неприкосновенность места вечного покоя». В «Томском вестнике» в 1915 г. обращалось внимание на то, что «с самого начала кладбище оказалось бесхозным», оно «не было передано какому-либо приходу».

22 января 1915 г. дума решила выделить 7059 р. на ремонт кладбища, но о прикреплении его к какому-нибудь приходу даже не поставила вопроса. Отведенное для всех приходов, оно продолжало оставаться бесхозным[1].

В 90-е гг. думе пришлось заниматься решением вопросов об отводе места под устройство кладбища для переселенцев, о разрешении устроить новое магометанское кладбище, о необходимости постройки при лютеранском кладбище на Верхней Елани по Торговой улице, наряду с выполнением работ по внешнему и внутреннему устройству кладбища, жилого деревянного дома для сторожа. Для неспособных к труду и бедных прихожан Совет Томской Евангелической Лютеранской церкви Св. Марии хлопотал еще о возведении помещения, в котором можно было открыть убежище для неспособных к труду, бедных прихожан[2].

Значимость стоящих перед городской думой проблем осознавалась, но решение их продвигалось невероятно медленно.

---

[1] *ТВ*. 1915. 25 февр.

[2] *Свод* постановлений… с 1891 г. С. 305, 792–793, 931–932.

КРИМИНОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДЕ

Можно ли было избавиться от нищих?

Жителей Томска чрезвычайно тревожило скопление большого количества нищих в городе. Они стояли на папертях каждой церкви во время службы в праздники и в будни, бродили каждый день на базарах от воза к возу, от лавки к лавке в гостиных и других рядах, под окнами домов или сидели кучками на мостках. Было очевидно, что среди них скрывались такие, которые вполне могли бы работать.

Часть нищих изображали из себя калек, подвязывая одну руку под рубищем, опутывая ногу в лохмотья, иногда обе ноги. При ходьбе на костылях они еле-еле приступали на мнимо больные ноги. Некоторые нередко притворялись слепыми, глухими, другие без стыда выпрашивали у каждого встречного деньги, чтобы пропить их в питейном доме.

Среди нищих, естественно, были калеки, беспомощные, нуждавшиеся в куске хлеба. Но и они, считалось, не знали меры в попрошайничестве, особенно «пьяные и нахальные женщины в самом безобразном рубище, утратившие всякую стыдливость и женственность, с позорно площадным обращением».

Отношение горожан к нищим было диаметрально противоположным. Одни проявляли сердоболие и подавали каждому, другие в каждом из них видели обманщика, отказывая им в милостыни.

Со всей остротой стоял вопрос о путях избавления от нищих. Это представлялось возможным только при устройстве для них благотворительных домов. Даже предпринимались попытки решения этого вопроса практически.

Один путь призрения нищих усматривался с учётом того, что в Томске в каждом из более 2200 домов подаётся нищим по 2–3 куска хлеба или по 1 к., в течение года по 3 р. 65 к. Было подсчитано, что если с каждого дома эти деньги сдавать вместо каждодневного подаяния, то через год мог бы образоваться капитал в 8 с лишним тысяч рублей. Этих денег вполне могло хватить, считалось, на обзаведение дома для содержания в нём до 50 человек. Жители многих домов на подаяния нищим

тратили до 10 и более рублей в год. Сбор денег, представлялось, можно было бы организовать и на базаре с торговцев, которые также подают нищим милостыню. Считалось возможным и с сельских жителей с каждого дома собирать по 2–5 ф. муки и крупы.

Беспокойство вызывало и то, что среди нищих бродило много малолетних. О них считалось необходимым особо позаботиться для искоренения у них «зачатков порочных наклонностей, обучить их грамоте, приучить к трудолюбию, обучить ремеслам». Серьёзную обеспокоенность жителей города вызывало стремление нищих всегда что-нибудь украсть[1].

Опыт изыскания средств «для призрения истинно нуждающихся из местных жителей» в Томске уже имелся. Для этой цели весной 1867 г. потомственный почётный гражданин А. Калинин-Шушляев завещал деньги на устройство богадельни на 25 кроватей[2].

В том же году на приобретение мебели и посуды для томских богоугодных заведений сделали пожертвования томские купцы 1-й гильдии Я.И. Петров, Н.И. Колчин, И.И. Кокшаров с супругой, Е.П. Исаев, 2-й гильдии Е.И. Королев, И.И. Сорокин, дворянин Э.С. Мальгудович, потомственный почётный гражданин П.И. Аршаулов. Один жертвователь, давший 1 р., решил сделать это под именем «неизвестного». От имени Мутовкина было «роздано богадельщикам на руки каждому по булке»[3].

Весной 1868 г. на «внутреннее благоустройство богадельни при Томской городской больнице» было выдано 100 р.[4]

Поскольку средствами, выделявшимися время от времени со стороны городской власти, обойтись было невозможно, главным источником для оказания помощи могли быть в основном пожертвования. Каждый акт такой помощи обретал большое значение в решении проблемы призрения остро нуждавшихся.

Весной 1869 г. в пользу томской богадельни приказа общественного призрения «на улучшение мебели и прочего» председатель приказа доставил пожертвования, сделанные действительным статским советником Н.В. Родзянко, статским советником Берестовым, управляющим отделения банка И.М. Щигровским, томским головой Тецковым, Ереневым, 1-й гильдии купцом Петровым, купеческим сыном Айтыкиным, томским купцом 2-й гильдии Сорокиным, купцом 1-й гильдии Набаловым,

---

[1] *ТГВ*. 1870. 23 мая.
[2] Там же. 1867. 24 марта.
[3] Там же. 26 апр.
[4] Там же. 1868. 26 апр.

потомственным почётным гражданином П.И. Аршауловым, приставом Сенной части И.И. Судовским, томским купцом 1-й гильдии Исаевым, Нарымским купеческим сыном Родюковым.

Пожертвования с конкретным целевым назначением «на улучшение мебели и прочего» были незначительными по размерам (от 1 до 10 р. с жертвователей). Похоже, что на указанные цели этого было тогда вполне достаточно. Кроме 64 р., пожертвованных вышеназванными людьми, купеческий сын Н.Н. Тюфин пожертвовал 50 п. ржаной муки.

В августе 1869 г. тогда еще крестьянин Евграф Кухтерин пожертвовал дом для пристройки к общественной богадельне кухни и квартиры для надзирателей. А. Нижегородцев и ещё 32 человека, в том числе Е. Королев, получили благодарность Томского мещанского и цехового общества за пожертвование денег на перестройку этого дома.

В 1870 г. с соизволения императора в числе 354 кроватей в богадельнях 26 губерний страны в Томской губернии, в богадельне Томского приказа общественного призрения было открыто 10 кроватей. Они предназначались для помещения в ней инвалидов, состоявших под покровительством комитета о раненых. Расходы на их содержание осуществлялись за счёт инвалидного капитала[1].

В конце декабря 1879 г. был открыт ночлежный дом. Устройство и содержание его обеспечивалось на пожертвования. По 1 февраля 1880 г. поступило пожертвований в размере 1474 р. 50 к. Пожертвовали по 100 р. Я.И. Петров-Родионов, И.Л. Фуксман, И.А. Еренев, А.И. Пастухов, Ф.И. Манасевич, Ф.С. Толкачев; по 50 р. – Е.А. Дмитриева-Мамонова, М.Г. Хотимская, А.А. Сошников, Е.П. Исаев, Ф.Х. Пушников, И.Ф. Каменский. Любопытно пожертвование 2 р. Володей Сиреном.

Кроме денег, пожертвования были сделаны купцом Бесходарновым 5 п. керосина, 5 саженями дров – от чиновника особых поручений губернатора А.К. Горт-де Гроттом; 11 ф. мяса – от неизвестного.

На устройство ночлежного дома и столовой из пожертвованных денег было потрачено 323 р. 92¼ к. Из оставшихся 1170 р. 27¾ к. – куплено облигаций на 1050 р., 50 р. пошли на помещение в томское отделение госбанка, в кассе ночлежного дома осталось 70 р. 19¾ к.

С 27 декабря 1879 г. по 1 февраля 1880 г. в ночлежном доме побывало 1846 человек. Он располагался в помещении, бесплатно предоставленном городским общественным управлением. Меньше половины из приходивших в ночлежный дом могли воспользоваться питанием, на

[1] *ТГВ*. 1874. 31 авг.

организацию которого было использовано около 3 ф. чая, около 8 ф. сахара, 13 п. 8½ ф. печеного хлеба.

Ночлежный дом был рассчитан на 40 человек. Всем пытавшимся получить ночлег места не хватало. Многих ночлежников приходилось размещать прямо на полу или в комнате, предназначенной для столовой. Не было отдельной комнаты для женщин, поэтому их не принимали на ночлег.

В феврале 1880 г. в виде пожертвований поступило 114 р. 75 к. В течение месяца в ночлежном приюте побывало 1895 человек. Обедами были обеспечены 990 человек[1].

В последующие месяцы число нуждавшихся в услугах ночлежного дома росло. Он просуществовал до 1881 г., когда содержать его стало не на что. В начале октября 1883 г. в связи с тем, что огромное число бездомных людей искали приюта и ночлега в полиции, губернатор обратился в городскую думу с просьбой возобновить ночлежный приют. Его временно разместили в здании военного лазарета. Но по требованию городской управы от 11 мая 1884 г. приют был закрыт.

В условиях чрезвычайно напряженной криминогенной ситуации больше всего бездомных оказалось среди ссыльных.

Получалось так, что ночлежный приют мог служить убежищем главным образом для ссыльных, а не для коренных жителей Томска. Но поскольку и среди них было много бездомных, проблема возрождения ночлежного приюта требовала безотлагательного решения.

Сознавая, что ночлежный приют как «филантропическое учреждение» городу нужен, городская управа в то же время считала содержание его для себя непосильным.

Главная задача городской управы состояла в развитии городского хозяйства и благоустройстве города. Только при наличии средств для удовлетворения насущных городских нужд городское управление могло принять на себя ещё и решение задач по оказанию помощи беспризорным. Они могли выполняться обществом, имеющим единственную цель заниматься ночлежным приютом. В Томске такого общества ещё не было. Но еще 11 июня 1881 г. устав общества был утвержден министром внутренних дел, создание этого общества началось, его членами записались 20 человек. Городская управа считала, что именно это благотворительное общество, начав действовать, может изыскать средства и приступить к устройству ночлежного приюта. Более верным она пола-

[1] *ТГВ*. 1880. 22 марта.

гала «открытие на средства г. Томска ночлежного приюта в нем отклонить», доведя об этом до сведения губернатора в ответ на его предложение от 4 октября 1883 г. о возрождении ночлежного дома. Не выполнив его, управа представила свои соображения на предварительное рассмотрение думы, которая постановила доводы городской управы утвердить[1].

С середины 80-х гг. в ответ на обращение губернатора стали поступать пожертвования на устройство ночлежного дома. Весной 1885 г. пожертвовал 100 р. губернатор И.И. Красовский[2].

В марте же 1885 г. были сделаны пожертвования действительным статским советником Лейбиным и его супругой Марией Владимировной, в апреле – А.А. Сошниковым (50 р.), в мае – неизвестным (100 р.), из Колывани Е. Жернаковым (50 р.), Г.И. Пастуховым (25 р.), Е.М. Голововым (10 р.), в июне – наследниками покойного П.И. Кузнецова (100 р.), И.М. Сибиряковым (300 р.), А.К. Медниковым (25 р.). Всего до конца мая 1885 г. в канцелярию губернатора поступило 1040 р., пожертвованных на устройство ночлежного дома.

В июне 1885 г. туда же были переданы деньги, собранные с гуляния, устроенного содержателем пивоваренного завода «Вена» М. Рейхзелигманом, в июле – с гуляния, проведенного Качковским в своём саду[3].

1 октября 1887 г. состоялось освящение 3-этажного дома стоимостью в 1500 р. на Воскресенской горе, пожертвованного Ф.Х. Пушниковым Благотворительному обществу «для помещения дряхлых и бесприютных»[4].

Летом 1889 г. Ф.Х. Пушников был награждён орденом Св. Анны 3-й степени за пожертвование к этому времени Томскому благотворительному обществу уже двух домов с землей, стоивших 20000 р. Дома предназначались для устройства в них приюта-богадельни на 50 человек. С 4 октября в нем содержалось 44 призреваемых, 20 из них были обеспечены на 7 лет с предоставлением на это 7000 р.[5]

Одновременно продолжались пожертвования на устройство и содержание в Томске ночлежного дома. Весной 1889 г. купец И.И. Гадалов пожертвовал 3000 р., за что получил благодарность императора[6].

---

[1] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 1602–1606.
[2] *ТГВ*. 1885. 14 марта.
[3] Там же. 14, 21 марта, 18 апр., 9, 23, 30 мая, 6, 20 июня, 11 июля.
[4] Там же. 1887. 1 окт., 12 нояб.
[5] Там же. 1889. 8 июня.
[6] Там же. 11 мая.

На протяжении 1888–1889 гг. на устройство ночлежного дома разные лица пожертвовали более 6000 р. Спектакль любителей 6 декабря 1888 г. дал 331 р. 40 к., маскарад в манеже 2 января 1889 г. – 624 р. 93 к., спектакль, поставленный 20 апреля 1889 г. в бесплатной библиотеке – 171 р. 65 к., представление в цирке 18 мая 1889 г. – 50 р. и т.д. Всего в пользу ночлежного дома было получено 8014 р. 18 к. Из них часть денег была потрачена на покупку имущества и обустройство ночлежного дома[1].

С годами круг жертвователей в пользу призреваемых расширялся. 12 марта 1890 г. потомственный почётный гражданин В.И. Королев представил в городскую думу 30 облигаций восточных займов на сумму 30000 р. Он пожертвовал их на содержание «учреждённой иждивением его и коммерции советника Е.И. Королева богадельни». Кроме того, В.И. Королев пожертвовал в пользу богадельни 6 икон, 2 вывески, 25 железных кроватей и 12 деревянных шкафов, всего на сумму 340 р. Дума вынесла благодарность В.И. Королеву за его новое пожертвование в пользу богадельни[2].

В марте 1890 г. городская дума ассигновала на обзаведение богадельни братьев Королевых 1000 р. – на заготовление одежды, постельного белья, посуды и «прочих необходимых принадлежностей на 35 человек, сверх 25 призреваемых», которые должны содержаться на проценты с пожертвованного Королевыми капитала. Предполагалось перевести в богадельню 10 «городских стипендиатов», призревавшихся в богадельне благотворительного общества. Поставщику вещей купцу Колосову – за бельё, одежду, постельные принадлежности требовалось заплатить еще дополнительно 500 р. Дума постановила – выделить 500 р. на обзаведение и 700 р. на ремонт дома[3].

При открытии в 1890 г. богадельни Благотворительного общества Томска городская дума выделила 1500 р. Кроме того, в городской больнице, располагавшейся в 1892 г. на заимке Желтовского, осталось «разных вещей» на 93 р. 60 к., из которых осенью 1894 г. городская дума разрешила управе отпустить для богадельни и купить ещё дополнительно необходимое на 480 р.[4]

В 1897 г. на имя томской городской богадельни по завещанию умершего нарымского купца П.Л. Байгулова его супруга М.Н. Байгуло-

---

[1] *ТГВ*. 1889. 28 сент.

[2] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 2634–2635.

[3] Там же. С. 2623.

[4] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 620.

ва передала 3800 р. «на вечное время». Городская дума постановила: «…разрешить правлению Сибирского общественного банка в Томске принять завещанные П.Л. Байгуловым деньги с условием, чтобы проценты с них ежегодно поступали на нужды богадельни[1].

На те же цели шла часть пожертвованной 1000 р. в пользу благотворительного общества по завещанию умершего ветеринарного фельдшера Д.А. Петрова[2].

В 1892 г. А.Е. Кухтерин пожертвовал для помещения ночлежного приюта 2-этажный дом стоимостью в 15000 р. Из средств торгового дома А.Е. Кухтерин покрывал недостающую сумму на его содержание. В 1911 г. «Торговый дом Е. Кухтерин и сыновья» на содержание ночлежного дома пожертвовал 34011 р. 37 к. – «для покрытия дефицита»[3].

Появление в городе ночлежного дома, конечно, было значимым событием. По крайней мере, получавшие в нем содержание совершенно неимущие могли прокормиться, не занимаясь воровством. Но услугами ночлежного дома пользовалась лишь очень небольшая часть тех, кто находился в городе, не имея угла и каких-либо средств. Кроме того, город буквально был наводнен потенциальными ворами и грабителями из ссыльных.

Тащили все, что попадало под руку…

Обеспечение общественного порядка в городе входило в обязанность 46 полицейских служителей, находившихся при 23 судах. В ночное время караул несли по очереди и домовладельцы. Но утомлённые дневной работой они не могли бодрствовать всю ночь. В караул поэтому нередко выходили женщины и дети и не на всю ночь, а лишь на несколько часов. В этих условиях вся тяжесть ночного дозора ложилась на полицейских служителей. В городе, раскинувшемся «на пятиверстном расстоянии», перерезанном оврагами, полицейские не справлялись с охраной покоя жителей и их имущества от злоумышленников. Губернское начальство обоснованно считало, что «город Томск представляется лишенным всякой защиты от убийц, грабителей и воров, что и влечет за собою ежедневные преступления, нередко совершаемые безнаказанно»[4].

---

[1] *Свод* постановлений … с 1898 по 1904 г. С. 1293.
[2] *ГТ*. 1908. 28 авг.
[3] *СП*. 1911. 19 нояб.
[4] *ТГВ*. 1879. 9 июня.

В связи с необходимостью усиления охраны города в ночное время в 70-е гг. XIX в. было решено учредить караул по найму из числа жителей.

Город делился на околотки с 10–12 домами в каждом из них. Общая протяженность околотка составляла 100–200 саженей. На каждый околоток нанимался один караульный не моложе 20 и не старше 50 лет. Околоточному выдавалась книжка с указанием номеров охраняемых им домов и платы от каждого дома за месяц.

Караульному выдавалась бляха с надписью: «Городовой ночной караульный» (с указанием его номера). Для призыва на помощь караульный обеспечивался полицейским свистком, который приобретался домовладельцами. Для подачи сигнала караульный должен был иметь при себе «деревянную стуколку или трещетку», заведенную «на свой счет».

Зимой караульные заступали на охрану с 6–7 часов вечера и дежурили до 7 часов утра, летом – с 8–9 часов вечера до 5 часов утра. В обязанность караульного входило ходить всю ночь, не спать, быть трезвым, помогать полицейским «во всем, пьяных и производящих шум на улицах представлять в полицию»; спешить на крик о помощи. При часто случавшихся в городе пожарах караульный должен был «немедленно будить жильцов своего и соседнего околотка»; следить, чтобы в питейных и трактирных заведениях торговля была только «до положенного времени», до 11 часов вечера, принимать меры к тому, чтобы там не было драки и шума. Поздно возвращавшихся жителей города караульный должен был провожать до следующего караульного, если пешком возвращавшиеся выражали желание быть сопровожденными. Каждое утро караульный докладывал частному приставу обо всем замеченном во время дежурства[1].

В разное время года, суток постоянно совершались кражи, о которых давались сообщения на страницах «Томских губернских ведомостей» и других газет, выходивших в городе в конце XIX – начале XX в. По газетным публикациям удается составить представление о том, что подвергалось краже, кто ею занимался, в каких местах, какими способами совершались кражи.

20 ноября 1876 г. из лавки вятской мещанки Анны Фетишевой при доме мещанина Ивана Капралова было «со взломом покрадено разного мелочного товару на 200 р.». Часть украденного и похитители были «отысканы»[2].

---

[1] *ТГВ*. 1879. 9 июня.

[2] Там же. 1876. 20 нояб.

В ночь на 9 марта 1877 г. из дома томского мещанина Абрама Заиграева турецкий подданный Исаак Гаскон и каинский мещанин из ссыльных Арон Кравченко с неизвестным извозчиком украли разного имущества на 540 р. Двоих воров поймали во дворе Заиграева[1].

В ночь на 30 июня 1877 г. из дома дворянина Клюева «чрез взлом окна» было украдено вещей и денег на 1500 р. С частью украденных вещей задержали крестьянина из ссыльных Семилужской волости Митрофана Кондратьева и Нарымского мещанина из ссыльных Макара Арутинова[2].

Нередко кражи совершались буквально еженедельно и еженощно. Воры уносили золотые и серебряные часы, серьги, кольца, перстни, столовые и чайные ложки, ножи, разной стоимости (от 20 до 560 р. и дороже) шубы, разное «ношебное платье и белье», уводили от питейных домов или со двора лошадей, срезали «места» (тюки) кирпичного чая и т.д.

Кражи где только не совершались! В квартирах, сенях, амбарах, банях, домах терпимости, гостиничных номерах, из питейных домов, магазинов, лавок «чрез взлом замка», «чрез взлом теснины на крыше», «из незапертой комнаты», «незапертых сеней», «со взломом окна».

Кражи вещей, имущества совершались на разные суммы. 26 октября и в ночь на 29 октября 1888 г. были ограблены аптекарский и галантерейный магазины купца Тельных, из первого «посредством подкопа» золотых и серебряных вещей на 270 р., из второго – тоже «с помощью подкопа» – украдено золотых и серебряных вещей более чем на 6000 р.[3] 8 сентября 1890 г. из амбара крестьянина Исаака Барышева «путем подкопа» были похищены шкатулка с деньгами (1033 р.) и разные вещи на 95 р.[4] 2 ноября 1891 г. из кошевки мещанина Файвеля Файбушевича была похищена скрипка стоимостью в 200 р.[5]

Осенью 1891 г. на одном из заседаний городской Думы отмечалось, что в последнее время в городе совершен ряд краж и грабежей, выдающихся по смелости и дерзости грабителей. Они не пойманы и вещи не возвращены.

Об этом сделал заявление гласный В.П. Картамышев, назвав нераскрытые кражи, совершенные из кладовой купца Николая Щипова, в домах Тюшева, Фильнея, Ляпунова, Астафьева и в квартире лесничего

---

[1] *ТГВ*. 1877. 16 апр.
[2] Там же. 1877. 13 авг.
[3] Там же. 1888. 1 дек.
[4] Там же. 1890. 11 окт.
[5] Там же. 1892. 9 янв.

Подгорского. Картамышев предложил думе просить губернатора «обратить внимание на малоуспешность охраны и розыск злоумышленников», а самой думе – «выработать особый проект принятия экстренных мер к устройству добровольной из граждан стражи» в ночное время. Согласно действовавшему и в 1891 г. постановлению 1879 г. караульный нанимался от домовладельцев за месячную плату. Она назначалась с каждого дома в зависимости от его ценности. Взимали плату с домовладельцев сами караульные по истечении месяца.

Но такая организация, по мнению Картамышева, оказалась неудобной. В местах с менее состоятельными жителями при незначительной плате от каждого из них приходилось объединять в один участок несколько улиц. Одному обходному приходилось вести наблюдение за 50 и более дворами.

На участки «с малоценными домами» при низкой оплате труда обходных нанимали в сторожа людей старых и дряхлых. Кроме того, при порядке сбора жалованья самими обходными, часть домовладельцев или вовсе не платили денег или ежемесячно недоплачивали.

По этому поводу в журнале городской управы 23 ноября было зафиксировано, что в дальнейшем необходимо проводить сбор жалования не самими ночными обходными, а выдачу его в установленном размере производить из полиции. В этом случае представлялось возможным равномерное распределение между обходными жалованья и получение его ими полностью.

По данным, приведенным В.П. Картамышевым в городской думе до рассмотрения его заявления от 18 ноября 1891 г., в начале марта ночных сторожей было в 1-й части 41, они получали жалованья 5730 р.; во 2-й части – 24 с жалованьем 3362 р. 20 к.; в 3-й части – 37 с жалованьем 4891 р. 09 к., а всего 102 человека получали жалованья от домовладельцев в размере 14 283 р. 29 к., около 150 р. в год на человека. Его считалось возможным «признать сравнительно достаточным вознаграждением». В.П. Картамышев предложил городской думе выбор и наем ночных сторожей взять на себя с тем, чтобы домовладельцы вносимую ими плату передавали в городскую управу. А она «о способе устройства ночной караульной службы» должна была согласовать с полицмейстером.

В свою очередь, полицмейстера чрезвычайно беспокоил недостаток средств для оплаты службы караульных. Оказалось, что с 1 апреля 1891 г. городская управа сократила отпуск ежемесячной суммы с 1056 до 956 р. Полицмейстеру пришлось пойти на увольнение нескольких

пеших и конных стражников. Дума отказала в выдаче полицейским чинам и разъездных денег. Полицейские приставы и их помощники оказались лишенными возможности иметь лошадей. В счет же получаемого ими жалованья они не могли выделять на это ни копейки. При громадной протяженности каждой полицейской части города полицмейстер не мог требовать от своих подчиненных быстрого исполнения обязанностей в интересах жителей города.

Полицмейстер выражал надежду на то, что при увеличении состава городовых, особенно конных стражников и «при возможности полицейским чинам иметь для разъездов лошадей» процент преступлений может быть доведен «до самой незначительной цифры».

При обсуждении вопроса о ночном карауле гласный Я. Беляев предложил существующий пеший караул численностью в 102 человека заменить 40 конными караульными и ходатайствовать «об улучшении и увеличении состава городской полиции на общегосударственные средства».

Относительно первой части предложения Беляева одни гласные высказались за сохранение ночного караула в том виде, в каком он существовал до этого времени, другие считали нужным штат пеших обходных сократить и установить 15–20 конных объездных.

Вторую часть предложения Беляева дума приняла единогласно[1].

В следующем году в думе рассматривалось предложение губернатора о мерах по усилению стражи в Томске. С учетом его предложения в сентябре 1892 г. дума постановила нанять 10 конных стражников и производить им плату по 300 р. в месяц с 1 ноября. Томский полицмейстер «в виду несомненной пользы, принесенной полицейскими стражниками по безопасности и спокойствию» жителей города ходатайствовал о продлении срока службы этих десяти стражников до 1 января 1893 г. Необходимость усиленного полицейского надзора диктовалась большим наплывом в город приисковых рабочих и «других подозрительных лиц», не имевших определенных занятий. Губернатор предложил внести ходатайство полицмейстера на обсуждение в городской думе на заседании 2 ноября. О последующем он просил уведомить его. Дума приняла единогласное решение: «Содержание 10 конных стражников с расходом на них по 300 р. в месяц продолжить до 1 января будущего 1893 года»[2].

---

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 145–151.

[2] Там же. С. 309.

Принятие мер по усилению стражи в городе диктовалось непрекращавшимися кражами. В конце 1891 г. в доме терпимости мещанина Калики у нижнеудинского мещанина Василия Никифорова было похищено 400 р. 5 декабря этого же года из квартиры купца Александра Озорнина выкрали мужские золотые часы стоимостью в 500 р., 9 декабря – из завозни купца Мизгера кирпичного чая на 180 р. В конце декабря были ограблены на Иркутской улице у Триумфальных ворот мещанка Мавра Матвеева и мещанин Иван Карбышев в другом районе города[1].

Воры покушались на имущество любого жителя города. От их действий несли потери и те, кто по роду службы, казалось бы, мог рассчитывать на гарантию от покушения на их имущество.

29 апреля 1898 г. в половине 6-го вечера у проживавшего в доме Чистяковой помощника секретаря окружного суда Станислава Корчевского «путем взлома висячего замка у квартиры» воры украли женское белье, золотые и серебряные вещи, в том числе золотые дамские и серебряные мужские часы, всего на 208 р.[2] У мирового судьи 1-го участка в сентябре 1897 г. утащили «чрез открытое окно» разных вещей на 118 р.[3]

8 сентября 1897 г. в 12 часов дня из квартиры заштатного письмоводителя томского губернского прокурора Константина Александровича Парфенова (на Аполлинарьевской улице в доме Андреева) оказались украденными ручная швейная машина, часы, а у квартировавшего у Парфенова губернского секретаря Василия Яковлевича Кузнецова – енотовая шуба (стоимостью в 120 р.)[4].

С поличным были пойманы 18 сентября 1897 г. крестьяне из ссыльных Кулаков и Колмагоров, совершившие кражу вещей у прокурора Томского окружного сула, жившего на квартире в доме Иваницкой (Монастырская улица)[5].

Однажды кража была совершена из полицейской будки на Большой кирпичной улице, из которой в феврале 1889 г. были украдены 58 р., принадлежавшие городовому Федору Иванову[6].

Многочисленные сообщения о совершенных кражах были связаны с похищением продуктов питания – масла, мяса, муки, чая, меда, варенья, сахара, сельди, копченых окороков, свиных туш, колбасы, вина.

---

[1] *ТГВ*. 1892. 23, 30 янв.
[2] Там же. 1898. 11 июня.
[3] Там же. 1897. 25 сент.
[4] Там же. 4 дек.
[5] Там же. 1897. 4 дек.
[6] Там же. 1889. 16 марта.

В ночь на 14 декабря 1908 г. из дома Д.П. Панкратовой (по улице Дальней Ключевской) «чрез взлом замка у амбара и разбор заплота» было украдено 2 лошади, пуд коровьего масла и бадья меда. Утром следующего дня лошадь вернулась к хозяину[1].

Поимка воров и грабителей

Не всегда, но довольно часто удавалось поймать злоумышленников и возвращать пострадавшим украденное.

В ноябре 1880 г. доверенный торгового дома «Бортнич в Гамбурге» Фреймут заявил, что у него в разное время похищался товар. При «розысках» были найдены по его заявлению у томского мещанина Леонтия Гонта 98 коробок сардинок, рюмки и чернильницы, у мариинского мещанина Бориса Кон – 53 банки ваксы, 11 коробок сардинок, 15 бутылок прованского масла, 9 чайных стаканов с блюдцами, 10 рюмок, 11 чернильниц[2].

В 11 часов вечера «близ Спасского выезда» 5 сентября 1883 г. томская мещанка была ограблена крестьянином из ссыльных Николаевской волости Дунаевым, отобравшим у нее шаль, ветхое пальто, кофту, платок. Грабитель был задержан, а вещи – возвращены пострадавшей[3].

26 сентября того же года ночью около дома мещанки Петровой пристав Николаев задержал мещанина Лысенко, вытаскивавшего «чрез подкоп из амбара Петровой имущество»[4].

3 октября 1883 г. из публичного дома Цемахович были украдены 3 одеяла и 4 подушки. Пристав Лучшев нашел украденное и воров, томских мещан Трубачева и Евдокимова[5].

На следующий день тем же приставом был задержан неизвестный человек с фальшивым кредитным билетом пятирублевого достоинства. Благодаря энергичным действиям Лучшева были разысканы место фабрикации фальшивых кредитных билетов в деревне Рыбаловой, а также и сам их изготовитель Влас Корнеев с видом на имя Смирнова[6].

Пристав Аршаулов установил, что 4 октября 1883 г. кражу часов из квартиры жены дворянина Веры Прокопович совершила крестьянка

---

[1] *ТГВ*. 1908. 16 дек.
[2] Там же. 1881. 7 февр.
[3] Там же. 1883. 15 окт.
[4] Там же. 15 окт.
[5] Там же.
[6] Там же. 3 нояб.

Акулина Рожкова. Часы нашлись «по обыску» спрятанными ею в чулке «под ступней»[1].

Ночью 31 октября 1883 г. дворянин Михаил Лянович, живший на квартире у мещанина Воронкова, заявил приставу 1-й части, что томский мещанин Алексей Трубачев вместе с тремя неизвестными ему лицами, ворвался в квартиру Ляновича, который дома был один. Трубачев и его спутники, избив Ляновича, схватив со стола зажженную лампу, выскочили с ней во двор, куда за ними выбежал и Лянович. Грабители, стащив с него шубу, сели в кошевку и ускакали. По принятым приставом 1-й части Николаевым мерам Трубачев вместе с тремя неизвестными людьми, с лошадью, кошевкой и шубой Ляновича были обнаружены в одном из публичных домов. Неизвестные оказались: томским мещанином Исаем Захаровым и крестьянами Томского округа Ишимской волости Григорием Евдокимовым и Богородской волости – Петром Рыбкиным. Все четверо были арестованы. А. Трубачеву и Гр. Евдокимову предстояло ответить еще за кражу, совершенную ими из дома терпимости 3 октября[2].

30 октября 1883 г. в 10 часов вечера помощник пристава 1-й части Завадовский, собираясь в объезд по городу, заехал на паре лошадей, принадлежавших городу, к себе на квартиру чтобы переодеться. На улице он оставил с лошадьми кучера, который по приглашению незнакомца зашел в кабак выпить водки. В то время, когда кучер находился в кабаке, другой неизвестный человек сел на лошадей и ускакал. Производя розыск сговорившихся незнакомцев, пристав 1-й части Николаев в погоню за лошадьми отправил старшего городового этой части, который 4 ноября нагнал угнанных лошадей в 130 верстах от Томска в деревне Могильники. Угнавшим лошадей оказался персидский подданный Али-Осан-Оглы, сознавшийся в их краже[3].

Уволенный в запас из армии рядовой Осип Спичагов, явившись к приставу, сообщил, что встретившиеся ему на конном базаре два неизвестных человека предложили пойти вместе в публичный дом. По пути следования туда они завели его в кирпичные сараи и там отобрали бывшие при нем 2 р., сапоги, кушак, шапку, шубу, сняли рубаху. По принятым приставом мерам один из грабителей был отыскан, назвался крестьянином Никольской волости. Спичагов узнал в нем одного из грабителей, тот отвергал обвинение. Но когда при нем нашли рубаху Спича-

[1] *ТГВ*. 1883. 15 окт.
[2] Там же. 17 нояб.
[3] Там же.

гова, признался, что он не крестьянин Никольской волости, а беглый с каторжных работ[1].

В ночь на 28 октября 1883 г. бывший на посту на Болоте полицейский городовой Бородин заметил проехавших в кошевке трех человек. При их задержании они «смяли его под себя», после чего все скрылись на своей лошади. Бородину удалось схватить с ударившего его бобровую шапку. О случившемся утром он сообщил приставу Лучшеву, который по названным приметам разыскал двоих из преступников. Они оказались мещанами Каинска Михаилом Рыжковым и Тары Александром Мохначевым, которые «разъезжали ночью по городу с преступной целью»[2].

В те годы город наводнили потенциальные грабители. С 15 октября по 1 ноября 1883 г. всего было арестовано 130 человек, в числе которых оказалось 95 беспаспортных, 30 бродяг, 5 бегло-каторжных и ссыльнопоселенцев. Из них заключили в тюрьму 35 человек, отослали в места жительства «для водворения» 65 человек[3]. В течение следующей недели, с 1 по 7 ноября, было арестовано 33 человека (один ссыльнопоселенец, четверо бродяг, 28 беспаспортных), из них в тюрьму заключили пятерых, отослали в места жительства для «водворения» 28 человек[4].

Из 183 человек, арестованных с 7 ноября по 1 декабря 1883 г., оказалось беспаспортных – 109, беглокаторжных и ссыльных поселенцев – 3, бродяг – 11 человек. В тюрьму были заключены 14 человек[5].

В ночь на 10 августа 1884 г. из лавки китайского подданного Байяндая-Ванху-Сина-цзи в здании Сибирского подворья «чрез взлом двух замков у наружной двери» было украдено различной ткани, 2 пары детских костюмов, серебряной и медной монетой 120 р., одно место байхового чая стоимостью в 125 р., всего на 1726 р. 25 к. При разыскании похищенного и виновников пристав 2-й части Томска Аршаулов задержал неизвестного человека, сознавшегося в краже из лавки китайца. Похищенные вещи Аршаулов по частям нашел под тротуарами около мужской гимназии, у нижнего перевоза Томи в скирде сена, в куче навоза, около дома Ярославцева, на берегу Томи.

При дальнейшем разыскании украденного из лавки китайца ночью 18 августа в переулке около дома Истоминой Аршаулов нашел все украденное из Духовской церкви. Кража из этой церкви утвари и

---

[1] *ТГВ*. 1883. 17 нояб.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. 7 дек.

12 р. 50 к., всего на 500 р. была совершена в ночь на 4 августа 1884 г. «чрез взлом оконной железной решетки». Пойманный вор сознался в обеих кражах. Им оказался мариинский мещанин из ссыльных Николай Николаев Воронин, бежавший из Мариинска после ограбления им там бывшего окружного стряпчего[1].

Кражи в церквях происходили время от времени. До происшествия в Духовской церкви 23 октября 1883 г. была совершена кража в Троицкой Единоверческой церкви, при этом был убит сторож. На следующий день пристав Воскресенской части задержал неизвестного человека, назвавшегося Гольдбергом, «не помнившим родства». При нем были найдены нож в виде кинжала с ручкой, замаранной кровью, 12 разных ключей от замков, кусок желтого воска, бурав средней величины. Задержанный обоснованно подозревался в краже, совершенной в Троицкой церкви: следы от его сапог «совершенно совпадали» со следами, оставленными на крыше церкви[2].

По данным на август 1885 г. полицией было поймано до 100 человек без определенных занятий, в большинстве – бродяг, подозреваемых в разных преступлениях. В городе появились так называемые форточники. Они совершали кражи исключительно ценных вещей, которые через форточку выбрасывали на улицу[3].

В ночь на 18 августа 1885 г. из квартиры поверенного Юклевского на Юрточной горе оказалось украдено векселей на 10000 р. и 1600 р. наличных денег, серебряные часы и жилетки. Воры пробрались через форточку. Были найдены векселя, часть денег (около 300 р.). По всем показателям кражу совершил 18-летний Захир, стекольщик по профессии. Он ходил по домам, нанимаясь вставлять зимние рамы и высматривал, что можно унести через форточку ночью. Кроме Юклевского, через форточку Захир обворовал Каймановича, Фуксмана и других[4].

19 ноября 1883 г. ночью из кладовой томской купчихи Марины Хотимской, арендованной купцом Минем Каминером, «чрез взлом замков неизвестно кем» было похищено разного товара (холста, парусины, бродней), заготовленного Каминером по подряду для арестантов на 1000 р. Виновный в краже крестьянин Краскослов был «отыскан и посажен в тюремный замок»[5].

---

[1] *ТГВ*. 1884. 27 сент.
[2] Там же. 1883. 17 нояб.
[3] *СВ*. 1885. 15 авг.
[4] Там же. 22 авг.; 1886. 29 июня.
[5] *ТГВ*. 1883. 15 дек.

В 9 часов вечера 8 декабря 1883 г. в доме мещанки Межовой на Верхней Елани были арестованы 9 человек (пятеро киргизов из Семипалатинской области, трое татар из ссыльных, один из них из Уртамской волости, двое – из Каинской округи, и один из ссыльных из Богородской волости). Оказалось, что они прибыли в Томск для грабежа и были арестованы в тот момент, когда готовились зарезать угнанную ими в 7 часов вечера лошадь от пивной лавки за Истоком.

Действия грабителей нередко сопровождались угрозой для жизни пострадавших. 7 мая 1884 г. вечером на Исаевской бирже двое неизвестных наняли извозчика Викентия Иванова Корсакова отвезти их в деревню Аникину. Подъехав к даче Попова, один из ездоков ударил Корсакова каким-то тупым предметом в правый висок с такой силой, что тот свалился наземь. Грабители заставили Корсакова раздеться и в одной рубашке привязали его к телеграфному столбу. Один из грабителей собирался убить Корсакова, но другой на это не согласился. Грабители на лошади извозчика ускакали по направлению к селу Спасскому. Проезжавший в тот же день по тракту из села Красный Яр механик Омского телеграфного округа Степан Спиридонович Нагорнов, увидев привязанного к столбу Корсакова, отвязал и доставил его в 1-ю часть города, при этом заявив, что при выезде из деревни Аникиной он встретил двух человек, ехавших на лошади. Выехавший сразу же на поиск грабителей пристав Николаев не обнаружил их ни в деревне Аникиной, ни в других смежных с нею деревнях. Продолжая розыски в Томске, Николаев установил, что грабителями были крестьяне, один – Спасской волости Иван Елизаров, другой – Тобольской губернии Николай Мамчук, а лошадь угнана по весеннему Московскому тракту. Помощники Николаева Осипов и Завадовский утром 9 мая догнали грабителей со всеми похищенными у Корсакова вещами, лошадью в деревне Оськиной в 60 верстах от Томска. Доставленные в город грабители сознались и заявили, что ограбить кого-либо из извозчиков договорились еще утром 7 мая[1].

1 декабря 1884 г. в 6 часов вечера на берегу Томи против мельницы купца Пастухова возле прорубей был найден связанный по рукам и ногам крестьянин Нелюбинской волости Сильвестр Хламов. На его крик собравшимся объездным удалось задержать одного из злоумышленников, в кошеве которого нашлись вещи Хламова[2].

---

[1] *ТГВ*. 1883. 9 дек.

[2] Там же. 1885. 21 февр.

В январе 1885 г. несколько ямщиков, получив расчет за привезенный купеческий товар сторублевыми билетами (их номера купец записал), отправились на постоялый двор мещанина Егорова, выпили водки, легли спать. А наутро они обнаружили, что их обокрали. Оказалось, что кражу денег в размере 1532 р. и серебряных часов совершил крестьянин Елгайской волости. Из украденного у вора нашли 700 р. Еще 200 р. отобрали у тех, у кого он купил лошадь и сани. Вора арестовали в новой бане, где он велел подать ему дюжину бутылок мадеры, не распечатывая их, он бил бутылками в стену[1].

Иногда удавалось предпринять меры с целью предотвращения кражи. Летом 1885 г. приказчики магазина Карнакова заметили, что из лавки, расположенной против реального училища, стал пропадать товар. Желая выследить, кто его таскает, приказчики, заперев магазин и переодевшись, стали «на некотором расстоянии» следить, не проникает ли кто-нибудь в магазин с улицы. Их подозрение подтвердилось. Как только стемнело, караульный, служащий у Карнакова уже 6 лет, подошел к двери магазина, открыл замок подобранным ключом, снял его и надел кожаный футляр, сделанный в виде висячего большого замка. Сделав это, он обернул себя тканью и лег у двери, подготовившись к ночной краже. Тут его и взяла полиция, которой дали знак приказчики. При обыске дома у караульного было найдено «сильно много разного бакалейного товара»[2].

В похищении 50 меховых шапок из магазина Макарова, оказалось, не без основания подозревался рабочий магазина мещанин Барашков. Часть шапок нашли у его соучастника Долголецкого[3].

Похищенное 2 декабря 1908 г. у домовладельца Таковина по Александровской улице № 7 имущество на 700 р. было найдено. Кражу совершил дворник Таковина Я. Лойв, который в этом сознался[4].

Постоянно занималась кражами некая Лобрайт, приведенная в полицейский участок. Она жила в прислугах и обворовывала нанимавших ее на службу[5].

Очень удобными жертвами для воров были те, кто попадался им на глаза в пьяном виде. В разные годы и в разных местах были обворованы уснувшие в городской роще крестьяне Уфимской губернии Никита Ко-

---

[1] *СВ*. 1885. 26 янв.
[2] Там же. 1886. 27 июля.
[3] *ТГВ*. 1898. 24 марта.
[4] *ГТ*. 1908. 10 дек.
[5] Там же. 12 сент.

щеев и Тобольской губернии Иван Перелыгин. Из-под подушки у спящего крестьянина Тарского округа Никиты Чертогова вытащили 670 р., «из-под головы спавшего в пьяном виде» крестьянина Пермской губернии Павла Архипова похитили узелок с ситцевой рубахой и шароварами. Были обворованы спящие за пересыльной тюрьмой крестьянин Вологодской губернии Андреев, у Симбирского мещанина Ивана Козлова вытащили кожаный бумажник с 230 р., с пальца сняли золотой перстень, с головы – бобровую шапку, всего на 242 р. В Юрточной части города в июне 1879 г. у отставного фельдфебеля Алексея Хайта «во время сна в пьяном состоянии в лесу за городом с мещанкой Апполинарией Осиповой из кармана брюк изчез бумажник со 199 р.». В краже не без оснований подозревалась Осипова.

Нередко кражи совершались из кармана опьяневших в питейных заведениях: отставного унтер-офицера Савелия Четкова (145 р.), одного крестьянина Тобольской губернии (200 р., серебряные часы с цепочкой, кроме того, у него украли пальто и галоши). Крестьянин Томской округи Елгайской волости с лежащего «в пьяном виде» около трактира крестьянина Тверской губернии Василия Матвеева снял сапоги, вытащил из кармана портмоне, в котором не оказалось ни копейки денег. У гостившего в доме Трубачева в Воскресенской части из кармана вытащили 200 р., часы с цепочкой, перстень (на 180 р.). У ехавшего в пьяном виде из Томска в деревню Петухову крестьянина Алситцева отобрали две лошади «с телегами». Извозчик Андрей Иевлев, «будучи в нетрезвом виде» повез в эту деревню неизвестную женщину. Она на 3-й версте от города вытолкнула извозчика и на его лошади, запряженной в американские сани, уехала по направлению к деревне Петуховой. У крестьянина Симбирской губернии Петра Еропкина взятого «для вытрезвления в Воскресенскую часть» в арестантской вытащили заложенные под чулком на ноге 270 р.[1]

Иногда покушение на имущество сопровождалось трагическим исходом для тех, кого грабили. В отсутствие асессора Томской казенной палаты Затинщикова были убиты его жена Елизавета Ивановна, дочь Анна и брат жены. Воры похитили деньгами 3500 р., бриллианты, золотые часы, серьги, кольца[2].

---

[1] *ТГВ*. 1897. 25 авг., 8 дек.; 1880. 29 марта, 3 мая, 20 дек.; 1881. 18 апр.; 1883. 15 окт.; 1886. 28 нояб.; 1892. 7 мая; 1893. 21 окт.; 1896. 4 апр., 10 окт.; 1897. 25 сент., 4 дек.; *ГТ*. 1908. 12 июля.

[2] *ТГВ*. 1860. 23 нояб.

В ночь на 23 сентября 1886 г. на дороге между деревнями Суровой и Ворониной пятеро грабителей (двое подъехавших верхом, трое пеших) убили 70-летнего дворянина Яблонского. Он ехал со своим внуком на трех лошадях с товаром (мукой, стеклом и чугуном). Убийцы успели увести двух лошадей, а товар – только срезать[1].

Рано утром 4 ноября 1886 г. по городу разнеслась страшная весть о варварском убийстве 6 человек на Большой улице в самом центре города рядом с трактиром «Орел». Там находилась маленькая лавочка еврея Кана. К лавочке с задней стороны прилегали комната и кухня, где помещалась семья Кана, состоявшая из жены, сына-гимназиста и двух маленьких детей. С Канами жила служанка, 14-летняя девочка. Все они, кроме гимназиста и младшей дочери Кана, были убиты на месте.

Убийца оторвал левый карман брюк Кана, в котором он всегда носил деньги, сорвал с его пальца кольцо с бриллиантом, вскрыл именно те ящики комода, где хранились драгоценности и деньги. Похоже, что он хорошо подготовился к совершению преступления, знал, где и что можно было взять. Случившееся обнаружил покупатель, зашедший в 8 часов утра в лавку. Кан давал ссуды под залог золотых и серебряных вещей, у него в доме всегда были деньги.

У ссыльного З. Федорова в коровнике дома, где он жил, под навозом нашли бумажник с векселями на 500 р. на имя Кана, под кучей сена – узел с 88 разными золотыми и серебряными вещами. Старший сын Кана и его племянник признали среди них вещи, принадлежавшие убитым и бывшие в закладе у Кана. Жена Федорова в допросе показала, что утром 4 ноября к ее мужу приходили двое – Майоров и мужчина по прозвищу «Хохол», что муж ее их за что-то сильно ругал. Майорова (свидетельство на эту фамилию оказалось фальшивым) и Федорова арестовали. «Хохла» не сразу нашли. Был арестован и содержатель трактира «Орел», который закрыли[2].

18 февраля 1894 г. в 6 часов утра на острове реки Томи против устья Ушайки был обнаружен труп с признаками насильственной смерти. Полицейским приставом было произведено расследование. Убитым оказался 19-летний мещанин Александр Соловаров, проживавший с родителями Гурием и Анастасией Соловаровыми. Ушел он из дома около 2 часов дня 17 февраля, одетый в черненую шубу, теплую шапку, триковые пиджак, брюки, жилет, высокие сапоги и резиновые галоши.

---

[1] *ТГВ*. 1886. 6 нояб.; *СВ*. 1886. 28 сент.

[2] *СВ*. 1886. 5, 7 нояб.

Убил А. Соловарова проживавший в Томске крестьянин Ипполит Бильман, «человек очень бедный». Его вместе с сожительницей Александрой Мезгиной допросили. Затем Бильман сменил квартиру, но на третьи сутки в Воскресенской части, на окраине города был арестован[1].

С целью грабежа на Каштаке в июле 1897 г. крестьяне деревни Зоркальцевой Петр и Иван Первушницкие убили запасного рядового Феоктиста Перевозкина[2].

30 ноября 1898 г. крестьянский сын Антонов в Томске с целью грабежа убил супругов Биршков и их «стряпку» Ускову[3].

29 апреля 1915 г. крестьянин Витебской губернии Иван Низель убил Степаниду Краснорудeнкову. У него нашли вещи убитой. В деревне Белоусовой Спасской волости был задержан крестьянин Томского уезда Владимир Новиков, обвинявшийся в соучастии в убийстве Краснорудeнковой[4].

Приведенными фактами не исчерпываются случаи гибели пострадавших от действий грабителей.

Иногда лишь счастливая случайность могла предотвратить летальный исход для подверженного ограблению, как это произошло с Корсаковым.

22 ноября 1886 г. в 6 часов вечера по городу шел обоз из 40 лошадей крестьянина Покровской волости Ачинского округа Михаила Ничкова, взявшегося доставить в Иркутск товар купца Котова. Когда обоз начал спускаться с Обруба, два татарина, ехавшие навстречу около самого обоза, с третьего воза срезали 2 места товара. Из них одно место упало на дорогу, а другое они успели сбросить в свою кошевку. Но похитители тут же были замечены одним из ямщиков, крестьянином Шелудяковым, который подскочил к ним и схватил их лошадь за вожжи. Когда один из грабителей кинулся на Шелудякова с ножом, а другой со стягом, он успел отскочить, бросив вожжи, и увидеть, как один из них уехал, а другой скрылся в толпе. В это время пристав Островский ехал мимо обоза. Услышав крики «Помогите, грабят, режут!», Островский приказал кучеру спешить на крик. Оказавшись вблизи места разыгравшейся драмы, Островский увидел стоявшего в кошевке, запряженной лошадью, человека, который бил кнутом двух валявшихся на снегу ямщиков: одного державшегося за кошевку сзади, а другого ухватившего-

[1] *ТГВ*. 1894. 17 марта.
[2] Там же. 1897. 24 июля.
[3] Там же. 1898. 12 февр.
[4] *ТВ*. 1915. 5 мая.

ся за поводья лошади. Когда Островский был примерно в 30 шагах от этой сцены, грабитель успел освободиться от ямщиков и поворачивал лошадь, чтобы удрать. Островский приказал повернуть свою лошадь поперек проезда, чтобы пресечь побег преступника. Но кучер по ошибке повернул лошадь не так и дал проход для побега грабителю. Островский выстрелил в лошадь грабителя, но промахнулся. С криком о помощи он погнался за ним. Примкнувшие к нему извозчики настигли грабителя за конным базаром. Грабитель оказался из ссыльных Уртамской волости Дюшабаем Сарбаевым[1].

11 января 1887 г. мариинский мещанин из ссыльных Герша Крювинский похитил из квартиры крестьянина Семена Терентьева разные золотые вещи, но был задержан на месте преступления помощником пристава Пушкаревым. Он сознался еще в краже 9 января у дворянина Михина вещей на 300 р.[2]

9 марта 1892 г. двое неизвестных, взяв биржевого извозчика – крестьянина Иевлева, отправились на завод Фуксмана на окраину города. При выезде, засыпав глаза извозчика нюхательным табаком, они стали его душить, намереваясь отобрать лошадь. Но на крик извозчика успели прибежать обходные и полицейский городовой, поймавшие одного грабителя, другому удалось скрыться[3].

10 апреля 1898 г. крестьянин Вятской губернии Владимир Патрушев вышел из пивной лавки в доме Мошкова с каинским мещанином Пишбульским и третьим, неизвестным ему человеком. Последний и Пишбульский завели Патрушева на середину Белого озера, сняли с него сапоги с галошами, гарусный шарф, рукавицы и бежали. Но поспешившие на крик Патрушева о помощи ночные обходные Антонов и Налимов поймали Пишбульского, другой грабитель с украденными вещами скрылся[4].

Не всегда удавалось поймать грабителей. В начале января 1908 г. в квартиру доктора Янкелевича на Воскресенской горе явилось 6 грабителей. В это время в квартире оказались лишь два его квартиранта (железнодорожник и лаборант технологического института).

Один из грабителей позвонил, открыть дверь вышел железнодорожник. Между грабителем и квартирантом завязался разговор. Получив отрицательный ответ на вопрос: «Доктор дома?», грабитель попросил:

---

[1] *СВ*. 1886. 28 нояб.
[2] *ТГВ*. 1887. 6 февр.
[3] Там же. 1892. 7 мая.
[4] Там же. 1898. 4 июля.

«Тогда позвольте, я запишу свой адрес». Когда грабитель был впущен, дверь с американским замком вновь моментально заперлась за ним. Остальные грабители не смогли попасть в квартиру. Войдя в комнату, грабитель с криком: «Руки вверх!» направил в грудь насмерть перепуганного железнодорожника револьвер. Услышав крик, второй квартирант «стремглав прилетел в комнату» и напал на грабителя, попытавшегося бежать. Но он не смог открыть дверь, через которую вошел, и бежал через черный ход. На шум и крики выскочили кучер, дворник и «некоторые другие лица», однако грабители сумели скрыться[1].

В начале XX в. все чаще стали совершаться дерзкие ограбления с применением огнестрельного оружия.

На крестьянина села Уртам Королева 8 декабря 1907 г. утром в Бору на дороге из Томска у деревни Зоркальцево напали грабители. Выстрелом из револьвера они легко ранили его в голову и отобрали 140 р.[2]

2 января 1908 г. перед закрытием магазина Фельдштейна в него вошли несколько грабителей с револьверами в руках. Крикнув: «Руки вверх!», они забрали из кассы 200 р. и скрылись[3].

Иногда ограбление совершалось днем, на виду у многих людей, не подозревавших о происходившем.

12 августа в 10 часов утра на Иркутском тракте на глазах у работавших каменщиков к проходившей мимо кладбища прилично одетой девушке, называя ее Нюрой, подошел так же прилично одетый молодой человек. Продолжая как бы разговаривать, он вырвал у нее редикюль, ударил ее несколько раз по лицу и убежал на кладбище. Рабочие приняли это за семейную сцену. Придя в себя, девушка обратилась к ним за помощью, сказав, что она грабителя совсем не знает. В это время с кладбища вышел молодой безусый человек, в котором пострадавшая узнала грабителя, хотя тот был с черными усами (они оказались у него в кармане). Молодого человека отправили в участок, а редикюль с 14 р. при нем не нашли[4].

Иногда удавалось установить, как поступали похитители с украденным. Крестьянка Мария Новикова украла у купца Исая Минского золотую брошь, которую она продала жене политического ссыльного Авдо-

---

[1] *ГТ*. 1908. 9 янв.
[2] Там же. 3 янв.
[3] Там же.
[4] Там же. 14 авг.

тье Богушевич[1]. 5 декабря 1895 г., украденная у крестьянской жены Сенцовой швейная машинка нашлась в ссудной кассе, заложенная неизвестной женщиной[2]. Томский мещанин Никифор Макаров украденную у енисейского мещанина Соломона Шрейбера теплую шаль продал крестьянке Богородской волости Анне Поповой. Шаль была отобрана у купившей ее и возвращена пострадавшему[3]. Крестьянин Н. Жестов, похитивший у портного Самарина золотую брошку, был задержан, но украденное успел продать на толкучке[4]. Служивший в магазине Щепкина и Сковородова Алексей Шамов занимался систематической кражей, украденные на месте службы вещи сбывал содержателю бакалейной лавки крестьянину Петру Семенову. В квартире последнего при обыске было найдено еще 26 грамофонных пластинок, украденных Шамовым в разное время[5].

Утром 15 июня 1908 г. стражник Березовский увидел перелезавшего через забор подозрительного человека (у дома № 2 по Ярлыковской улице). Оказалось, что он в сообществе «с товарищами» обокрал квартиру инженера Чернышева, унеся вещей на сумму в 315 р. Часть похищенных вещей нашли при обыске на квартире Сахарова, Чернова и Волнушкина[6].

Наиболее распространенной была кража часов. Однажды вору удалось совершить кражу из мастерской часового мастера ельского мещанина «посредством подобранного ключа к висячему замку» и унести разных часов на 875 р.[7] Через много лет при обыске в квартире крестьянина Тобольской губернии М.И. Харченко нашли целый склад уже других украденных часов – 16 штук[8].

Среди украденного крестьянином Енисейской губернии П.П. Иовом и томским мещанином Е.А. Суркиным в квартире по Болотному переулку (№ 9) в квартире задержанных нашли швейную машину и сапоги, которые были переданы ворами А.И. Шейрину, известному в городе «толкучнику»[9].

---

[1] *ТГВ*. 1879. 24 февр.
[2] Там же. 1896. 1 февр.
[3] Там же. 1897. 11 сент.
[4] *ГТ*. 1908. 6 февр.
[5] Там же. 19 авг.
[6] Там же. 19 июня.
[7] *ТГВ*. 1897. 9 янв.
[8] *ГТ*. 1908. 30 июня.
[9] Там же. 13 дек.

В городе и его окрестностях довольно продолжительное время кражей и грабежом занимались сложившиеся группы преступников. Неоднократно подвергались суду за разные кражи крестьяне из ссыльных Павел Никишин и Иван Царенков (с использованием револьвера), уже упоминавшиеся П. Иов и Е. Суркин. По Иркутскому тракту занимались грабежом Григорий Юрлов, Никанор Глушков, Петр Лаптев, Гавриил Козьмин и Дмитрий Волков[1]. В ночь на 6 декабря 1908 г. в доме № 18 по Ачинской улице были задержаны крестьянин Ф.В. Зайцев, обвиняемый в убийстве, крестьянин из ссыльных Н.В. Григорьев, Пех, Степанов и еще несколько человек, подозревавшихся в совершении грабежей в окрестностях города[2].

Служба, связанная с поимкой воров, раскрытием грабежей, розыском похищенного была не простой, часто с риском для жизни приставов, околоточных, караульных. Успех в их деятельности не оставался без внимания со стороны начальства. Неоднократно объявлялась благодарность приставам 2-й части Аршаулову, 1-й части Николаеву, его помощникам Осипову и Завадовскому «За оперативный розыск и поимку грабителей»[3]. В феврале 1887 г. был отмечен благодарностью помощник пристава 2-й части Томска Трутнев «За быстрое и успешное разыскание имущества», похищенного в ночь на 22 января у Любови Клейн на 600 р.[4]

Иногда успех сопутствовал в поиске преступника, когда, казалось, зацепиться было не за что. В ночь на 14 января 1888 г. малолетний Куликов, ехавший на двух лошадях с возами, неизвестным человеком был завезен на окраину города, задушен опояской и зарыт в навозную кучу. Уходя с места преступления, незнакомец унес с возов все ценное. Несмотря на «незначительность» данных, имевшихся первоначально у судебного следователя пристава 1-й части Пушкарева, преступник был разыскан, за что Пушкареву объявил благодарность губернатор[5]. В 1889 г. губернатором была объявлена благодарность приставу 3-й части города Красину «За принятие деятельных мер к розыску похищенных 542 р. у томского купца Александра Сереброва и виновных в краже»[6].

---

[1] *ГТ*. 1908. 13 июня, 13, 16 дек.
[2] Там же. 10 дек.
[3] *ТГВ*. 1884. 24 мая, 27 сент.
[4] Там же. 1887. 19 февр.
[5] Там же. 1888. 19 мая.
[6] Там же. 1889. 21 дек.

Накануне прибытия в Томск вновь назначенного губернатором Тобизена была объявлена благодарность исправлявшего должность губернатора большому кругу лиц, от исполнительности которых во многом зависели спокойствие и порядок в городе. Была отмечена хорошая работа начальников отделений общего губернского управления: фон Шульмана, Райского, Островского, Игнатовского; чиновников особых поручений Камаева, Соболева, Борщова; секретарей отделения общего губернского управления Архипова, Андреева, Германова, казначея и смотрителя зданий губернских присутственных мест Турчанинова; томского полицмейстера Некрасова и исправлявшего его должность (на время болезни Некрасова) пристава Аршаулова[1].

Однако отмеченная хорошая работа вышеперечисленных служителей не приводила к улучшению криминогенной ситуации в городе. Днем и ночью продолжались кражи. Летом 1890 г. они были совершены из квартиры жены рядового Марфы Сафоновой, из кладовой купца И. Выховского, из квартир купца С. Ненашева, бухаретинки Медины Мавлюкеевой, из квартиры профессора университета Малиева (в здании университета), из театра Королева, из лавки мещанина Карукиса (с похищением 200 пар гусей), из квартиры псаломщика И. Хрущева, из амбара при квартире врача Петра Речкунова. Почти ежедневно иногда по несколько краж совершалось в разных частях города[2].

14 февраля 1891 г. томскому губернатору полицмейстер донес, что накануне, 13 числа в 5 часов вечера, во время проезда обоза с товаром по набережной реки Ушайки, двое, подъехав в кошеве к обозу, срезали тюк с товаром и бросились бежать по направлению за реку Томь. Полицейский Халдин, возвращаясь со службы, услыхав крик, бросился в погоню за грабителями. Те, видя, что их преследуют, бросили лошадь и побежали в разные стороны. Халдин настиг одного из них на Томи, арестовал его. Другого грабителя поймал городовой Викавелков. Губернатор распорядился о денежном вознаграждении каждого из них в размере 10 р.[3]

За несколько лет до этих событий была проведена в короткий срок операция по раскрытию преступления, совершенного в Томске в ночь на 23 ноября 1883 г. из магазина братьев Ненашевых. Воры унесли 31 пару золотых грудных и рукавных запонок (стоимостью в 327 р. 5 к.), 3 золотых брошки (260 р.), 45 золотых с бриллиантами

[1] *ТГВ*. 1890. 5 июля.
[2] Там же. 30 авг.; 1891. 17 янв.
[3] Там же. 1891. 7 марта.

браслетов (2062 р.), 77 пар золотых серег (2017 р. 50 к.), 66 золотых медальонов (1463 р.), 35 золотых брошей (1361 р.), 6 серебряных браслетов (91 р.), 12 золотых мужских и дамских часов с цепями (872 р.), 19 серебряных часов (562 р.), 36 золотых мужских и дамских цепей (3365 р.), 100 золотых колец (800 р.), 200 пар золотых серег (200 р.), 180 золотых крестов (759 р.), 10 серебряных портмоне (100 р.), 10 серебряных медальонов (60 р.), 34 серебряные столовые ложки (204 р.) и 36 чайных (108 р.), 82 золотые ложки (343 р.), 36 серебряных щипцов, солонок, рожков, ситчиков (221 р.), 20 серебряных икон (100 р.), 15 золотых мужских перстней (376 р.), 90 серебряных цепей (325 р.), 11 золотых цепей (125 р.), 16 ситечек серебряных с ручкой (48 р. 50 к.), 5 серебряных спичечниц (35 р.), 12 серебряных наперстков (15 р.), 3 серебряные ложечки для соли (3 р.), 30 золотых ключей к часам (195 р.), 5 серебряных вызолоченных колец (15 р.), 4 ордена (40 р.), 3 серебряные броши (4 р. 50 к.), 2 разных портмоне (20 р.), 2 рукавные серебряные запонки (4 р.), 4 брелока (50 р.), 10 дамских перстеньков (830 р.), 20 перстеньков мужских и дамских бриллиантовых (800 р.), 50 серебряных стаканчиков (340 р.), 2 чайные ложки «под чернью» (25 р.) и деньгами из кассы – 300 р., всего на 19157 р. Все украденные вещи были «розысками полиции найдены и выданы под расписку» братьям Ненашевым 24 ноября, а «также обнаружены и самые похитители этих вещей». За оперативно проведенную операцию была объявлена признательность полицмейстеру, действительному статскому советнику Архангельскому, благодарность – приставам Николаеву, Аршаулову и Лучшеву, нижним полицейским чинам – спасибо.

Томский купец Петр Ненашев просил начальника губернии выдать 300 р., которые он приложил к письму, нижним полицейским чинам и тому лицу, которое содействовало открытию «украденных из принадлежащего ему с братом магазина вещей»[1].

Рост детской преступности

Время от времени в печати появлялись сообщения о кражах, которые совершались в разных местах детьми.

Летом 1879 г. в Юрточной части города во время игры 14-летняя мещанская дочь Анна Евдокимова сняла с шеи 6-летнего сына чинов-

[1] *ТГВ*. 1883. 15 дек.; 1884. 5 янв.

ника золотой крест стоимостью в 3 р.[1] 22 декабря 1881 г. из квартиры екатеринбургского мещанина Агафона Серкина 14-летний крестьянский подросток Федор Рыков украл 6 золотых колец (на 60 р.) и 5 р. 40 к. деньгами[2]. 21 декабря 1893 г. из гостиницы «Сибирское подворье» у горного инженера Зборовского были украдены пальто и бурка, в чем подозревался мальчик Колибаев[3]. 23 октября 1895 г. городовой Ядришников доставил в канцелярию участка 12-летнюю Александру Липитенкову, продававшую в зверинце Феца золотые и серебряные вещи, украденные ею у надзирателя Томской арестантской роты. К нему она поступила «в услужение» 21 октября, а утром 23 числа скрылась с украденными вещами[4]. 16-летняя Мария Витовская, прислуга топографа Ивана Вторушина, подозревалась в краже из его квартиры дамской шубы на заячьем меху (стоимостью в 15 р.)[5].

Чаще всего кражи совершались из незапертых квартир, иногда – из незапертых сеней, коридора. 12-летняя поселенческая дочь Шевченина 22 июня 1893 г. в доме Берестова из незапертого ящика украла 25 р. 12-летняя же мещанская дочь Смяткова подозревалась в краже 11 серебряных ложек у мещанина Селезнева[6]. В конце ноября 1908 г. два мальчика Василий Ажерменев и Николай Карпов из незапертого на замок коридора дома Окуловой на углу Ярлыковской и Солдатской улиц унесли корзину с яйцами и бутылки с грибами, принадлежавшие прислуге Окуловой Марии Кочето. Похитителей вскоре задержали[7].

17 августа были задержаны на месте преступления 13-летний Василий Мезенцев и 12-летний Иван Микляев, укравшие из незапертой квартиры (Никольская улица, 18) шаль стоимостью в 6 р.[8]

Из незапертых сеней в доме на улице Вокзальной, 54 у Розалии Беклиной украл хомут мальчик Викентий Лисовский, вскоре задержанный[9].

С краденными вещами задерживались мальчики, поступавшие на работу разносчиками газет. 12-летний Мартин Судик украл в доме № 53 по Солдатской улице 2 серебряные ложки, с которыми его задержали и доставили в участок[10].

---

[1] *ТГВ*. 1879. 16 июня.
[2] Там же. 1882. 6 марта.
[3] Там же. 1894. 24 марта.
[4] Там же. 1895. 7 дек.
[5] *ТВ*. 1915. 20 мая.
[6] *ТГВ*. 1893. 2 сент.
[7] Там же. 1908. 30 нояб.
[8] *ТВ*. 1915. 19 авг.
[9] Там же . 16 янв.
[10] *ГТ*. 1908. 12 июля.

В конце марта 1908 г. 12-летний разносчик газеты «Сибирская жизнь» Шайхутдинов, зайдя в контору «Сибирского технического товарищества», похитил у конторщика со стола серебряные часы. Через несколько дней, будучи пойманным, он сознался в краже, сказав при этом, что часы спрятал у матери в сундуке. Он обещал принести их, если его отпустят. Отпустили, но часов он не вернул. Однако вскоре вор снова попался на краже. Оказалось, что кражи им совершались много раз из прихожих, куда он заходил как разносчик газеты[1].

Самый молодой из занимавшихся кражей 10-летний Иван Зуев, продавец газет, утром 29 июля зашел в дом частного поверенного Молотковского на Нечаевской улице, через черный ход прошел в его спальню, вынул часы из кармана спящего хозяина квартиры и собирался идти дальше, но был задержан. На суде он сознался еще в краже вилок на толкучке. По малолетству Иван избежал наказания. Его передали «под ответственный надзор матери»[2].

Служивший в магазине Штоля и Шмидта 15-летний Д. Карягин украл из редикюля покупательницы, жены студента Иванова, 30 р. Деньги обнаружили зашитыми в шапке вора[3]. В магазине Смирнова был уличен в краже куска тесьмы служивший там подросток Александр Филатов[4]. Систематически занимался кражей из мастерской Фуксмана мальчик-рабочий Алексей Попов. Это было установлено после поимки его с украденными несколькими парами сапожных заготовок 12 марта 1915 г.[5]

К этому году наблюдается учащение случаев задержания подростков с похищенным. 7 января 1915 г. 14-летний крестьянский сын Модей Токарев украл ковер с выставки в магазине Михайлова и Малышева на Базарной площади, но унести ковер ему не удалось, так как его задержали[6].

Вынужденными оказались сознаться в краже: карманных часов из квартиры мещанки Килиной мальчик Георгий Ключарев[7]; туфель 15-летний Федор Нехорошев[8]; серебряных часов «в общей купальне» на Томи у отставного канцелярского служителя Ивана Дмитриева стоимостью в 30 р. 13-летний Александр Филатов[9].

---

[1] *ГТ*. 1908. 5 февр.
[2] Там же. 1 авг.
[3] Там же. 17 мая.
[4] *ТВ*. 1915. 5 янв.
[5] Там же. 14 марта.
[6] Там же. 9 янв.
[7] Там же. 14 мая.
[8] Там же. 19 июня.
[9] Там же. 13 июня.

Но не всегда удавалось поймать вора-подростка. 16 июня 1915 г. во время купания на Ушайке из кармана шаровар чиновника Ивана Попова исчезли 20 р. Подозреваемый в краже их 15-летний мариинский мещанин Иван Ситников сумел скрыться[1].

Тревожным становилось участие подростков в групповых хищениях. 10 января 1915 г. был задержан 14-летний Усольцев, укравший вместе с другими подростками у крестьянина Василия Седова 35 бичей. Среди них оказался Модей Токарев, за 3 дня до этого задержанный с украденным ковром. Бичи были проданы на толкучке Тимофею Дудникову, которого тоже задержали[2]. В 8 часов вечера 23 февраля 1915 г. у проходившей по Затеевскому переулку жены присяжного поверенного М.И. Рудаковой двое подростков вырвали из рук сумку с деньгами, квитанциями и письмами. Через день был задержан крестьянин Елгайской волости 16-летний Афанасий Котусенко, обвиненный как соучастник в ограблении Рудаковой «вместе с другими лицами»[3].

Групповой кражей занимались М. Манзуров (13-летний), 11-летний Леонид Перевозчиков, 16-летний Асым Юмыров, 14-летний Иван Шатосов. Они 4 февраля 1915 г. украли на Базарной площади с чердака лавки Фуксмана тулуп караульного Дикайчука стоимостью в 25 р. Всю группу воров задержали, тулуп был возвращен владельцу[4].

Обокравший 11 июня 1915 г. отставного канцелярского служителя Ивана Дмитриева 13-летний Александр Филатов на другой день участвовал в групповой краже. Он был задержан вместе с крестьянами Кузнецкого уезда Александром Карповым, Тобольской губернии Иваном Метляевым, саратовским мещанином Иваном Сарапьевым. Они обвинялись в краже вещей у домовладелицы Щепотиной по Большой Подгорной улице. Вместе с ними был арестован и известный в Томске скупщик краденого мещанин Виктор Федоров[5].

Летом 1915 г. «Томский вестник» известил о задержании сыскной полицией орудовавшей в городе шайки молодых воров. Их имена не были обнародованы, но сообщалось, что эта «шайка» совершила не только целый ряд мелких краж, одну крупную, у нее было изъято много похищенных вещей, но не все украденное, так как часть его похитители успели сбыть. Вместе с ворами был арестован и скупщик краденого[6].

---

[1] *ТВ.* 1915. 19 июня.
[2] Там же. 13 янв.
[3] Там же. 25 февр.
[4] Там же. 5 февр.
[5] Там же. 16 июня.
[6] Там же. 1915. 21 июля.

Факты свидетельствуют о том, что более опытные в совершении краж подростки прибегали к удивительно изощренным способам ограбления. Забавный, на взгляд со стороны, но печальный для пострадавшего зимой 1909 г. случай произошел на Почтамтской улице. Около магазина Карнакова пожилой томич, держа в руках покупки, подозвал к себе извозчика. Когда он уселся, мальчик (разносчик газет) прицепился сзади саней и начал одной рукой «ревизовать карман в шубе», другой рукой «держался за экипаж». Барин, как поведала «Сибирская правда», почувствовав эту «ревизию», схватил за руку жулика, моментально соскочившего с полозьев, выдернув свою руку, побежал и скрылся в толпе, пока барин, останавливая извозчика, объяснял ему о случившемся. Извозчик глубокомысленно отозвался: «Бывает, барин, и хуже». А читателям советовали оглядываться назад во время посадки в экипаж, «в противном случае легко можно лишиться кошелька или платка из кармана пальто»[1].

При проведении следствия иногда устанавливалось руководство подростками со стороны взрослых. Кражей пальто и шубы у И.Д. Егорова из дома на Тверской улице, 26 малолетними Павлом Глазуновым и Павлом Засковским, оказалось, руководил крестьянин Шумилов, которого задержали вместе с его «подопечными»[2].

О росте детской преступности свидетельствовало наличие в городе колонии малолетних преступников. Из нее в апреле 1915 г. бежал нарымский мещанин Александр Марьин, вскоре задержанный[3]. Других фактов, связанных с побегами содержавшихся в колонии малолеток, не приводилось.

Судебные приговоры

Уже приводились примеры реакции горожан на действия воров и грабителей. Благодаря их содействию иногда удавалось поймать злоумышленников. Бывали случаи, когда жители города совершали самосуд над ними.

Майским вечером 1908 г. на Никольской улице вблизи бани Муковозова один «неизвестный» запустил руку в карман другого человека. Последний бросился вдогонку вора. Между ними возникла драка. Внезапно грабитель, оказавшийся крестьянином из ссыльных Кожевым,

---

[1] *СП*. 1909. 14 февр.
[2] *ГТ*. 1908. 5 янв.
[3] *ТВ*. 1915. 18 авг.

вытащил нож и одним взмахом распорол догнавшему живот так, что «вышли внутренности». Возмущенная толпа собравшегося народа бросилась на злоумышленника, выбила из его руки нож, бросила его самого на землю. И началась страшная расправа. И жертву и грабителя пришлось отправлять в больницу в бессознательном состоянии[1].

30 мая того же года на Мухинском бугре был устроен самосуд над мужчиной, укравшим холст из богадельни на Солдатской улице. Подростки на виду огромной толпы избили его до полусмерти. Окровавленного, с проломленной головой вора доставили в участок[2].

3 ноября все того же года около часа дня от магазина Второва на Базарной площади какой-то неизвестный человек угнал лошадь. За ним началась погоня. Толпа конных и пеших несколько улиц мчалась за конокрадом, нагнала его и сильно избила. В участок вор – татарин Загадала Уразгильдеев был доставлен в полуобморочном состоянии[3].

Время от времени в газетах давались сообщения о вынесении приговоров по результатам расследования деяний воров и грабителей.

26 июня 1886 г. состоялся суд. Обвинялись крестьяне села Калтайского родные братья Иван (21 года) и Александр (19 лет) Феоктистовы Федоровы, Степан Бакланов (46 лет) в совершении в 1885 г. разных обозных краж. В первый раз они срезали из обоза Полковникова и Уздина мешки с пшеничной мукой около села Калтайского, затем в сентябре – из обоза купца Зырина две кипы разных ситцев на 417 р. Часть этого ситца была найдена в избе Бакланова в сундуке, голландской печке и в подвале. Бакланов через свою жену Екатерину даже дарил куски ситца разным лицам, в том числе повивальной бабке Сизевой. Суд вынес решение о высылке Ивана Федорова «в места не столь отдаленные» и заключении в тюрьму на 1 год и 4 месяца Бакланова[4].

5 ноября 1906 г. крестьянин Серебренников в 3-м полицейском участке заявил, что проездом по Томи увидел на льду напротив базара труп с окровавленной головой. Пристав Барташевич действительно нашел там убитого с огнестрельной раной в голове, в расстегнутом пальто, с вырванными в пиджаке и брюках карманами. Шапки ни на трупе, ни возле него не было. Мещане Берестовский и Бухгалтер опознали убитого, недавно приехавшего и остановившегося в гостинице Баранова. Им

---

[1] *ГТ*. 1908. 6 мая.
[2] Там же. 4 июня.
[3] Там же. 4 нояб.
[4] *СВ*. 1886. 31 июля.

оказался мариинский мещанин Абрам Сагаль, об исчезновении которого 4 ноября сообщалось в газетах.

Из опроса хозяина и прислуги гостиницы выяснилось, что Сагаль приехал в Томск 25 октября и до исчезновения получал ценные посылки и деньги через банк. Жена убитого на допросе показала, что ее муж занимался скупкой и продажей золотых и серебряных вещей и драгоценных камней в Кременчуге, а осенью отправлялся путешествовать «с торговой целью» по различным городам Сибири. Он всегда имел при себе дорогие вещи и крупные суммы денег.

В ходе расследования было также установлено, что в день убийства Сагаль был в магазинах Лясс и Бухгалтера, предлагал Бухгалтеру купить у него два бриллианта за 750 р., а у Лясса купил серебряных вещей на 50 р.

Через некоторое время у крестьянина Золотухина была найдена каракулевая шапка, похожая на ту, в которой пристав Барташевич незадолго до убийства видел Сагаля, жена тоже признала в ней шапку мужа.

Вскоре у задержанного в публичном доме, назвавшегося сначала Орловым, потом оказавшегося крестьянином Василием Капустиным, были найдена два портмоне, два оторванных кармана (которые как раз подошли к обрывкам карманов на трупе Сагаля), два выигрышных билета (они, оказалось, принадлежали убитому), пять векселей на имя покойного, золотые серьги, два больших бриллианта (признанных Бухгалтером за те, которые предлагал ему Сагаль в день смерти) и 160 малых бриллиантов.

Золотухин объяснил, что шапку он купил случайно на базаре за 8 р. недели за две до своего ареста, позднее даже указал трех свидетелей этой покупки, в их числе торговца гармониями на базаре некоего Понадайко и свою сожительницу Попову. Но двое свидетелей этого показания не подтвердили, а Попова только заявила, что видела шапку у Золотухина за день до его ареста.

Капустин найденные у него вещи пытался выдать за купленные им за 800 р., а во время убийства Сагаля, как он пытался доказать, якобы даже не был в Томске, а находился в Каинске. Но после долгого расследования, через год Капустин рассказал, что убийство совершили некий Орлов и Макаров, а он, хотя и не участвовал в убийстве, но вез Орлова и Макарова и таким образом был свидетелем его. По словам Капустина, Орлов и Макаров, убив Сагаля, вытащив у него из карманов вещи, бумаги и векселя, про одежду сказали: «Это нам не нужно». С учетом это-

го Капустин полагал, что шапка Сагаля должна была остаться на месте убийства. Все отобранное при аресте, по утверждению Капустина, он получил от убийц, потому что у них были еще чужие вещи, и они боялись оставить ограбленное у Сагаля при себе.

На суде ни Золотухин, ни Капустин виноватыми себя не признали. Но суд 26 января 1908 г. приговорил Капустина к смертной казни. 31 января 1908 г. в 3 часа ночи в исправительно-арестантском отделении приговор был приведен в исполнение[1].

Попытка одного из самых дерзких ограблений была совершена в технологическом институте. 20 августа 1907 г. после получения для служащих института из казначейства около 15000 р. бухгалтер Соковнин отправился в институт. Около входных дверей института, где находилась канцелярия, на бухгалтера напали двое, одетые в костюм рабочих, чуть не убив его из револьвера, но на его крик пришли на помощь, и грабители скрылись ни с чем. На другой день их опознал институтский сторож, посланный бухгалтером за пивом в пивную на Еланской улице. Сторож увидел их за чтением газеты с описанием своего неудачного покушения. Сторож запомнил грабителей, потому что они с самого утра в день покушения дежурили у института.

Но на этом дело с покушением на грабеж не завершилось. Через 2 месяца, 20 октября, Соковнин, получив деньги, теперь уже в сопровождении околоточного надзирателя, прибыл в институт и приступил к сортировке и раскладке по пакетам денег для выдачи жалованья.

В это время в институте проходило студенческое собрание, на котором присутствовало около 700 человек. Грабители (а их было 7–8 человек) сначала зашли в туалет на нижнем этаже и там закрылись. Затем, выждав удобный момент, когда в коридоре и бухгалтерии было мало народу, закрыв лица черной материей, спустившейся от лица до пояса (с отверстиями для глаз), побежали по коридору к бухгалтерии. Сторож, догадавшись в чем дело, бросился бежать, чтобы сообщить по телефону о случившемся, но под угрозой быть застреленным, был остановлен. Около него встал один из грабителей, другой – у телефона. Остальные помчались в бухгалтерию, где, кроме Соковнина, были его помощник и еще человека три.

Вбежав в бухгалтерию, грабители крикнули: «Руки вверх!» и кинулись к Соковнину. Тот, быстро сориентировавшись, моментально захлопнул дверку несгораемого шкафа, схватил револьвер и произвел в

[1] *ГТ*. 1908. 1 февр.

грабителей два выстрела, но промахнулся и присел за конторку. Грабители, обежав конторку, двумя выстрелами ранили бухгалтера в спину и шею. Находившиеся в комнате служащие бросились в рядом расположенный кабинет директора и там затворились. Тем временем грабители потребовали от помощника бухгалтера ключи от несгораемого шкафа. Но поданные им ключи оказались не те. Тогда грабители потребовали ключи у Соковнина. С трудом поднявшись, опираясь на локоть, он указал на ключи, снова оказавшиеся не теми.

Все это происходило в течение нескольких минут. Запершиеся в кабинете директора выбили стекла, чтобы выбраться из кабинета. Услышав шум разбитого стекла, вожак скомандовал: «Отступайте!». Грабители, еще раз выстрелив в Соковнина, бежали, некоторые на улицу, другие на второй этаж, где смешались с публикой, бывшей на сходке. На одном из убегавших были студенческие брюки.

Институт был немедленно закрыт. Вскоре, получив сообщение о случившимся, прибыла полиция с войсками, оцепившими институт. Для установления личности студентов были приглашены директор института, деканы, помощники инспекторов, а также ректор университета и два декана. Опознанных студентов отпустили домой, остальных вместе с посторонними лицами отправили по тюрьмам: 69 мужчин – на Еланскую улицу, 27 женщин – в Загородную тюрьму. Тяжело раненного Соковнина увезли в больницу, где он скончался[1].

14 декабря 1908 г. около трех с половиной часов продолжалось совещание суда по делу ограбления кассы технологического института. В половине седьмого вечером состоялось объявление приговора. Обвинявшегося причастным к грабежу студента Николая Наследникова признали невиновным, с него «по прочтении приговора» сняли кандалы и освободили из-под стражи. Студента Ивана Добролюбова признали виновным «в недоносительстве» и приговорили «к лишению всех прав состояния на каторжные работы» сроком на 10 лет. Признанный виновным крестьянин Василий Керженцев был приговорен к смертной казни через повешение. При оглашении приговора «зал огласился рыданием присутствовавших… матери, невесты и родственников Керженцева и студента Добролюбова. Осужденный Керженцев с плачем упал на скамью»[2].

---

[1] *ТГВ*. 1907. 22 авг., 28 окт.
[2] *ГТ*. 1908. 16 дек.

15 октября 1907 г. в 9 часов вечера в аптеке Ковнацкого по Магистратской улице № 4 находились кассирша, четверо служащих и двое покупателей. В это время в аптеку зашел молодой человек и попросил отпустить ему щавелевой кислоты. Получив ответ, что без докторского рецепта кислоту отпустить нельзя, проситель пошел к выходу и, дойдя до дверей, остановился около них, заложив руки в карманы пальто. Как только он остановился у дверей, она тут же открылась, и в аптеку вошел молодой человек среднего роста, с румяным лицом и маленькими светло-русыми усами, одетый в короткую тужурку коричневого цвета и черную шапку.

Войдя, он громко и отчетливо крикнул: «Стой, ни с места, руки вверх!», показав револьвер. Все подняли руки, кроме молодого человека, стоявшего у дверей.

Вошедший подошел к кассиру, направив на нее дуло револьвера, потребовал открыть кассу. Забрав выручку в 69 р. 67 к., он пошел к выходу. Остановясь у дверей, приказал под страхом смерти не двигаться с места в течение 10 минут и вышел на улицу.

Вслед за ним вышел и молодой человек, стоявший у дверей.

В то время, когда все это происходило в аптеке, провизор Артур Поленц из соседней комнаты увидел, что все находившиеся в аптеке стоят с поднятыми руками. По черной лестнице он выбежал на улицу и заявил о случившемся полиции. Однако когда она прибыла, грабители уже скрылись.

Ночью полиция произвела обыск в квартире Ходзонова по Никитинской улице, 31, при этом арестовав приехавших из Омска двух братьев Вениамина и Самуила Цвилингов. Кассир признала в одном из них человека, ограбившего кассу. Оба Цвилинга были приговорены к каторжным работам на разные сроки[1].

В Томске имел место случай вынесения приговора тому, кто был обворован. В ноябре 1911 г. заведующий кассой Томского окружного суда Вахрушев был приговорен судебной палатой к одному году «арестантских» работ. Оказалось, что он казенные деньги носил с собой. Однажды, когда он был в местном железнодорожном собрании, у него во время игры украли 1500 р. казенных денег, за что Вахрушев и был привлечен к суду[2].

---

[1] *ГТ*. 1908. 18 янв.
[2] *СП*. 1911. 26 нояб.

В декабре 1907 г. пристав 2-го участка сообщил полицмейстеру о том, что в последнее время многие из зажиточных жителей его участка получили письма за подписью «экспроприатор» с требованием денег от 150 до 500 р. В этих письмах указывалось место, куда следовало доставить требуемую сумму.

В первых числах декабря такие письма получили купцы Пермитин, Федулов и Еренев. С последнего требовали, чтобы он вложил в бутылку 150 р. и положил ее 9 декабря в 6 часов вечера на мост около своего дома. В случае неисполнения этого требования «экспроприатор» угрожал смертью.

Для поимки вымогателей пристав Чекстер направил надзирателя ночной охраны этого участка Смирнова со стражниками Тиуновым и Сычуговым, которые в 5 часов вечера, закопавшись в сугробах, стали наблюдать за всеми проходящими. Бутылка с вложенной в нее бумагой была положена на указанное место. Стражники, пролежав около двух часов, заметили трех мужчин, направлявшихся к мосту. Не доходя до моста, они остановились и стали оглядываться, не следят ли за ними. Не заметив ничего подозрительного, один из них пошел к мосту и, взяв там бутылку, направился к своим сообщникам. В это время надзиратель и стражники выскочили из засады и задержали всех вымогателей. Ими оказались томские мещане родные братья Михаил и Павел Перетолчины и крестьянин Вятской губернии Владимир Кривелев. Задержанные сознались, что все письма с требованием денег за последнее время рассылались ими.

Постановлением Томского генерал-губернатора Перетолчиным и Кривелеву «в виду их крайне предосудительного поведения и преступной деятельности», связанной с вымогательством денег «под угрозой смерти… в интересах охраны государственного порядка и общественной безопасности воспретить жительство в Томской губернии и выслать их этапным порядком в срок, по усмотрению томского полицмейстера в Оренбургскую губернию под надзор полиции»[1].

Зимой 1908 г. пристав 3-го участка Барташевич обнаружил целую воровскую шайку, которая могла быть причастной к руководству многими кражами и грабежами. При обыске 12 февраля в квартире дома № 25 на Войлочной улице, где жил некто Петр Ефремов, известный в городе вор, были задержаны Афанасий Ткач, Гавриил Григорьев и Григорий Васильев, Кобяков по подложному паспорту, оказавшийся Во-

[1] *ГТ*. 1907. 12 дек.; 1908. 6 янв.

робьевым, выпущенным из тюрьмы несколько дней назад. Пятый квартирант Федор Швед оказался сахалинцем. В квартире были найдены часы, похищенные у Ассоновых. По показаниям арестованных пристав в деревне Зоркальцевой нашел у торгующего Циммермана проданную ему неким Суриным за 55 р. ротонду[1] стоимостью 500 р., украденную у Ассонова.

Во время допросов выяснилось, что все арестованные занимались кражами, а Сурин – сбытом краденного. Он разъезжал по деревням и сбывал переданные ему ворами вещи за бесценок.

В полицейских кругах возникла надежда на то, что «с поимкой шайки грабежи, затихшие в последнее время», может быть, «замрут совсем»[2]. Но этого не произошло, да и не могло произойти.

Оказалось, что в следующем месяце кражей занимались воры, прибывшие в Томск с Дальнего Востока. Часть из них успели скрыться. Стало известно, что ожидался приезд «новой компании». И на этот раз полицейским чинам хотелось верить, что и эта группа «гастролеров» будет поймана, как и арестованная ранее[3].

Но весной в городе действовала хорошо организованная воровская артель, имевшая в своей среде агентов между торгово-промышленными служащими. Члены воровской шайки облачались в особый костюм «для более искусного сокрытия украденного». Изобретенный специально для этой шайки костюм состоял из очень длинной русской рубашки или блузы с подкладом, с вертикальными вырезами на боках в виде отверстия кармана, из широких русских шаровар и длинного пальто.

Одетые в такой костюм 2–3 «покупателя» приходили в лавку. Услужливые приказчики не скупились на показ требуемых ими товаров, а те, набив карманы подходящим и забраковав товар по каким-либо причинам, благополучно скрывались[4].

28 января 1908 г. был арестован и доставлен в участок городовым П. Золотухиным и пешим стражником Е. Трешкиным известный конокрад Карл Ермоленко[5].

В общественном собрании 7 марта 1908 г. после спектакля при выходе у зрителей было совершено несколько краж мелких вещей и ко-

---

[1] *Ротонда* – женская теплая верхняя одежда в виде длинной накидки без рукавов, распространенная в XIX – начале XX в.

[2] *ГТ*. 1908. 15 февр.

[3] Там же. 1908. 11 марта.

[4] Там же. 1908. 27 апр.

[5] Там же. 1908. 30 янв.

шельков с деньгами. У одного из посетителей украли 250 р. Несколько человек по подозрению в краже задержали. Потерпевшим было предложено пройти в 5-й участок для опознания украденных вещей. Тогда же у мещанина К.И. Малыхина на улице Нечаевской, 47 из голубятни кто-то похитил 16 голубей[1]. Из квартиры Абакумовой на Почтамтской улице было похищено «разного ношебного имущества» на сумму около 2000 р. Уже приводился факт крупной кражи виноградного вина на пивоваренном заводе Чердынцева в ночь на 20 марта 1908 г. Весной этого года у повивальной бабки Сары Ицкович при обыске нашли английский ключ, похищенный у жены чиновника Александры Юрьевой вместе с портмоне и 40 р. в нем. В 10 часов вечера 9 марта конный стражник П. Зайцев доставил во 2-й участок В. Токарева с украденными им лосиными кожами на кожевенном заводе А.В. Пермитина[2].

Нередко объектом кражи наряду с любым другим имуществом являлись галоши. В условиях частой непролазной грязи в городе они были предметом первой необходимости.

6 ноября 1883 г. вечером у гостей раввина Левина были похищены 10 пар галош и соболья шапка купца Бейлина[3].

В студенческой столовой не проходило дня без скандала из-за галош. Ежедневно тащили их то у одного, то у другого посетителя, забирали новые, оставляли старые[4].

В марте 1908 г. в университете появилось любопытное объявление крайне возмущенного студента: «Украдены новые летние галоши! С буквами И. Т. на каждой. Нет сомнения в том, что галоши действительно украдены, так как взамен их не осталось никаких других. Виновного буду преследовать всеми мерами, вплоть до физического воздействия включительно! Товарищи, обратите внимание на воров!!!»[5]. За совершенные кражи к разным срокам лишения свободы и прав 12 ноября 1908 г. окружной суд приговорил 17 человек[6].

А жизнь с непрекращавшимися кражами и грабежами продолжалась.

24 ноября 1908 г. около 5 часов вечера шестеро крестьян, приезжавших на базар на 9 лошадях, отправились домой. Верстах в шести от

---

[1] *ГТ*. 1908. 9, 11, 23 марта.
[2] Там же. 9 марта.
[3] *ТГВ*. 1883. 15 дек.
[4] *ГТ*. 1908. 16 марта.
[5] Там же. 29 марта.
[6] Там же. 14 нояб.

города их нагнали на хорошей серой лошади трое неизвестных. Произведя несколько выстрелов, они приказали оторопевшим безоружным крестьянам слезть с саней. Грабители, забрав целый обоз, направились в город, где и скрылись[1].

24–25 ноября того же года во временном военном суде рассматривалось дело о вооруженном нападении на мыловаренный завод Долгих. За год до этого, 17 ноября 1907 г., трое мужчин (двое из них были замаскированы) ворвались в квартиру хозяина завода Долгих, молотком разбили крышку письменного стола, вынули из него ящик с 1000 р., вышли из квартиры на улицу, сели на лошадь поджидавшего их извозчика и уехали в город. За ними погналась вместе с работниками жена Долгих. На Магистратской улице она стала звать на помощь, но грабители, свернув на Ближне-Ключевскую улицу, соскочили с извозчика, дали два выстрела по Долгих и скрылись.

Через несколько дней околоточный Собинов в одном из домов по Мухинской улице произвел обыск, нашел заряженный револьвер, задержал лошадь извозчика Попова и некоего Гудкова. В лошади Долгих признала ту, на которой грабители ехали, а в Гудкове – грабителя без маски. 27 декабря во 2-й участок пришел некий Чернышев и заявил, что он был в пивной с двумя братьями Шаламовыми и Поповым. Из разговора Петра Шаламова с Поповым Чернышев понял, что Шаламов участвовал вместе с кем-то в нападении, а Попов их туда возил, за что получил 125 р. Жена Попова показала, что ее муж во второй половине ноября в извоз не ездил, а все пьянствовал и пропил много денег. Узнав, что Шаламов арестован, сказал, что и его арестуют. На следствии жена Попова от своих показаний отказалась.

В феврале 1908 г. из Иркутска в Томск был доставлен некий Кабанов после того как 12 февраля в 4-й участок Иркутска явился Чернов (впоследствии зарезавшийся в Иркутской тюрьме), заявив, что он вместе с Егоровым, Кабановым, проживающим по паспорту Ивана Иванова, участвовал в вооруженном нападении на аптеку Вильминского, добавив, что вместе с Кабановым совершил ряд вооруженных нападений с мая по август 1907 г. В Москве в трамвае они награбили 200 р., в конце июля при нападении на Сахановское волостное правление захватили 3500 р. В Томске ограбили железнодорожного сторожа, колбасную Фильберта, бывший магазин Перетца, напали на мыловаренный завод Долгих, затем в Омске обокрали аптеку Роземплентера. Кабанов в ог-

[1] *ГТ*. 1908. 26 нояб.

раблении Долгих не сознался и заявил, что в Томске не был, в Иркутск приехал из Перми. Однако это не подтвердилось.

В Томске наборщики типографии Яковлева Ермолаев и Муравьев в Кабанове узнали служившего у них в типографии с Черновым под фамилией Ивана Иванова, имевшего кличку «Москвич». Он исчез из Томска в декабре 1907 г.

Хотя Гудков, Шаламов, Попов и Кабанов предъявленные им обвинения отрицали, всех четверых, признав виновными в разбойном нападении, суд приговорил к смертной казни через повешение[1].

14 декабря 1908 г. томская полиция получила телеграмму от мариинского полицейского надзирателя, сообщившего о крупной краже готового платья, обуви и мехов из магазина Ольховского. 16 декабря местная полиция обратила внимание на двух подозрительных неизвестных, приехавших в дом Прыткова по Малой Кирпичной улице в квартиру Екимова. При обыске в квартире нашли два больших сундука с мехами, кожевенным товаром, багажными ремнями и прочим, всего более чем на 500 р. Обоих задержали. Они назвались мещанами Ф.Ф. Карповым и Н.М. Ефимовым. В кармане пальто Ефимова был найден револьвер и патроны к нему. Задержанные сознались, что отобранный у них товар они украли в Мариинске в магазине Ольховского и привезли его в Томск[2].

Нападение с целью ограбления на кассира лавки Горохова в январе 1912 г. в 6 часов вечера в людном районе свидетельствовало о дерзости разбойников. В последнее время в Томске они совершали частые грабежи, будучи вооруженными огнестрельным оружием, «держать которое обыватель (был) стеснен строгими правилами»[3].

Ближе к весне дерзкие разбои в Томске опять повторились. В квартире директора цирка Изако во время отсутствия семьи была убита прислуга, украдена большая сумма денег. С целью ограбления было совершено покушение и на квартиру Хотимского[4].

10 января 1915 г. в окружном суде рассматривалось дело, привлекшее не совсем обычных посетителей, которые переполнили все места для публики. Присутствовали почти все содержатели притонов Бочановской улицы, хозяйки и хозяева публичных домов и их завсегдатаи.

---

[1] *ГТ*. 1908. 27 нояб.
[2] Там же. 18 дек.
[3] *СП*. 1912. 21 янв.
[4] Там же. 3 марта.

Обвинялись Хаим Ицкович, содержатель публичного дома, занимавшийся для отвода глаз извозным промыслом и покупкой лошадей, и прачка домов терпимости Любовь Микляйдер. Ее квартира была всегда свободна «для приема посетителей», где к их услугам были пиво, водка и «барышни». Посетителей встречали с распростертыми объятиями, а приходили они в сознание на улице без денег, ценных вещей, «с ненормальным видом лица после выпитой доли пива с алкалоидом никотина», называемым бочановцами «малинкой».

Рассматривалось обычное для содержателей домов терпимости дело. Оно сводилось к тому, что крестьянин Иван Михайлов продал на базаре лошадь за 150 р. и завернул к своему знакомому Ицковичу выпить пива. Тот повел его в квартиру своей квартирантки Микляйдер. После того как было выпито 4 бутылки пива, заказанных Михайловым, Ицкович потребовал поставить еще две бутылки. По словам Михайлова, выпив полстакана пива, налитого Ицковичем, он почувствовал, что у него отнялись руки и ноги и в то же время он заметил, что к нему за пазуху полезла Микляйдер. Он запомнил, что обругал ее, грозясь побить, но затем потерял сознание. Очнулся на улице около дома Ицковича, от которого хозяин гнал Михайлова. Он обнаружил, что его кошелек со 180 р. пропал.

Вина Ицковича и Микляйдер, оказавшейся его сожительницей, в суде была доказана. Ицковича приговорили к трем с половиной годам заключения в арестантском отделении, а Микляйдер – к трем годам заключения в тюрьме[1].

Ночью 9 мая 1914 г. по Иркутской улице в квартире преподавателя коммерческого училища Луйч произошел пожар. Супругов Луйч в это время не было дома. Когда они вернулись, их квартира еще не горела, но в ней хозяйничали посторонние люди. А во время пожара у них похитили золотых и серебряных вещей на сумму около 300 р. Кто похитил, установить не удалось. Но через несколько дней к Луйчу пришел кузнец Иван Лянгузов, сообщивший, что его вещи можно найти у Гиттель Валевич. При обыске часть вещей действительно у нее была найдена. Откуда эти вещи, она объяснить не могла, но предположила, что их мог принести ее внебрачный сын Бер Хотимский, ранее обличенный в кражах. Тот пытался доказать, что вещи подобрал на месте пожара, а не в квартире Луйч. Суд приговорил его к шестимесячному заключению[2].

---

[1] *ТВ*. 1915. 15 янв.
[2] Там же. 5 марта.

Летом 1915 г. были совершены крупные кражи. В ночь на 5 июля у мещанина Василия Леонтьева Морозова, проживавшего по улице Александровской, 13, прислуга украла золотых и других ценных вещей на 2647 р. Она поступила на службу 2 июля и после совершенной кражи скрылась. Удивительно, что «личность ее совершенно неизвестна», как сообщалось читателям[1].

Через 10 дней в ночь на 15 июля у томского купца Семена Мартынова Бера «чрез открытое окно второго этажа» было украдено золотых и бриллиантовых вещей на 1320 р.[2]

Вором оказался крестьянин Томского уезда Яков Ефимов Горденко, которого арестовали 18 июля вместе с уличенными в разных кражах крестьянами Пермской губернии Александром Игнатьевым Поповым, Тобольской губернии Александром Дорофеевым Патченко, томскими мещанами Анатолием Семеновым Зубановым и Николаем Тимофеевым Ветошкиным, а также содержателем харчевни Георгием Манаковым, обвинявшимся в приеме краденных вещей и укрывательстве их. Вместе с перечисленными ворами был арестован возчик Дмитрий Ващенко[3].

Групповые кражи и грабежи имели уже сложившиеся традиции в городе. 1908 г. – 10 сентября Екатеринбургский мещанин А.И. Саломенников из деревни Калиновки, где он жил, ехал в Томск. Напротив кирпичных сараев по Иркутскому тракту он сошел с телеги, чтобы отыскать дорогу, так как было очень темно. В нескольких шагах от телеги на него напали 6 человек, сняли с него армяк, сапоги, часы, из кармана брюк вытащили бумажник с 400 р. После этого грабители ушли к сараям[4].

14 октября 1908 г. на товарном дворе станции Томск «по подложному дубликату» было выдано 13 мест обуви, адресованных фирме Желябо, стоимостью в 7000 р. Позже удалось найти получившего, он сказал, что ему было поручено получить обувь и доставить по адресу. Найти исчезнувшее не удалось. Вывод о том, что это был результат действия организованной шайки грабителей, представляется обоснованным[5].

Узнав, что известный грабитель Григорий Карандин скрывается в доме Чирикова по Знаменской улице, пристав 2-го участка Чекстер в сопровождении околоточных надзирателей Касьянова и Смирнова в 3 часа ночи на 18 декабря арестовал его[6].

---

[1] *ТВ*. 1915. 8 июля.
[2] Там же. 17 июля.
[3] Там же. 22 июля.
[4] *ГТ*. 1908. 12 сент.
[5] Там же. 16 окт.
[6] Там же. 20 дек.

В конце 1910 г. разыскивались обвиняемые в кражах: крестьянка Мария Кирилловна Копылова, крестьянин Николай Филиппов Борзунов, Мариинский мещанин из ссыльных Василий Иванович Кауфельд, крестьянка Тюкалинского уезда Серебренниковской волости Никандра Федоровна Зенченко[1].

4 февраля 1915 г. в Томском окружном суде рассматривалось дело по обвинению Веры Золотаревой и Георгия Конакотева, стрелка 31-го Сибирского полка, отсидевшего за побег с гарнизонной гаупвахты два с половиной года в арестантском отделении.

В. Золотарева – прислуга, занимавшаяся обворовыванием своих хозяев в Красноярске, Иркутске, Томске. Поступив прислугой к супругам Малкиным, в первый же день, воспользовавшись уходом хозяев в кино, со своим сожителем Конакотевым взломала ящик у стола и буфета и похитила разных золотых и серебряных вещей на сумму около 1000 р. Оба скрылись из Томска. Но были пойманы и преданы суду, который приговорил Золотареву к заключению в тюрьму на 3 года, Конакотева – к заключению в арестантское отделение на год[2].

Воры являлись на квартиры под разными видами. Утром 25 января 1908 г. в дом советника губернского управления в Никольском переулке после его ухода на работу пришли два человека, назвавшиеся дроворубами. В доме никого, кроме девочки, не оказалось. Один грабитель держал ее, а другой искал, «что бы взять». В спешке взяли то, что «попало на глаза», – часы и револьвер с патронами к нему[3].

11 февраля 1915 г. в 5 часов вечера по улице Белинской, 32, из квартиры врача Варвары Федуловой была похищена на беличьем меху детская шуба стоимостью в 130 р. Украл ее молодой человек, явившийся под видом «счетчика электрических лампочек». Под предлогом проверки электрических лампочек, возможно, он же 13 февраля у мещанина Михаила Осиповича Тайца (на улице Миллионной, 18) в 12 часов дня украл золотых вещей на 113 р.[4]

14 апреля 1915 г. в квартире жены канцелярского служителя Надежды Праздниковой было обнаружено разных книг на сумму в 25 р. 45 к., они были также обнаружены в лавке Сердобского мещанина Никиты Бакатина на 1494 р. 55 к. Все эти книги оказались похищенными в разное время служащими магазина Макушина. Кража книг совер-

---

[1] *ТГВ*. 1910. 5 дек.
[2] *ТВ*. 1915. 6 февр.
[3] *ГТ*. 1908. 27 янв.
[4] *ТВ*. 1915. 14, 17 февр.

шалась служащим магазина крестьянином Пермской губернии Василием Аокиным, пермским мещанином Виктором Мазанским и бывшей приказчицей Надеждой Праздниковой. По данному делу были привлечены к ответственности и обвиняемые в покупке заведомо краденого крестьяне Томского уезда Исай Фурман и Николай Попов[1].

Летом 1915 г. томской сыскной полицией была задержана орудовавшая в Томске шайка молодых воров. Она успела совершить целый ряд мелких краж и одну крупную. У них было отобрано много похищенных вещей, из которых часть похитители уже успели сбыть. Арестован был и скупщик краденого[2].

В целях более оперативной работы по раскрытию преступлений, связанных с кражами и грабежами, летом 1915 г. был увеличен штат городовых томской полиции на 50 человек[3].

Появилась возможность розыска воров, совершивших кражи несколько месяцев назад, задерживать их по свежим следам преступления[4].

Жизнь шла своим чередом. Воров и грабителей вылавливали, но крупные грабежи и кражи не прекращались. Криминогенная ситуация в городе оставалась крайне опасной. Никто, нигде не был застрахован от действий злоумышленников.

---

[1] *ТВ*. 1915. 17 апр.
[2] Там же. 21 июля.
[3] Там же. 25 июля.
[4] Там же. 18, 21, 26 авг.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКЕ

Общеизвестно, что лишь через 140 лет после основания Томска в городе открылась первая школа, в которой обучались дети церковнослужителей. До открытия в 1789 г. малого народного училища она была единственным учебным заведением в Томске. Курс обучения чтению, письму, арифметике, грамматике, Закону Божьему длился 2 года.

С помощью только двух этих учебных заведений в городе поднять уровень грамотности жителей было практически невозможно. Неграмотными были даже представители городских верхов. Показательна в этом плане рекомендация городской думы, принятая на одном из ее заседаний в 1792 г.: чтобы члены думы купцы Закревский, Быков и Неупокоев «для утверждения следующих по должности дел» сделали «именные печати непременно», так как никто из них «грамоте читать и писать» не умел, «по просьбе их» постановления подписывали «сей же думы протчия члены»[1].

В первой половине XIX в. были сделаны первые шаги в обучении детей в новых образовательных учреждениях с открытием в 1892 г. приходского начального училища и первой мужской гимназии в 1838 г. Со второй половины XIX в. Томск постепенно превращается в центр просвещения.

---

[1] *Жеравина А.Н.* Томск в XVIII веке // Томску 375 лет: Сб. статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 41–42.

ТОМСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Открытие гимназии

Вопрос об открытии в Томске гимназии поднимался вскоре после превращения города в губернский центр. В 1806 г. директор училищ Томской губернии обратился к попечителю Казанского учебного округа с соответствующим ходатайством. Однако открытие гимназии им сочтено было преждевременным. Причины этого усматривались в отсутствии просторного дома, постройкой которого должно было заняться местное общество. В 1811 г. директор училищ предложил городской думе взять на себя расходы по строительству дома для гимназии, но «за неимением средств» дума отказалась выполнить это предложение. Еще через пять лет поднимался вопрос об открытии гимназии, но вновь из-за отсутствия помещения для нее и недостатка средств он остался открытым. Между тем за годы, прошедшие после превращения Томска в 1804 г. в губернский центр, выросла потребность в образованных людях. Удовлетворить ее не могли ни уездные, ни тем более начальные приходские училища.

В 1828 г. вышел царский указ, предусматривавший открытие в каждой из сибирских губерний по одной гимназии. В двух губерниях – Иркутской и Тобольской – гимназии уже существовали. В Иркутске в гимназию было преобразовано главное народное училище в 1806 г., в 1811 г. открылась гимназия в Тобольске. Гимназическое образование в Томске прошло нелегкий путь становления и развития.

Министерство народного просвещения необходимость открытия гимназий в Сибири на основании указа Николая I мотивировало потребностью в образовании людей не только для службы в учреждениях, но и для работы в школах. Оно видело выход в обеспечении школ учителями из жителей Сибири, людьми, привыкшими «к тамошнему климату и не ожидающими с нетерпением окончания положенного срока, чтобы оставить столь отдаленный край и возвратиться в Европейскую Россию»[1]. Со времени издания высочайшего указа прошло немало лет, а

[1] *Город* Томск в 1912 г. Томск, 1912. С. 18.

решение проблемы открытия гимназии не сдвигалось с места. В 1834 г. Николай I, ознакомившись с содержанием рапорта томского губернатора Н.А. Шленева, особое внимание обратил на недостаток учителей в Томской губернии.

В 1838 г. томский губернатор обратился с просьбой к генерал-губернатору Западной Сибири князю П.Д. Горчакову связаться с Министерством народного просвещения для решения вопроса о наборе учителей для гимназии. Однако публикации приглашения по распоряжению министра на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» оказались безуспешными. После этого министр народного просвещения предложил попечителю Казанского учебного округа определить для томской гимназии преподавателей российской грамматики, географии, математики из выпускников университета или даже из чиновников, состоявших «на учебной службе» и зарекомендовавших себя «с хорошей стороны»[1]. Назначенный директором И.Г. Новотроицкий, выпускник Санкт-Петербургского педагогического института, уже имел опыт работы в Иркутской гимназии в качестве старшего учителя. В Томске он жил с 1820 г., будучи переведенным сюда на должность директора училищ Томской и Енисейской губерний. Он принял первых учителей гимназии. Ими стали П.А. Соболев (законоучитель уездного училища), Т.В. Лукин, сначала назначенный на преподавание латинского языка, но вскоре переведенный на должность учителя истории и статистики, которую он занимал до приезда в Томск в Тобольской гимназии. Выпускник Санкт-Петербургского педагогического института Я.С. Сергеев был определен учителем русского языка и географии. Очень недолго работал в гимназии В.А. Вешняков, удостоенный Академией художеств звания «рисовального учителя в гимназиях». В мае 1838 г. он был принят в штат гимназии, а в 1840 г. его сменил учитель черчения и рисования П. Монументов, перешедший сюда из уездного училища. Учителем математики и немецкого языка был временно назначен учитель уездного училища. Вскоре преподавать немецкий язык стал смотритель этого училища Ф.В. Вячеславов.

На выделенные для гимназии средства началась подготовка нескольких учащихся в Тобольской гимназии для работы в Томске. Комплектование штата учителей гимназии растянулось на многие годы. В 1840 г. появился первый учитель латинского языка И.И. Голдинский с

[1] *Мисюрев А.А.* Томская губернская гимназия в первое пятидесятилетие её существования (1838–1888). Томск, 1894. С. 4.

университетским образованием. До прибытия в Томск он работал преподавателем Мозырского уездного училища для дворян. Тогда же был переведен из Тобольской гимназии окончивший Казанский университет учитель законоведения и судопроизводства А.А. Романов.

Комплектование штата учителей гимназии шло значительно медленнее, чем это требовалось для организации учебного процесса. Мало кого могли прельстить привилегии, которые были обещаны учителям сибирских гимназий (полная пенсия при двадцатилетнем стаже работы, прибавка к жалованию через каждое пятилетие). Заметно пополнился штат учителей гимназии в 1841 г., когда в Томск приехали выпускники Санкт-Петербургского университета А.В. Латышев (учитель судопроизводства), И.К. Виноградов (учитель русского языка), Ф.М. Тоннар (учитель французского языка). К 1859 г. из них остались в гимназии только Я.С. Сергеев и И.К. Виноградов[1].

Непростым делом оказался подбор служителей при гимназии, от которых в немалой степени зависело обеспечение должного порядка и чистоты. Сложность решения этой проблемы была связана с обязанностью нанимаемых служителей на небольшое жалование не только питаться, но и приобретать форменное обмундирование за свой счет. В сторожа гимназии старались нанимать отставных солдат, но им выгоднее было работать на золотых приисках. К середине 40-х гг. директору удалось добиться удвоения жалования служителям в целях укомплектования положенного штата их в количестве шести человек.

К открытию гимназии не был решен вопрос о ее местоположении. В самых высоких инстанциях многократно решался вопрос о необходимости строительства специально предназначенного для гимназии здания. Весной 1838 г. генерал-губернатор Западной Сибири распорядился о составлении Томской строительной комиссией проекта, сметы и пояснительной записки к постройке здания. Министр народного просвещения С.С. Уваров обещал ходатайствовать в Государственном совете о положительном решении вопроса. Но из-за недостатка средств, необходимых на постройку здания, она откладывалась на неопределенный срок.

Было решено открывать гимназию в каком-нибудь арендованном доме, на что город в 1837 г. получил 4 тыс. р., предназначенных и на заказ мебели для гимназии. После долгих поисков и переговоров с домовладельцами Томска остановились на аренде дома купчихи Е. Хлеб-

[1] *ТГВ*. 1894. 16 янв., 3 февр.

никовой. В его подвале, еще ранее сданном хозяйкой дома в аренду, была винная лавка, не исчезнувшая и с открытием гимназии. В лавку с грохотом вкатывали бочки, ходили многочисленные посетители, встречаемые и провожаемые собаками, которые часто не давали гимназистам войти в дом или выйти из него. Размещение гимназии в доме Е. Хлебниковой предполагалось временным. Занятия начались 11 декабря 1838 г. Первые два класса гимназии были скомплектованы путем перевода в нее 25 учеников из II и III классов уездного училища.

В дополнение к отмеченным неудобствам, в доме Е. Хлебниковой оказались неисправными печи и не вычищеными трубы. Гимназисты задыхались от дыма, когда затапливали печи. Занимались учащиеся двух классов за одним обеденным столом. А с открытием новых классов оказалось, что для их размещения не хватает комнат в арендованном доме. Из-за скученности на каждого воспитанника воздуха приходилось в несколько раз меньше, чем предусматривалось санитарными нормами, рассчитанными гигиенистами Швейцарии. В гимназии не было возможности для проветривания комнат даже после установки вытяжных вентиляторов, так как воздух поступал из сырого подвала в старом доме, построенном на низменном и болотистом месте. Совершенно негде было хранить книги и тетради из-за отсутствия необходимых для этого шкафов. Не случайно вскоре после открытия гимназии был составлен план постройки для нее собственного дома. Но из-за отсутствия средств к постройке его не приступали, хотя от идеи решения этого вопроса не отказывались.

В 1841 г. землемеру Шабанову было поручено избрать место под здание. Он указал его в Юрточной части города. Как оказалось, оно было намечено еще в 1839 г. В 1842 г., когда вновь вернулись к этому вопросу, учитывалось, что здание следовало рассчитывать на обучение в гимназии 200 учащихся и содержание 40 из них в пансионе. Однако в очередной раз дело ограничилось лишь обсуждением важнейшего для дальнейшей судьбы гимназии вопроса. Между тем решать все проблемы ее функционирования приходилось, исходя из реальной ситуации. Поэтому в том же 1842 г. нашли выход в дополнительной аренде для гимназии по соседству с ней верхнего этажа дома купеческого сына Н. Верещагина.

Сменивший к тому времени И.Г. Новотроицкого новый директор гимназии И.А. Сухопрутский занялся приобретением отдельных столов для занятий, шкафов, табуреток. Он считал совершенно неотложным делом создание и оборудование физического кабинета. Без него не мыс-

лилось преподавание физики в уже открывшемся IV классе. Требовалось также приобретение приборов для занятий по тригонометрии и аппарата для получения кислорода и водорода. Составленный И.А. Сухопрутским перечень всего необходимого для физического кабинета был рассмотрен в Министерстве народного просвещения. В сокращенном варианте его признали необходимым и для всех вновь открываемых в России гимназий.

В последующие годы вновь и вновь возникал вопрос о строительстве здания гимназии. В 1843 г. Министерство народного просвещения рассмотрело еще раз план его возведения. И вновь дело ограничилось лишь разговорами. По ходатайству нового директора П.В. Клейменова удалось перевести гимназию в здание, построенное для уездного училища, которое разместили в доме Хлебниковой.

Довольно долго большинство классов находились в училищном здании (с 1844 г.) и с середины 50-х гг. – в доме надворной советницы Ф.М. Гуляевой.

Одновременно предпринимались попытки решения вопроса о компактном размещении гимназии в здании приказа общественного призрения. Но все же более необходимым считалось строительство нового здания, для чего требовалось изыскание необходимых средств. К 1858 г. в распоряжении гимназии оказалось более 17 тыс. р., накопившихся за счет остатков денег вследствие недокомплектования штата преподавателей, а также частично – за счет недокомплектования пансионеров. Но в следующем году эти деньги по распоряжению министра народного просвещения были переданы государственному казначейству на погашение внутреннего государственного долга.

Впоследствии в течение многих лет вопрос о строительстве здания не поднимался. А после окончания войны 1877–1878 гг. вообще запрещено было ходатайствовать о каких-либо ассигнованиях. Вся надежда возлагалась на организацию частной подписки, высочайше разрешенной 28 декабря 1879 г. Но к 1884 г. она дала всего около 620 р. при необходимых 90 000 р.[1] 12 апреля 1880 г. «Томские губернские ведомости» опубликовали приглашение к сбору пожертвований на постройку в г. Томске здания для мужской гимназии.

Еще раз подчеркивалась настоятельная необходимость строительства здания для гимназии за неимением вообще в Томске таких обширных частных зданий, которые могли бы при найме их удовлетворять всем

[1] *ТГВ*. 1894. 5 апр.

потребностям ее размещения». Нанимаемые квартиры, разбросанные по разным кварталам города, «нисколько не соответствуют цели своего назначения: тесные, душные, мрачные», в них «неизбежно портится и страдает здоровье учащихся». А им, «напротив, следовало бы вынести из гимназии и сохранить нетронутое здоровье для дальнейшего научного образования в университете и, потом, для государственной и общественной службы». Но при отсутствии соответствующего потребностям гимназии помещения возникала угроза отказа в приеме в нее приходящих учеников, не было возможности для содержания в пансионе более «своекоштных» воспитанников.

Размещение отдельных от помещений гимназии по разным квартирам директора, инспектора и воспитателей затрудняло «правильный и постоянный надзор за пансионерами и приходящими учащимися».

В публикации обращалось особое внимание на то, что в тех условиях, в которых ведется обучение и воспитание гимназистов, «не может быть вполне успешного ни физического, ни даже нравственного и религиозного» их воспитания. «Поэтому главная задача – постройка здания для гимназии».

«Губернские ведомости» выражали надежду на то, что «все сословия отнесутся сочувственно к нуждам Томской мужской гимназии и, своими доброхотными пожертвованиями, дадут возможность, в скором будущем, осуществить постройку здания для гимназии»[1].

По мере возрастания числа учащихся уже не хватало места для их размещения в здании уездного училища и доме Гуляевой. Поэтому вновь пришлось прибегать к найму помещений. В разные годы классы гимназии находились в домах Серебренникова, Фомина, Кобылина, Некрасова, Шумилова.

Оставалась нерешенной проблема освещенности в классных комнатах, соблюдения элементарных санитарно-гигиенических условий в помещениях гимназии, что отрицательно сказывалось на состоянии здоровья учащихся и педагогов. В 1880 г. было установлено ухудшение зрения у 100 из 246 учеников, отмечены многочисленные обращения многих из них к врачу на большой перемене с жалобами на головную боль, головокружение, тошноту.

На протяжении нескольких десятилетий в доме Ф.М. Гуляевой размещались старшие классы, пансион, физический кабинет, канцелярия директора. После продажи хозяйкой своего дома все они были переме-

[1] *ТГВ*. 1880. 12 апр.

щены по высочайшему соизволению от 29 декабря 1886 г. в комнаты среднего этажа главного корпуса университета. Младшие классы, наиболее многочисленные, библиотека и кабинет естественных наук оставались в доме уездного училища – на расстоянии в три версты от университетского корпуса. Нетрудно представить, какие неудобства испытывали и учителя и учащиеся гимназии, работая в таких условиях.

Одновременно в том же 1886 г. была составлена новая смета с учетом средств, необходимых для постройки собственных зданий гимназии. Уже более 100 тыс. р. требовалось для решения этой проблемы. Рассчитывать на получение всей необходимой суммы не приходилось. Прошло еще несколько лет, пока наконец, летом 1892 г. министр народного просвещения разрешил с весны 1893 г. приступить к постройке здания гимназии, используя 50 тыс. р., находившихся в Томском губернском казначействе. Остальные деньги с позволения министра предполагалось отнести на счет строительного капитала, предусмотренного Министерством для средних учебных заведений России.

Весной 1893 г. Томская городская дума отвела место под строительство возле городского сада стоимостью в 2604 р. Строительство гимназии совпало с прокладкой в Сибири железной дороги, что сопровождалось ростом цен на строительные материалы и работы. Сверх ранее запланированных 100 тыс. р. потребовалось дополнительно около 20 тыс. р. на сооружение здания гимназии, а с расходами на постройку каменных служб, деревянного забора, прокладку каменного тротуара общая сумма составила около 127 тыс. р.[1] Таким образом на шесть с лишним десятилетий в Томске опоздали со строительством специального здания для гимназии, которое завершено было в 1899 г. рядом с городским садом. И сразу же стало очевидно, что помещений в нем не хватит для ее нормального функционирования

Материальная база гимназии

С немалыми трудностями сопряжено было выполнение учебной программы не только из-за столь долгой нерешенности проблемы строительства здания гимназии. Гимназистам первого выпуска не удалось обеспечить преподавание физики с применением приборов, которые стали поступать в Томск после окончания ими обучения. Бывший учитель Санкт-Петербургской гимназии, в 1844 г. ставший директором

[1] *ТГВ*. 1894. 5 апр.

гимназии в Томске, столкнулся с тем, что «для успешного хода учебно-воспитательного дела многого не хватает». П.В. Клейменова прежде всего озадачило то, что «и количественно, и качественно» библиотека не отвечала задачам обучения и воспитания учащихся. Длительное время она формировалась совершенно бессистемно, в основном за счет частных пожертвований.

Подаренные бывшим инспектором гимназии И.П. Княжицким 14 книг на французском языке, 94 тома, поступившие в дар от коллежского асессора В. Беляева, около 80 томов – от дочери коллежского советника Боннар тоже на французском языке не могли быть востребованы в учебном процессе.

В бюджете гимназии на пополнение библиотечного фонда предусматривались мизерные суммы. В 1850 г., например, они составили 214 р. 28 к., или 3,5 % от общей штатной суммы гимназии, отпускавшейся тогда на ее содержание. В 2,5 раза больше, чем отпускалось на приобретение книг и учебных пособий, тратилось на аренду помещений для гимназии[1].

Фундаментальная библиотека при гимназии к началу 50-х гг. располагала 1250 томами книг. В 1862 г. к ней была присоединена городская библиотека, появившаяся в Томске до открытия гимназии. Но в 1866 г. главный инспектор училищ распорядился о закрытии для горожан библиотеки при гимназии с возвращением книг городу.

Редкий, поистине счастливый случай выпал для гимназии в 1887 г., когда для учеников старших классов были приобретены ценные учебные пособия по русскому языку, истории, древним языкам. Всего книг было тогда куплено на 900 с лишним рублей. На заведение приличной мебели было потрачено около 930 р., за 360 р. куплен токарный станок. Тогда же были приобретены пособия по рисованию, которое преподавалось, хотя в учебной программе было разрешено позднее, с 1890 г. Для эстетического развития учеников в гимназии появилась фисгармония (за 408 р.). Немалые усилия к развитию вкуса учеников к классической музыке и к «благородному препровождению времени, свободного от занятий» прилагал учитель французского языка Р.К. Сирен, его дело затем продолжил бывший ученик гимназии, ставший ее учителем,

[1] *Исторический* ход народного образования в Томской губернии // Памятная книжка Томской губернии на 1885 г. Томск, 1885. С. 9–11, 14, 23; *Город* Томск в прошлом и настоящем. С. 35, 37.

В.П. Никонов. Он организовал из гимназистов оркестр и немало своего времени «безмездно» отдавал занятию с ними музыкой[1].

Покрытие части затрат на строительство здания гимназии субсидиями со стороны Министерства народного просвещения затем долгие годы сказывалось на том, что оно постоянно, ссылаясь на долги, отказывало в выделении каких-либо средств. Гимназия остро нуждалась в них для создания нормальных условий в организации учебного процесса, проведения мероприятий общегимназического характера.

Долго не было возможности для создания ученической библиотеки. Начало ей было положено в 1864 г. пожертвованными И.Д. Асташевым деньгами в размере 1000 р.[2] Для обладавшей старинными изданиями, поступившими в течение многих лет от частных жертвователей, фундаментальной библиотеки в последние десятилетия XIX – начале XX в. почти не выписывались новые книги[3].

Организация учебного процесса

Может быть, удивительно то, как в непростых условиях функционирования гимназии осуществлялось обучение гимназистов. С первых лет открытия гимназии педсовет признавал необходимым обратить внимание на развитие мышления и самостоятельности учеников. От них требовали умения передавать содержание прочитанного материала своими словами, не придерживаясь при ответах «буквы руководства».

Большое значение придавалось практическим занятиям по устному и письменному переводу, упражнениям в правописании и сочинениях на русском, немецком и французском языках. Кстати, преподавание французского языка началось раньше, чем оно было предусмотрено учебной программой. Началось оно по инициативе уже упоминавшегося инспектора И.П. Княжицкого, человека обширных познаний. Он прибыл в Томск из Виленского университета. Узнав о желании части учеников заняться изучением французского языка, взялся за это дело «безмездно».

---

[1] *Памятная* книжка Томской губернии на 1910 г. Томск, 1910. С. 312; *Город* Томск в прошлом и настоящем. С. 36; *ТГВ*. 1894, 17 марта; *Город* Томск в 1912 г. … С. 19; *Исторический* ход народного образования в Томской губернии… С. 312.

[2] *ТГВ*. 1894. 24 февр.

[3] *Исторический* ход народного образования в Томской губернии… С. 10–11; *ТГВ*. 1894. 26 марта.

С конца 40-х гг. XIX в. произошли заметные изменения в соотношении часов, отводившихся на изучение разных предметов. По уставу 1828 г. один учитель вел уроки по русскому языку и географии. В 1849 г. было признано необходимым увеличить число уроков по географии за счет сокращения времени, отводившегося до этого на изучение законоведения. В гимназии появилась сверхштатная должность преподавателя географии. Изучение латинского языка оставили обязательным только для тех, кто готовился к поступлению в университет. В итоге вместо двух учителей латинского языка и законоведения с судопроизводством оставили по одному преподавателю.

С начала 50-х гг. стало больше внимания уделяться прививанию учащимся IV класса навыков чистописания, каллиграфии, V класса – переписке деловых бумаг, VI–VII классов – составлению и переписке деловых бумаг, что считалось необходимым для будущих чиновников.

Когда в начале XX в. обнаружилось, что многие ученики гимназии и реального училища изъявляли желание освоить стенографию, учитывая практическую значимость этого предмета, его ввели в гимназии, а также в остальных учебных заведениях Томска[1].

Учитывая, что, «происходя из бедной и необразованной части», воспитанники почти не читали книг, с целью «приучения их к правильному, точному, ясному изложению мысли путем ознакомления с литературой, особенно русской», в гимназии стали практиковаться литературные беседы.

Еще в конце 50-х гг. XIX в. на основании высочайше утвержденного положения от 12 апреля 1859 г. управление гимназии, как и всех учебных заведений Западной Сибири, вверялось генерал-губернатору. При нем учреждалась должность главного инспектора училищ «для надзора и направления учебной части». В его обязанность входило наблюдение «за правильным и добросовестным исполнением своих обязанностей всеми чинами учебного ведомства и за сохранением в учебных заведениях всех предписанных правил по части педагогической, административной и хозяйственной».

Положением предусматривалась регулярная ревизия, причем требовалось обращать внимание «на общее направление и дух воспитания юношества… на степень развития в учащихся нравственного образования, на способности и познания учителей, на состояние библиотек и учебных пособий, на удобства училищных помещений». Предполагался строгий контроль за правильным расходованием средств, ведением от-

[1] *ГТ*. 1908. 12 февр.

четности по расходам, составление ежегодных отчетов «о состоянии учебной части и выполнении распоряжений Министерства».

Однако выполнение всего, что предусматривалось Положением, не было подкреплено необходимой материальной базой из-за постоянного дефицита денежных средств, которые отпускались без учета реальных потребностей гимназии для создания библиотеки с соответствующим учебной программе книжным фондом, учебных пособий и кабинетов, без которых немыслимо было осуществить выработку у гимназистов практических навыков к будущей профессии. Нельзя сказать, что потребность в этом не учитывалась. В начале 1859 г. генерал-губернатор предлагал введение в гимназии курса технологии. На это директор училищ ответил, что «подобное учреждение было бы весьма полезным» в виду того, что «заводское производство самых обыкновенных изделий» (юфти, свеч, масла растительного и т.д.) находится в Томской губернии «в младенческом состоянии». О производстве многих «заводских произведений» (лаков, минеральных и растительных красок, сургуча) «никто не думает, и многие капитальные люди едва ли даже имеют о производстве этих продуктов какое-либо понятие». Поэтому знакомство учащихся гимназии (в основном детей мещан и купцов) с технологией могло бы способствовать «водворению в крае многих непочатых производств». Но для основательного изучения технологии необходимо было знание химии, создание лаборатории, наличие особого помещения для хранения химических ингредиентов и «других принадлежностей».

Гимназия же располагалась в наемном доме, в котором не хватало комнат не только для лаборатории, но и для классов и пансиона.

С учетом вышесказанного генерал-губернатор высказался за учреждение при гимназии для желающих дополнительных классов с изучением городской и сельской архитектуры и коммерческих наук. Поскольку никто из учителей гимназии не занимался архитектурой, предложено было одному из членов строительной комиссии прочесть в зимние месяцы элементарный курс архитектуры для гимназистов старших классов, пожелавших прослушать его. Зимой 1859/60 уч. г. был прочитан 24-часовой курс инженером-поручиком Фадеевым.

В конце 1861 г. по предложению генерал-губернатора и ходатайству главного инспектора училищ Западной Сибири в гимназии открыли кафедру естественных наук (ее возглавил выпускник гимназии 1853 г.), что явилось непростым делом. Пришлось изыскивать средства на жалование учителю «из суммы, собираемой за учение» – по штату Томской

гимназии такого жалования не полагалось. Естественно, появилась острая необходимость в пособиях. Попечитель гимназии коллежский советник И.Д. Асташев пожертвовал 97 названий книг (150 томов), микроскоп, модель уха, глаза, сердца, собрание образцов кристаллов, пинцет, ножницы, крючок, зонд, скальпель, скелет человека, всего на сумму в 823 р. 55 к.

С начала 60-х гг. в гимназии уже около 2 лет велись уроки лепки из гипса и резьбы из дерева. Вел эти занятия учитель рисования и художник П.М. Кошаров, который, по свидетельству коллеги Д. Кузнецова, «добровольно принял на себя труд обучения – и надобно откровенно сказать, – с большим успехом». Работы учеников, как писал Д. Кузнецов, «не по нашему только личному суду, но и по суду других лиц, весьма удовлетворительны». Они заслужили одобрение генерал-губернатора Западной Сибири и главного инспектора училищ. Независимо от того, существовали ли в какой-нибудь другой гимназии России подобные уроки, но верным признавалось то, что «если они полезны во всяком учебном заведении, то еще гораздо более приносят пользы в здешней гимназии, где… нет ни уроков гимнастики, ни уроков музыки и танцевания. Воспитанники в леплении гипсовых моделей и в резьбе из дерева находят для себя и приятное и полезное занятие… заменяющее для них отсутствие помянутых уроков».

По заключению Д. Кузнецова к началу 60-х гг. «много было сделано… добрых начинаний, надо, чтобы они не останавливались в своем пути, а развивались более и более и приносили всеми желаемые удовлетворительные плоды».

Важным явилось начало с 60-х гг. чтений воскресных лекций по физике.

О приемных экзаменах для поступающих в Томскую губернскую гимназию

По уставу от 30 июля 1871 г. при гимназии открылся подготовительный класс и было введено преподавание греческого языка, что придало гимназии характер классической. Педсовет беспокоила слабая подготовленность для учебы в гимназии поступавших в I класс, особенно по русскому языку и арифметике. В октябре 1875 г., проанализировав итоги очередного приема учащихся в I класс, педсовет поместил в «Томских губернских ведомостях» объявление с предупреждением родителям, что с плохой подготовкой их дети впредь приниматься в гим-

назию не будут. Педсовет просил родителей и воспитателей в процессе подготовки детей к поступлению в гимназию строго руководствоваться программами учебных планов, предусмотренных Министерством народного просвещения для усвоения в приготовительном классе. Родителям настоятельно рекомендовалось избегать обращения при подготовке детей к поступлению в гимназию к людям «мало к тому способным и ненадежным»[1].

В числе первых учащихся гимназии в I и II классах были двое детей канцелярских служителей и 23 офицерских детей. О численности учащихся в разные годы см. табл. 1.

Таблица

Численность учащихся гимназии в разные годы

Дети	1850 г.	1852 г.	1887 г.	1889 г.
Дворян	43	72	134	141
Чиновников	25	–	–	–
Купцов	10	4	103	91
Мещан	12	9	–	–
Ремесленников	–	–	–	–
Канцелярских служителей	3	1	–	–
Крестьян	6	–	10	9
Казаков	–	6	–	–
Духовных лиц	–	–	9	8
Прочих	–	–	3	6
Итого	96	92	259	255

Приведенные материалы свидетельствуют о росте с годами общего числа учащихся, а также о их сословной принадлежности. При сохранении преобладания среди воспитанников гимназии детей чиновников с годами наблюдаются существенные перемены в сословной принадлежности гимназистов. К 1850 г. отмечено наличие среди них выходцев из купеческих, мещанских, крестьянских семей. В том же году в гимназию было принято еще четыре воспитанника Асташевского приюта. Позднее среди учащихся гимназии оказались дети казаков, духовных лиц. В 80-е гг. в гимназии училось несколько детей «прочих».

В абсолютном большинстве среди учащихся были томичи, по три ученика из Барнаула и Ачинска, по одному из Колывани, Кузнецка, Бийска, Енисейска, Усть-Каменогорска, Троицкого и Сузунского заводов.

Учащиеся были разного вероисповедания (табл. 2).

[1] *ТГВ*. 1875. 11 окт.

Таблица 2

Распределение учащихся гимназии по вероисповеданию

Годы	Православные	Католики	Протестанты	Иудеи
1887	212	18	8	21
1889	206	17	8	22

В 1889 г. из 253 гимназистов 207 жили с родителями или родственниками, 28 содержались в пансионе, 18 жили на частных квартирах[1]. По данным за многие десятилетия со времени открытия гимназии можно составить представление о характере изменений в численности учащихся (табл. 3).

Таблица 3

Изменение численности учащихся в разные годы

Годы	1838	1848	1858	1868	1878	1888	1908	1910	1912
Число уча-щихся	25	94	124	192	207	255	519	539	650

За семь десятилетий, с 1838 по 1908 г., число учащихся выросло в 20 с лишним раз, а к 1912 г. – в 26 раз[2]. Большую возможность для исследования общей тенденции в изменении численности учащихся дают материалы, характеризующие ее не по десятилетиям, а в промежутке между ними. Например, в 1853 г. в связи с заметным сокращением общего числа учащихся губернатор обратился к томским чиновникам с предложением активнее определять своих детей для учебы в гимназии. Это было продиктовано потребностью присутственных мест в образованных людях.

Одновременно был облегчен прием в гимназию детей купцов 2-й и 3-й гильдий, а также детей мещан. Это произошло задолго до утверждения устава 1864 г., когда детям представителей указанных сословий было позволено поступать в гимназию без предъявления увольнительного свидетельства от общества, к которому они принадлежали. Сибирские гимназии таким разрешением пользовались уже в 1853 г. В этом заключалась одна из главных причин заметного увеличения числа учащихся со 101 в 1853 г. до 117 в 1854 г., 128 в 1855 г. и 139 в 1856 г.[3] На основании Высочайше утвержденного 19 января 1864 г. устава гимна-

---

[1] *Исторический* ход народного образования в Томской губернии… С. 9–11; *Город* Томск в прошлом и настоящем… С. 35, 37.

[2] *Памятная* книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871. С. 312; *Город* Томск в прошлом и настоящем…. С. 18, 36.

[3] *Исторический* ход народного образования в Томской губернии… С. 10–11.

зий и прогимназий в томскую гимназию стали приниматься дети без различия сословной принадлежности и вероисповедания. А на свободные в пансионе «казеннокоштные» места принимались преимущественно дети чиновников.

Общий прием в гимназию производился перед началом учебного года в августе месяце. Но педсовет мог принимать учащихся и в течение всего учебного года при наличии уважительной причины или не успевших записаться на прием в гимназию в положенный срок. Обязательным условием являлось прохождение предварительного испытания с целью выяснения уровня общего развития испытуемого и знаний, необходимых для усвоения программы того класса, в который родители желали записать своего сына.

В первый класс принимались мальчики с десятилетнего возраста. Для поступления в него требовалось умение читать и писать по-русски, наличие некоторых навыков в письме под диктовку, в передаче своими словами прочитанного, знание главных 16 молитв, сложения, вычитания, таблицы умножения. К началу 70-х гг. считалось желательным при поступлении в первый класс уметь читать и писать на церковнославянском, латинском, французском, немецком языках[1].

Организация учебного процесса предусматривала не только проведение занятий по обязательным предметам. В гимназии уделялось серьезное внимание тому, чтобы учащиеся умели правильно ходить, избавлялись от «провинциализма» в речи, умели правильно ставить ударения, обращаться друг с другом, соблюдать дисциплину и установленные в гимназии порядки и нормы поведения в классе и пансионе.

Обязательным условием для перевода в следующий класс являлось получение по каждому предмету в среднем не менее трех баллов. Учащиеся, имевшие способности, но не отличавшиеся прилежанием, при наличии трех баллов переводились в следующий класс с предупреждением о переводе «в низший класс в случае малоуспешности».

Контроль за поведением и успеваемостью гимназистов

Важную роль в воспитании гимназистов, организации контроля за их успехами отводилась надзирателю. В его обязанности входил контроль за учебой и поведением гимназистов, живших в городе. Надзира-

[1] *Памятная* книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871. С. 156–157.

тель приходил в гимназию за час до начала занятий. По разработанной в 1852 г. особой инструкции в обязанность надзирателя входило появление в гимназии за полчаса до начала занятий. Он должен был «удерживать воспитанников от крика, громкого смеха, непристойных разговоров, ссор и других неприличных поступков». Кроме того, в обязанность надзирателя входило посещение воспитанников в местах их проживания с родителями или на частной квартире. Надзиратель так же должен был вести учет уроков, пропущенных учениками и, что так же случалось, учителями. В случае отсутствия учителя проведение урока также входило в обязанности надзирателя.

Директор гимназии В.П. Клейменов считал более целесообразным поручать выполнение функции надзирателя учителям гимназии с двойной оплатой их труда. Такое совмещение, на его взгляд, могло быть более оправданным, так как кто лучше учителя мог знать, за чем надо наблюдать. Но это предложение директора гимназии осталось без внимания, а без оплаты за надзирательскую должность исполнять ее охотников среди учителей, естественно, не находилось. Одним из первых надзирателей был назначен учитель немецкого языка И.Ф. Боссе, выпускник Дерптского университета, оказавшийся в Томской гимназии осенью 1839 г. Но через два года он отказался от этой должности «за слабостью здоровья». С осени 1841 г. функции надзирателя были возложены на студента Вологодской семинарии Ф.В. Ростиславлева, с 1856 г. – на А.П. Антонова, выпускника Вятской гимназии со званием домашнего учителя. В течение 1868–1870 гг. должность надзирателя исполнял врач гимназии К.И. Ливанов[1].

В 1855 г. в гимназии появилась еще и классная инспекция из лучших учеников. Их называли старшими, у которых были еще и помощники, также из числа лучших учеников. Они являлись в класс раньше других гимназистов и должны были вести наблюдение за порядком и тишиной, немедленно доносить гимназическому начальству о каждом случае любого нарушения или ослушания. За недонесение полагалось не только смещение старшего и его помощника с должности, но и занесение на «черную доску». А за «усердные труды» старшие и их помощники записывались на «красную доску» и пользовались особым уважением преподавателей и начальства гимназии. При встрече на улице гимназисты должны были перед старшими и их помощниками снимать

[1] *ТГВ*. 1894, 19 мая.

фуражку. Не только воспитанники, но и служащие гимназии должны были обращаться к ним на «вы»[1].

В отношении хорошо успевающих гимназистов использовалось поощрение за успехи в учебе и примерное поведение большими и малыми похвальными листами. На торжественном акте 31 августа 1839 г. перед началом второго в гимназии учебного года двух учеников наградили большими похвальными листами, четверых – малыми, 31 августа 1840 г. 10 награжденных, кроме похвальных листов, получили еще и книги. За успехи в учебе в октябре 1841 г. по приказу томского губернатора генерал-майора Татаринова была объявлена «признательность» одиннадцати гимназистам, а «прочим велено быть более старательными и внимательными к своему делу». В ноябре этого же года благодарностей были удостоены 13 учеников. А 16 «малоуспешным» поименно перечисленным ученикам объявлено выше приведенное повеление. В конце учебного года в июне 1842 г. благодарность получили 23 ученика, 10 было сделано замечание, а 28 – «предложено усилить внимание к занятиям учебными предметами курса».

Плохо успевавших гимназистов оставляли на второй год. В 1841 г. из 13 учеников III класса перевели в следующий класс всего 7 человек, из 11 учеников IV класса – 6 гимназистов. В 1847 г. в следующие классы из 80 учащихся перевели 20 человек с предупреждением о возможности перевода их в «низший класс» в случае «малоуспешности». В 1848 г. при ежегодном до этого времени заметном увеличении числа учащихся произошло резкое сокращение его с 125 до 105 в результате исключения «в один прием» 20 гимназистов «за лень и дурное влияние на товарищей». В 1845 г. до окончания курса обучения выбыло из гимназии до 80 учащихся «по малоуспешности», а 6 исключили «за самовольные поступки», при этом один из них был отдан «для примера» в военную службу из VII класса. 10 гимназистов были исключены «за безуспешность» в 1887 г.[2]

Попытка руководства гимназии привлечь внимание родителей к более результативному воздействию на своих детей не находила должного отклика с их стороны. С 1860 г. на торжественных актах дважды объявлялось предложение родителям принимать участие в работе педагогического совета. Ставилась при этом важная задача достижения единого

---

[1] *Исторический* ход народного образования в Томской губернии… С. 12; *Памятная* книжка Томской губернии на 1871 г. … С. 153.

[2] *Исторический* ход народного образования в Томской губернии… С. 11; *Город* Томск в прошлом и настоящем… С. 35.

подхода к воспитанию детей в гимназии и в домашних условиях. Однако это предложение не нашло отклика со стороны родителей. Искренне заинтересованный в лучших результатах воспитания учащихся старший учитель Ф.В. Рудаков предлагал завести специальные тетради для каждого ученика, в которых можно было бы сообщать родителям ежедневно об успехах в учебе и о поведении их детей в гимназии. От родителей требовалось бы ежедневно знакомиться с записями в этих тетрадях. Перед началом занятий наставники или надзиратели могли бы узнавать, просматривая тетради, о реакции родителей на замечания в адрес их детей. До установления ежедневного контроля за учебой и поведением учащихся с привлечением к этому и родителей дело не дошло. Но учащиеся обязаны были подавать на подпись родителей свидетельства по итогам за каждые два месяца. В них проставлялись оценки, указывалось количество пропущенных уроков с целью принятия со стороны родителей «побудительных или исправительных мер» по отношению к нерадивым ученикам, которых оказывалось постоянно немало[1].

Стремление к укреплению связей с родителями было продиктовано озабоченностью слабой успеваемостью многих учащихся. С годами она не претерпела заметного улучшения. До 1859 г. ежегодно выпускалось из гимназии 7–8 учеников. За время с 1859 по 1871 г. по сравнению с предшествующим двадцатилетием общее число учащихся выросло более чем в два раза, а оканчивало полный курс ежегодно приблизительно 11 учащихся[2].

Одним из методов воздействия на нерадивых учеников была порка. Учившийся в 1853–1858 гг. с первого по пятый классы В.Н. Виноградский позднее вспоминал, что и в Иркутске (там он учился в гимназии в 1850–1851 гг., а затем в 1859–1862 гг.) были в ходу порки, но только в младших классах и не ежедневно, а раз в месяц, когда директор обходил классы «с отметками»… Хождение «с отметками» занимало целый день, и то в том, то в другом классе слышны были крики[3].

В середине XIX в. состав учеников представлял «сборище разновозрастных подростков и юношей разных состояний и вида… среди этих разного возраста и вида сюртуков виднеются там и сям коротенькие, иногда даже очень коротенькие, куртки казеннокоштных. Из общей массы вдруг вырастает высокая, как каланча, фигура какого-нибудь уже

---

[1] *Памятная* книжка Томской губернии на 1871 г. … С. 153.

[2] *ТГВ*. 1894. 27 февр.

[3] *Юрцовский Н.С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1925. Вып. 1. С. 66.

почтенного с бородой мужа в гимназической форме, пребывающего в одном и том же классе лет восемь[1].

Материальная помощь гимназистам

На протяжении первых 10 лет после открытия гимназии в Томске обучение в ней было бесплатным. При отсутствии достаточных средств, которые нужны были для оказания действенной помощи бедным ученикам, среди учителей гимназии даже возникало обсуждение вопроса о введении трехрублевой платы с тех учащихся, родители которых были в состоянии внести ее. С 1849/50 уч. г. в сибирских гимназиях была установлена 5-рублевая плата за обучение. Дети материально необеспеченных родителей не дотягивали до прохождения полного курса обучения. С введением платы за обучение от малообеспеченных родителей поступили многочисленные заявления о невозможности вносить ее. Немногим удавалось получить право бесплатного обучения, остальных отчисляли из гимназии. От платы освобождались только «заслуживающие того по своему поведению и прилежанию ученики совершенно недостаточных родителей». При этом освобождению подлежали не более 10 % учащихся[2].

В первые годы после открытия гимназии помощь бедным ученикам ограничивалась лишь только предоставлением время от времени книг. Некоторые «своекоштные» ученики были настолько бедны, что не имели обуви, одежды, из-за занятости домашними делами были вынуждены пропускать уроки. Несмотря на хорошие способности они оказывались в числе отстающих и становились кандидатами на отчисление еще и по «малоуспешности» в занятиях в дополнение к тому, что их родители не имели средств для внесения платы за обучение.

Ситуация к лучшему несколько изменилась для бедных учеников с появлением первых стипендий.

С Высочайшего соизволения от 31 декабря 1861 г. в гимназии была учреждена первая частная стипендия бывшего генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта. Она предназначалась для одного из лучших воспитанников, прошедших до поступления в гимназию курс Семипалатинского уездного училища. Создавалась стипендия за счет процентов пожертвованного семипалатинским городским обществом капи-

---

[1] *Юрцовский Н.С.* Указ. соч. С. 78.

[2] *Исторический* ход народного образования в Томской губернии… С. 158.

тала размером в 3000 р. Появление стипендий для нуждающихся гимназистов было тем более значимым, что в 1857 г. произошло повышение платы за обучение вдвое, а с 1888/89 уч. г. она взималась уже в размере 40 р. За обучение детей в приготовительном классе родители платили 12 р., 190 р. – за содержание в пансионе при гимназии. С 1871 г. годовое содержание в пансионе вздорожало с 175 р. на 15 р. Кроме того, при помещении ученика в пансионе единовременно взималось еще 20 р. «на первоначальное обзаведение».

В 60-е гг. XIX в. за часть бедных учеников вносилась плата из денег, пожертвованных первым попечителем гимназии камергером Двора Е.И.В. И.Д. Асташевым – в сумме 3741 р. Его сын полковник В.И. Асташев пожертвовал 510 р. также на оплату обучения бедных гимназистов. В конце 60-х – начале 70-х гг. сделали такого рода пожертвования и некоторые купцы Томска. В их числе были Е.И. Королев, Я.И. Петров, И.А. Еренев[1].

Помощь воспитанникам оказывалась и томским «Обществом вспомоществования учащимся». Одно из наиболее ранних по сравнению с такими обществами в гимназиях Европейской России в Томске оно возникло по инициативе учителей гимназии. Ее поддержал главный инспектор училищ Западной Сибири И.О. Смольян. Председателем общества стал почетный гражданин Томска действительный статский советник М.А. Гиляров. В составе общества с начала его функционирования в течение многих лет был преподаватель гимназии (и ее выпускник) И.Е. Хантинский. С октября 1872 г. до начала 1886 г. общество израсходовало на нужды гимназистов около 2000 р., из них внесло плату за обучение бедных воспитанников 1330 р. Остальные деньги были выделены на питание, приобретение одежды и оплату за проживание на частной квартире[2].

С открытием в 1871 г. при гимназии приготовительного и параллельного классов потребовались дополнительные расходы на наем помещений для них. В течение 1872–1888 гг. на эти нужды, а также наем прислуги и «на другие потребности гимназии» Томская городская дума отпустила около 14000 р. Это составляло мизерную часть в сравнении с тем, сколько требовалось гимназии.

Существенным подспорьем для материально нуждавшихся учеников явились стипендии, учрежденные в 70–80-х гг. Летом 1873 г. во

---

[1] *ТГВ*. 1894. 24 февр., 12 мая.
[2] Там же. 1886. 1 янв.

время краткосрочного пребывания в Томске великого князя Алексея Александровича по пути его следования в Америку через Сибирь к нему обратился с просьбой о принятии сына в гимназический пансион бывший коллежский секретарь Померанцев. Его просьба была удовлетворена. Великий князь согласился поместить в 1-й класс гимназии Федора Померанцева с содержанием его в пансионе за счет собственных средств. Мальчик, страдавший пороком сердца, ушел из жизни 19 августа 1878 г. Пока он был жив, на его содержание из Санкт-Петербурга ежегодно высылалось по 190 р.

70–90-е гг. были ознаменованы появлением еще нескольких стипендий для учащихся гимназии. Часть «казеннокоштных» гимназистов содержались на средства, отпускаемые из государственного казначейства. Одна стипендия была учреждена в память 20-летнего царствования Александра II.

По случаю 100-летия со дня рождения Николая I при гимназии в 1896 г. было учреждено 5 стипендий по 40 р. «для взноса платы за учение беднейших учеников предпочтительно жителей Томска». Городская управа предложила дирекции гимназии дать заключение, как она «находила бы более удобным выдавать эти стипендии». Предложение директора свелось к назначению стипендий «беднейшим ученикам из жителей Томска, без различия сословия, православного вероисповедания, имеющим хорошее поведение и удовлетворительные успехи». Однако городская управа сочла более справедливым выделять стипендии без различия вероисповедания на том основании, что «в уплате городских доходов участвуют все жители города Томска различных вероисповеданий»[1].

Внесли свою лепту в поддержку воспитанников гимназии и нижние чины томского воинского управления, томского губернского батальона, а также барнаульской местной команды. Они вместе с жителями Томска собрали около 5000 р. для учреждения за счет процентов с этого капитала стипендии в гимназическом пансионе.

В память о 20-летнем царствовании Александра II были учреждены еще 2 стипендии. Проценты с собранного капитала в 1000 р. шли на уплату за обучение и на приобретение учебников двум воспитанникам, бедным сиротам или детям «недостаточных» родителей из чиновников.

В марте 1880 г. учителя гимназии собрали 500 р. для еще одной стипендии. Были учреждены две стипендии имени бывших директоров

[1] *Свод* постановлений... с 1898 по 1904 г. С. 34–38.

гимназии И.К. Смирнова (в размере 25 р. на проценты с капитала в 500 р., пожертвованного «исключительно лицами учебного ведомства в г. Томске») и Б.И. Сциборского (по 35 р. в год – на проценты с капитала 700 р., пожертвованного гражданами г. Томска).

С 1871 по 1885 г. служил гимназическим врачом оставивший по себе добрую память опытный врач Ф.Ю. Миткевич. Он передал гимназии 715 р. для стипендии одному из «приходящих» учеников.

Однако всех этих стипендий и денег, выделяемых на оплату обучения Обществом вспомоществования учащимся, не хватало для всех учеников, нуждавшихся в помощи. В общей сложности в 1888 г. от платы за обучение были освобождены 42 ученика, за 4 внесена была плата посторонними людьми. Но при этом 12 учеников за невнесение платы были исключены из гимназии[1].

Еще в 40-е гг. XIX в. Министерство народного просвещения совершенно отчетливо выразило свое отношение к тому, что среди выходцев из низших слоев населения России растет тяга к получению гимназического образования. Оно негативно реагировало на «чрезмерный прилив молодых людей, рожденных в низших слоях общества, для которых высшее образование, полученное чрез посредство гимназии в университетах», бесполезно. На взгляд Министерства, высшее образование для них является излишней роскошью, оно выводит «детей такого рода из круга первобытного их состояния без выгоды для них самих и для государства»[2].

В начале 60-х гг. до 38 % среди учащихся составляли дети податных сословий. С конца этого десятилетия был взят курс на ограничение доступа в гимназии лиц низших сословий, на усиление надзора за учащимися. По новому уставу, утвержденному 30 июня 1871 г., делается попытка под видом облегчения учебы для учащихся удлинить гимназический курс путем превращения VII класса в двухлетний класс. При этом увеличение учебных программ не предусматривалось. Стремление «облегчить» прохождение гимназического курса отразилось очень заметно на необеспеченных достаточными средствами слоях населения.

В уставе 1871 г. еще не было открытого сословного ограничения. Оно получило статус закона по циркуляру 1887 г. о так называемых кухаркиных детях. Директорам гимназий с осени 1887 г. запрещалось

---

[1] *ТГВ*. 1894. 20 янв. – 24 февр.; *Город* Томск в прошлом и настоящем… С. 37; *Памятная* книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871. С. 157–158; *Исторический* ход народного образования в Томской губернии… С. 3–8, 13.

[2] *Журнал* Министерства народного просвещения. 1864. Март. Отд. II. С. 557.

принимать детей, не имеющих в своем домашнем быту необходимых для учебных занятий удобств. В циркуляре выражалась надежда на избавление гимназий от поступления в них «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, которых вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат». Ранее трудности обучения детей в гимназии для податных сословий были связаны с ростом размера платы. Не случайно на появлявшиеся казенные вакансии в пансионе постоянно подавалось по 5 и более заявлений на одно место. Из тех, кого не могли принять на пансионное содержание, никто, как правило, не поступал не только в гимназию, но и в уездное училище.

В целом же в первой половине 60-х гг. Томская гимназия заметно выделялась не только на фоне гимназий Европейской России, но и среди сибирских гимназий. В ней был значительно выше процент гимназистов из податных сословий. Не случайно руководство учебного округа Западной Сибири стало особое внимание обращать на «родопроисхождение» поступающих в гимназию учеников. С 70-х гг. начало действия ограничительных мер привело к росту числа учащихся из чиновничьей среды и к уменьшению числа гимназистов из городских и сельских сословий. По данным за середину 80-х гг., это были дети людей, занимавшихся торгово-промышленной деятельностью[1].

Будущее выпускников гимназии

Значительный интерес представляет судьба выпускников гимназии. Из шести гимназистов первого выпуска двое поступили на работу в томские присутственные места. Один выдержал экзамен на звание учителя данного училища. А. Загибалов, проявивший усердие в «письмоводстве» еще в гимназические годы, был определен письмоводителем в канцелярию дирекции училищ.

Уже у первых учеников проявилась тяга к получению высшего образования. Ф. Рудаков изъявил желание поехать в Казанский университет. А его соклассник И. Игнатьев, в ком рано пробудился интерес к учительской профессии, считал самым лучшим для себя продолжение учебы в Санкт-Петербургском педагогическом институте. Но не получилось: в то время в институте еще не было казенных стипендий для

[1] *Шамахов Ф.Ф.* Школа дореволюционного Томска // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1954. Т. XII. С. 22, 23, 26, 27.

учеников сибирских гимназий. Они имелись только в Казанском университете, туда и были направлены И. Игнатьев и Ф. Рудаков. Оба стали студентами юридического факультета. Обоим были выданы «прогонные деньги», их снабдили платьем. Стипендия выдавалась каждому в размере около 143 р.[1] Из следующего выпуска несколько бывших гимназистов были приняты в этот университет. Вскоре двоих из них «за пьянство и леность» исключили.

В редкие годы никто из бывших гимназистов не поступал в высшие учебные заведения, как это случилось в 1846 г., когда выпускники этого года не имели возможности пройти полный курс математики из-за болезни учителя. В 1848 г. окончил курс гимназии «своекоштный» ученик, но на поступление в Казанский университет разрешения не получил из-за принадлежности к мещанскому сословию.

В последующие годы выпускники гимназии при малейшей возможности стремились поступить в университет. С 1849 г. в Казанском университете было учреждено 20 стипендий для сибирских уроженцев, 5 из них предназначались для выпускников Томской гимназии[2].

Учителя гимназии были инициаторами изыскания средств для оказания помощи ее выпускникам, достойным получения высшего образования. 12 ноября 1864 г. ими был поставлен спектакль по пьесе А. Островского «Доходное место». В нем участвовали и «некоторые из членов здешнего общества». Участники спектакля были озабочены не только получением дохода от него. Учитель гимназии Е. Парамонов, опубликовавший отчет о спектакле, писал: «…мы руководствовались тем, что пора же бросить угощать публику какими-нибудь приторно-смешными, не скажу более водевильчиками, после которых в конечном результате остается нуль».

За вычетом расходов в период подготовки и в день проведения спектакля чистая прибыль от него составила 335 р. 50 к. Это был уже не первый случай постановки спектакля в пользу бывших гимназистов, уехавших на учебу в Петербург. Кроме ранее отправленных на их имя денег, в конце 1864 г. было отослано еще 100 р. на имя Лукина, бывшего воспитанника гимназии, поступившего в Петербургский университет[3].

---

[1] *ТГВ*. 1894. 27 янв.; *Исторический* ход народного образования в Томской губернии… С. 18.

[2] *Исторический* ход народного образования в Томской губернии… С. 13; *Город* Томск в 1912 г…. С. 18.

[3] *ТГВ*. 1864. 4 дек.

В 1865 г. из 40 сибиряков – студентов высших учебных заведений Петербурга, 16 были выпускниками Томской гимназии. Лишь 11 студентов из числа всех сибиряков получали из дома «приличное содержание», 6 – жили и обучались за счет стипендий, остальные 23 «пробивались собственным тяжелым трудом»[1].

В 1865 г. в высших учебных заведениях Казани обучалось 39 сибиряков, в том числе 9 томичей. Были они, как уже отмечалось, и среди 39 студентов Петербургского и 46 студентов Московского университетов[2].

В начале 1867 г. члены педсовета гимназии на вложенные ими деньги учредили стипендию, что было отмечено высочайшей благодарностью императора[3].

С годами росло число выпускников гимназии, стремившихся к получению высшего образования. Оно воспринималось как гарантия «от всякого рода случайностей… чтобы иметь впоследствии верный кусок хлеба». Показателем тяги к получению высшего образования было поступление 17 выпускников гимназии из 21 в 1870 г. в высшие учебные заведения. Небывалый выпуск был в 1872 г., когда из 23 выпускников 7 получили серебряные медали. Как и в 1870 г., 17 бывших гимназистов стали студентами столичных вузов[4].

По заявлению окончившего гимназию с отличием Ивана Козлова ему была выделена стипендия, учрежденная в ознаменование 200-летия Петра I. Она ежегодно высылалась из Томска на его имя[5].

В июне 1873 г. отправлявшийся в Петербургский университет выпускник гимназии Наумов получил «на экипировку и путевые издержки» 150 р. из сумм, «назначенных в пособие студентам»[6].

С осени 1864 г. размер каждой стипендии был увеличен со 142 р. 85 к. до 200 р. в год. В конце XIX в. с открытием университета и технологического института для гимназистов появилась возможность получения высшего медицинского, юридического и инженерного образования в Томске. Наиболее нуждавшиеся по решению городской думы имели возможность получить стипендию в размере 240 р.[7]

---

[1] *ТГВ*. 1865. 15 янв.
[2] Там же. 19 марта.
[3] Там же. 1867. 12 мая.
[4] Там же. 1894. 17 февр.
[5] Там же. 1872. 30 дек.; 1876. 11 июня.
[6] Там же. 1873. 23 июня.
[7] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 904, 1216, 1217.

Существенной была помощь студентам-томичам, обучавшимся в высших учебных заведениях, со стороны Общества вспомоществования учащимся. Созданное в 1873 г., оно выделило в следующем году на отправку выпускников гимназии 720 р. Из этой суммы получили два гимназиста по 120 р., один – 100 р., два гимназиста – по 80 р., двое – по 60 р. и еще двое по 50 р. Кроме того, стипендиату Общества в Казанском университете к концу августа было выделено 100 р., студентам Медико-хирургической академии 610 р. (четверым по 100 р., еще двум студентам – 130 и 80 р.). С 29 октября до 5 ноября Обществом было израсходовано в помощь одному студенту Казанского университета 100 р., двум по 80 р.; двум студентам Медико-хирургической академии (100 и 80 р.).

В 1875 г. было выдано пособий студентам Казанского университета 630 р., Московского – 50 р., Санкт-Петербургской медико-хирургической академии 310 р., Казанского ветеринарного института – 90 р., всего 1080 р. На отправлявшихся в этом году для поступления в высшие учебные заведения Общество потратило 360 р.

За 1878 г. в отчете о расходах Общества в помощь обучавшимся в высших учебных заведениях пофамильно названы студенты из Томска. Расход на пособия в этом году составил: Чернолуцкому – 40 р., Сиротинскому – 50 р. (Санкт-Петербургский университет), Шангину – 25 р. (Технологический институт), Колобову – 40 р., Мякишеву – 50 р., Беляеву – 50 р., Иваницкому – 50 р. (Медико-хирургическая академия), Лаврову – 50 р., Рябинину – 50 р., Будаковичу – 100 р., Печеркину – 50 р., Карпинскому – 50 р. (Казанский университет), Евтихиеву – 60 р., Максимову – 30 р., Веснину – 60 р., Розенштейну – 30 р., Иванову – 30 р. (Казанский ветеринарный институт). Еще шестерым бывшим гимназистам было отправлено в университет по 100 р. (Сиязову, Сианову, Ершову, Андрееву, Булюкину, Севастьянову) и 75 р. Тычинскому[1].

В 1908 г. в технологическом институте от Общества вспомоществования недостаточным студентам получили пособия 59 человек, в том числе: 19 – по 40 р., 13 – по 30 р., 27 – по 25 р.[2]

Таким образом, открытие в Томске гимназии сыграло большую роль в получении высшего образования жителями города и губернии.

Гимназия имела существенное значение в плане подготовки учителей для уездных училищ, «Освежался более или менее грамотным лю-

---

[1] *ТГВ*. 1874. 31 авг. 26 окт., 9 нояб.; 1875. 3 мая; 1876. 1 мая; 1878. 25 февр.

[2] *ГТ*. 1908. 6 дек.

дом» штат губернских присутственных мест. До открытия в Томске гимназии трудно было найти на вакантные места даже очень слабо подготовленных людей. Трудно было найти их на должность землемеров, канцелярских служащих. А на высшие должности приходилось искать и «подолгу ожидать людей из-за Урала», при этом еще с предоставлением разных льгот.

С открытием гимназии значительно облегчилось решение проблемы кадров для гражданских служб. Поступавшими сразу по окончании гимназии на работу предпочтение отдавалось гражданской службе в надежде «на быструю и лучшую здесь для себя карьеру». В учителя уездных училищ шли преимущественно выходцы из податных сословий. Выпускники гимназии разных лет, пройдя курс обучения в университете, становились учителями разных предметов, а также инспекторами в своей Alma mater.

Через гимназию прошли обер-секретарь Правительствующего Сената Н.В. Беляев, главный инспектор училищ Восточной Сибири Ф. Рудаков. В разные годы последовательно прошел ступени службы в Министерстве внутренних дел начальником департамента исполнительной полиции, председателя Томского губернского правления, вице-губернатора в Чите выпускник 1847 г. М.Н. Берестов.

Выпускник 1859 г. Е.И. Парамонов в течение 9 лет учительствовал в родной гимназии, впоследствии стал директором Казанского учительского института.

Н.С. Кириллов (из выпуска 1861 г.), Е.В. Петухов (выпуск 1881 г.) стали профессорами Нежинского историко-филологического института. И.И. Степанов первый из врачей получил в Томском университете степень доктора медицины. М.И. Шешуков окончил гимназию в 1878 г., работал ассистентом профессора Санкт-Петербургского университета, автор ряда трудов, один из которых в 1894 г. по решению ученого совета Санкт-Петербургского университета был удостоен премии. По линии Министерства государственных имуществ И.П. Выдрин ведал образованием переселенческих пунктов вдоль линии Сибирской железной дороги в пределах Томской губернии.

Выпускники гимназии впоследствии трудились в Оренбургском учебном округе, Рыбинской гимназии, в хирургической клинике Томского университета, Томском окружном и губернском, Тобольском губернском судах, в прокуратуре Уфы, Семипалатинска, Екатеринбургского окружного суда, в следственных органах Казанской губернии, в управлении Сибирской железной дороги. Это далеко не полный пере-

чень географических пунктов, куда забросила судьба бывших выпускников Томской мужской гимназии. Пройдя курс обучения в Казанском университете, Н.С. Кириллов, П.В. Андрианов «с ученой целью» побывали в Германии.

Среди первых выпускников Томского университета были прежние гимназисты Л.М. Прасолов, Е.Н. Коренев, А.Ф. Засс, П.К. Мазаев, М.М. Германов, А.А. Аргунов[1].

Значение гимназии в жизни Томска

Нет необходимости не замечать сегодня многих негативных моментов в истории гимназии. Нет оснований не считаться с той оценкой, которую дали в свое время учителям гимназии ее ученики. В современной литературе большой крен с учетом последнего делается именно на негативные характеристики уровня знаний учителей гимназии, их морального облика со ссылкой на авторитетное слово Н.М. Ядринцева. Однако объективности ради следует отметить, что и Н.М. Ядринцев добрым словом через много лет вспоминал некоторых учителей гимназии. Он писал о появлении в 50-х гг. в Томске молодого учителя Ш., из увлекательных уроков которого повеяло духом «Нового времени»: «Руссо и Вольтер, Дидро и Даламбер, Кондорсе – все было ново, все это разом вторглось к нам, как и в жизнь России… В первый раз с жадностью и восторгом мы узнали великие имена Виссариона Белинского, Грановского, Пушкина, Лермонтова; их гражданская скорбь, их ранняя гибель получила для нас новый смысл»[2].

Томская гимназия испытывала трудности, которые выпали в то время на долю и других российских гимназий. Будущий император Александр II в 1837 г. (ему тогда было 19 лет), совершая путешествие по России, писал отцу, императору Николаю I из Перми: «Еще я был в гимназии… весьма дурно помещенной по недостатку строений, науки, говорят, идут порядочно». Из Воронежа: «…гимназия довольно тесно расположена». Из Тулы: «…осмотрел еще гимназию, которая немного тесно расположена», из Екатеринбурга: «…гимназия в совершенно ветхом состоянии». В Миассе «…гимназия в весьма хорошем и удобном

---

[1] *ТГВ*. 1894, 26 мая.

[2] *Ядринцев Н.М.* Воспоминания о Томской гимназии (к 50-летнему юбилею Томской гимназии посвящает ученик ея) // Сибирский сборник. Приложения к «Восточному обозрению». Иркутск, 1888. Вып. 1. С. 20.

здании». Но «не в блестящем положении по недостатку хороших учителей, но что хорошо, это охота, с которой детей туда отдают: 2 года назад было всего 35 человек, а теперь 250»[1].

При всех трудностях, которые испытывались гимназией из-за недостаточной материальной базы, необходимой для нормального ее функционирования, неукомплектованности учебной библиотеки учебными пособиями, из-за неудобств, связанных с невозможностью проводить общие мероприятия с участием в них всех гимназистов, открытие гимназии явилось важным событием в жизни Томска. Его значение не ограничивалось появлением возможности для решения проблемы обеспечения грамотными людьми присутственных мест. Не менее важным следствием открытия гимназии явилось ее влияние на духовную жизнь города, на эстетическое воспитание гимназистов.

На торжественные акты по случаю начала и окончания учебного года в гимназии приглашались не только официальные лица и родители учащихся, но и жители города, непосредственно не имевшие каких-либо связей с ней. Ученики выступали с приветственными и благодарственными речами, составленными учителями. Важнее было то, пожалуй, что на всеобщее обозрение выставлялись ученические работы по чистописанию, иностранным языкам, рисунки, выполненные ими. К торжественным актам гимназисты готовили выступления с чтением стихов, отрывков из литературных произведений.

О качестве рисунков, сделанных учениками, можно судить по тому, что с ними работал учитель чистописания и рисования П.М. Кошаров. В летнее время в 1856 г. он, будучи прикомандированным к горной экспедиции, составил этнографический альбом, получивший высшую оценку Академии художеств. С весны до осени 1857 г. он в составе экспедиции работал в Верном, затем участвовал в исследовании окрестностей Иссык-Куля, составил большой альбом для Императорского географического общества. За эту работу П.М. Кошаров получил вознаграждение в размере 400 р. Рисунки, выполненные под его руководством учениками томской гимназии и выставлявшиеся на выставках Академии художеств, удостаивались почетных отзывов и медалей[2].

Организация учебного процесса и воспитания гимназистов в значительной мере определялась профессиональным уровнем руководства гимназии. В разные годы ее директорами были имевшие уже достаточ-

---

[1] *Венчание* с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. М., 1837. С. 47–48, 78, 85, 87, 119.

[2] *ТГВ*. 1894. 3 февр.

но большой опыт практической деятельности выпускники Петербургского главного педагогического института, Московской Духовной академии, Воронежской духовной семинарии и других учебных заведений России. В числе законоучителей гимназии оказались «известный Томску и по Сибири» священник Ф.В. Краснопевцев (1843–1859). В.В. Гурьев, «бойко» владевший «устной речью и хорошим пером» (его письма с театра войны 1877–1878 гг., участником которой он был, печатались в одном из центральных органов России). Более 20 лет преподавал в гимназии А.А. Мисюрев, выпускник Курской духовной академии. По 25 лет прослужили в ней учителя А.А. Сергиев и Ф.М. Тоннар, 30 и более лет – воспитанник Бердичевского польского монастыря И.М. Анцин, надзиратель, а затем помощник классных наставников А.П. Антаков.

Восхищает то, что делалось работавшими в гимназии «в делах, мало имеющих общего с прямыми обязанностями… при выполнении различного рода поручений и в делах по собственной инициативе».

Круг подобных дел оказался необычайно интересным. Он включал метеорологические наблюдения, организацию «безмездно» не предусмотренных программой занятий, способствовавших развитию эстетического вкуса учащихся. Одним из учителей гимназии в 1848 г. был открыт частный пансион «для образования девиц», другим учителем французского языка, Р.К. Сиреном, в 1876 г. были созданы хор и оркестр «из любителей и любительниц музыки и пения». Выпускник Санкт-Петербургского университета И.М. Курочкин, преподаватель древнего языка в гимназии, организовал в Томске мужское училище с курсом классической прогимназии. Занятия в нем вели преподаватели гимназии. Большое внимание в прогимназии уделялось внеклассному чтению и проведению бесед по произведениям литературы, пересказам с целью развития устной речи учащихся. Учитель гимназии К.Я. Лохер предпринял попытку еще до начала книжной торговли в Томске П.И. Макушина наладить продажу «применительно к возрасту» книг научного и литературного содержания.

Высоко оценила уровень метеорологических наблюдений, начатых в гимназии по инициативе и под руководством ее первого директора И.Г. Новотроицкого, Академия наук. Служивший в 1846–1856 гг. директором гимназии магистр богословия Ф.С. Мещерин по поручению губернатора вел большую работу по сбору и приведению в порядок статистических сведений о состоянии частной промышленности и торговли в Томской губернии для Русского Императорского географического общества.

Не без участия дирекции гимназии в 1847 г. возникла переписка по поводу необходимости издания в Томске первого печатного органа в виде «Ведомостей». После положительного решения вопроса учителя гимназии Ф.В. Рудаков (выпускник гимназии), А.С. Андреев, позднее Д.Л. Кузнецов откликнулись на предложение дирекции гимназии участвовать в составлении для «Томских губернских ведомостей» статей «литературного и даже ученого содержания».

В 60-е гг. XIX в. преподаватели гимназии явились инициаторами проведения городских литературных вечеров, проходивших до этого в виде домашних встреч любителей литературы лишь в узком кругу друзей и знакомых. Тогда же среди учителей гимназии возникла мысль о необходимости создания в Томске «Общества грамотности» с учетом опыта уже действовавшего в течение трех лет петербургского «Комитета грамотности». Заботясь о будущей судьбе выпускников гимназии в пользу отправлявшихся на учебу в университет, учителя ставили спектакли[1].

Общеизвестно, что к открытию в 1888 г. университета в Томске здесь возникла благоприятная атмосфера для функционирования и развития его как своеобразного лица культурной жизни города и Сибири вообще. В создании такой атмосферы деятельное участие приняли высокообразованные, в основном приезжие, люди задолго до появления в Сибирских Афинах университета, в том числе директора и учителя томской мужской гимназии.

[1] *ТГВ*. 1894. 16, 20, 27 февр.; 3, 10 февр.; 27 марта.

ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКЕ

Начало женского образования в Томске

До открытия в Томске в 1863 г. женской гимназии во всей Томской губернии не было ни одного учебного заведения для образования девиц. Между тем потребность в этом осознавалась их родителями.

С разрешения Министерства народного просвещения в 1849 г. по инициативе учителя мужской гимназии А. Прозоровского был открыт частный пансион для девочек. Преподавание в нем велось по программе уездного училища. Обучением в пансионе занимались законоучитель и четверо учителей гимназии, в том числе сам Прозоровский, «основательно знавший французский, немецкий, частично английский языки». Кроме языков, в пансионе преподавались геометрия, физика, велись занятия по рисованию, рукоделию, музыке (на фортепиано). Дело в пансионе было поставлено основательно и велось должным образом до его закрытия в 1857 г.[1]

В середине XIX в. становилась все более очевидной потребность в развитии женского образования. Пока для этого еще не предусматривалось выделения каких-либо средств. В своем обращении к главному инспектору училищ Западной Сибири статский советник М.Л. Попов высказал соображения по поводу того, как можно было приступить к обучению девочек в Томске и городах губернии. Он считал возможным начать дело с открытия «приходских классов» для девочек при уездных училищах. В этом случае исключалась необходимость решения вопроса с помещением для нового училища. В классах уездных училищ, считал М.Л. Попов, можно будет вести занятия с девочками по окончании уроков для мальчиков. Можно, полагал он, рассчитывать и на учебные пособия, накопленные в уездных училищах. При такой организации учебного процесса для девочек деньги могли понадобиться лишь на приобретение материалов для ученических работ. Возлагалась надежда на местных дам, одна из которых могла бы «безмездно» выполнять обя-

---

[1] *ТГВ*. 1894. 3 февр.

занности классной смотрительницы. Предусматривалось на «безмездной» основе участие в обучении девочек учителями уездных училищ, которые будут вознаграждены тем, что общество не откажет им «в своем нравственном сочувствии». В случае, если не найдется ни одной из местных дам, которая согласилась бы на предложенных условиях стать классной смотрительницей, представлялось нетрудным найти деньги на ее наем. Возлагались надежды на то, что «в каждом городе найдется несколько благородных дам, которые захотят принять звание директрисс школы» с обязанностью ежегодно вносить на нужды женского училища не менее 5 р. К тому же некоторые родители или родственники девочек, которые станут ученицами, вряд ли откажутся делать посильные взносы.

Основная идея М.Л. Попова относительно начала обучения девочек в помещениях приходских училищ главным инспектором училищ Западной Сибири была одобрена. Директор училищ Томской губернии разослал в города губернии распоряжения о практическом решении проблемы открытия школ для девиц.

Таким образом, развитие женского образования должно было начаться при отсутствии каких-либо средств на это.

2 октября 1859 г. штатные смотрители получили предложение М.Л. Попова приступить к открытию училищ для девиц в виде приходских классов при уездных училищах. 23 октября первое такое училище открылось в Семипалатинске при 10 ученицах. Предметы в нем изучались по программе приходского училища. Занятия «безмездно» вели учителя уездного училища Пешехонов, Поникаровский и Немиров. Смотрительницей (она же занималась с ученицами и рукоделием) была избранная родителями надзирательница за плату в размере 90 р. в год. На неотложные расходы родители учениц собрали 300 р. Ими, считалось, школа была обеспечена на ближайшие 3 года. В пользу женской школы в Семипалатинске состоялся музыкальный вечер. Его подготовили супруга председателя Областного правления Ивкова, госпожа Черемных, учителя уездного училища Пешехонов и Малышева. Сбор от вечера составил 100 р., которые могли обеспечить работу женской школы еще и на четвертый год. По указанию генерал-губернатора Западной Сибири началось составление проекта для Семипалатинского женского училища «на более прочных основаниях».

М.Л. Попов выразил пожелание, «чтобы в этом училище обучались и дочери низших городских сословий», которых первоначально не оказалось среди учениц. Он считал, что при хорошем присмотре надзира-

тельницы «от детей низших сословий ничего дурного не может перейти к детям высших, скорее же наоборот, от детей высших сословий много хорошего перейдет к детям низших».

Еще до начала обучения девиц в Семипалатинске в 1858 г. намечалось решить вопрос об открытии женского училища в Томске. К этому времени у образованной части жителей города довольно четко определилось понимание значимости женского образования для общества. Считалось, что «образование женщины – матери семейства должно иметь такое же важное значение в развитии гражданственности, сколько и образование мужчин». Обращалось внимание на то, что в быту мещан и крестьян «при грамотном отце дети, не посещающие школы, нередко бывают неграмотными, а между тем при грамотной матери такое встречается редко». Отец большую часть времени, будучи занятым на работе, проводит «вне домашнего круга», в то время как мать постоянно остается дома с детьми.

Какие надежды возлагались на женское образование? Д. Кузнецов, автор статьи «Об училищах Томской Дирекции за последнее пятилетие», опубликованной в «Томских губернских ведомостях», обратился к читателям со страстным призывом: «Образуйте, как должно, наших женщин-матерей, и сотни народных предрассудков будут уничтожаться с каждым поколением, угрозы домовыми, буками меньше будут пугать детское воображение», избавят его «от суеверий, страха пред темными, несуществующими силами». Этот аргумент приводился также в обоснование необходимости развития женского образования.

В распоряжении инициаторов открытия женской школы в Томске на 1 марта 1860 г., на день ее открытия, имелось всего 66 р. Эта сумма образовалась из пожертвований С.С. Озерской, супруги губернатора, попечительницы женской школы в Томске (50 р.), директора училищ М.Л. Попова (10 р.), смотрителя уездного училища (6 р.).

Буквально в отчаянии М.Л. Попов воскликнул по этому поводу: «Да как же так? В губернском городе и городе не бедном собрано так мало денег, когда в Семипалатинске пожертвовано на подобный же предмет до 300 р.?» Он считал, что небольшой суммы денег, которыми располагала школа при открытии, хватит лишь до зимы. Оставалось надеяться на оправдание заверений С.С. Озерской, сказавшей ему: «Я приеду из Барнаула, хозяйственную часть школы устроим как следует: пригласим директрисс, составим благородный спектакль и, я уверена, что для школы за деньгами у нас дело не станет».

М.Л. Попов с предельной откровенностью признавался: «Вот и весь секрет, почему, с такими малыми суммами мы не побоялись открыть в Томске женское училище».

В школу принимались дети преимущественно бедных родителей. На 1 марта 1860 г. набралось 13 учениц. К началу мая их было записано уже 49. М.Л. Попов по этому поводу писал: «Мы не ожидали такого числа учениц в каких-нибудь два месяца. Народу бедному, коротко знакомому с нуждою, до грамоты ли, думали мы. Еще до открытия школы многие пренаивно спрашивали, что в новой школе будут детей кормить и одевать? – И после отрицательного ответа отворачивались и уходили, не сказавши ни слова».

Но дело пошло, и школа начала работать. Ее функционирование облегчалось «безмездным» исполнением обязанности надзирательницы хозяйкой училищного дома Шушариной. Во время отсутствия в Томске С.С. Озерской попечительство о нуждах школы обеспечивалось супругой жандармского штаб-офицера Луизой Карловной Герасимовой.

Директор училищ М.Л. Попов гордился тем, что в Томской школе для девочек не было сословных предрассудков: «…бок о бок с девочкою мещанской не стыдятся сидеть и дети чиновников. Иначе и быть не могло: наша попечительница с одинаковым вниманием и радушием принимала всех детей в школе во время ее открытия».

По поводу незначительных финансовых возможностей в момент открытия женского училища в Томске выражалась надежда, что «такое состояние пройдет, найдутся лица, готовые помочь училищу». Сама С.С. Озерская ежегодно жертвовала по 50 р. 10 мая 1863 г. читателям «Томских губернских ведомостей» было сообщено о недавно проведенном несколькими молодыми людьми спектакле в пользу бедняков, отправлявшихся на учебу в университет. Часть сбора от него они выделили на Томскую женскую школу.

Большая часть учениц через 4 с лишним месяца, придя в школу «без всяких знаний», научились читать по складам, писать буквы, выучили необходимые молитвы» и «научились первоначальным рукоделиям». Пришедшие в школу сколько-нибудь подготовленными дома, «довольно свободно читали, порядочно писали», «решали арифметические задачи из двойных цифр и научились вышивать гладью по канве».

«За безвозмездные и вполне полезные труды по преподаванию предметов в женском училище» в 1863 г. была объявлена благодарность

учителям Евграфу Баранову и Николаю Кускову. Число учащихся к этому времени выросло до 65[1].

В ноябре 1860 г. «Губернские ведомости» объявили о предстоящем открытии в Томске воскресной школы. Всех «без различия возраста», желавших учиться «закону Божию, русской и славянской грамоте, арифметике и черчению», приглашали собраться 27 ноября к поздней обедне в Богоявленскую церковь. После обедни всем предложили отправиться в губернскую мужскую гимназию «что в доме госпожи Гуляевой, отслушать там молебен и с Богом начать учиться». Но воскресная школа, не успев открыться, вскоре закрылась «за отсутствием учащихся»[2].

Что касается женского образования, следующей ступенью в его развитии явилось открытие в Томске женской гимназии.

Открытие Томской Мариинской женской гимназии

Извещение об открытии в Томске гимназии было встречено жителями города с большим одобрением. Особенно этому радовались родители, которые готовили своих дочерей к учебе в гимназии, «нанимая репетиторов за значительную по здешним обычаям плату». В городе долго ходили неопределенные слухи, не было ясности, откроется – не откроется гимназия. С приездом в Томск главного инспектора училищ Западной Сибири все сомнения рассеялись. Попечительский совет уже имел примерное расписание штатов на оплату труда учителей по 35 р. сер. «за годовой урок». Предусматривалось и проведение уроков «безмездно». Во флигеле дома жены статского советника Соколова была нанята просторная квартира в центре города. Нанятое помещение на первое время работы гимназии с четырьмя классами представлялось пока вполне достаточным[3].

Открытие гимназии после приема в нее 27 августа 1863 г. 40 девочек прошло с большой торжественностью в присутствии очень многих жителей города. После свершения «молебствия», окропления водой всех воспитанниц и комнат гимназии, ученики расселись по местам и перед ними выступил директор училищ. Он рассказал о том, что еще в 1836 г. коммерции советник А. Попов пожертвовал 85 715 р. на учреждение в Томске общественного Сибирского банка с тем, чтобы «по уси-

---

[1] *ТГВ*. 1860. 26 июня; 1863. 12, 19, 26 апр., 3 мая.

[2] Там же. 1863. 17 мая.

[3] Там же. 6 сент.

лению сего капитала прибылями основать потом в Томске же институт для воспитания девиц». Прибыль с капитала предусматривалась также «на разные богоугодные и благотворительные цели». А. Попов назначил душеприказчиком своего племянника Степана Попова, считавшего наиболее целесообразным пустить деньги на открытие Института «для девиц». Однако, понимая, что их не хватило бы на содержание института, С. Попов посчитал необходимым прежде всего позаботиться об увеличении самого капитала. С этой целью было получено Высочайшее разрешение на открытие в Томске Общественного Сибирского банка с основным капиталом в 300 000 р., пожертвованных А. Поповым. К 1863 г. капитал вырос до 338 000 р.

По уставу Банка Институт можно было открыть только тогда, когда капитал возрастет до того размера, что проценты с него будут давать не менее 21 000 р. сер. ежегодно, чего ждать пришлось бы еще много лет. К этому времени стали вместо институтов открываться женские гимназии. Генерал-губернатор Западной Сибири получил Высочайшее разрешение на открытие вместо Института в Западной Сибири двух женских гимназий – в Томске и Омске. Предполагалось Омскую гимназию назвать «Женской гимназией почетных граждан Поповых», Томскую – Мариинской. Но с учреждением в Омске «училища для девиц благородного и купеческого звания» гимназию здесь в то время не открыли.

На торжестве по случаю начала занятий в Мариинской гимназии в сентябре 1863 г. законоучитель губернской гимназии священник Вакх Гурьев посвятил свою речь тому, что прошли времена, когда «на бедную женщину смотрели как на безответную рабыню, неспособную будто бы ни к какому умственному развитию и труду, кроме одного мелочного домохозяйства». Он выразил надежду на то, что открытие гимназии будет способствовать духовно-нравственному развитию женщин наравне с мужчинами.

Учитель гимназии Парамонов обратил внимание на преимущество гимназического образования перед институтским. Учась в гимназии, девица не отрывается от жизни, в то время как в институте она живет «единственно воображением». Назначение получившей образование женщины, отметил Парамонов, заключается не только в том, чтобы следить за парижской модой, являться на балы, «чтоб кружиться в вихре вальса и польки, скучать дома, просиживать до полуночи за нескончаемым ералашем». Назначение женщины состоит в том, чтобы быть «доброй женой – другом, матерью, гражданкою». Для того чтобы быть матерью, воспитательницей новых поколений, женщине «необходимо

приобрести образование, познакомиться с идеями века, с его требованиями, приобрести убеждения».

Главный инспектор училищ Западной Сибири обратился к наставникам и наставницам с просьбой «насадить в сердцах питомцев христианскую твердую веру, правду и любовь».

Торжество завершилось обедом в доме Соколовой, куда его участники перешли из помещения гимназии во флигеле[1].

Содержательница частного детского пансиона в Томске Анна Федоровна Королькова в октябре 1863 г. известила иногородних родителей, желающих обучать своих дочерей в женской гимназии, что она принимает их к себе на содержание с платой в год по 150 р.

Воспитанниц ждали хорошее помещение, обед из 3 блюд, ужин из 2 блюд, утром и вечером – чашка чая с белым хлебом. Стирка белья входила в счет 150 р. За дополнительную плату размером в 50 р. предусматривались занятия с дочерьми по выполнению домашних заданий или по подготовке к поступлению в гимназию[2]. Квартира содержательницы пансиона находилась в доме купчихи Матрены Архиповны Серебренниковой на Миллионной улице.

Комплектование штата гимназии

Начальницей гимназии была назначена супруга учителя мужской гимназии Н.Г. Лохер. На время ее болезни в середине декабря 1865 г. выполнение этой должности было возложено на супругу председателя губернского правления – статскую советницу Елизавету Александровну Фризель, с 21 октября 1866 г. утвержденную начальницей гимназии.

Учителями немецкого языка, естественных наук, русской словесности стали преподаватели мужской гимназии Лохер, титулярный советник Мрайский, учитель латинского языка Аристовский. Русский язык вел отставной канцелярский служитель Саблинский. Учителем арифметики стал Кусков, работавший в уездном училище. Классной дамой начальница гимназии определила дочь полковника Ольгу Дмитриевну Мозалевскую.

Попечительский совет временно допустил к преподаванию истории наставника духовной семинарии К. Евтропова, учителями русского языка – наставников духовной семинарии Н. Виноградова и С. Пролетова.

---

[1] *ТГВ*. 1863. 6 сент.

[2] Там же. 18 окт.

Состав преподавателей гимназии, ее классных дам в основном сложился к концу 60-х гг. Почетной попечительницей была супруга потомственного почетного гражданина Томска Мария Федоровна Толкачева. С большой серебряной медалью она закончила в Санкт-Петербурге училище для девиц, учрежденное при Императорском воспитательном обществе. Начальницей гимназии продолжала быть супруга статского советника Елизавета Александровна Фризель, получившая образование в Санкт-Петербургском училище ордена святой Екатерины.

С 1 сентября 1863 г. законоучителем был определен священник Вакх Васильевич Гурьев, прошедший обучение в Воронежской семинарии. Иосиф Томбеев, 26-летний учитель истории и географии уездного училища, выпускник Военно-топографического училища, в гимназии вел уроки истории. Николай Иванович Кусков, выпускник Томской мужской гимназии, работавший учителем арифметики и геометрии в уездном училище, с 1 сентября 1865 г. стал по совместительству преподавателем арифметики в женской гимназии. Позднее за хорошее преподавание в женской гимназии он получил благодарность. Учитель русского языка уездного училища коллежский секретарь Дмитрий Алексеевич Поникаровский, тоже окончивший Томскую мужскую гимназию, вел в старших классах женской гимназии уроки русского языка.

Коллежский регистратор Василий Алексеевич Осипов, 47 лет, получивший домашнее воспитание, из мещан Саратовской губернии, учитель приходского училища преподавал чистописание в приготовительном классе гимназии.

Надзиратель пансиона Томской мужской гимназии Александр Петрович Антаков, 43 лет, выпускник Вятской губернской гимназии вел уроки рисования.

40-летняя дочь подполковника Александра Кошелева, получившая домашнее образование в дворянской семье, с открытия женской гимназии стала учительницей рукоделия.

Среди учителей женской гимназии оказались и ее выпускники. Среди них – Агния Петровна Плотто, 19 лет, вышедшая из семьи чиновника Томской губернии, жена военного офицера. С 15 сентября 1868 г. она преподавала географию в младших классах гимназии. В этих же классах вела уроки по русскому языку купеческая дочь Евлампия Яковлевна Акулова, 19 лет. По окончании Томской женской гимназии она выдержала специальный экзамен на звание домашней учительницы.

Учительницей приготовительного класса с 15 августа 1867 г. была жена купца Феофания Михайловна Попова, обучавшаяся в гимназии[1].

В 70-е гг. со свидетельством на звание домашней наставницы учительствовали в Мариинской женской гимназии ее выпускницы Александра Сапожникова, Елизавета Серебренникова[2].

Еще один выпускник Томской мужской гимназии Петр Александрович Буткеев, штатный смотритель Томских училищ, с 1 сентября 1868 г. в женской гимназии преподавал естественную историю и геометрию.

Учитель Томской духовной семинарии, выпускник Казанской духовной академии Михаил Иванович Соловьев с 15 августа 1868 г. в гимназии вел уроки словесности.

Со степенью магистра по окончании Казанской духовной академии Сергей Иванович Промтов, учитель духовной семинарии, преподавал русский язык в старших классах гимназии.

Учителем немецкого языка стал Карл Иоганн Яковлевич Лохер, прошедший обучение в Московском университете, работавший в Томской мужской гимназии.

Французский язык преподавала жена сосланного в Сибирь «на житье» Казимира Францовна Остроменская. Она получила домашнее образование в дворянской семье, выдержала специальное испытание на «право элементарного обучения детей».

Классными дамами к началу 1865 г. были определены:

– супруга губернского секретаря Екатерина Ильинична Тюшева,

– дочь коллежского советника Елизавета Павловна Милюкова,

– дочь потомственного почетного гражданина Софья Николаевна Филимонова.

Со дня открытия гимназии оставалась классной дамой вдова священника Анна Петровна Крылова.

В попечительский совет гимназии вошли:

– почетная попечительница, супруга статского советника В.М. Соколова,

– начальница гимназии супруга почетного гражданина г. Томска Мария Федоровна Толкачева,

– за предводителя дворянства, председатель Томского губернского суда коллежский советник П.О. Козлов,

---

[1] *ТГВ*. 1870. 7 февр.

[2] Там же. 1879. 6 сент.

– директор училищ Томской губернии статский советник М.Л. Попов,

– томский городской голова купец 2-й гильдии С.С. Валгусов. С 1 января 1865 г. его сменил купец 1-й гильдии Д.И. Тецков.

Выбранными членами попечительского совета оказались:

– от дворянства – акушер Томской врачебной управы коллежский советник Ф.П. Зацкевич,

– от купечества – томский 2-й гильдии купец Н.И. Колчин[1].

В состав педагогического совета вошли преподаватели гимназии, в том числе служившие в Томской губернской гимназии и преподававшие в женской за особую плату.

Программа обучения воспитанниц гимназии

Программой предусматривалось четкое определение объема учебных предметов на каждый класс. В течение первого года учебы ученицы должны были выучить необходимые молитвы с объяснением их, усвоить священную историю Ветхого Завета. По математике им предстояло научиться совершать 4 действия над простыми числами; по географии – ознакомиться с кратким обозрением всех частей света. По русскому языку и словесности предполагались чтение и рассказ прочитанного, изложение басен прозой, объяснение общего состава предложений (о подлежащем, сказуемом) и умение различать части речи.

Во II классе по Закону Божьему предстояло знакомство со священной историей Нового Завета; по математике – научиться совершать действия «над именованными» числами и простыми дробями; по географии – наряду с обозрением частей света, усвоить описание государств Азии и Африки; по русскому языку и словесности – различие главных придаточных и вводных предложений, склонение имен и спряжение глаголов.

При сохранении общего числа предметов в III классе предусматривалось усвоение учения о Богослужении, по математике – десятичные дроби, отношения и пропорции, правила, на них основанные, по географии наряду с повторением обзора государств Азии и Африки, обзор государств Америки и Австралии; по русскому языку и словесности – подробный разбор предложений и четкий этимологический разбор.

В IV классе Закон Божий предусматривалось изучать в форме вопросов и ответов по символу веры и заповедям (катехизис); по матема-

[1] *ТГВ*. 1870. 7 февр.; 1879. 6 сент.

тике – усвоение геометрии и начала физики. В этом учебном году вводились два новых предмета: зоология и всеобщая история (история Востока, Греции и Рима). По географии вводилось обозрение государств Европы, по русскому языку и словесности – полный грамматический и синтаксический разбор и общая словесность (учение об общих свойствах внешнего изложения всех сочинений вообще с историческими очерками развития правильности и чистоты русской речи).

В V классе предусматривалось изучение истории христианской церкви; завершение изучения физики; из естественных наук вводилась ботаника; по истории – средневековой русской истории до реформ первой четверти XVIII в.; география европейской части Российской империи (без Финляндии и Закавказского края); по русскому языку и словесности – учения о разных родах прозаических и поэтических сочинений с историческими очерками и продолжение занятий русским языком.

Завершающий год обучения в гимназии программой предусматривал повторение пройденного в I–V классах по Закону Божьему, повторение пройденного по математике и физике и изучение космографии; повторение пройденного по зоологии и ботанике и изучение минералогии, завершение изучения истории России, повторение пройденного и усвоение новой истории; повторение пройденного и окончание Российской географии, по русскому языку и словесности повторение всего пройденного и изучение истории Русской литературы[1].

Непременным условием усвоения программы обучения в гимназии считалось при поступлении в I класс умение свободно читать по-русски и писать под диктовку на доске, по арифметике – писать и выговаривать числа. Для этого требовалась предварительная целенаправленная подготовка.

Изыскание средств на плату за обучение «недостаточных» учениц гимназии в конце XIX – начале XX в.

В кассу самой гимназии продолжали поступать сборы со спектаклей[2]. Маскарад, устроенный попечительницей гимназии А.К. Мерцаловой 1 января 1881 г., дал чистой прибыли 1072 р. 41 к.[3] К ним добавились

[1] *ТГВ*. 1864. 7 авг.
[2] Там же. 7 дек.; 1878. 3 февр.; 1879. 2, 3 февр., 28 апр.
[3] Там же. 1881. 14 февр.

200 р., пожертвованные бийским купцом А.В. Соколовым на уплату «за право учения бедным воспитанницам гимназии духовного звания»[1].

Прошедший в здании манежа 29 декабря 1885 г. маскарад в пользу бедных воспитанниц гимназии, как сообщалось читателям «Губернских ведомостей», «удался вполне». Сбор с него составил около 600 р. На 1 января 1886 г. был назначен второй маскарад с той же целью. Читателям газета напоминала: «Бедных воспитанниц, в женской гимназии не мало, а потому желательно бы было, чтобы публика и на этот раз наполнила манеж и тем дала возможность помочь всем неимущим гимназисткам». От бала-маскарада, проведенного 1 января, было получено 1087 р. 78 к., деньги переданы начальнице гимназии Е. Фризель. Попечительский совет гимназии решил 515 р. внести на оплату за обучение во второй половине 1885 г. за 29 воспитанниц I–VIII классов гимназии.

К этому времени произошло существенное повышение платы за обучение. В 1884/85 уч. г. она составила за обучение в приготовительном классе – 20 р., в I–VII классах повысилась с 20 до 30 р., за «необязательные» предметы – с 5 до 10 р. в год. За новые языки была установлена плата по 10 р. за каждый язык; за обучение в VIII классе – в размере 50 р. в год[2].

6 февраля 1886 г. в «Томских губернских ведомостях» было опубликовано решение попечительского совета гимназии «внести за право учения в течение второй половины 1885 г. за 29 воспитанниц». В опубликованный в газете список вошли ученицы:

VIII класса	Баянова Екатерина (25 р.)
VII класса	Андреева Мария (15 р.)
VI класса	Мусохранова Зинаида (15 р.)
	Тарабыкина Анна (15 р.)
	Червякова Екатерина (15 р.)
V класса	Запугина Анна (15 р.)
(параллельного)	Киреева Евдокия (15 р.)
	Предэйн Мария (15 р.)
	Ситникова Августа (15 р.)
	Татомир Августа (15 р.)
IV нормального класса	Васинская Надежда (15 р.)
	Гедройц Бронислава (20 р.)
	Глюкман Вера (15 р.)
	Родюкова Пелагея (20 р.)

[1] *ТГВ*. 1881. 14 февр.
[2] Там же. 1886. 28 июня.

IV параллельного класса	Виноградова Елизавета (15 р.) Денисова Лилия (15 р.)
III нормального класса	Волховская Софья (25 р.) Загоровская Евгения (25 р.)
III параллельного класса	Гальчинская Елизавета (15 р.) Ревякина Наталья (15 р.) Сажина Софья (15 р.)
II класса	Гедройц Анастасия (20 р.) Денисова Анна (15 р.) Запугина Ольга (15 р.) Марцишевская Аделаида (20 р.) Севастьянова Александра (25 р.) Шемиот Александра (20 р.)
I класса	Тихобаева Мария (25 р.) Шемиот Юлия (20 р.)

Всего на сумму в 515 р.

Две ученицы III класса Вольховская Софья и Загоровская Евгения были обеспечены правом изучения, кроме «обязательных», по два «необязательных» предмета (французский и немецкий языки). Это право было предоставлено Севастьяновой Александре (II класс) и Тихобаевой Марии (I класс). По одному «необязательному» предмету изучали сестры Гедройц, Родюкова Пелагея (IV класса), Марцишевская Аделаида, Шемиот Александра – обе ученицы II класса и Шемиот Юлия – ученица I класса.

12 июня 1886 г. попечительский совет решил в течение первой половины 1886 г. «внести за право учения» (из сумм, собранных с маскарадов 29 декабря 1885 и 1 января 1886 г.) учениц:

VII класса	Андрееву (15 р.)
VI класса	Баранову (15 р.) Балкову (15 р.) Триполитову (15 р.) Малькову (15 р.) Мусохранову (15 р.) Орлову (15 р.) Тарабыкину (15 р.)
V класса	Пузик (20 р.) Запугину (15 р.) Кирееву (15 р.) Булыгину (20 р.)

IV класса	Васинскую (15 р.)
	Недорезову (15 р.)
	Денисову (15 р.)
	Евфратову (15 р.)
	Гедройц (20 р.)
III класса	Звенигородскую (20 р.)
	Гальчинскую (15 р.)
	Ревякину (15 р.)
II класса	Гедройц (15 р.)
	Марцишевскую (20 р.)
	Шемиот (20 р.)
I класса	Дмитриеву (15 р.)
	Триполитову (15 р.)
	Шемиот (20 р.)
	Остроухову (15 р.)
Приготовительного класса	Хотимскую (5 р.)

Всего 28 учениц попали в этот список. Из них 12 получили освобождение от платы за обучение во второй раз, в том числе сестры Гедройц, две сестры Шемиот (I и II класс). Из сестер Денисовых была освобождена учившаяся в IV классе. Лилия, за ее сестру Анну (II класс), так же как за Ольгу Запугину (II класс), на этот раз должны были по 15 р. заплатить родители[1].

При несколько улучшившихся финансовых возможностях в гимназии возникло намерение открыть классы музыки и пения. Считалось важным найти опытных и любящих свое дело преподавателей, которые сумели бы приобщить воспитанниц к музыке и пению.

С осени 1886 г. в гимназии появились прекрасные условия для проведения уроков рисования в большой светлой комнате. В утренние часы по расписанию в ней собирались воспитанницы нескольких классов одновременно. Класс был оборудован новыми «отличной работы» столами, пюпитрами для рисунков – оригиналов, новыми барельефными изображениями, развешанными по стенам. Для хранения рисунков ожидалось поступление нового шкафа – этажерки со многими отделениями. Появилась возможность для всех воспитанниц, обладавших способно-

[1] *ТГВ*. 1886. 26 июня.

стью к рисованию, реализовать себя под руководством назначенного преподавателем в рисовальных классах К.В. Кузьмина[1].

В 1885 г. из обучавшихся в гимназии 382 учениц общие классы посещали 285, 97 – параллельные классы на Елани. Курс за VII класс окончили 23 воспитанницы, из них 2 получили золотые медали, 3 – серебряные, 2 были награждены книгами. В этом году оказался редкий по количеству наград выпуск. Все 23 выпускницы поступили в VIII педагогический класс[2].

С 1887 г. попечительский совет гимназии пошел на новое увеличение размера платы за обучение:

– в приготовительном классе – до 25 р.,

– в I–VII классах за обязательные предметы – до 40 р. вместо 30 р.

За каждый из двух новых иностранных языков – по 15 р. вместо 10 р., в VIII классе – 60 р. вместо 50 р.

Обучение в женской гимназии родителям обходилось дороже обучения мальчиков в мужской гимназии. С начала 1887/88 уч. г. плата за обучение в мужской гимназии была увеличена: в приготовительном классе с 12 до 15 р., в остальных классах – с 20 до 25 р. в год[3].

Несмотря на увеличение платы за обучение, сокращения численности учениц в гимназии не происходило. Наоборот, с годами она заметно выросла: с 71 на 1 сентября 1864 г. до 124 к 1 января 1865 г., до 145 в 1869 г., 320 – в 1877 г., 382 – в 1886 г., до 971 – в 1908 г.[4]

Поиски путей решения проблемы тесноты в гимназии

Рост числа учениц сопровождался возникновением проблемы невероятной тесноты и скученности в учебных классах гимназии. В 1877 г. в начальных классах было 3 параллельных отделения. В первом классе обучались 80 учениц, которых следовало бы разделить не на два, а на три отделения. При такой скученности в классах становилось «тесно, душно, пыльно… не здорово… в такое тесное и душное помещение гимназии» собирались маленькие девочки «с дальних мест города, с Елани, слободки и других мест в зимнее время и распутицу». Тогда воз-

[1] *СВ*. 1886. 22 окт.

[2] Там же. 11 сент.

[3] Там же. 1887. 26 марта, 2 апр.

[4] Там же. 1865. 22 янв.; 1870, 7 февр.; *СВ*. 1886. 11 сент.; *ГТ*. 1908. 29 марта.

никла идея устранения этих неудобств устройством трехклассной прогимназии на Елани или в Солдатской слободке. Именно на этих окраинах города жили до 70 учениц приготовительного класса и трех младших классов гимназии.

Было подсчитано, что содержание прогимназии может обойтись на сумму в 3000 р. Из них на оплату труда трем классным наставницам потребуется по 400 р., учительнице приготовительного класса 300 р., на открытие библиотеки, приобретение учебных пособий, на проведение дополнительных уроков (в случае надобности иметь особого учителя математики и особую учительницу нового иностранного языка) 500 р., законоучителю 200 р., делопроизводителю попечительского совета и секретарю педагогического совета 200 р.

Источником содержания женской прогимназии могли быть суммы, которые отпускались городским обществом для Мариинской женской гимназии 2100 р. из повозного сбора и 700 р. – на содержание параллельных классов в гимназии. Второй вариант содержания прогимназии мог быть связан с 3000 р. из прибылей Томского Общественного банка, которые он готов был отпускать на содержание женских приходских училищ.

Имелось в виду, что потребуются денежные средства на постройку дома или наем помещения для прогимназии. Предполагалось, что скорее всего этих средств не найдется в городской кассе. Начальник губернии полагал, что «вероятно найдутся частные лица, готовые оказать в этом деле помощь своими средствами». Этому уже было положено начало потомственным почетным гражданином Томска купцом 1-й гильдии Я.И. Петровым, пожертвовавшим «на постройку дома для предполагаемой к открытию в Томске женской прогимназии» 1000 р. Немного позднее «на устройство в Томске женской прогимназии» также 1000 р. пожертвовал колыванский купец 1-й гильдии Г.И. Пастухов.

Рассмотрев вопрос о возможности открытия в Томске прогимназии, городская дума признала, что главная ее задача состоит в изыскании средств на постройку или покупку дома, который бы удовлетворял «необходимым условиям для открытия в нем женской прогимназии». Городской управе дума поручила «составить соображения о стоимости дома для предполагаемой женской прогимназии и затем принять меры к сбору необходимой суммы, и когда эта сумма соберется, то вопрос об открытии прогимназии представить на окончательное обсуждение думы».

Несмотря на необходимость неотложного открытия прогимназии, только через три года городская дума вернулась к этому вопросу. Тогда она рассматривала заявление томского купца 1-й гильдии И.А. Еренева, который извещал о завершении им постройки дома для помещения в нем женской прогимназии.

Попечительский совет предложил в этом доме пока разместить до открытия прогимназии параллельные отделения младших классов женской гимназии из-за тесноты в здании, занимаемом ею.

Комиссия, осмотрев дом, пришла к заключению о возможности начать в нем занятия. Были при этом учтены многочисленные замечания члена комиссии гласного Булыгина о необходимости создания многочисленных «приспособлений», что охотно согласился И.А. Еренев «сделать на свой счет». Он уже до этого пожертвовал дом для мужского и женского приходских училищ в Заозерном предместье, при которых с 1876 г. был почетным блюстителем, содержа их на свой счет и «всегда с полной готовностью удовлетворяя все их нужды и потребности»[1].

С годами проблема переполненности гимназии учащимися не становилась менее острой. В 1892 г. председатель ее попечительского совета обратился к городскому голове с просьбой о ходатайстве перед думой об отпуске, кроме 15000 р. из прибылей Общественного Сибирского банка, еще 10000 р. для каменной пристройки к главному зданию гимназии или хотя бы 4000 р. для возведения деревянного дома внутри двора гимназии, где могли бы разместиться временно некоторые классы, лазарет пансиона, баня.

Прибыль Общественного Сибирского банка за 1892 г. составила 24920 р. Дума постановила распределить ее:

1) на содержание Мариинской женской гимназии в 1893 г. – 12000 р.

2) наем помещения для параллельных классов гимназии – 2000 р.

3) расширения здания женской гимназии – 3000 р.

4) на награды – 1000 р.

5) на женские городские школы в 1893 г. – 6920 р.

Предусмотренные на расширение здания женской гимназии в размере 3000 р. в 1893 г. и 4300 р. в 1894 г. – не шли сразу по назначению, а хранились в Банке до особого распоряжения городской думы. На обзаведение и содержание женского приходского училища, открываемого по случаю 50-летия Банка, было выделено из прибыли 1893 г. 800 р., в

[1] *Свод* постановлений… с 1874 по 1891 г. … С. 520–522, 839–842; *ТГВ*. 1877. 17 дек.; 1878. 1 апр.

последующие годы предусматривалось выделение по 700 р. На 1000 р. было увеличено расходование на женские городские школы в 1894 г.[1]

В 1902 г. женская гимназия оказалась переполненной учащимися как никогда до этого. В 23 классах ее обучалось до 1050 учениц, в некоторых классах было более 60 учениц. В гимназии практиковались так называемые «бродячие классы», в которых с 9 часов утра до 3 часов дня непрерывно сидели две смены учениц разных классов. Поддержание порядка «в столь переполненной гимназии» требовало «чрезмерного напряжения сил и тяжелого труда» учителей в ущерб здоровью учениц. В этих условиях было совершенно необходимым учреждение 2-й женской гимназии. Но почти непреодолимым к этому препятствием думой считалось отсутствие необходимых средств. Уже действовавшие женские, как и мужские, воскресные школы находились в наемных, мало приспособленных, тесных помещениях, рассчитанных при найме на половину меньшее число учащихся. Городу приходилось искать средства на постройку собственных школьных зданий. На 1903 г. была намечена постройка дома для размещения в нем воскресных школ и трех начальных классов женских училищ. На это предполагалось затратить значительную часть средств из прибылей Общественного Сибирского банка. На возможность выделения их еще и на постройку здания для 2-й женской гимназии рассчитывать не приходилось.

Комиссия, занимавшаяся рассмотрением перспектив развития женского образования в Томске, предложила городской думе возбудить ходатайство перед ведомством императрицы об учреждении в Томске 2-й женской гимназии на его средства.

В случае отрицательного ответа со стороны ведомства императрицы предусматривалось ходатайство городской думы перед Министерством народного просвещения об учреждении 2-й женской гимназии.

Осенью 1902 г. с открытием в Томске частной женской гимназии и четырехклассного женского училища ожидалась значительная разгрузка гимназии. Однако этого не произошло. Женское училище оказалось уже переполненным, а число желающих поступить в Мариинскую женскую гимназию даже увеличилось. В ноябре 1902 г. городская дума постановила ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об открытии в Томске 2-й женской гимназии.

К 1908 г. гимназия немного разгрузилась. В этом году в ней обучалась 971 воспитанница. Из них 842 были томичками и 129 иногородних. По сословиям ученицы распределялись следующим образом: дочери

[1] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. … С. 190–191, 412, 500, 524–529.

мещан составляли 41,3 %, дворян и чиновников – 37,2 %, купцов – 10,7%, крестьян – 9,5 %, дочери лиц духовного звания – 1,1 %[1].

Как уже отмечалось, в 80-е гг. XIX в. финансовое положение за счет поступлений от маскарадов заметно улучшилось. Но в последующие годы появились проблемы с изысканием средств на внесение платы за обучение бедных учениц. Иногда возникали ситуации, когда не было средств не только для оплаты обучения дочерей в гимназии, но и на существование. В ночь с 1 на 2 января 1898 г. при пожаре вдова отставного чиновника Мария Николаевна Ступова выскочила из дома вместе с детьми в одном белье. Три ее дочери учились в гимназии, старшая в VIII классе, две – в III классе. Мать обратилась за помощью в городскую думу.

В сентябре 1898 г. служивший в ломбарде мещанин Н.В. Кудринский просил выдать ему пособие в размере двухмесячного его содержания при зарплате в 35 р. Он предлагал удерживать из его зарплаты по 5 р. в месяц. Три его дочери учились в гимназии, с наступлением осени не на что оказалось купить одежду и приобрести учебные пособия. К великому сожалению просителя дума отказала в его просьбе[2].

Может быть, дочери Н.В. Кудринского попали в число около 50 учениц гимназии, которые из-за «своей крайней материальной необеспеченности не могли внести платы за право учения» и должны были быть «выкинуты за борт школы, несмотря на горячее желание учиться». В корреспонденции «Голоса Томска» 18 декабря сообщалось: «Большинство учениц настолько бедны, что не имеют даже самого необходимого: теплого платья, калош. Родители их, обратившись в Общество вспомоществования недостаточным воспитанницам, раскрывали ужасную картину нищеты и безвыходности положения. «Имею 6 человек детей, а жалованья получаю всего 30 р. в месяц», – писала одна кухарка, умоляя дать возможность ее дочери кончить гимназию и внести за нее плату. Брат просил за сестру – их имущество продано с аукциона и они обречены на полную нищету. У Общества вспомоществования нет никаких средств. Оно обращается к добрым людям с просьбой «помочь беднякам в их стремлении к свету и науке подать руку дабы вывести их на дорогу».

До этой публикации Общество вспомоществования учащимся уже пыталось привлечь внимание «добрых людей» через ту же газету. В

---

[1] *ГТ*. 1908, 29 марта.

[2] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. … С. 202–203.

начале января 1908 г. на заседании Общества было рассмотрено 72 прошения родителей и родственников бедных учениц гимназии о взносе платы за обучение в размере 25–30 р. После устройства ученического вечера еще в конце 1907 г. оставалось чистой прибыли 305 р. и поступило пожертвований от А.И. Гороховой в размере 125 р. на уплату «за учение недостаточных гимназисток». Но помочь этим можно было немногим ученицам. Правление Общества решило устроить во время рождественских праздников елку. Родительский комитет взялся за устройство ряда популярных лекций. Г. Шиловская провела ученическое музыкальное утро.

Однако собрать удалось совсем немного средств. Елку планировали провести в здании Общественного собрания в первый день Рождества, но ее пришлось перенести на второй день и в другое место – в Бесплатную библиотеку. Чистый сбор с елки составил всего 79 р. 50 к. Музыкальное утро Шиловской дало 34 р. 81 к. Ничего не получилось с организацией лекций «за совершенно почти отсутствием посетителей». Неизвестно, о каких лекциях шла речь, так как лекции профессоров университета или П. Виноградова на тему «Былинные традиции в Олонецком крае» с исполнением им былин вызывали большой интерес слушателей.

Обществом справедливо отмечалось, что без крупного ежегодного пожертвования фирмой Второва 200 р. оно могло бы удовлетворить просьбу только 4–5 «недостаточных» учениц из 72 нуждающихся в неотложной помощи.

Члены Общества с глубоким сожалением обратили внимание на равнодушие состоятельных жителей Томска к образованию молодого поколения. «Как ни тяжело, но приходится констатировать, что публика с большим удовольствием и рвением посещает рестораны, несмотря на то, что развлечения, разумеется, не принадлежат к полезным по их эстетическим и нравственным качествам. Везде полные сборы, но только не у нас». Через «Голос Томска» они ставили вопрос – «Что же делать? Где взять средства на удовлетворение нужд остальных учащихся, большинство которых учится в старших классах и которым осталось всего несколько месяцев до окончания курса. Неужели им отказать и тем самым выбросить их на произвол судьбы?». Общество выразило уверенность, что «Томичи не допустят совершиться такой вопиющей несправедливости». Оно просило «внести посильные пожертвования».

По инициативе родительского комитета предлагалось в 1908 г. собрать деньги на учреждение стипендии имени ушедшего из жизни законоучителя гимназии Аполлона Лашкова[1].

Буквально на следующий день после обращения Общества вспомоществования учащимся на 23 января было объявлено грандиозное представление с благотворительной целью в пользу «недостаточных» учениц женской гимназии в цирке Стрепетова.

Концерты, музыкальные вечера, лекции в пользу женской гимназии и других учебных заведений становились значительным событием в жизни города.

6 марта 1906 г. в самой гимназии состоялся очередной музыкально-литературный вечер, подготовленный ученицами VI класса. На нем присутствовали приглашенные начальник губернии и его супруга. Ученица Введенская произвела особенно приятное впечатление своим «декламаторским искусством»[2].

Большой популярностью пользовались выступления с лекциями многих профессоров университета. Активно участвовал в пропаганде экономических знаний М.И. Боголепов, выступая перед населением города Томска на тему «Значение в народной жизни чая, сахара, водки». О культивировании в условиях Томска плодовых деревьев, о сортах кукурузы, которые могли произрастать в Сибири, узнавали слушатели из выступлений Н.Ф. Кащенко. «Русская общественная жизнь в поэтическом изображении А.С. Пушкина», «О жизни и деятельности Гоголя», «Вопрос о крепостном праве в русской художественной литературе» – темы, с которыми шел к слушателям И.А. Малиновский, П.В. Буржинский организовал университетский самодеятельный оркестр, который давал платные и бесплатные концерты с благотворительной целью. На 30 марта 1908 г. была объявлена лекция профессора И.В. Михайловского «Музыка и ее культурное значение» со сбором в пользу Общества вспомоществования учащимся[3].

Профессора П.П. Авроров, Н.Ф. Кащенко, С.И. Коржинский, А.Е. Смирнов, М.Н. Соболев принимали активное участие в деятельности различных просветительских обществ, избирались членами или председателями Общества попечения о народном образовании. А.М. Зайцев избирался председателем Томского общества вспомощест-

---

[1] *ГТ*. 1908. 22 янв.
[2] *ТГВ*. 1906. 12 апр.
[3] *ГТ*. 1908. 28 марта.

вования учащимся. Одно время был членом попечительского совета женской гимназии Н.Ф. Кащенко.

В пользу женской гимназии выступал с лекциями о былинной традиции на севере России, в Олонецкой и Архангельской губерниях П. Виноградов[1]. До приезда в Томск он был хорошо знаком с творчеством известной олонецкой вопленицы Федосовой. Совершенно неграмотная крестьянка пропела около 30 тыс. стихов, причитаний, свадебных, рекрутских напевов. В бытность свою преподавателем Олонецкой гимназии П. Виноградов посещал неграмотного крестьянина Петрозаводского уезда, лучшего певца Трофима Рябинина. Его сына Ивана, усвоившим былинный репертуар отца, П. Виноградов сопровождал в поездках в Петербург, Москву, Киев, Одессу, Болгарию, Сербию, Вену, Прагу. 24 марта 1902 г. Иван Рябинин в Зимнем дворце пел былины перед императором и императрицей, Виноградов давал необходимые пояснения. Император наградил певца золотой медалью для ношения на шее и золотыми часами с изображением государственного герба. Такие же часы получил и П. Виноградов.

В 1911 г. он исполнял обязанности инспектора по делам печати. В губернской типографии его выступление с рассказом об истоках и значении русских песен и былин, сопровождавшееся пением былины «Добрыня и Змей», доставило всем большое удовольствие и вызвало «шумное рукоплескание». Он создал оркестр балалаечников из молодых типографских рабочих и переплетчиков[2].

В 1913 г. в качестве свободного художника, не только способного к талантливому исполнению напевов былин, Виноградов участвовал в концертах, которые проводились преподавателями музыкального училища, в качестве дирижера симфонического оркестра и виртуоза пианиста. 23 сентября 1913 г. состоялся его сольный концерт пианиста.

Став преподавателем, а затем и директором музыкального училища, в которое были преобразованы музыкальные классы Томского отделения ИРМО, он вел занятия в классе духовых оркестровых инструментов, сольфеджио, гармонии, элементарной теории музыки, в классе инструментального ансамбля.

С 70-х г. XIX в. в Томске практиковалось проведение музыкальных вечеров, подготовленных любителями музыки «с благотворительной целью». Вечер, состоявшийся 7 января 1870 г. собрал более 300 слуша-

---

[1] *ТГВ*. 1906. 22 марта; *СП*. 1909. 31 янв.

[2] Там же. 1911. 5 янв.

телей. Входной билет стоил 1 р. При продаже билетов было пожертвовано еще 205 р. Чистая выручка составила 431 р. Из них по 100 р. было передано «недостаточным» учащимся мужской и женской гимназий[1].

С середины 80-х гг. в музыкальных концертах с благотворительной целью участвовала пианистка В.И. Богомолова, преподававшая в женской гимназии русский язык и музыку. Она выступала в концертах, которые устраивались Томским отделением Императорского Русского музыкального общества (ТО ИРМО). Оно оказывало посильную помощь нуждающимся в ней «недостаточным» воспитанницам гимназии. С возникновением ТО ИРМО в его рамках музыкальных классов, преобразованных в 1912 г. в музыкальное училище, музыкальные концерты стали устраиваться профессиональными музыкантами.

Помощь музыкантов воспитанницам гимназии была тем более значительной и ценной, что ТО ИРМО приходилось оказывать ее в условиях решения им сложнейшей проблемы изыскания средств для собственных нужд. Они требовались для приобретения музыкальных инструментов. Пожертвования для этой цели были первоначально весьма незначительными. В 1879/80 уч. г. на покупку рояля пожертвовали: Каменский – 100 р., Еренев и Пастухов – по 50 р., Петров и Родионов – по 20 р., другие лица – 25 р., всего 245 р. Общество купило рояль за 800 р. В 90-е гг. потребовались деньги в пользу сооружения помещения для музыкальных классов. В 1893 г. на это было пожертвовано более 2600 р. (15 жителями Томска). Но этих денег явно не хватало. Требовались деньги на приобретение нот, музыкальной литературы, на оказание материальной помощи бедным ученикам музыкальных классов. Изыскивались они путем проведения музыкальных концертов, оперных вечеров. Некоторые из них устраивались специально в пользу Томского Общества вспомоществования учащимся, а через него – в пользу «недостаточных» воспитанниц женской гимназии.

В 1883 г. при возвращении из Восточной Сибири в дни второго посещения Томска супруги Джубеллини-Шульцы с концерта, данного ими 7 июня, половину сбора передали в пользу бедных воспитанниц женской гимназии[2].

Событием в улучшении финансового положения женской гимназии и культурной жизни Томска явились концерты прославленной на весь мир капеллы Славянского. Сбор с концерта, прошедшего в ноябре

---

[1] *ТГВ*. 1870. 24 янв.

[2] *Куперт Т.Ю.* Музыкальное прошлое Томска (в письмах к А.Г. Рубинштейну). Томск, 2006. С. 74, 100, 106, 138, 223, 225, 229, 236, 360–362, 500, 626, 627.

1908 г., пошел в пользу Общества вспомоществования бедным ученицам Томской женской гимназии.

Концерт капеллы, как сообщалось «Голосом Томска», привлек такую массу публики, что цирк едва мог вместить всех слушателей. Но, несмотря на испытываемые неудобства от страшной тесноты и давки, публика была вознаграждена тем эстетическим наслаждением, которое получила от концерта. Несложная мелодия русской песни, облеченная в форму художественной, музыкальной аранжировки, в исполнении такого хора, как капелла Славянского, произвела чарующее впечатление. Особенно хорошо была исполнена шуточная песенка «Ванька – Танька» Даргомыжского, поражающая своей красивой комбинацией аккордов.

Настоящий фурор произвела «Ночка темная» художественной оранжировкой, красочным колоритом аккордов. Она была повторена несколько раз. В песне «Уж я золото хороню» красиво выделялся бас.

Прекрасно был исполнен дуэт Рубинштейна «Горные вершины» В.С. Славянской с контральто. Он исполнялся под аккомпанемент всего хора. Волжская бурлацкая песня «Эй, ухнем», исполненная хором мужских голосов, произвела сильное впечатление. Почти все номера программы были повторены на бис.

Во втором отделении выступил оркестр балалаечников под управлением талантливого артиста И.И. Левицкого. «Особенно хорошо были исполнены вариации на мотив “Вниз по матушке по Волге”». Вообще оркестр балалаечников играет с большим знанием своего дела и с большим искусством владеет каждый своим инструментом. Пальму первенства, несомненно, нужно отдать г. Левицкому, который в совершенстве владеет инструментом и извлекает из балалайки такие звуки, что положительно очаровывает слушателей». Концерт прошел с редким успехом.

Сын с честью поддерживает идею своего отца Д.А. Агренева-Славянского, половину своей жизни и все материальные средства положившего на великое дело культивирования русской национальной песни – творчества того великого русского народа, образцы произведений которого пелись «прадедами встарь» и которые будут петься до тех пор, пока будет жить великий русский народ»[1].

Что касается самого Общества вспомоществования учащимся, то оно продолжало практику устройства благотворительных концертов, вечеров. Такой очередной вечер, устроенный Обществом, прошел в октябре 1913 г. в пользу воспитанниц Мариинской женской гимназии[2].

---

[1] *ГТ*. 1908. 25 нояб.
[2] *ТВ*. 1913. 19 окт.

НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТОМСКЕ

Периодическая печать о проблемах начального образования в Томске

На страницах «Томских губернских ведомостей» с конца 60-х гг. появились публикации о первых успехах в развитии начального образования. Благодаря инициативе губернатора, содействию директора училищ и городского общества в октябре 1868 г. состоялось открытие трех приходских школ в Юрточной, Воскресенской и Сенной частях города. В каждое из них набирались 100 учащихся – мальчиков и девочек. Открытие этих училищ вселяло надежду на то, что «не сотни, а тысячи молодых людей получат первоначальное образование», а главное – «из них некоторые пойдут далее в гимназию, может быть, даже в университет. Дай-то Бог!»[1].

При открытии школ учитывалась необходимость на их содержание 3000 р. Можно было собрать 1500 р. с томских и иногородних купцов (1-й гильдии по 15 р., 2-й – по 6 р.), остальные 1500 р. предполагалось возможным покрыть за счет мещанского общества. Но в течение нескольких лет оно отказывалось от участия в содержании приходских школ.

На одном из заседаний городской думы весной 1876 г. томский 1-й гильдии купец И.А. Еренев заявил о его готовности устроить в Заозерной части Томска училище для мальчиков и девочек с содержанием его в течение семи лет. Открытие было объявлено на 7 сентября 1876 г. Желающие отдать своих детей учиться в этой школе «приглашались пожаловать в здание училища в назначенный день». В октябре этого же года И.А. Еренев был назначен блюстителем «содержимого им за свой счет» Заозерного приходского училища[2].

Городской думе в марте 1876 г. пришлось обратиться к городскому голове с просьбой вновь ходатайствовать к губернатору «о принятии мер к точному исполнению томским мещанским обществом приговоров городского общества… от 7 марта и 8 апреля 1869 г. об отпуске сумм (1500 р. – *А.Ж.*) на содержание приходских училищ в г. Томске».

---

[1] *ТГВ*. 1869. 24 окт.

[2] Там же. 1876. 12, 26 июня, 28 авг., 9 окт.

Деньги требовались и на строительство помещений для школ.

В мае 1879 г. на заседании городской думы рассматривалось заявление попечителя Юрточного приходского училища томского купца 1-й гильдии Н.Н. Баранова. По его свидетельству, Юрточное женское училище размещалось в нанятом у чиновницы Ничевской доме в Солдатской слободке, расположенном далеко от места проживания учениц. «Другого же дома, – заявил Баранов, – в более выгодном месте для учебного заведения в ведомстве Юрточной части нет». По своей инициативе он осмотрел здания в Солдатской слободке, где раньше располагалось отделение жандармов, принадлежащее городскому обществу. Баранов считал возможным это здание «приспособить под двуклассное женское училище», на что могло потребоваться немногим более 2000 р. Он заявил о своей готовности «отнести больше половины расходов на свой счет», из городских сумм просил отпустить 1000 р. Городская дума постановила поручить городскому архитектору Хабарову составить план и смету на постройку дома для Юрточного приходского женского училища.

В начале июня того же 1879 г. мещанское общество решило прекратить ходатайствовать «об избавлении от платежа денег на содержание приходских училищ». В 1878 г. во всех городских училищах обучалось детей разного сословия – 58, мещанских – 482, в 1879 г. соответственно: 58 и 503. Ссылаясь на то, что раньше мещанское общество таких сведений не имело, оно приняло решение на содержание томских приходских училищ вносить ежегодно по 1500 р.

Из-за недостатка городских средств не нашлось возможности в открытых училищах обеспечить проведение уроков по черчению и рисованию.

К осени 1881 г. в Томске открылись Ключевское, Слободское приходские училища.

Для более успешного развития образования подрастающего поколения в апреле 1880 г. дума приняла решение об учреждении при Томской городской управе училищной комиссии из почетных блюстителей училищ: Грибушкина, Голдобина, Хмелева, Баранова, Богомолова, Петрова и Макушина под председательством последнего. На комиссию была возложена забота «о надлежащей постановке городских школ и изыскании средств к умножению их». В обязанность комиссии входило представление управе один раз в год отчета о городских школах для доклада думе[1].

В феврале 1881 г. председатель училищной комиссии П.И. Макушин представил думе проект Общества друзей начального образования

[1] *Свод* постановлений… с 1871 по 1874 г. С. 290, 552, 628–630, 685, 750, 1043.

в Томске. Учреждение этого общества он считал необходимым с учетом того, что «хотя Томская городская дума и тратит ежегодно на народные училища значительную сумму, но нужды школы разнообразны… Многие из них остаются неудовлетворенными». Дума согласилась с предложением П.И. Макушина и постановила: «…поручить городскому голове войти, в установленном порядке, с ходатайством об утверждении устава общества»[1].

Еще до учреждения Общества друзей начального образования по инициативе П.И. Макушина, поддержанного наставниками томских учебных заведений и с разрешения начальства в начале 1875 г. началось проведение литературных вечеров. Они устраивались «для чтения лучших из имеющихся на русском языке статей и сочинений по естествознанию, общественной и частной гигиене, изящной словесности (еженедельно по вторникам), истории, географии и педагогике (по пятницам)».

П.И. Макушин понимал, что по сравнению с подобного рода вечерами столичных городов в Томске они проходят не так интересно. Со временем они могут стать более интересными «при помощи наглядных пособий, картин, приборов из физического и химического кабинетов и проч.». Но для проведения вечеров и приобретения наглядных пособий нужны были деньги. Они взимались с посетителей вечеров в размере 1 р. за места в первом ряду, 50 к. – за места во 2-м и 3-м рядах, за остальные места – по 20 к.

Приобретенными на эти сборы учебными пособиями было положено начало педагогическому музею в Томске. Он должен был стать «важным пособием при воспитании детей в школах и дома». К 1886 г. в педагогическом музее для всех школ имелось 800 названий книг педагогического содержания и 200 наглядных пособий[2].

А в открытой в 1884 г. народной Бесплатной библиотеке к концу 1885 г. было уже до 440 читателей, 1000 названий книг, в 1888 г. – до 800 читателей и более 2300 названий книг[3].

Существенная помощь учащимся начальных школ была оказана Е.И. и В.И. Королевыми, пожертвовавшими 3000 р. (Е.И. – 2000 р., В.И. – 1000 р.) на приобретение учебников, бумаги, карандашей и учебных пособий. Они при этом выдвинули ряд обязательных к исполнению условий использования этих денег для обеспечения каждой школы с учетом потребности (под отчет старшей учительницы или учителя). По-

---

[1] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 899.

[2] *ТГВ*. 1875. 8 марта.

[3] Там же; *СВ*. 1886. 17 авг.; *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 2359.

следние должны были «выдавать детям, кому что нужно, по назначенной думою цене». В каждой школе требовалось вывешивать «таксы продаваемым учебным пособиям», а учителя и учительницы обязывались ежемесячно «подавать в управу отчет и представлять вырученные деньги». В каждой школе требовалось устройство шкафов для хранения книг. Продажа учебников и учебных пособий по требованию Королевых могла производиться «по той цене, по какой они обойдутся для управы, с наложением провозной платы, свыше же той стоимости назначать цены управа ни под каким предлогом не должна».

Капитал этот жертвовался «на вечное время» и «ни на какие другие предметы», ни «на заимообразные выдачи для чего бы то ни было иного употребляем быть не может, ни под каким предлогом». При несоблюдении последнего условия Королевы оставляли за собой «право взять капитал обратно».

Городская дума постановила пожертвование Королевых принять, объявить им благодарность, на пожертвованные деньги «выписать книг и учебных пособий, насколько окажется нужным», в соответствии с предварительно доставленными сведениями для продажи их и «для бесплатной раздачи беднейшим ученикам в счет отпускаемых думой денег»[1].

Для Королевых не имело значения, каким путем будут приобретаться учебники и пособия. Главное состояло в выполнении условий о целевом расходовании пожертвованных ими денег и в том, чтобы книги и пособия «доставались детям по возможно низкой цене».

Однако вскоре для П.И. Макушина возникла чрезвычайно щекотливая ситуация, в которой он счел необходимым быть освобожденным от обязанностей председателя училищной комиссии. Дело в том, что ревизионная комиссия, учрежденная думой при училищной комиссии, обвинила П.И. Макушина в том, что он «в своих корыстных целях» продавал учебники и пособия для учебных заведений Томска. В вину Макушину ревизоры поставили и приобретение по его инициативе целого ряда наглядных пособий «на остатки сумм, ассигнованных думой на обзаведение училищ» (счетных устройств, глобуса, ящика с буквами, иллюстраций), по мнению Макушина, необходимых для классных занятий. Инкриминировалось ему и приобретение стенных часов для школ, специально заказанных им у жестяника ведер из белого железа, необходимых для хранения в них в течение всех часов пребывания детей в школе питьевой воды.

---

[1] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 1286–1287.

Все это настолько обескуражило П.И. Макушина, что он оказался вынужденным ответить публично на заседании городской думы на доклад ревизионной комиссии.

В качестве председателя училищной комиссии П.И. Макушин, по собственному его утверждению, «принял школы в свое ведение без библиотек, без пособий, без мебели. Постепенно, не отягощая городского бюджета, городская дума и господа почетные блюстители, уважая мои представления и ходатайства, – заявил он, – обзавели училища почти всем необходимым». Соответствовало действительности его утверждение: «Мною в течение 4-х последних зим, с принятием училищ в свое ведение, организована в значительных размерах, при содействии добрых людей, помощь одеждою учащейся в наших школах бедноте. Мною задумано, приведено к осуществлению и организовано в Томске «Общество попечения о начальном образовании», своим ростом обратившее на себя внимание других городов и вызвавшее подражание».

П.И. Макушин имел основания напомнить и о том, что в качестве почетного блюстителя женского Подгородного училища на его нужды он пожертвовал 300 р., участвовал в устройстве детских праздников, публичных актов. В качестве почетного блюстителя наряду с другими блюстителями училищ и городским головой «нес эти расходы, – как он особо подчеркнул, – очень для меня чувствительные».

В годы председательствования в училищной комиссии за свой счет он печатал все бланки, отчеты. «Не трудно представить, – считал Макушин, – в какую цену обошлись городу мои 4-летние труды и хлопоты по устройству городских школ».

Сказав обо всем этом, П.И. Макушин обратился к участникам заседания думы с заявлением о снятии с себя обязанностей председателя училищной комиссии. Дума, однако, это заявление оставила «без внимания».

Через 4 года свое заявление он вновь повторил, но снова не был освобожден от руководства училищной комиссией. В то же время, будучи глубоко заинтересованным в улучшении школьного дела, он внес в думе предложение командировать в учительский институт Петербурга одного из учителей городских школ на зиму 1889 г. «для изучения приемов ручного труда». Если среди учителей городских школ не найдется желающего поехать в длительную командировку, он предлагал послать сельского учителя с тем, чтобы по возвращении из Петербурга ему было предоставлено место работы в одной из городских школ.

Дума приняла предложение П.И. Макушина и постановила просить разрешения учебного округа на командировку одного учителя с выде-

лением ему на проезд в Петербург и обратно и проживание там в течение 6 месяцев 600 р. с условием, что командируемый по возвращении из Петербурга должен прослужить городу 3 года «за то вознаграждение, какое по должности учителя получает сейчас».

Макушин выступил инициатором открытия второго дополнительного при женских городских школах курса рукоделий. В уже работавшей рукодельной школе, рассчитанной на 30 человек, число учащихся выросло до 82. Многим желающим поступить в нее приходилось отказывать в приеме. Макушин предлагал открыть вторую рукодельную школу в районе Юрточной горы. Дума приняла предложение об открытии дополнительной школы рукоделия с определением 200 р. в год на жалование учительнице и 100 р. – на единовременное обзаведение[1].

По поручению городской думы в Санкт-Петербург съездил учитель Заозерного мужского приходского училища Леманкин. Изучив «первоначальные приемы ручного труда», он получил от учительского института свидетельство «о знакомстве с первоначальными приемами столярного, токарного и резного мастерства». 8 июля 1890 г. он подал заявление с просьбой «для обзаведения мастерской ручного труда» при Заозерном мужском училище приобрести, «по прилагаемому к заявлению списку, все нужные предметы и инструменты».

За чертежи и инструменты, приобретенные в Санкт-Петербурге, Леманкин просил вернуть ему 22 р. 42 к. Ознакомившись с отчетом Леманкина, Макушин признал: «вещи (указанные им в особом реестре и токарный станок. – *А.Ж.*) эти необходимы и без них нельзя начать обучение мальчиков приемам ручного труда». Дума постановила: «Отчет принять к сведению, а на приобретение означенных инструментов и токарного станка ассигновать 200 р.»[2].

В 1886 г. состоялся популярный в Томске праздник – публичный акт уездного и приходских училищ. Участникам праздника было сообщено о состоянии городских школ. Секретарь педагогического совета уездного училища А.И. Мисюрев сделал краткий отчет об уездном училище. Затем последовала раздача наград лучшим учащимся уездного училища и приходских школ – шести первым и девяти вторым ученикам училища, семнадцати первым и пятнадцати вторым мальчикам, четырнадцати первым и двадцати двум вторым девочкам приходских школ. В зале народной библиотеки были приготовлены столы с чаем и сладостями для 170 учеников, окончивших курс в этом году. Из них:

---

[1] *Свод* постановлений… с 1881 по 1891 г. С. 1515–1529, 1531, 2339.

[2] Там же. С. 2647–2648, 2658.

детей чиновников – 18, духовного звания – 1, городского сословия – 126, сельских – 25.

В 1885/86 уч. г. в Томске было 10 мужских начальных школ и 6 женских. Кроме того, к двум существовавшим с 1881 г. воскресным школам прибавилась третья – школа технического рисования, открытая в ноябре 1885 г. В каждое воскресенье на занятия приходили 15 человек. Занятиями бесплатно руководил в этой школе П.М. Кошаров. На покрытие необходимых расходов по содержанию школы рисования путешественник доктор П.Я. Пясецкий передал в распоряжение совета Общества попечения о начальном образовании книг на сумму в 500 р. К концу 80-х гг. XIX в. оно на свои средства открыло Еланское, Слободское, Мухино-бугорское, Заисточное приходские училища, ежедневные вечерние повторительные классы и женскую рукодельную школу.

Воскресные школы

В системе начального образования с течением времени возрастала роль воскресных школ. В конце мая 1901 г. состоялось заседание под председательством городского головы с участием директора народных училищ В.П. Щепетова, инспектора народных училищ В.Г. Добровольского, председателя училищной комиссии при Томском городском общественном управлении Е.С. Образцова, учителя Томской Мариинской женской гимназии Н.В. Борзова, распорядительниц Томских воскресных школ В.Е. Воложаниной, О.М. Андриевской и членов городской управы М.М. Дмитриева, Н.П. Сухих и В.М. Михайлова.

На комиссии рассматривалось коллективное заявление распорядительниц Томских воскресных школ.

Воскресные школы начинали свою деятельность в начале 80-х гг. при довольно ограниченном числе учителей и учащихся. Но со временем они быстро росли и крепли, постепенно завоевывая симпатии жителей города. К середине 1901 г. в воскресных школах обучалось до 500 учащихся в женской и 195 – в мужской. С ростом числа учащихся становилось все труднее решать учебные дела из-за тесноты в помещениях, в которых продолжали находиться школы с момента их открытия. Женская школа в 1901 г. занимала два помещения, располагаясь в уездном и Подгородном училищах. Мужская школа в течение 19 лет ютилась в здании мужского Владимирского училища. В начале 1900/01 уч. г. после поисков нового, более просторного помещения она перешла в помещение рукодельной школы Общества попечения о начальном образо-

вании. Но и этих помещений оказалось недостаточно. Число учащихся продолжало расти. В 1896/97 уч. г. их было 209, в 1897/98 уч. г. – 327, в 1898/99 уч. г. – 459.

Небольшие денежные средства для пополнения библиотек и приобретения наглядных пособий затрудняли работу школ в разных помещениях. В одной комнате небольшими группами вели занятия до 5–7 преподавателей. Парты и доски в классах были рассчитаны на детей 8–12 лет, а в воскресной школе учились взрослые и подростки.

Не было зала для занятий по Закону Божьему, проведения школьных праздников, комнаты для библиотеки, хранения наглядных пособий. Негде было собраться преподавателям во время перемен.

Из-за отсутствия раздевалки часто пропадали шубы, шапки, калоши, шали.

Участники заседания обратились к городскому голове с просьбой внести в думу предложение в одной из центральных частей города отвести свободное место и выстроить на средства города дом, который удовлетворял бы нужды воскресных школ. Город не должно смущать то обстоятельство, что придется затратить тысячи рублей. Но надо исходить из того, что воскресные школы нужны городу так же, как и храмы, потому что и школы и храмы «отвечают лучшим духовным потребностям населения». «Не хотите строить тюрьмы – стройте школы – стало общеизвестным логическим выводом из требований жизни», – заявили распорядительницы воскресных школ города.

Значимость этих школ определялась тем, что подростки, получившие первые зачатки грамоты в начальных классах, в своей значительной части были лишены другой возможности, кроме воскресных школ и вечерних классов, продолжить свое образование. Что касается взрослых людей, оставшихся необученными грамоте в детстве, воскресные школы и вечерние классы для них являлись единственным источником получения начального образования.

На заседании было высказано предложение о необходимости строить новое здание с расчетом, чтобы в нем «могли бы быть помещены со всеми удобствами три городских начальных школы и с не меньшим удобством во всех комнатах этого дома могли бы быть размещены воскресные школы». Предлагалось при новом доме построить флигель для учителей с предоставлением им квартиры из четырех комнат и кухни, две комнаты предлагалось предусмотреть для заведующего училищем и по комнате для двух помощников.

При обсуждении вопроса о выборе места для строительства этого дома высказывались соображения относительно Мухина Бугра, со сто-

роны Солдатской улицы. Учитывалось, что местность здесь сухая, высокая, удобны пути сообщения с ней. Это место наиболее центральное для окраины города (за исключением Песков и Заозерья), на нем удобно было построить каменный дом.

Относительно денег, которые потребуются на строительство дома, учитывалось, что в распоряжении города имелись 14000 р., предусмотренные на строительство женских школ на Песках.

Дума признала необходимой постройку нового каменного дома на берегу Ушайки как в более центральной части города или на Мухино-Бугорской площади по Солдатской улице. Дума дала согласие на ассигнование 14000 р. на строительство дома и на сбор по подписке, устройство гуляний, спектаклей и других увеселений.

Строительство нового дома для воскресных школ и вечерних классов должно было произойти за счет ущемления запросов Пушкинского и Владимирского приходских училищ, которые решено было разместить в купленном городом доме по Духовской улице.

Что касается приходских училищ, то с момента их открытия и в последующие десятилетия продолжало сохраняться бедственное положение многих учащихся. Страшная беднота среди детей в приходских школах была обычным явлением. Время от времени в газетах появлялись публикации с сообщениями: «Случается, что некоторые ученики до снега ходят босые в школу, простужаются и болеют… встречаются такие, которые живут со своими родителями даже в печах для обжига кирпичей». Иногда целая семья жила в холодной нетопленной каморке, «в которой нет даже кровати – больные дети лежат прямо на полу».

Каждый раз, когда в печати сообщалось о бедственном положении родителей и учащихся, выражалась надежда и уверенность, что «Томское общество, относящееся всегда с большим участием к нашим городским начальным школам, не откажет совету общества… и даст возможность обуть и одеть учащуюся бедноту».

В ответ на очередную просьбу помочь бедствующим ученикам почетный член Общества попечения о начальном образовании в Томске Е.И. Голованов в преддверии зимы в октябре 1886 г. пожертвовал 50 теплых меховых шапок для беднейших учеников приходских школ[1].

Деятельное участие в обеспечении нуждающихся учеников одеждой и обувью принимали и общественные организации. В декабре 1908 г. Комитет по заведованию бесплатной библиотекой выдал «теплого платья

[1] *СВ*. 1886. 19 окт.

беднейшим учащимся в 28 низших школах Томска». Всего тогда было выдано 135 пар валенок, 50 шапок, 12 теплых платков. Кроме того, на шитье 185 теплых пальто был выделен материал (верх, подкладка, вата)[1].

Существенной оказалась помощь приходским школам пожертвованиями на организацию питания для бедных учащихся. Осенью 1908 г. учительницы Владимирского мужского приходского училища выразили искреннюю благодарность почетному блюстителю школы И.И. Смирнову за пожертвованные им 30 р. «на устройство горячих завтраков для беднейших учеников школы»[2].

Потребность в поддержании здоровья учеников из беднейших семей организацией для них питания в школах была огромной. В те же осенние дни 1908 г. в «Голосе Томска» сообщалось: «В наших начальных городских училищах обучаются сотни слабых болезненных детей из семей бедных, питающихся хлебом, чаем и овощами, то есть мало питательной пищей». Для таких детей объявлялось необходимым «устроить завтрак тут же, в школе, в большую перемену. Завтрак должен быть теплый и состоять из молока, белого хлеба, мяса и чая». Совершенно четко представлялось, что «устроить такой завтрак для нескольких сот человек можно только с помощью добрых людей, готовых подать руку помощи голодному, слабому ребенку и поддержать его в самое нужное, дорогое для него время учения и роста».

Общество содействия физическому развитию для укрепления здоровья таких учеников в летнее время устраивало «дачные колонии», где дети под надзором наставников «укрепляли свое здоровье и душу». В зимнее время это общество устраивало в школах «для слабых, нуждающихся детей» теплые завтраки. Оно обращалось с просьбой «ко всем добрым и отзывчивым людям помочь в деле снабжения бедных школяров горячей пищей». На каждый пожертвованный рубль в те годы ребенок мог быть сытым в течение целого месяца. В октябре 1908 г. само Общество объявило о готовности «устроить завтраки в школах на 200 с лишним человек»[3].

Однако помощи, оказываемой жителями города, членами различных обществ, всем нуждающимся ученикам, постоянно не хватало.

В середине января 1915 г. в «Томском вестнике» сообщалось о том, что в 22 школах города из 2606 учащихся «дома не имеют обеда 300 детей, редко обедают 586», то есть треть школьников от общего их чис-

---

[1] *ГТ*. 1908. 14 дек.
[2] Там же. 24 окт.
[3] Там же. 26 окт.

ла были обречены на хроническое недоедание[1]. В этих условиях поддержка хоть какой-то части учащихся была весьма существенной и значимой.

В поисках средств на развитие начального образования

В мае 1902 г. в думу поступило предложение гласного И.М. Некрасова о возможности введения платы за обучение в начальных школах.

В ответ на ее запрос относительно допустимости предложения И.М. Некрасова П.И. Макушин выразил опасение, что введение платы помешает достижению девиза: «Ни одного неграмотного». Члены училищной комиссии, к мнению которой обратилась дума, также высказались категорически против введения платы. Они справедливо указали на то, что народное образование не является «предметом прихоти или роскоши, не только даже предметом удобства», но является «предметом первой необходимости» в жизни человека». Являясь одновременно и правом и обязанностью каждого человека, для детей школьного возраста начальное образование признавалось обязательным.

Предложение И.М. Некрасова вносилось в надежде на взимание платы «с детей состоятельных родителей», что, считалось, «даст городу возможность усилить городские средства на улучшение школьного дела»…

Члены училищной комиссии особое внимание обращали на обучение в начальных школах преимущественно детей родителей, имевших «непостоянный заработок и во всяком случае ниже среднего достатка обыкновенного городского обывателя из мещан, мелких служащих и торговцев».

Кроме того, отмечалось, что в городе немало детей бедняков, которые, находясь еще в школьном возрасте, «сыскивают себе пропитание» путем разноса газет, объявлений, стараясь при этом и учиться в школах».

Введение платы за обучение этих двух групп учащихся неизбежно могло привести «к лишению их возможности получить даже начальное образование». А что касалось детей состоятельных родителей, то их среди школьников было слишком мало, чтобы можно было за их счет «улучшить школьное дело» в городе.

Дума согласилась с доводами комиссии и не пошла на введение платы за обучение в начальных школах[2].

---

[1] *ТВ*. 1915. 16 янв.

[2] *Свод* постановлений с 1898 г.… С. 1136–1139.

Через несколько дней при рассмотрении в думе сметы расходов на текущий 1902 г. П.И. Макушин просил передать на обсуждение учителей школ города вопрос о возможных путях решения переполненности школ без обременения для городской кассы. При очевидной нехватке школ один из выходов из ситуации П.И. Макушин видел в открытии новых частных школ с учетом опыта их создания Лемакиным, Шешуковой, Черепановой, учителей, любящих свое дело и оказавшихся способными к открытию частных школ.

По утверждению П.И. Макушина в городе было немало других учителей, которые могли бы открыть частные школы. Но они не имели средств «на первоначальное обзаведение и обстановку школы мебелью и учебными пособиями». Для города считалось более выгодным «прийти на помощь таким учителям единовременным ассигнованием на обзаведение от 300 до 400 р.». Все остальные расходы казалось возможным покрывать поступлениями от учащихся. Пока же городу открытие каждой школы обходилось в среднем в сумму более 1200 р.

При обсуждении вопроса, какими должны быть вновь открываемые частные школы, особое внимание обращалось на то, что желательно «оказывать со стороны города пособия таким частным лицам, которые открывают школы нового типа, мало известным населению, но по постановке своей заслуживающим и доверия и расположения» жителей города.

Решение проблемы образования бедных детей церковных служителей

13 марта 1884 г. Сенат разрешил открыть в Томске с осени этого года женское епархиальное училище для бедных детей церковных служителей. На полном содержании за счет епархиальных средств находились 60 воспитанниц.

Штат 3-классного училища включал должность начальницы с годовым жалованием при готовой квартире в 500 р., воспитательницы при готовой квартире со столом с жалованием в размере 180 р. в год. Законоучителю за 10 уроков предусматривалась плата в 350 р. в год, инспектору классов – 150 р. в год. Им мог быть по совместительству законоучитель.

Программой обучения предусматривалось преподавание русского языка, арифметики и геометрии, географии, истории, физики, чистописания, пения, педагогики с оплатой учителям по 12 р. 60 к. за урок.

В штате училища были эконом с жалованием в 120 р. в год, делопроизводитель и доктор, получавшие по 100 р.

Начальница избиралась училищным советом из любого сословия, православной веры, «известная педагогической опытностью безукоризненным поведением».

В училище принимались на бесплатное обучение дети духовных лиц, дети других сословий с платой 15 р. в год.

Воспитанницы могли проживать в общежитии, у родителей или «у благонадежных лиц по доверию родителей». На проживание в общежитии имели право сироты местного духовенства, дети бедных церковнослужителей.

Совет училища имел право определять обучавшихся без взноса платы «за свое помещение или со взносом уменьшенной платы». «Прочие девицы духовного звания и других сословий» принимались на жительство в училище за плату «пансионерами, пользующимися в училище помещением и всем содержанием». Полупансионерки пользовались «только одним столом в училище» и могли оставаться там для приготовления уроков.

Для сирот и детей бедных родителей духовного звания при училище в каждом классе имелось по 20 бесплатных мест. Содержание пансионерки духовенства Томской епархии обходилось в 75 р. в год, иноепархиальных пансионерок – 100 р.[1]

Летом 1886 г. для епархиального училища комитет по его устройству купил у вдовы Е.А. Шумиловой и чиновницы В. Ляшковой каменный дом со строениями, землей за 15000 р.[2]

Начальницей Томского епархиального женского училища была поставлена, впредь до утверждения святейшим Синодом, М.Ф. Граженская, получившая образование в Орловской женской гимназии, затем прослушавшая высшие женские курсы в Киеве[3].

Окончившие полный курс без дополнительных испытаний получали право на звание домашней учительницы[4].

В училище наряду с выполнением обязательной учебной программы большое внимание уделялось эстетическому воспитанию учениц. Все, чему они могли в этом плане научиться, демонстрировалось ими на вечерах, которые регулярно устраивались в училище. Обычно исполни-

---

[1] *ТГВ*. 1884. 7 июня.
[2] Там же. 1886. 25 июня.
[3] *СВ*. 1886. 29 окт.
[4] *ТГВ*. 1884. 7 июня.

тельницами на вечерах были сами воспитанницы. Но иногда на вечере выступала «корпорация учителей, учительниц и воспитательниц». Один из таких вечеров состоялся 2 февраля 1911 г. В двух отделениях его исполнялось чтение, музыка, пение на русском, малороссийском, немецком, французском языках. Пение было представлено исполнением трио, дуэтом, соло. В корреспонденции об этом вечере отмечалось безупречное исполнение всех номеров: «…всякий исполнитель, видимо, подготовился и выполнил принятую на себя задачу удачно», настолько удачно, что «пение и музыка больше всего понравилось» и «было часто повторяемо на бис». «Впечатление от вечера получилось самое лучшее и нужно удивляться энергии и труду лиц, стоящих во главе этого дела, особенно начальницы» В.В. Субботиной.

При таких результатах эстетического воспитания учениц училища они получали хорошую подготовку для педагогической работы.

В 90-е гг. XIX в. в «Томских губернских ведомостях» сообщались сведения о Томской второклассной школе при архиерейском доме. В нее принимались для подготовки «способных и благонадежных учителей для церковных школ из местного крестьянского юношества». Учащиеся обучались грамоте, счету, арифметике, священной и церковной истории. Воспитанников учили и «благоговейно молиться, любить церковь… думать и жить по православно-русскому обычаю». Они посещали праздничное богослужение, участвовали в пении и чтении, по очереди прислуживали в алтаре. С начала 1895/96 уч. г. старшие ребята и в будничные дни по очереди «под опытным руководством» приучались «сами отправлять по уставу дневные церковные службы».

Хор певчих из воспитанников школы исполнял «песнопения за всенощной и обедней». Некоторые песнопения исполнялись всеми учениками вместе с собравшимся в церкви народом.

С февраля 1897 г. при школе были открыты для учащихся «особые внебогослужебные чтения с пением, исполняемые как учащими, так и учащимися школы».

При школе в недавно открытом ремесленном классе некоторые ученики под руководством мастера обучались шорному ремеслу.

В школу принимались все, кто успешно оканчивал одноклассную церковно-приходскую школу и другие начальные учебные заведения, в возрасте от 13 лет и старше. Условием поступления в школу являлось прохождение через предварительное испытание в знании курса одноклассной церковно-приходской школы. В случае «наплыва» учащихся

предпочтение отдавалось детям крестьянского сословия и духовного звания. Для детей из сел и деревень при школе имелось общежитие с платой за проживание в нем 5 р. в месяц.

Окончившие полный курс обучения в школе пользовались льготой в отбывании воинской службы, а некоторые из них и вовсе освобождались от нее. Для этого требовалась сдача экзамена на звание учителя начальной школы и поступление на работу в одну из школ епархии. Экзамен принимался при духовной семинарии или в одном из городских училищ[1].

Повивальная школа

1878 г. ознаменовался учреждением в Томске местной повивальной школы. В нее принимались с 18 до 30 лет женщины с увольнительной от мужа и девицы с согласия родителей или опекунов.

Прием в школу сопровождался экзаменом по Закону Божьему со знанием общеупотребительных молитв и перевода их на русский язык со славянского и с необходимым объяснением. По русскому языку требовалось умение бойко читать, составить толковый рассказ, написать диктант без грубых грамматических ошибок. Умение произвести первые 4 действия, знание нумерации чисел входили в требования, предъявлявшиеся при поступлении в повивальную школу[2].

Школа была рассчитана на 20 учениц, содержалась она за счет сумм губернского земского сбора.

Директора школы представлял начальник губернии на утверждение министра внутренних дел. Им становился врач больницы. На другого врача возлагалась акушерская практика.

Надзор за преподаванием в школе, практическими занятиями возлагался на инспектора врачебной управы.

Правилами поступления на двухлетнее обучение определялись не только возраст сельских жителей – с 18 до 30 лет, не только умение читать и писать по-русски. Обязательными условиями являлись физическое здоровье и достаточное умственное развитие. Малограмотные и вовсе неграмотные могли приниматься в приготовительный класс. Для них вводилось 3-летнее обучение.

---

[1] *ТГВ*. 1897. 27 марта.
[2] Там же. 1891. 22 авг.

Учебный год начинался 1 сентября и продолжался до 1 июня. В конце мая проводился экзамен. Не сдавшие его оставлялись на второй год. Окончившие курс обучения получали свидетельство на звание сельской повивальной бабки с правом заниматься акушерской практикой в селениях.

Воспитанницы находились на казенном содержании[1].

[1] *ТГВ*. 1878. 23 сент.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКЕ

Открытие реального училища

В начале 70-х гг., по предложению гласного А.М. Ермолаева, городская дума занялась решением вопроса об учреждении в Томске реального училища. Для всестороннего обсуждения его и изыскания средств на содержание училища была создана комиссия из гласных Кобылина, Ермолаева и Кошарова, которых дума попросила «по разработке этого дела представить доклад»[1]. Под устройство училища в январе 1876 г. было решено передать дом бывшего купца Шмера Хотимского, в то время принадлежавший городскому общественному управлению. На его отделку из городских сумм выделялось 15000 р. По получении разрешения правительства на открытие училища от Министерства народного просвещения ожидалось поступление до 5000 р. в год.

На одном из заседаний городской думы состоялось рассмотрение проекта прошения на имя великого князя Алексея Александровича, именем которого планировалось назвать училище. Было решено просить его о ходатайстве перед императором об учреждении в Томске училища с механико-техническим и химико-техническим отделениями и выделением средств из государственного казначейства.

Необходимость открытия такого училища обосновывалась тем, что только 4,5 % гимназистов поступали в высшие учебные заведения, остальные (более 95 %) не оканчивали полного курса обучения или только им ограничивались. С учетом неодинаковых природных способностей и талантов у детей признавалась неотложность «другого ближайшего к специальностям пути реального производительного образования».

Решение городской думы об открытии реального училища в Томске городской голова должен был довести до сведения начальника губернии с просьбой к нему ходатайствовать об этом в высшей инстанции[2].

---

[1] *ТГВ*. 1872. 27 нояб.

[2] *Свод* постановлений… за 1871, 1872 и 1873 гг. С. 101, 207–261; с 1874 по 1881 г. С. 258.

Весной 1876 г. в думе рассматривался вопрос о том, «какого рода училище» будет учреждено. При его обсуждении было доложено особое мнение П.М. Кошарова. Он считал необходимым открытие полного реального училища с четырьмя общеобразовательными классами, V и VI – основными и с тремя отделениями: коммерческим, механико-техническим и химико-техническим, с дополнительным VII или общим классом для тех, кто будет готовиться к поступлению в высшие учебные заведения.

Дума сочла более целесообразным просить правительство об открытии в училище первых четырех общеобразовательных классов, что, считалось, «даст возможность бедным или не желающим или не имеющим способностей к научному образованию ученикам гимназии более 100 человекам поступить во все 4 класса училища». Тогда не будет надобности в открытии при гимназии параллельных классов.

Обсуждение поставленного вопроса завершилось принятием решения об открытии 6-классного училища с 2 отделениями, как и ранее предполагалось – без коммерческого, на содержание его с отпуском 8000 р. из городских расходов. За обучение было предложено собирать 1500 р.[1]

Открытие училища было назначено на август месяц 1877 г. с приемом на первый год обучения только в первые 4 нижних класса после вступительных экзаменов в одном из помещений губернской гимназии[2].

К осени 1886 г. оно имело в своей фундаментальной библиотеке 4805 названий книг (7953 тома) на 18517 р., 346 приборов в физическом кабинете на 9870 р., 205 приборов в химической лаборатории на 3477 р., 160 моделей в механическом кабинете на 11746 р., коллекций и «разных производств» на 1066 р. в естественно-историческом кабинете, 852 пособия «для разных предметов преподавания» на 8070 р. Общая стоимость материальной основы для обеспечения учебного процесса составляла 56133 р. К этому времени обучалось 149 учеников[3].

Существенное значение для оказания помощи бедным учащимся имели пожертвования состоятельных жителей города – от попечителей и членов попечительства П.В. Михайлова, Ф.Х. Пушникова, Н.Н. Вяткина, Е.Н. Кухтерина. С 1887 г. четыре раза подряд со сроком на 3 года вновь избирался попечителем училища купец И.И. Колосов, который «всегда сердечно относился к нуждам училища». В течение первых трех

---

[1] *Свод* постановлений… с 1874 по 1881 г. С. 293.
[2] *ТГВ*. 1877. 23 июля.
[3] *СВ*. 1886, 4 сент.

лет попечительства он пожертвовал на ремонт училищных зданий и для бедных учеников более 3140 р., более 3000 р. составили его пожертвования на те же нужды в следующий срок. В 1894 г. на устройство пансиона при училище он вновь пожертвовал 3000 р.[1]

Обоснование П.М. Кошаровым в 1876 г. необходимости открытия реального училища с тремя отделениями, в том числе с коммерческим, нашло воплощение в жизнь более чем через 20 лет.

Коммерческое училище и создание «Общества распространения коммерческого образования» в Сибири

К концу XIX в. среди томского купечества возникла мысль о насущной необходимости открытия коммерческого училища. Потребность в нем обосновывалась тем, что проведение железной дороги в Сибири уже дало значительный толчок развитию торговых отношений с Европейской Россией. Купцы прониклись пониманием превращения Томска в один из важнейших центров Сибири и занятия им видного места среди торгово-промышленных городов всей России.

Быстрое возрастание торговых оборотов было связано с увеличением из года в год потребности в людях, подготовленных к ведению торгово-промышленных и конторских дел.

Купцами осознавалось, что в Томске нет учебных заведений, где бы желающие могли получить общее коммерческое образование или «приобретать познания по различным отраслям коммерческой специальности». Поэтому среди местного купечества возникла идея об открытии в Томске коммерческого училища, такого, какие существовали в Москве, Петербурге и других городах России.

Поддержавший эту идею торговый дом «Е. Кухтерин и С-я» пожертвовал для будущего училища новый 2-этажный деревянный дом с деревянным флигелем по ул. Магистратской Потомственный почетный гражданин Томска А.Д. Родюков «на дело коммерческого образования внес 1000 р.».

Была уверенность в том, что «Коммерческое училище и при своем возникновении, и в последующее время как <u>единственное пока в Сибири</u> (выделено мной. – *А.Ж.*) будет пользоваться симпатиями всего си-

[1] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 20, 522–523, 1292.

бирского общества, потому что его нужды не могут быть чуждыми каждому сибиряку, любящему свою родину».

Все сказанное выше было включено в обоснование необходимости открытия коммерческого училища в Томске в документе, принятом купцами 4 декабря 1899 г., направленному на рассмотрение в городской думе. Томское купечество обратилось к ней с «покорнейшей просьбой» оказать ему посильную помощь «в средствах для осуществления цели открытия в Томске коммерческого училища».

Дума приняла единогласное решение о единовременном выделении 10000 р. по статье расходной части сметы города на будущий 1900 год[1].

Самую большую помощь открывшемуся училищу оказывал А.Е. Кухтерин. Кроме переданных деревянных домов, он пожертвовал около 40000 р. на достройку каменного его здания. Не случайно томское купечество в благодарность ему решило поднести «великолепный бювар из кожаных корок с изящной серебряной доской» с адресом, на доске было отгравировано изображение пожертвованных училищу зданий. По специальному заказу бювар стоимостью в несколько сот рублей изготовила известная московская фирма Хлебникова. О готовившемся поднесении благодарности «Голос Томска» объявил в январе 1908 г. Предполагалось поместить в училище и портрет А.Е. Кухтерина. Вручение ему адреса состоялось 23 апреля в 12 часов дня. В то время в 7 классах училища обучалось 388 детей купеческого сословия (81), дворян и чиновников (55), почетных граждан (19), мещан (166), крестьян (56), прочих сословий (9), иностранных подданных (2)[2].

В 1911 г. Томское коммерческое училище было преобразовано в средний политехникум с землемерно-агрономическим, горным и общим отделениями[3].

Следующим шагом на пути коммерческого образования в Томске явилось учреждение «Общества распространения коммерческого образования в Сибири». Начало его действия пришлось на 18 января 1915 г. Через месяц совет Общества опубликовал обращение с просьбой ко всем сибирским газетам перепечатать его.

Начиналось оно с характеристики момента, переживаемого всей страной, и перспектив ближайшего будущего России и Сибири. Прежде всего обращалось внимание на то, что «русскому обществу предстоит решение целого ряда серьезных и насущных вопросов не только поли-

---

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 553–554.
[2] *ГТ*. 1908. 20 янв., 23 апр.
[3] *СП*. 1911. 26 нояб.

тических, но и экономических». Ожидалось, что «перегруппировка отдельных частей Европейского материка и пробуждение национальной самодеятельности, несомненно, повлечет за собой изменение экономической структуры во всем государстве». Выражалась глубокая уверенность в неизбежности экономического подъема и возрождения страны, что непременно проявится и в Сибири и приведет к развитию как частной, так и общественной инициативы. Частью такой инициативы уже являлись усилия купечества Томска, свидетельствовавшие о понимании значимости коммерческих знаний для осуществления перестройки экономической жизни. Именно в целях создания благоприятных условий для распространения коммерческих знаний и подготовки «просвещенных деятелей коммерции» и было создано вышеназванное Общество в Сибири.

Для результативного развития и распространения теоретических и практических коммерческих знаний была разработана глубоко продуманная программа деятельности Общества. В ней предусматривались проведение бесед, выступления с научными сообщениями по коммерческим темам, проведение съездов, организация выставок, создание периодического органа и издание трудов по коммерческим знаниям, открытие коммерческих школ, курсов, классов, чтение лекций по соответствующим темам, устройство конкурсов с выдачей премий за сочинения по коммерческим наукам.

В качестве ближайшей задачи Общества предусматривалось осуществление проекта об открытии в Томске женского коммерческого училища, счетоводческих курсов для взрослых и практической торговой школы. Подготовительная работа в этом плане уже была начата советом Общества. Перед Министерством торговли и промышленности совет уже ходатайствовал об утверждении уставов названных учебных заведений.

Следующей задачей Общества определялось открытие в Сибири высшей коммерческой школы – коммерческого института. Совет Общества планировал ходатайство перед законодательными учреждениями страны по вопросам, касающимся развития коммерческого образования и экономики Западной и Восточной Сибири.

Совет Общества был избран после утверждения устава в конце ноября 1914 г. А 10 декабря он направил делегатов Общества в Москву и Петроград «с целью узнать отношение к возникшему Обществу со стороны лиц, обладающих капиталом» и способных стать полезными Обществу. Делегаты встретились с рядом лиц, владевших крупными предприятиями в Сибири. Н.А. Второв, А.В. Касьянов, Л.А. Михельсон,

А.А. Швецов и другие предприниматели не только приветствовали открытие Общества, они стали его членами, сделали крупные пожертвования. Узнав об учреждении Общества в Томске, митрополит Московский Макарий, городской голова Москвы М.В. Челноков, председатель Московского общества взаимного кредита и Московского общества распространения коммерческого образования А.С. Вишняков, председатель Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников, директор Торгового банка А.Н. Найденов и другие известные люди Москвы тоже высоко оценили начатую деятельность томского Общества, тоже сделали «щедрые пожертвования и, вступив в члены его, обещали оказывать ему содействие в будущем».

По возвращении делегатов в Томск совет Общества «предложил целому ряду видных общественных деятелей, местных коммерсантов и ревнителей просвещения вступить в Общество». Предложение было встречено ими с радушием и «полным разделением надежд Общества». К началу 20-х чисел февраля 1915 г. в Обществе уже состояло около 100 членов.

Приглашая всех, кто интересовался развитием коммерческих знаний вступить в Общество, совет выразил надежду на то, что «местные работники откликнутся на его призыв и поддержат Общество как морально, так и материально». Естественно, что на вступительный взнос в размере 3 и годовой – в размере 5 р. Общество не могло рассчитывать на выполнение столь масштабно разработанной его советом программы. Обоснованно возлагались большие надежды на серьезную материальную помощь со стороны крупнейших предпринимателей.

Совет также обратился ко всем общественным организациям, органам городского самоуправления, купеческим управам, биржевым комитетам и к частным лицам, «желающим организовать в Сибири коммерческие учебные заведения», с предложением оказывать всемерное содействие в деле организации таких заведений «путем письменных сношений с Советом», который может командировать на места компетентных людей.

Совет Общества просил все сибирские газеты перепечатать это обращение. Он сообщил и свой адрес. Связь с ним можно было поддерживать через канцелярию Совета, находившуюся на ул. Магистратской, 30, ежедневно с 6 до 7 часов вечера[1].

---

[1] *ТВ*. 1915. 22 февр.

Что и говорить! Грандиозным по масштабам было задуманное советом и поддержанное не только купцами Томска. Но для развертывания его деятельности оставалось слишком мало времени.

1915 г. оказался насыщенными делами, связанными с развитием профессионального образования в Томске. В торговой школе получали образование 160 учащихся, к выпуску намечалось 25 чел.[1] Продолжалась подготовка учащихся к будущей работе в фельдшерской школе. Весной 1915 г. ее успешно окончили 16 учениц, трое из них (Гусева, Фомина и Кладман) – с отличием[2]. Педсовет женской профессиональной школы разрешил преподавателю рисования Н.П. Ткаченко отпуск для поездки в Петербург. Ему поручалось осмотреть музей прикладного искусства, особенно его отделы по вышивке и композиции, а также познакомиться «с постановкой рисования в профессиональных женских школах Петрограда и Москвы»[3].

Летом 1915 г. совет Общества по распространению коммерческого образования в Сибири, планируя открытие в Томске женского коммерческого училища и бухгалтерских курсов, возбудил в Министерстве торговли и промышленности ходатайство о разрешении на это. Начальник губернии, в свою очередь, обратился с запросом к городскому голове по поводу необходимости решения в городской думе вопроса об отводе участка городской земли для возведения в Томске здания женского коммерческого училища[4]. Шло обучение учащихся в епархиальной школе[5]. Продолжалась подготовка торговых работников в школе общества приказчиков, открытой в 1908 г.[6] Открытое в сентябре 1908 г. второе 4-классное городское училище в 1909 г. получило более 14000 р. на его содержание, 1000 р. на оборудование. Во все последующие годы было определено на содержание училища по 4250 р. Первым директором его был назначен учитель Чукреев.

Еще с середины 60-х гг. XIX в. энтузиазм в целях организации преподавания в учебных заведениях Томска стенографии проявил владевший ею Д. Маркузен. В 1864 г. он обратился к руководству учебных заведений города, к родителям обучавшихся в городских заведениях и к самим учащимся с приглашением желающих обучиться стенографии.

---

[1] *ТВ*. 6 февр.
[2] Там же. 18 марта.
[3] Там же. 9 мая.
[4] Там же. 25 июня.
[5] Там же. 5 авг.
[6] *ГТ*. 1908. 8 авг.

Он заручился согласием попечителя западно-сибирского учебного округа «не препятствовать преподаванию стенографии в тех учебных заведениях, где явятся желающие изучать это высокополезное искусство». На 5-месячные курсы с двумя уроками в неделю при плате в 1 р. 20 к. Довольно регулярно в последующие годы и десятилетия через газеты объявлялась запись на стенографические курсы, объявлялись приглашения желающих овладеть стенографией, особенно среди студентов. В очередной раз такое объявление было вывешено в ноябре 1908 г. в студенческой столовой за плату в 1 р. 25 к. в месяц за две недельные лекции продолжительностью в течение часа – полутора часов приглашались студенты на 5-месячные курсы[1].

В 1908 г. при коммерческом училище в Томске открылись бухгалтерские курсы, была здесь же объявлена запись на курсы общеобразовательных предметов, «полезных для коммерческой деятельности или ведения торгового дела». На курсах объявлялось овладение математикой, географией, русским и иностранными языками. Открытие курсов гарантировалось «в том случае, если наберется достаточное число слушателей»[2]. Работу курсов планировалось обеспечивать в вечерних торговых классах при коммерческом училище.

Женская профессиональная школа

Трудно переоценить значение открытия в 1905 г. в Томске женской профессиональной школы с двумя отделениями – белошвейным и портновским. Школа открывалась с перспективой превращения ее со временем в политехникум.

На ближайшее время предполагалась специализация в ней по ткацкому, чулочному, шляпному, прачечному, кулинарному мастерству, домоводству и изготовлению цветов. Школа должна была стать центром женского кустарного и промышленного производства в Томске. Для повышения квалификации преподавателей предусматривались их командировки «в специальные промышленные заведения». В 1915 г. педсовет школы разрешил преподавателю рисования Н.П. Ткаченко предоставить отпуск для поездки в Петроград «с поручением осмотреть музей прикладного искусства», его отделы вышивки и композиции, а

[1] *ГТ*. 1908. 18 нояб.; *ТВ*. 1915, 25 июня.
[2] Там же.

также познакомиться с преподаванием рисования в профессиональных женских школах Петрограда и Москвы.

При открытии школы для успевающих учениц была объявлена выдача стипендии «в целях дальнейшего продолжения их профессионального образования». На командировки преподавателя и обучение стипендиаток требовались немалые средства. Попечительница школы Е.А. Макушина на заседании городской думы 18 июня 1908 г. ходатайствовала о зачислении в специальный капитал школы всего чистого дохода от недавно устроенной выставки изделий учащихся школы. Она просила об этом и на будущее время. Кроме того, Е.А. Макушина считала необходимым ассигнование денег на нужды школы и по городской смете.

Какую-то часть необходимых для нужд школы средств удавалось получить за работы, выполненные ее учащимися по заказам. С сентября 1907 по июль 1908 г. было получено 180 р. 40 к., от продажи ученических работ – 222 р., с сентября по декабрь 1908 г. за исполненную учащимися работу – 125 р. 05 к., от продажи ученических работ – 50 р. 17 к. В 1908/09 уч. г. чистой прибыли было получено 578 р. 31 к.

Время от времени школой устраивались выставки ученических работ, об открытии которых жители города извещались заранее. В конце апреля 1908 г. жителей Томска известили о готовящейся «по примеру прошлых лет» очередной выставке работ, выполненных за весь учебный год. На выставке предполагалось представить «всевозможные вышивки бумагой, шелками», работы, выполненные крючком, дамское и детское белье, детские платья. Цены устанавливались с учетом стоимости материала с добавлением 5–10 % от нее за работу. За работы, выполненные на заказ, школа получала ежегодно до 200 р. чистой прибыли. Выставлялись и рисунки, выполненные карандашом и красками под руководством опытного учителя рисования Ткаченко[1].

Выставка состоялась 22 мая 1908 г. На ней оказались, кроме заранее объявленных работ, еще и шляпы из соломы и травы, цветочные. Она прошла в большом зале Гоголевского дома[2].

В последующие годы сохранялась практика проведения выставок. В 1915 г. она была назначена на 23–26 августа в здании бывшего родильного приюта на Раскате с продажей ученических изделий.

---

[1] *ГТ*. 1908. 26 апр.
[2] Там же. 22 мая.

В этом году был поставлен вопрос о возможности преобразования женской профессиональной школы в женское профессиональное училище.

Открытие школы сопровождалось большим потоком желающих поступить в нее[1].

Значительным событием в развитии женского образования в Томске явилось ещё до начала функционирования профессиональной школы с белошвейным и портновскими отделениями открытие в 1902 г. при 1-м женском двухклассном училище женских педагогических курсов[2].

Но томские профессора считали нецелесообразным ограничиваться на этих достижениях в развитии женского образования. Они проявляли большую заинтересованность в получении разрешения на учреждение в Томске женского университета. Их идея нашла живой отклик и за пределами города. В декабре 1908 г. «Голос Томска» опубликовал поступившее в его редакцию письмо А. Шнейдер из Тобольска. Об инициативе томской профессуры она узнала из заметки, опубликованной в «Сибирском листке», восприняв ее всем сердцем. Она писала: «Теплом и светом повеяло на меня от этих строк. Ведь каждую осень перед большинством из нас, сибирячек, закрываются двери высших школ в России». Хотя мечты о высшем образовании зарождаются еще в гимназические годы, немногие по окончании гимназии могут поехать в заграничные университеты. Для этого нужны деньги, решимость покинуть свою страну. Учеба за рубежом неизбежно потребует затраты времени на изучение языка. Поэтому А. Шнейдер обращала внимание на то, что желающие получать высшее образование, неизбежно оказываются в роли падчерицы высшей школы, «а так хотелось бы быть ее дочерьми», – писала она. Интеллигентные труженицы с высшим образованием смогут приложить свои знания, энергию, любовь к людям на многих поприщах, – выражала уверенность автор письма.

На ее взгляд, для претворения в жизнь идеи открытия в Томске женского университета наряду с получением разрешения на выделение средств для него необходима организация во всех городах Сибири обществ для изыскания этих средств. Особое значение она придавала устному и печатному распространению в широких кругах Сибири «в высшей степени плодотворной и человеческой идеи» открытия в Томске Сибирского женского университета.

---

[1] *ГТ*. 1908. 20 июня, 17 авг., 11 дек.; *ТВ*. 1915. 9 мая, 2 июня, 25 июля.

[2] *Памятная* книжка Томской губернии на 1912 год. Томск, 1912. С. 157.

Письмо А. Шнейдер завершалось обращением к сибирякам и всем «сочувствующим этим будущим труженицам на пользу и благо родного края»: «Не оставляйте их у закрытых дверей российской высшей школы, не заставляйте их покидать родину и ехать десять тысяч верст за получением того, что могут и должны они получать у себя дома». Она заверяла читателей газеты в том, что сибирячки оправдают доверие жителей Сибири и «отплатят сторицею».

Все сочувствующие газеты А. Шнейдер просила перепечатать это письмо[1].

Деятельность Общества пчеловодов

Наряду с содействием техническому оснащению хозяйства крестьян сельскохозяйственными машинами в конце XIX в. усилилось внимание к развитию пчеловодства. В 1896 г. томский губернатор, «озабоченный улучшением местного пчеловодства», сумел добиться учреждения должности пчеловода. 12 июня назначение на эту должность получил Е.Н. Зандрок, хорошо знакомый с состоянием этой отрасли хозяйствования не только в Томской губернии. По представленным им сведениям, она в то время занимала 1-е место в России. Общее число колодок в 642000 составляло приблизительно третью часть колодок всей страны. Вместе с тем, по мнению Е.Н. Зандрока, были основания для обеспокоенности упадком пчеловодства в губернии, как и по всей стране. Это было вызвано объективными причинами. Когда в губернии было много «нетронутых рукой человека пространств» и простая дуплянка-колода приносила доход и «все первобытные приемы пчеловода были хороши». Но по мере распахивания земель и расширения посевов зерновых произошло уменьшение естественных взяток, что сопровождалось быстрым сокращением доходов с пасек. Первобытная колодка оказалась неприспособленной к изменившимся условиям. По мнению Зандрока, для спасения пчеловодства от дальнейшего упадка следовало «расстаться со старыми приемами и повести дело на новых разумных основаниях».

Но огромную по размерам Томскую губернию одному пчеловоду можно было объехать лишь за год. Зандрок обратился ко всем пчеловодам с просьбой об оказании содействия. Прежде всего, он предполагал выяснить, кто из них нуждается в его помощи. У него были образцы «пчеловодческих принадлежностей работы вятской кустарной артели»,

[1] *ГТ*. 1908. 3 дек.

которыми его снабдил правительственный агроном. Все заинтересованные пчеловоды могли с ними ознакомиться. Зандрок объявил, что в скором времени он собирается начать производство ульев, устроив небольшую кустарную артель[1].

В 1898 г. «Томские губернские ведомости» сообщили пчеловодам о возможности выписать из Ставрополя «Пчеловодный атлас» с художественными рисунками медоносных растений «в красках», с текстом на веленевой бумаге в английской папке – роскошное и редкое издание. Для ознакомления с содержанием атласа можно было предварительно выписать его подробный проспект у Г.В. Парадиева из Ставрополя[2]. В этом же году были проведены курсы по пчеловодству для учителей по специально для них составленной программе[3].

Пчеловодам рекомендовались простейшие способы зимней подкормки пчел[4]. 1 мая 1910 г. состоялось открытие образцовой учебно-показательной пасеки Томского общества пчеловодства в саду местной Духовной семинарии. Иеромонах Алексий «совершил молебен и окропил святой водой павильон с различными предметами, необходимыми в пчеловодческом хозяйстве и ульи». Перед собравшимися, в числе которых был и губернатор Н.Л. Гондатти, выступил семинарский хор во время свершения молебна, затем состоялось чаепитие. Цель открытия такой пасеки сводилась к развитию пчеловодческих знаний среди учащихся семинарии. Было очевидным, что воспитанники с большим интересом посещали пасеку и знакомились с пчеловодством[5].

В 1910 г. в Томской губернии было до 15000 пасек, дававших в год около полутора миллионов рублей[6].

На весь июнь в 1911 г. при Томской сельскохозяйственной ферме в 30 верстах от города планировалось проведение курсов по пчеловодству. В программе курсов предусматривалось сообщение сведений о выставке пчел, весенней подкормке, способах наивысшего медосбора в рамочных ульях, правильной подготовке пчелиных семей к зиме, борьбе с болезнями пчел, о медоносных растениях. На курсы принимались лица не моложе 16 лет. Был объявлен прием и неграмотных. Передача знаний планировалась через беседы на практических занятиях. Беднейшие курсисты могли

---

[1] *ТГВ*. 1896. 1 авг.
[2] Там же. 1898. 26 марта.
[3] Там же. 26 нояб.
[4] Там же. 1906. 1 марта.
[5] *СП*. 1910. 7 мая.
[6] *ТГВ*. 1910. 4 июля.

рассчитывать на получение пособий в размере 10 р., но лишь при условии прохождения курсов по полной программе. Курсы устраивались главным образом для северного района губернии[1].

На конец августа Общество пчеловодства объявило о проведении в Томске пчеловодной выставки по обширной программе. На ней предполагалось представить описания, сфотографированные планы и модели пчелиных омшаников, построек для отбора и сбережения меда, различного рода статистические сведения. В числе пчеловодческих принадлежностей предусматривалось продемонстрировать ульи, приборы для усмирения пчел и для защиты от их укуса, сетки, кормушки, приборы для собирания и подсаживания пчел, продукты пчеловодства, изделия из воска, посуду для меда, медоносные растения. В программу выставки было включено знакомство с пчеловодческой литературой, приборами для исследования меда и воска, с работами по обнаружению фальшивых продуктов пчеловодства.

Однако из-за плохой погоды летом этого года выставку пришлось отменить. Пчеловоды отказались отправлять экспонаты из-за плохого медосбора[2].

С 1 декабря 1913 г. в Томском обществе пчеловодства было положено начало проведению бесплатных чтений-бесед «с сообщением сведений практического характера из области иностранного пчеловодства применительно к сибирским условиям». К тому времени один из членов общества успел неоднократно посетить заграничные европейские пасеки. Ему было о чем рассказать заинтересованным слушателям[3].

«Томский вестник» в 1915 г. объявил о намеченных с 15 февраля до 15 марта новых месячных курсах в помещении музея Общества[4].

В этом же 1915 г. в 9 верстах от Томска на Кседзовской заимке состоялись бесплатные курсы пчеловодства. Малосостоятельные получили пособие на содержание. На курсах была организована столярная мастерская «для обучения устройству ульев и других пчеловодческих принадлежностей»[5].

В результате гибели у многих пчеловодов большого числа пчел в 1914 г. почти исчез с рынка воск, а в 1915 г. медосбор оказался хорошим[6].

---

[1] *ТГВ*. 1911. 1 мая.
[2] Там же. 1913. 17 июля, 14 авг.
[3] Там же. 8 дек.
[4] *ТВ*. 1915. 6 февр.
[5] Там же. 21 апр.
[6] Там же. 15 июля.

В августе 1915 г. «Томский вестник» поместил материал о нападении пчел на жителей села Ржанополомского Вятского уезда. Оказалось, что один из местных пчеловодов чем-то вызвал раздражение своих пчел, которые разлетелись по всему селу. Все, кто не успел своевременно спрятаться, стали жертвами нападения пчел. От сильной боли кричали и плакали дети, взрослые пытались спрятаться кто где мог, метались в разные стороны собаки, кошки, коровы, стада баранов. Нельзя было избежать укуса пчел не только под открытым небом, но и в домах, попытки закрыть растворенные окна не обходились без жаления рук. Около часа пчелы держали в осадном положении целое село. Публикация этого материала была сделана с целью предупреждения о возможных последствиях в случае раздражения пчел[1].

В августе 1915 г. на станцию «Томск II» прибыл вагон-выставка по пчеловодству. В течение 3 дней каждый томич мог посетить ее. А в помещении железнодорожной школы была объявлена бесплатная лекция по пчеловодству[2].

Материалы газет свидетельствуют о том, как много внимания Томским обществом пчеловодства уделялось распространению знаний в этой отрасли хозяйства губернии и какую большую практическую помощь получали пчеловоды.

---

[1] *ТВ*. 1915. 13 авг.

[2] Там же. 19 авг.

ОБУЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

С конца 60-х гг. XIX в. на страницах «Губернских ведомостей» стали появляться публикации, отражающие отношение жителей города и сельской местности к образованию крестьянских детей.

Весной 1869 г. генерал-губернатор Западной Сибири объявил благодарность крестьянину Томского округа Николаевской волости села Молчановского Андрею Дементьеву Сысоеву за пожертвование им деревянного дома для сельского училища в селе Молчановском[1].

Пожертвование дома имело большое значение, это избавляло от необходимости изыскания средств на наем помещения для школы, в котором она остро нуждалась.

Волостные правления нередко сетовали на то, что и в сельских училищах ощущался крайний недостаток в учителях для обучения детей обоего пола. Иногда в течение продолжительного времени училище оставалось без учителя. Если удавалось найти человека, дававшего согласие на работу в качестве преподавателя, то по своим способностям он не соответствовал требованиям.

Весной 1872 г. в «Губернских ведомостях» было опубликовано объявление: если кто-то «пожелает принять на себя (учительскую. – *А.Ж.*) обязанность, то может обратиться в канцелярию Томского общего губернаторского управления» за сведениями о вакансиях и о средствах, «предоставленных помянутым учителям!»[2].

В начале 70-х гг. XIX в. серьезная озабоченность состоянием образования в губернии стала совершенно очевидной. Вызывала обеспокоенность невероятная переполненность учебных заведений в городе и сельских школ. Обращалось внимание на то, что «даже менее других достаточное и развитое крестьянское сословие охотно содержит на свой счет большую часть сельских школ не стесняясь пожертвованиями». В некоторых волостях добровольный сбор крестьян на содержание школ

---

[1] *ТГВ*. 1869. 30 мая.

[2] Там же. 1872. 8 апр.

доходил до 50 к. с души, о чем говорилось в обширном обзоре Набалова, опубликованном в «Губернских ведомостях» 19 мая 1873 г. В нем отмечалось, что добровольными сборами на школьное образование крестьяне совершенно не тяготились. «Напротив, – писал Набалов, – при посещении сельских школ нередко приходится слышать такой отзыв лучших представителей крестьянского сословия: «Дайте нам хорошего учителя, а мы не пожалеем денег». И как только оказывается «сколько-нибудь развитая и порядочная личность, школа быстро наполняется учениками, а крестьяне сами, без всякого понуждения, прибавляют наставнику содержание». В этой ситуации «всякое замедление в предоставлении населению Томской губернии средств к распространению образования» можно считать равносильной «искусственной преграде к дальнейшему умственному и материальному его развитию».

Автор задался целью ответить на вопрос, «что сделано у нас в настоящее время для народного образования, что безотлагательно нужно сделать и какие есть для этого у нас средства».

Поскольку высшее образование невозможно без начального, важно было, прежде всего, оценить состояние сельских школ Томской губернии. Именно они «ближе всего стоят к народу и должны иметь более всего влияния на массу населения».

Первые сельские школы возникли в 1856 г. На середину 1873 г. их в губернии было 65 (без учета школ в различных рудниках и заводах Алтайского горного правления). Из расчета общей площади Томского, Мариинского, Каинского, Барнаульского, Кузнецкого, Бийского округов с 65 школами каждая сельская школа приходилась на 11677 кв. верст и 9986 душ обоего пола. Из 65 школ 25 содержались за счет частных волостных повинностей, 40 – за счет добровольных сборов с крестьянских обществ. Из частных волостных повинностей на каждую школу отпускалось по 205 р. в год, из них: 100 р. платилось учителю, остальные 105 р. – на наем дома для школы, отопление, освещение, учебные пособия, наем сторожа.

Из 40 школ, которые существовали за счет добровольных сборов крестьянских обществ, размер содержания в среднем составлял 200 р. Из них 150 р. получал учитель, 50 р. шли на содержание дома, учебные пособия и наем сторожа.

В одной школе Кузнецкого округа крестьяне назначили учителю жалованье в 400 р., что свидетельствовало об их умении ценить хорошего учителя. В этом округе предусматривалось открытие еще трех сельских школ с таким же жалованием учителю.

Оплата тяжелого, однообразного труда учителей в размере 100–150 р. за обучение совершенно неграмотных и не развитых детей, справедливо оценивалась настолько мизерной, что очень трудно было найти при таком жаловании способного учителя. Всякий грамотный человек, если он еще имел порядочную репутацию, мог получить значительно большее вознаграждение за свой труд на другом поприще. Поэтому появление хороших учителей не случайно было достаточно редким явлением и при первом удобном случае «они переходят к более выгодным занятиям».

В результате этого почти во всех сельских школах преподаванием занимались приходские священники. Но по долгу службы, имея в своих приходах по нескольку раскиданных на большом расстоянии селений, они часто не справлялись с исполнением службы. Часто вообще не получая вознаграждения за свою работу в школе, живя только сборами с прихожан, священники вынуждены были думать об обеспечении своих семей. Но, находясь на учительском поприще, они не имели возможности уделять должного внимания обучению детей. Родители в этих случаях предпочитали оставлять детей, у которых возникало лишь отвращение к учебе, дома или отдавали их в обучение ссыльным.

Следствием этого являлось чрезмерно малое число обучавшихся в сельских школах и еще меньшее оканчивавших школу.

В 1871 г. в сельских школах обучалось 1419 мальчиков и девочек, полный курс окончили 71. Один учащийся приходился на 452 души. Отмечалось, что из окончивших полный курс освоить программу могла лишь 1/3 учеников.

Инструкцией, изданной Главным управлением Западной Сибири в 1858 г., председатель Казенной палаты обязывался осматривать школы при поездках для ревизии казначейств. Эти поездки совершались чаще всего летом, когда сельские школы были закрыты. А главное состояло в том, что председатель являлся специалистом по финансовым, а не учебным делам. Поэтому сложилось так, что надзора за сельскими школами фактически никто не осуществлял. Штатные смотрители уездных училищ имели поручения по наблюдению за сельскими школами и ежегодно имели право тратить на разъезды 60 р. но, считалось, что на эти деньги много было не наездиться. Кроме того, из-за недокомплектования преподавателями уездных училищ самим смотрителям приходилось заниматься обучением учащихся в городе.

В целом народное образование на селе страдало от недостатка школ, учителей, низкого уровня преподавания и большого отсева учащихся.

В ряде районов Европейской России кадры для школы готовились в учительских семинариях, открытых по инициативе земств. Но в Западной Сибири земств еще не было. Поэтому делом народного образования должна была заниматься администрация.

В сентябре 1872 г. начальник Томской губернии внес предложение генерал-губернатору Западной Сибири для улучшения деятельности сельских школ подбирать на учительские должности хорошо подготовленных людей, обеспечить школы достаточным количеством учебных пособий, установив за ними «особый учебный надзор».

Одной из важных мер представлялось учреждение в Томской губернии учительской семинарии для подготовки школьных учителей. На это могло потребоваться по 15000 р. в год. Но на первый случай считалось возможным ограничиться отправкой десяти стипендиатов в Омскую учительскую семинарию. Их содержание могло обойтись в 1000 р.

Стипендиатов предпочтительно было выбирать главным образом из крестьянских детей, избавив их при этом от всех натуральных повинностей на время исполнения ими обязанности учителя. Через 20 лет учительствования предполагалось сделать эту льготу пожизненной. Через 8 лет службы предлагалось представление учителя к награде «За усердие».

Для окончивших учительскую семинарию считалось целесообразной обязательная 6-летняя служба в качестве учителя.

Прошедшему полный курс обучения в учительской семинарии предлагалось платить жалование размером в 260 р. в год. На все 65 школ потребовалось бы 16900 р.

На учебные пособия считалось возможным для каждой школы назначить по 50 р., для всех школ на учебные пособия потребуется 3250 р.

Наем помещения для школы, отопление, освещение, наем сторожа губернатор предлагал отнести на счет крестьянского общества.

До начала 70-х гг. XIX в. на народное образование Томской губернии Министерство народного просвещения никаких расходов еще не несло. Теперь за счет средств государственного казначейства считалось необходимым учредить инспекцию народных школ губернии.

Для покрытия ежегодного расхода в 21150 р. предлагалось образовать особый училищный фонд Томской губернии, подотчетный Томскому губернскому совету. Фонд должен был нести расходы по представлениям губернского инспектора народных школ.

Источниками образования этого фонда могли бы стать остатки от губернских земских и волостных повинностей, которых к 1872 г. оказа-

лось до 140000 р. В будущем из этих сборов также можно было расходовать на народное образование.

Губернатор предлагал в пользу фонда брать ежегодно по несколько копеек с сельских жителей. Однако совершенно очевидно, что сельские школы обойтись только такими незначительными сборами с крестьян не могли. По-прежнему важное значение имели пожертвования в пользу сельских школ. Об этом свидетельствует выражение благодарности генерал-губернатора Западной Сибири 1-й гильдии купчихе г. Томска М. Хотимской за пожертвование летом 1875 г. деревянного на каменном фундаменте дома, учебных и классных пособий для Киреевского сельского училища всего на сумму в 1184 р. 6 к. В сентябре того же года томский 1-й гильдии купец Е.П. Исаев и отставной чиновник Д.И. Судовский были удостоены благодарности губернатора за пожертвование ими стекла на 200 р. для волостных училищ, которые тогда достраивались в Тогульском и Христорождественском селениях. В январе 1876 г. ростовский 1-й гильдии купец В. Королев пожертвовал помещение и средства для содержания Усть-Искитимской сельской школы. Заслужил благодарности губернатора томский 1-й гильдии купец М.П. Черемных «за пожертвование им для Горевской сельской школы дома, приобретенного покупкой с торгов в с. Горевском Кайлинской волости Томского округа». Каинский купец К. Ерофеев построил весной 1877 г. на свой счет в селе Каргатском дом для помещения в нем Каргатского сельского училища. Строительство дома ему обошлось в 1149 р.[1]

С годами продолжалось открытие новых школ – в селах Колпашевском, Новоильинском, Кетском[2].

Годы шли, а ситуация, характеризующая общее состояние образования в сельской местности, условия, определявшие его развитие, оставались прежними. Время от времени в печати появлялась информация вроде той, которую опубликовал «Сибирский вестник» 26 ноября 1886 г.: «В бедственном положении находятся сельские школы, ютящиеся в убогих помещениях без книг и пособий. С наступлением холодов половина учащихся перестает ходить в школу из-за неимения теплой одежды. И это считается обычным явлением, как будто так и надо».

---

[1] *ТГВ*. 1875. 12 июля, 13 сент.; 1876. 31 янв.; 1877. 9 апр.; 1878. 23 сент.

[2] Там же. 1872. 10 июня.

В этих условиях любая помощь сельской школе и родителям бедных школьников была очень значимой. Ее оказывали и сами состоятельные крестьяне.

В сентябре 1887 г. попечитель Кожевниковского сельского училища Елгайской волости крестьянин Кирик Степанов Муковозов пожертвовал новый дом в 300 р. под помещение сельского училища и принял на себя обязательство в течение трех лет производить ремонт, отопление, освещение училища и наем сторожа.

К.С. Муковозов «желая дать возможность к посещению школы крестьянским детям бедных родителей, не имеющих средств на приобретение для этого одежды и обуви», в январе 1891 г. «пожертвовал таким крестьянам материал для пальто, пимы, для мальчиков шапки и для девочек платки в количестве, потребном на 15 чел.»[1].

И в последующие годы открывались новые сельские училища и начальные школы Томской губернии. Сведения, составленные о числе сельских училищ и школ грамотности в Томской губернии с учетом числа учащихся, числа собственных школьных домов дают возможность составить общую картину развития образования на селе в конце XIX в. (табл. 4).

Таблица 4

Сведения об училищах Томской губернии

Годы	Сельских училищ	В них обучалось учеников	Учителей	В том числе имеющих звание учителя
1893	177	6040	258	250
1894	177	6353	258	252
1895	179	6958	261	255
1896	179	7413	263	256
1897	184	7237	262	256

За 1893–1897 гг. на 7 сельских училищ стало больше, заметно выросло число учеников, а следовательно, усилилась теснота в училищах, заметно возросла нагрузка на одного преподавателя. Почти все они имели звание учителя.

На содержание училищ «из сумм частных волостных повинностей» отпускалось: в 1893 г. – 55741 р., 1894 г. – 55526 р., 1895 г. – 56265 р. 16 к., 1896 г. – 56595 р., 1897 г. – 56657 р. 4 к.

[1] *ТГВ*. 1887. 3 сент.; 1891. 17 янв.

Значительно большими темпами росла численность учащихся в школах грамотности (табл. 5).

Таблица 5

Сведения о школах грамотности в Томской губернии

Годы	Число школ грамотности	В них обучалось учеников	Учителей	В том числе имеющих звание учителя
1893	144	2393	175	69
1894	155	3075	194	77
1895	422	10488	526	96
1896	1315	27932	1370	106
1897	1130	25889	1340	113

Расходы на школы составили: в 1893 г. – 26088 р. 91 к., 1894 г. - 29116 р. 72 к., 1895 г. – 42868 р. 64 к., 1896 г. – 102638 р. 94 к., 1897 г. – 90492 р. 66 к.

К 1897 г. 111 школ имели собственные дома, для постройки 103 школьных домов имелись средства или заготавливался лес для этой цели.

В расход сельских обществ не включались расходы, которые взимались по приговорам обществ «в виде натуральной повинности»: отвод, отопление, освещение квартир для школ, наем сторожа, а также «вознаграждение учителей» за счет крестьян путем освобождения их от исполнения натуральных повинностей. Во многих обществах южных округов сельскими сходами была установлена с учеников плата в размере 25–60 к. с каждого крестьянина «на вознаграждение учителей школ грамоты, не получающих иного содержания».

За 5 лет выросло число учеников начальной школы более чем в 10 раз, соответственно заметно выросло и число учителей, занятых их обучением. Удельный вес преподававших в школах грамотности, имевших «звание учителя» очень сильно снизился (примерно с 40 % в 1893 г. до 12 %).

Потребность в учителях для школы не только продолжала оставаться не восполненной, но еще более обострялась.

Обращение священника Николаевской церкви села Киреевского отражало общую ситуацию положения сельских школ в плане их обеспеченности учителями. Он объявил 1 июня 1897 г., что для школы грамоты в деревне Канаевой прихода Николаевской церкви требуется учитель или учительница, «обладающие гражданской правоспособностью (не

ссыльные) и знакомые с приемами начального обучения детей, хотя теоретически жалованье учителю этой школы положено от казны 96 р. в год, при готовых – скромной квартире в школе и простом столе от родителей учащихся».

Оплата труда учителя в размере 96 р. в год, «скромная» квартира, «простой» стол «от родителей» мало кого из способных учительствовать могли привлечь к работе в сельской школе. Время шло, а ставка на развитие народного образования за счет средств, взимаемых (пусть даже на добровольных началах) с крестьян, продолжала сохраняться.

В 1910 г. П. Виноградовым была подготовлена брошюра, посвященная «Начальному образованию в Томской губернии сравнительно с земскими губерниями и культурными странами всего мира». По данным П. Виноградова, на 100 жителей обоего пола в одно- и двуклассных школах грамоты числилось 2,5 %, при этом для мужского населения процент грамотных был выше среднего, он доходил до 3,6 %, а для женского населения – 1,1 %.

Из 244200 детей школьного возраста при общей численности населения губернии в 3100940 человек в начальных училищах обучалось 78045 человек обоего пола, вне школы оказалось 165157 человек, т.е. 68% детей.

На каждого жителя Томской губернии расход на начальные школы составлял 26 к., в то время как на водку – 7 р. 40 к. Даже в городах не все дети школьного возраста получали образование, не говоря уже о детях крестьян.

По-прежнему многие школы не имели собственного помещения. В школах ведомств Синода и Министерства народного просвещения более трети школ не имели собственного здания[1].

По данным на конец 1910 г., в Томской епархии было всего 957 школ, в том числе 5 – второклассных учительских, 6 – двуклассных, 946 – одноклассных. Во второклассных школах было 5 учителей по Божьему Закону, 15 штатных учителей, 5 – нештатных (преподавателей пения, рукоделия, ремесел). На содержание церковных школ в 1910 г. поступило 389385 р., в среднем по 400 р. на школу[2].

Несмотря на то, что не предполагалось улучшения с финансированием сельских училищ и начальных школ на середину первого десятилетия XX в., планировалось дальнейшее развитие народного образова-

[1] *СП*. 1910. 20 февр.
[2] *ТГВ*. 1911. 27 июля.

ния. Губернский училищный совет в начале 1915 г. утвердил проект школьных сетей в Томской губернии. Предполагалось открытие 3181 начальной школы с разным количеством комплектов, но не больше четырех в каждой школе. В них намечалось содержать около 4000 учителей при около 170000 учащихся.

Естественно, что рассчитывать на выполнение намеченного в короткий срок не приходилось из-за крайне недостаточного финансирования сельских училищ и школ грамотности. Как всегда, большие надежды возлагались на материальную поддержку в этом деле со стороны наиболее сознательной и обеспеченной части жителей. Опыт содействия развитию школьного образования в сельской местности уже имел давнюю традицию, ведущую начало с 60-х гг. XIX в. Не исключено, что в сложившейся ситуации не все из намеченного могло быть выполнено. Но вряд ли следует сомневаться в том, что, пусть медленно, развитие образования на селе продолжалось бы.[1]

[1] *ТВ*. 1915. 14 февр.

ВСЕМ МИРОМ

П.И. Макушин и Детский сад по методе Фребеля в Томске

С середины XIX в. широкую известность получило имя крупнейшего немецкого педагога Фридриха Вильгельма Фребеля (1782–1852), сыгравшего выдающуюся роль в развитии теории и практики дошкольного воспитания. Он изложил ее во многих трудах («Воспитание человека», «Материнские и ласкательные песни», «Сто песен к играм в мяч, практиковавшимся в детском саду в Бланкенбурге», открытом им в 1840 г.), а также в статьях по теории педагогики, публиковавшихся в издаваемом им «Воскресном листке». Уже после смерти Фребеля его сподвижник Ланге составил книгу «Педагогика Детского сада», куда включил выше названные издания. На русском языке она появилась в России в 1913 г. под названием «Детский сад».

Детский сад в Бланкенбурге через семь лет Фребелю пришлось закрыть из-за отсутствия средств на его содержание. Но он не отказался от идеи перспективности этого воспитательного учреждения и успел заняться подготовкой «детских садовниц» – воспитательниц. В конце жизни Фребель открыл еще один сад в Мариентале, однако в 1851 г. по требованию немецких властей признанные антирелигиозными все детские сады в Германии были запрещены.

Фребелевская методика воспитания в детском саду базировалась на том, что ее автор считал целью воспитания развитие природных способностей ребенка. Ядром педагогики детского сада Фребеля была игра. В ней он видел выражение внутреннего мира детей, игра использовалась Фребелем как одно из средств нравственного воспитания. Подражая взрослым, через игру ребенок утверждается в правилах и нормах нравственного поведения, тренируя свою волю. Игры, считал Фребель, способствуют развитию воображения и фантазии, пробуждают детское творчество. Фребель ввел разнообразные виды детской деятельности: работу с так называемыми дарами – строительным материалом, подвижные игры, рисование, лепку, плетение и вырезывание из бумаги, вышивание, выкладывание из металлических колец, палочек, бус. Многие из этих занятий применяются и в современных детских садах.

Детские сады, преследуемые при жизни Фребеля, с 60-х гг. XIX в. получили распространение, а к концу столетия заняли ведущее место в системе дошкольного воспитания во многих странах. Распространение идей Фребеля во второй половине XIX в. было связано с деятельностью его учеников и последователей, некоторые из них стали организаторами первых народных детских садов для детей пролетариата[1].

В России интерес к системе Фребеля проявился с 60-х гг. XIX в. Его методика освещалась на страницах журнала «Детский сад», издававшегося с 1866 г. К наследию Фребеля в те годы высказывали свое отношение выдающиеся русские педагоги – В.И. Водовозов, Е.Н. Водовозова, К.Д. Ушинский. К глубокому сожалению, советскому читателю длительное время это отношение подавалось в искаженном виде. Русским педагогам приписывались оценки Фребеля, которых они не высказывали. В угоду признанию единственно верной основой воспитания теории марксизма-ленинизма система Фребеля в течение десятилетий упоминалась и анализировалась лишь со знаком «минус» под названием «фребелизм», «неофребелизм»[2] либо не упоминалась вообще, словно ее и не было[3].

В середине 70-х гг. XX в. в Томске было широко отмечено 150-летие со дня рождения К.Д. Ушинского. Студенты педагогического института в ходе подготовки к этому юбилею написали около 70 рефератов, в том числе и по проблеме «К.Д. Ушинский о зарубежных педагогах (Локке, Руссо, Дистервеге, Гербарте и др.)». Может быть, Фребель подразумевался в числе «других», но в материалах научной конференции он не назван ни разу[4]. Лишь в немногих публикациях последних десятилетий XX в. по истории зарубежной педагогики система до-

---

[1] *Нечаев А.П.* Фребель // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXXV, кн. 72. СПб., 1902. С. 689–691; *Янжуль Е.* Детский сад // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XI, кн. 21. СПб., 1893. С. 351; *История* педагогики / Под ред. М.Ф. Шабаевой: Учеб. пособие для студентов пед. институтов по специальности № 2110 «Педагогика и психология (дошкольная)». М.: Просвещение, 1981. С. 56–62.

[2] *Фролова О.А.* Е.Н. Водовозова о воспитании детей дошкольного возраста. М.: Учпедгиз, 1949. С. 5–7, 12–14; *Она же*. Система учреждений дошкольного воспитания в СССР: Пособие к изучению курса дошкольной педагогики для студентов-заочников дошкольных отделений пед. ин-тов. М., 1962. С. 39; *Творческие* игры в детском саду. Из опыта работы московских детских садов. Минск, 1953. С. 197; Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники): Сб. науч. тр. М., 1980. С. 7.

[3] *Фролова О.А.* Е.Н. Водовозова о воспитании детей дошкольного возраста. С. 8–12.

[4] *Вопросы* истории педагогики: Материалы науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения К.Д. Ушинского. Томск, 1975. 192 с.

школьного воспитания детей, разработанная Фребелем, получила объективную оценку и заняла достойное место.

Отношение русских педагогов к системе Фребеля нуждается в специальном исследовании. Пальму первенства и глубину **критики «фребелизма»** (выделено мной. – *А.Ж.*) некоторые исследователи отдавали К.Д. Ушинскому[1]. Детальный анализ теоретического и практического наследия Фребеля К.Д. Ушинским дан в его «Отчете о командировке за границу», составленном в 1867 г. по итогам 5-летнего изучения им постановки школьного дела за рубежом[2]. Специальный раздел «Отчета…», вылившегося в научный трактат, посвящен «Детскому саду». В нем с удовлетворением отмечено применение за границей фребелевских игр и занятий не только в детских садах, но и приютах.

Лично ознакомившись с детскими садами в Германии с единственной целью «самому узнать правду», К.Д. Ушинский пришел к убеждению о наличии в идее детских садов «зерна правды», «которое с течением времени, очистившись от своей шелухи, ляжет **в общую сокровищницу педагогических приобретений человечества** (выделено мной: не немецкой нации, а человечества! – *А.Ж.*) …Несомненная заслуга Фребеля состоит в том, что он **первый** (выделено мной. – *А.Ж.*) обратил внимание на развитие детей младшего возраста, на их характер, стремление, наклонности и взглянул на детскую жизнь как на жизнь относительно полную и законным потребностям которой должны удовлетворять взрослые».

К.Д. Ушинский, отвечая на вопрос, что принципиально нового содержится в системе Фребеля, особо отмечал: «Педагоги забывали, что ребенок не только готовится жить, но что уже живет и что эта жизнь имеет свои права и потребности. Но так как в жизни ребенка игра составляет то же самое, что для взрослого человека всякая так называемая серьезная деятельность, то естественно, что Фребель обратил преимущественное внимание на игры детей».

Суждения К.Д. Ушинского свидетельствуют о высокой оценке им вклада Фребеля в разработку системы детского воспитания. Хотя в целом он исходил из того, что «немецкая педагогия не общечеловеческая, а строго национальная, и поэтому для России, очевидно, не пригодна. Русским педагогам нужно создавать свою педагогию, а не заимствовать ее у немцев», в системе Фребеля он увидел ценное для педагогики всего человечества.

---

[1] *Фролова О.А.* Е.Н. Водовозова о воспитании детей дошкольного возраста. С. 13.

Критические замечания К.Д. Ушинского сводились не к отрицанию самой системы Фребеля, а к неприятию некоторых методов и средств ее осуществления. И в этом случае русский педагог проявил огромный такт по отношению к своему коллеге, понимая причины возникновения сложных моментов в практическом использовании «методы» Фребеля: «Как всякий нововводитель он слишком увлекся, слишком систематизировал их (игры. – *А.Ж.*) и придумал много таких, в которых мало детского».

К.Д. Ушинский не ограничивался констатацией того, что не устраивало его в системе Фребеля, он с пониманием отнесся к невероятно сложной задаче, которую решал Фребель: «…придумать детскую игру есть, может быть, одна из труднейших задач для взрослого человека. Фребель поступил бы, может быть, лучше, если бы разработал те детские игры, которые придуманы уже веками и в которые играет и русский мальчик, и маленький итальянец, и маленький индиец на берегах Ганга, в которые играют и наши дети и играли дети древних греков и римлян».

Актуальными до сегодняшнего дня остаются перспективы, намеченные К.Д. Ушинским в развитие идеи Фребеля о роли игры как воспитательного средства: «Детские игры ожидают еще своего историка, который с удивлением заметит, как какая-нибудь игра с необыкновенной верностью и даже точностью, потерявшей иногда всякий смысл, передавалась из поколения в поколение, через несколько тысячелетий. Обратить внимание на эти народные игры, разработать этот богатый источник, организовать их и создать из них превосходное и могущественное воспитательное средство – задача будущей педагогики».

К.Д. Ушинский достаточно резко отозвался о придуманных Фребелем играх, в которых оказалось «много искусственного и не детского. Песенки, по большей части, скучны, натянуты, написаны очень дурными стихами, которые, по замечанию швейцарского педагога Фрелиха, могут только портить вкус ребенка, а главное, проникнуты несносным для детей дидактизмом». С сожалением он отмечал: «Странно даже, как Фребель, знавший так хорошо детскую природу, выпустил из виду то, что мораль в песнях ничему не может научить пятилетних детей. Здесь он был, кажется, увлечен общей немецкой страстью морализировать и кстати, и некстати».

Однако главное в оценке системы Фребеля состоит в признании ее достоинств: «…игры Фребеля, а еще более придуманные им или собранные детские занятия… в руках хорошей наставницы, понимающей

инстинктивно потребности детской природы и умеющей удовлетворять им… приносят много пользы». В этом К.Д. Ушинский убедился, побывав в детском саду госпожи Мирбах. По его признанию, «такого природного педагога, такой развитой по уму и по сердцу женщины… редко случалось видеть». Использование занятий и игр, придуманных Фребелем, «облегчили воспитательнице ее труд, дали ей средства, которых она сама во всей их полноте может быть не отыскала бы скоро». Он пришел к твердому убеждению: там, где можно устроить детские сады «под руководством наставницы, обладающей педагогическим талантом», способной приучить детей «к общественности», сглаживать «угловатости характеров детей», научить их «играть вместе, что очень важно, уступать и помогать друг другу», полюбить порядок, стройность, гармонию в звуках, цветах, фигурах, движениях, в словах и поступках», необходимо устраивать их «по возможности скорее».

Но, на взгляд К.Д. Ушинского, этим не ограничивается польза, которую можно извлечь из идей Фребеля: «Иногда из его игр и в особенности многие из его детских занятий, упростив их, следует ввести в детские приюты, во все малолетние школы и даже в младшие классы всех учебных заведений». Он отметил исключительную роль системы Фребеля и в домашнем воспитании и обучении, радовался тому, что «издания различных детских занятий и игр по методе Фребеля во множестве расходятся в Германии, проникая и в другие страны»[1].

Можно считать, что К.Д. Ушинскому принадлежит огромная заслуга в том, что он дал глубокий анализ теоретического наследия и объективную оценку практической значимости идей Фребеля. Они нашли применение и в России. В 1871 г. окончившие курсы для учительниц и детских садовниц в Готе Н.К. Задлер и Е.А. Вертер создали в Петербурге Фребелевское общество, на базе которого началась подготовка «детских садовниц». В 1873 г. Н.К. Задлер и Е.А. Вертер открыли первые в России детские сады по системе Фребеля. В 70-х гг. такие сады появились в Москве, Ораниенбауме, Варшаве, Киеве, Одессе, Таганроге, в ряде других городов[2], в том числе и в Томске, где в роли учредителя детского сада выступил П.И. Макушин.

---

[1] *Ушинский К.Д.* Отчет о командировке за границу // Собр. соч.: В 11 т. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук, 1948. Т. 6. С. 497–500.

[2] *Янкуль Е.* Детский сад // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., Т. XI, кн. 21. 1893.С. 351–353; Фребелевское общество // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXXVI. С. 688.

Педагогические дарования П.И. Макушина, проявившиеся во время его работы в школе при алтайской миссии и в должности смотрителя Томского духовного училища с достаточной полнотой раскрыты Т.В. Сталевой[1]. Причастность же П.И. Макушина к устройству в Томске «детского сада по методе Фрабеля» еще не привлекала внимания исследователей.

С системой Фребеля П.И. Макушин ознакомился еще в годы учебы в Духовной академии в Петербурге, когда приобрел книгу Дарагамана «Руководство к детским садам по методике Фребеля»[2]. Не удалось установить, когда он обратился к генерал-губернатору Западной Сибири за разрешением на открытие сада. В одном из августовских номеров «Томских губернских ведомостей» за 1874 г. сообщалось, что такое разрешение получено, но открытие откладывается «за неприбытием из Санкт-Петербурга садовницы». А 9 ноября этого же года в «Томских губернских ведомостях» появилось объявление: «С 1 января 1875 г. в Томске имеет открыться с дозволения высшего начальства Детский сад. Детей принимают обоего пола всех сословий и вероисповеданий с 5-ти до 9-ти лет. Плата за обучение 2 р. 50 к. в месяц. Желающие поместить своих детей в упомянутое училище могут обратиться со словесною просьбой к дочери подполковника Татьяне Александровне Леонтьевой, живущей в доме Косоносова под Юрточной горой на Дворянской улице».

П.И. Макушин считал возможным использовать систему Фребеля не только для воспитания детей дошкольного возраста, но и при обучении школьников, соединив в одном учреждении собственно детский сад и «элементарную школу». В программе занятий, заявленной П.И. Макушиным, предусматривались наглядное обучение, рисование, письмо, обучение грамоте, счет, пение, первые сведения из Закона Божия. Время пребывания детей в школе планировалось с 9 часов утра до 1 часа дня ежедневно, кроме воскресенья и праздничных дней. Учредитель гарантировал обеспечение воспитанников всеми необходимыми материалами (книгами, тетрадями, карандашами и проч.) за плату в 1 р. на весь период обучения. П.И. Макушин объявил о праве «всякого и во всякое время» на посещение школы при одном-единственном условии, что «господа посетители не должны разговорами и замечаниями нарушать порядок занятий».

---

[1] *Сталева Т.В.* Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск: Том. кн. изд-во, 1990. С. 38–52.

[2] *Зейлингер-Рубинштейн Е.Н.* Очерки по истории воспитания и педагогической мысли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. С. 39.

Редакция «Губернских ведомостей» пожелала «полного успеха и доверия публики», обратив особое внимание на преимущества в обучении и воспитании ребенка в такого рода школе-саду перед домашним воспитанием и обучением: «При одиночном обучении нет примера в товарищах, настойчивым трудом одолевающих ту или иную трудность, нет интереса и возбуждения к работе, которые значительно поддерживаются соревнованием при совместном обучении нескольких детей. Вообще при одиночном воспитании и обучении детей нередко замечается отсутствие выработки характера и правильно направляемой воли». Газета выразила надежду, что школа-сад П.И. Макушина «многим даст возможность избежать этих недостатков» и пожелала от души, чтобы «господин Макушин также внимательно отнесся к своей школе, как некогда относился он к здешнему духовному училищу, будучи смотрителем оного»[1].

До прибытия из Петербурга Т.А. Леонтьевой П.И. Макушин при поддержке губернатора Томской губернии решил вопрос относительно средств, необходимых на содержание открываемого в Томске учреждения. Сам он в то время денег на это дело пожертвовать не мог, ибо на развертывание книжной торговли взял 5000 р. у купца П.В. Михайлова, поверившего в перспективность задуманного им дела. Содержание сада принял на себя купец 1-й гильдии г. Томска И.Ф. Каменский.

К моменту открытия сада 2 января 1875 г. было зачислено 12 детей, 10 из них – без платы. Занятия начались 7 января в «наемном доме мещанина Косоносова», но до конца года с увеличением числа воспитанников сад дважды переезжал. При этом второй переезд состоялся не только «по тесноте помещения», но и «для удобства посещения Детского сада бедными детьми… в ту часть города, где последние имеют место жительства».

В течение 1875 г. всего было зачислено 70 воспитанников, к концу года осталось 60, 10 выбыли по разным причинам. Оставшиеся 42 воспитанника содержались полностью на средства Каменского, с остальных 18 бралась плата «за учение и завтрак» в размере 30 р. Всеми пособиями можно было пользоваться бесплатно, а желающим иметь собственные тетради, карандаши и разные материалы для занятий не запрещалось приобретать за плату.

По вероисповеданию 55 воспитанников были из семей православных, 1 – из католиков, 4 – из иудеев; по сословной принадлежности: дети чиновников (9), купцов (14), мещан (20), крестьян (15), духов-

[1] *ТГВ*. 1874. 17 авг.

ных (1), «инородцев» (1); по возрасту среди детей больше всего оказалось 7–8-летних; мальчиков – 43, девочек – 17. Всех воспитанников распределили по «отделениям» (группам), в каждом из которых насчитывалось от 9 до 16 ребят.

Занятия начинались в 9.30 утра и продолжались до 2 часов дня, а в августе Т.А. Леонтьева предложила детям старшей группы (12 человек) и некоторым ребятам средней группы оставаться в саду до 4 часов дня для искоренения у них «дурных привычек». В эти дополнительные часы пребывания в саду дети занимались «практическими работами» и по 2 раза в неделю – гимнастикой. При отсутствии по какой-либо причине учителя гимнастики А.А. Вестмана начальница сада Т.А. Леонтьева читала что-нибудь или читал кто-то из ребят, а остальные в это время работали: шили, вязали, плели. В конце 1875 г. детей стали учить вязанию на спицах. Почти все ребята старшей группы научились с помощью переплетчика Ю.Ф. Нарбут переплетать тетради, а трое – и книги, четверо научились свободно владеть пилой и рубанком.

Использование системы Фребеля проявилось на занятиях гимнастикой, в подвижных играх, которые проводились в сопровождении песен или без них на каждой 15-минутной перемене между уроками, продолжавшимися по 30 мин. Перемена после 3-го урока длилась час, ее хватало и на игры и на завтрак. После мясного завтрака давался чай, а весной и летом через день дети получали молоко. Начальница сада придерживалась при выборе пищи для воспитанников «физиологических положений Реклама (профессора медицины из Лейпцига), некоторые его сочинения были переведены на русский язык, в том числе «Питание и выбор пищи по возрастам, временам года и состоянию здоровья»).

Воспитанники сада по очереди дежурили (во время отдыха на перемене прибирали в комнатах для занятий, накрывали столы для завтрака скатертями, раскладывали салфетки, ножи, вилки, черный и белый хлеб, подавали завтрак, помогали прислуге чистить и мыть посуду)[1]. В приготовительной группе воспитанников приучали к порядкам сада. Занятия с ними ограничивались играми «по Фребелю», счетом до пяти, передачей маленьких рассказов из журнала «Детский сад», беседами об окружающих предметах.

В младшей группе обучали чтению и письму по «звуковой методе» Н.А. Корфа, устроителя первых в России краткосрочных начальных

[1] *Реклам* // Энциклопедический словарь: Э.А. Брокгауз и Н.А. Ефрон. Т. XXVI, кн. 52. СПб., 1899. С. 528–529.

школ, автора учебников и руководств для народной школы, в том числе книги для чтения в народной школе «Наш друг», первой книги после азбуки для народной школы и семьи[1]. Для бесед использовались темы и материалы, рекомендованные журналом «Учитель» в 1869 г. Рассказы для чтения подбирались из журнала «Детский сад» за 1866–1868 гг. В этой группе учили счету до десяти. При организации занятий по труду исходили из установок Фребеля, чтобы труд детей не пропадал даром, «а вышла полезная вещица». Сделанное руками детей отдавалось им.

В средней группе на занятиях по чтению работали с книгой К.Д. Ушинского «Родное слово», по письму – практиковалось написание под диктовку кратких предложений, слов, а также разложение слов на слоги и звуки, работа с гласными, согласными, полугласными, подлежащим, сказуемым. По «Книге первоначального чтения» В.И. Водовозова, «Краткой зоологии», «Элементарному курсу зоологии с приложением задач и детских занятий по зоологии» К.К. Сент-Илера проводились беседы о пользе человеку от лесов, о домашних животных и птицах, реках, пауках, дождевых червях. Ребята этой группы учились считать до 30, писать цифры до 150, определять единицы, десятки, сотни, прибавлять и отнимать на счетах единицы, десятки. Практические занятия проводились по «переплетному мастерству, изготовлению цветов из бумаги, вязанию спицами штор, шитью и вязанию». По «Фребелевской методе» занимались плетением, выкалыванием и вышиванием по картону, столярными работами.

8–9-летних ребят старшей группы обучали грамоте и письму по книгам К.Д. Ушинского, учили устно и письменно решать задачи, выполнять четыре основных математических действия. Дети учились писать и выговаривать цифры до миллиона, складывать и вычитать на счетах, их знакомили с дробными числами. По зоологии проходили разделы, касающиеся понятий о человеке, млекопитающих, травоядных, хищных животных и грызунах, домашних птицах. При знакомстве с растительным миром детей учили отличать хвойные и лиственные деревья, хлебные растения, цветы, травы. На занятиях им рассказывалось об «ископаемых металлах», минералах, стекле, коже, сахаре, писчей и «пропускной» бумаге, пряностях, жидкостях, в том числе о чернилах, которые затем дети сами «варили». Прослушав рассказ о картофеле, они получали из него крахмал.

---

[1] *Корф Н.А.* // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и Н.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. XXVI, кн. 31. С. 355–356.

За неимением при доме Косоносова сада первоначально воспитанники занимались весной посадкой цветов и овощей в деревянных ящиках и глиняных горшках. После второго переезда в новое помещение Т.А. Леонтьева недалеко от него арендовала небольшой участок земли с тенистым садом, в котором в хорошую погоду дети завтракали, а главное – занимались посадкой цветов, огородных овощей и хлебных растений. Весной 1875 г. на этом участке они посеяли пшеницу, ячмень, гречиху, овес, лен, коноплю, а осенью – рожь.

В старшей группе проводились занятия по «родиноведению» с рассказом о доме, в котором находился детский сад, пристройках при нем, комнате для занятий со всем ее интерьером, затем – о городе, государстве. Ребятам давались начальные сведения по русской истории (о начале Руси, призвании князей, основании Киева, киевских князьях, принятии христианства Ольгой, крещении Руси Владимиром, об Александре Невском, Петре Великом). Два раза в неделю с детьми этой группы проводились занятия по черчению, на которых они рисовали свой класс, план дома, полушария. Для желающих было введено изучение французского языка.

П.И. Макушин принял деятельное участие в обеспечении сада учебными пособиями, журналами, литературой по проблемам педагогики. Уже в первый год существования сада в нем было 110 названий книг по педагогике, для детского чтения – 140 книг. На выписку книг, журналов, приобретение учебного материала, пособий И.Ф. Каменский в 1876 г. выдал 500 р., потраченных по назначению. По мере выхода из печати журналов «Семья и школа», «Детское чтение», «Детский сад», «Народная школа», «Педагогический листок» воспитательницы сада имели возможность ознакомиться с новыми материалами на педагогические темы. Кроме журналов, для сада на 1876 г. было выписано 377 названий книг.

На занятиях дети пользовались весами с гирьками весом до 1 ф., компасом. Их знакомили со складной саженью, метром, географическими картами, картинами с изображением времен года, картинами по русской истории, зоологическим атласом, «главными типами народов из гипса». В детском саду имелся даже теллурий – прибор для демонстрации годового движения Земли вокруг Солнца и суточного вращения ее вокруг своей оси, а также глобус, был и небольшой минералогический кабинет. Делались первые шаги по созданию экспонатов для изучения животного мира (в виде засушенных раков). В арсенал наглядных пособий входили геометрические тела, изготовленные из картона деть-

ми старшей группы. Треугольник, транспортир, микроскоп, счеты, стол с подвижной азбукой, переплетные, столярные станки, инструменты для столярных работ и переплета книг, пилы для ажурных работ, пяльцы со спицами – все это свидетельствовало о стремлении сделать процесс воспитания детей наиболее содержательным.

Переезды сада нарушали нормальный ритм занятий. Но они диктовались поисками дома, наиболее пригодного для эффективного функционирования сада. За «наем» новой квартиры пришлось платить намного дороже, чем платили Косоносову, но зато сад разместился в удобных светлых комнатах. Появилась возможность оборудовать гимнастическими снарядами спортивный зал, иметь отделенную от него колоннами комнату отдыха; установить в комнатах шкафы для хранения книг, учебных пособий, изделий, изготовленных детьми. Для оборудования интерьера дома потребовались дополнительные средства, почти вдвое превысившие расходы 1875 г. – «на прибавку мебели, посуды и столового белья» в размере 325 р. Улучшение материальной базы сада позволило с августа 1876 г. открыть при нем «элементарную школу», как и было задумано сразу, с целью «не только приготовить детей в известный класс мужской или женской гимназии» (начальница полагала, что это не трудно сделать), «но главное, по возможности научить детей охотно работать и подготовить их к самостоятельной деятельности». В школу были зачислены дети старшей группы и принято еще 8 учащихся, всего их стало 20. В собственно детском саду оказалось 83 воспитанника, в том числе: 44 мальчика и 39 девочек; по вероисповеданию 77 православных, 1 – из католиков, 5 – из иудеев; по социальной принадлежности – дети дворян (12), купцов (11), мещан (24), крестьян (30), солдат (6). По возрасту в подавляющем большинстве (74 воспитанника) от 4 до 8 лет.

В школе занятия велись по программе приготовительного класса гимназии, которая в то время в Томске испытывала острую нужду в приеме в I класс учащихся с соответствующей подготовкой по русскому языку и арифметике. Педсовет Томской гимназии вынужден был осенью 1875 г. предупредить родителей, собирающихся в будущем году отдать своих детей в гимназию, что если последние будут так же плохо подготовлены, как зачисленные в гимназию в августе этого года, их не примут в I класс[1].

[1] *ТГВ*. 1875. 11 окт.

Воспитание детей в созданном «по методе Фребеля» учреждении в Томске базировалось на достижениях педагогической мысли того времени. Устроители сада заботились о содержании познавательных занятий с детьми, об умелом использовании потребностей детского тела и души в здоровом быте, нормальном питании, в движениях, эмоциональном заряде во время пребывания в детском саду. В них закладывались основы материалистических познаний о природе, растительном и животном мире. Одним из средств нравственного воспитания в то время являлось воспитание религиозных чувств. В детском саду, учрежденном стараниями П.И. Макушина, оно использовалось по четко разработанной программе.

Эмоциональный заряд воспитанников сада обеспечивался большим арсеналом наглядных средств обучения и воспитания, непосредственного общения с природой, знакомства с доступной для детского восприятия литературой. Значительным событием в жизни воспитанников сада-школы явилось проведение накануне 1877 г. праздника елки, на что были потрачены немалые деньги – 250 р.

Среди воспитанников было много бедных детей. Они содержались бесплатно, а наиболее остро нуждавшиеся вдобавок к этому обеспечивались одеждой и обувью. В 1876 г. на это было израсходовано 120 р.

Юридическое положение детского сада оказалось неопределенным. Не случайно Т.А. Леонтьева в отчете за 1875 г. особо отметила, что это учреждение ни казенное, ни общественное[1].

В том виде, в каком планировалось открытие и функционирование детского сада, он просуществовал до 1881 г. 17 февраля 1879 г. И.Ф. Каменский обратился к директору училищ Томска с письмом, в котором уведомлял, что, затратив на содержание сада со времени его открытия 27000 р., дает еще средства до 24 марта текущего года. 27 марта Томская городская дума по предложению директора училищ рассмотрела вопрос о дальнейшей судьбе сада. Объявив И.Ф. Каменскому благодарность «за весьма значительные пожертвования на содержание благотворительного и воспитательного учреждения для детей томских горожан», дума по просьбе директора училищ решила не допустить закрытия «весьма полезного воспитательного и образовательного учреждения в Томске». В детском саду к этому времени содержалось более 100 детей, для обучения которых не хватило бы места в существовавших в то время в городе училищах. Для этого потребовалось

[1] *ТГВ*. 1876. 29 мая; 1877. 29 янв.

бы открыть еще одно приходское училище. Это уже предусматривалось городской сметой в 1875 и 1876 гг., но не было выполнено.

Городская дума постановила выделить из бюджета города деньги на содержание сада в апреле и мае 1879 г. в сумме, отпускаемой для приходского училища. Было также решено просить городского голову войти с ходатайством «о даровании» И.Ф. Каменскому «звания почетного попечителя Детского сада». С декабря 1879 г. попечителем сада стал П.И. Макушин. Осенью 1880 г. по решению городской думы детский сад разделили на 2 училища – мужское и женское. Оба они «по местоположению» были названы Подгорными[1].

Сам факт устройства и характер деятельности одного из немногих в России 70-х гг. XIX в. воспитательных учреждений подобного рода – событие весьма значительное не только в истории Томска, но и страны. Участие же П.И. Макушина в учреждении и попечительстве Детского сада по методе Фребеля в Томске – дополнительный штрих к тому, что мы знаем о многогранной деятельности этого «поистине изумительного по своей энергии человека»[2].

В последующие годы проблема внимания к детям не переставала волновать П.И. Макушина. В 1900 г. он ставил перед городской думой вопрос о выделении средств на открытие приюта «Ясли» для приема в него детей «семейств запасных и нижних чинов». Дума согласилась выделять по 25 р. в месяц, если такой приют будет открыт Обществом физического развития[3].

Прошли годы, дело начатое основателями первого детского сада в Томске было продолжено. 8 августа 1908 г. в газете «Голос Томска» появилось извещение о приеме с 20 августа прошений для записи в женскую гимназию-приют «с курсом гимназий МНП» в I–III классы женского учебного заведения в гимназию Н.А. Тихонравовой, а также в детский класс и приготовительное училище. Прием прошений о записи «как в гимназию, так и в детский сад и приготовительное училище» производился ежедневно с 5 до 7 часов вечера по адресу ул. Монастырская, 31, в доме Кухтерина.

С открытием детского сада возникла проблема изыскания средств на содержание детей. Решалась она по опыту, накопленному в городе, путем организации праздников с концертами. На 27 апреля 1909 г. такой концерт был объявлен в общественном собрании с исполнением

---

[1] *Свод* постановлений… с 1874 по 1891 г. С. 610–612; с 1881 г. С. 863.
[2] *Полувековой* юбилей П.И. Макушина. Томск, 1917. С. 171.
[3] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. … С. 664–665.

детьми песен (хором, дуэтом, соло), чтением стихов, с выставкой лепных работ детей.

В 1911 г. на западносибирской выставке в Омске созданные Н.А. Тихонравовой учреждения были награждены золотой медалью. 26 января 1915 г. в Томской 3-й женской гимназии состоялось торжественное заседание Попечительского и Педагогического советов, на котором был зачитан Высочайший рескрипт великой княжны Татьяны Николаевны от 30 декабря 1914 г. на имя гимназии Н.А. Тихонравовой. Перед прочтением рескрипта она обратилась к воспитанницам с проникновенной речью: «Переживаемый Россией великий исторический момент, ниспосланное ей Богом испытание всколыхнуло до глубины все будничные мелочи. Перед Россией в ярком блеске засияла вновь ее вековая задача: защита славянства, освобождение его. Эта святая задача… сплотила… весь народ от мала до велика…

Вы, дети и юношество, живете в знаменательную пору очищения и возрождения святого чувства любви к Отечеству, к Родине. На алтарь этой любви к отечеству принесено в восторге сердца уже много юных жизней.

Память о них должна сиять путеводной звездой в ваших юных сердцах. Много юношей удостоились носить на груди своей Георгиевский крест – знак беззаветной любви к Родине. Много девушек, горя той же любовью, принося ту же жертву, склоняются над страдальцами за родину и славянство, неся тяжелый труд сестры милосердия. В числе их есть воспитанницы нашей гимназии, я видела их за работой и горжусь ими!».

Война началась, когда Н.А. Тихонравова проводила свой отпуск в Бельгии, откуда с большим трудом вернулась на родину через два месяца.

Обращаясь к воспитанницам гимназии, Н.А. Тихонравова продолжала: «И вы, младшие сестры их, протянули свои слабые руки и сказали: «И мы хотим послужить Родине по мере сил». Вами сшита не одна сотня белья для нашей доблестной армии».

Сама Н.А. Тихонравова в 1915 г. получила бриллиантовую брошь-кулон «За отлично усердную службу» в деле создания детского сада». В ответ на приветствия по этому поводу она произнесла не менее проникновенную речь: «15 лет назад, создавая первую ячейку своих заведений – детский сад, я твердо верила и знала, что делаю необходимое дело. Благодаря кропотливому, упорному труду и настойчивости я добилась осуществления задуманного. Мое маленькое деревце детского сада

разрослось в большое дерево. Каждая из вас (воспитанниц. – *А.Ж.*) – листочек и цветок на этом дереве и мне, как садовнице, дороги вы все.

Я рисовала себе картину, как подрастут малыши, как разовьется у них любовь к труду и школе, как, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, дети вырастут, возмужают и, оканчивая гимназию, поставят себе целью приложить свои силы и способности на служение родине, сознательно выбирая путь для дальнейшего учения и работы. Я дожила уже до этого момента, третье гнездышко готовится к отлету… каждая знает, что ей делать дальше, куда идти дальше. Это лучшая школа для будущих учительниц, воспитательниц и матерей».

Насколько актуально сегодня то, чем закончила тогдашнее свое выступление почти 100 лет тому назад Н.А. Тихонравова: «Берегите детство! В нем залог будущего всего государства. Чем культурнее страна, тем шире сеть детских садов. Англия, Соединенные Штаты, Швейцария, Франция имеют **в каждой общине** (выделено мной. – *А.Ж.*) детский сад. Там все население прошло через эту первую ячейку культурного народного воспитания, вырабатывая уважение к труду, к дисциплине, в солидарной работе… Служить родине, делать культурную работу на всех путях должны мы все. Я по мере сил старалась служить своему делу… Моя работа не была легка, но я черпала в ней радость и смысл жизни, и эти бриллианты – высочайшая награда и оценка моих трудов»[1].

Зная о том, что делали, какие поистине героические усилия прилагали к созидательной деятельности, направленной на заботу о детях, наши предшественники, по поводу того, с какой легкостью в 90-е гг. XX в. в городе (как и по всей стране) закрывались детские сады, испытываешь горькое чувство недоумения. К примеру, на маленьком пятачке от ул. Пирогова до ул. Учебной на ул. Белинского было 5 детских садов, они стояли рядом – 4 сада по одной стороне улицы и 5-й (сад-ясли) – на другой. Из них на сегодня сохранился и действует один, на месте прежних садов разместились таможня, фонд социальной защиты, банк и офис продаж и обслуживания корпоративных клиентов, Сибирьтелеком – картина, характерная почти для любого уголка современного Томска! Дело дошло до того, что огромное число малышей (более 18000) на сегодня оказалось некуда устраивать до записи в школу. Судя по информации, даже из так называемых льготников только третья часть могут рассчитывать на получение места в детском саду.

---

[1] *ТВ*. 1915. 6 февр.

Наши потомки, изучая в будущем историю города, естественно, не смогут не изумляться зигзагам в его развитии в конце XX – начале XXI в. Они, конечно же, постараются понять происходившее и вряд ли найдут объективные оправдания утратам этого времени.

Усердием директрис Дамского отделения

В начале 50-х гг. XIX в. светские дамы Томска раз в неделю собирались на вечера с танцами. По торжественным праздникам на балах они «блистали вкусом и изяществом нарядов». С годами их интерес к нарядам и украшениям не мог ослабеть. Но с 60-х гг. в жизни знатных дам произошли заметные изменения, связанные с включением их в общественную жизнь города. Именно тогда ими были заложены традиции, ставшие нормой и образцом служения тем, кто нуждался в неотложной и постоянной помощи.

Начало этому было положено с учреждением в Томске Дамского отделения при тюремном комитете. Его члены утверждались императором по представлению президента «Общества попечительного о тюрьмах».

Еще по высочайшим повелениям 1826-го, 1831-го и последующих лет Томский тюремный комитет для арестантских детей, поступавших в Томск вместе с родителями, выделил отдельную камеру. Надзор и попечение об этих детях были возложены на смотрительницу. В начале 1856 г. 192 арестантских ребенка разместили уже в трех камерах.

С возникновением Дамского отделения ситуация с отношением к арестантским детям коренным образом изменилась. Именно с этого времени по предложению председательницы Дамского отделения супруги бывшего губернатора С.С. Озерской детское отделение тюрьмы получило название приюта[1]. Тогда же Дамское отделение занялось сбором пожертвований, необходимых для содержания детей в приюте. В него принимались арестантские дети, дети-сироты ссыльных, умерших в пути следования до Томска или ушедших из жизни уже в Томске. В приют стали по решению членов Дамского отделения принимать также круглых сирот «из беднейших классов местного населения».

С годами перед Дамским отделением возникали проблемы, требовавшие незамедлительного решения. В тесном и сыром помещении приюта не хватало чистого воздуха, что не могло не сказываться на здоровье детей. Мастерская приюта находилась в одном коридоре с каме-

[1] *ТГВ*. 1865. 20 сент.

рами пересыльных арестантов, общение детей с которыми вызывало беспокойство директрисс Дамского отделения. Они не без оснований опасались того, что контакты воспитанников приюта с арестантами могли «преподать образцы самой испорченной нравственности».

Дамское отделение стало ходатайствовать о постройке отдельного помещения для приюта. Тюремный комитет выделил 6000 р. на строительство 2-этажного деревянного дома на каменном фундаменте. Место было выбрано недалеко от тюрьмы рядом с рощей заимки Асташева.

В построенном доме в 1868 г. разместили мальчиков в нижнем этаже, а девочек – в верхнем. Наверху, кроме удобных светлых спален, обращенных окнами на юг, были отведены отдельные комнаты для смотрительницы, классных занятий и заболевших воспитанников.

В одной из комнат предполагалось размещение переплетной мастерской, открытие которой предусматривалось. Внизу, кроме спальни для мальчиков, две комнаты отводились под башмачную и сапожную мастерские. Их учредила и управляла ими супруга купца 2-й гильдии Т.П. Акулова. Осенью 1868 г. для мастерской приюта «полное собрание сапожного инструмента» пожертвовал тогдашний директор тюремного комитета И.А. Толкачев. К открытию построенного для приюта помещения он же пожертвовал «прочную и удобную меблировку», постоянно оказывал приюту помощь.

После торжественного освящения нового места пребывания детей в «Томских губернских ведомостях» было справедливо отмечено, что «благосостоянием» приют обязан «великолепной поддержке здешнего общества, всегда готового отозваться на всякое дело разумной благотворительностью, сочувствию губернского комитета и усердию директрис Дамского отделения»[1].

Через три года, в 1871 г. члены Дамского отделения пришли к мысли о необходимости раздельного размещения в приюте мальчиков и девочек. Для мальчиков был построен одноэтажный деревянный дом с размещением в нем спальни, двух изоляторов на случай заболевания воспитанников, мастерской и столовой.

Все помещения приюта, включая баню и прачечную, отапливались двадцатью одной голландской, четырьмя русскими и одной железной печами.

Содержавшиеся в приюте воспитанники обеспечивались всем необходимым – питанием, одеждой, обувью, получали начальное образова-

[1] *ТГВ*. 1868. 20 сент.

ние. Мальчики, кроме того, обучались башмачному и сапожному ремеслу. Девочки занимались шитьем, починкой белья, кройкой и шитьем платья, вязанием крючком и спицами, штопаньем, стиркой белья, приучались к уходу за больными.

Поскольку постоянных источников средств на содержание приюта не было, Дамскому отделению пришлось заниматься получением их от проведения балов-базаров, лотерей, спектаклей. Практика проведения их в пользу приюта в Томске сложилась уже с 60-х гг. В феврале 1864 г. по просьбе томского полицмейстера актеры Томского театра дали спектакль, от которого собранные 155 р. были переданы в тюремный комитет для приюта[1]. 10 января следующего года из полученных от спектакля 508 р. за вычетом расходов на его проведение в размере 195 р. 55 к. 312 р. 45 к. поступили в пользу приюта[2].

Первая лотерея в Томске была проведена по инициативе председательницы Дамского отделения С.С. Озерской в 1862 г. Тогда от лотереи осталось не реализованных вещей на 350 р. В их числе оказались приобретенные в магазине купца М. Деулина товары. Он, узнав о назначении купленных у него товаров, отказался от получения за них денег.

Устройство в 1868 г. лотереи, бала-базара, а также рассылка поздравительных листов дали результаты, превзошедшие все ожидания членов Дамского отделения. Вещей для лотереи было пожертвовано на сумму больше 1000 р. Кроме председательницы и директрис Дамского отделения, разные вещи пожертвовали более 40 жителей города. Все вещи были распределены на 335 выигрышей при 4665 пустых билетах (из расчета 1 выигрыш на 14 пустых билетов). Все 5000 билетов стоимостью по 25 к. были раскуплены мгновенно – за 1 час. Кроме того, было продано 395 входных билетов по 50 к. За вычетом всех расходов на проведение лотереи чистая прибыль составила 2466 р. 96 к.

Председательница Совета Санкт-Петербургских приютов великая княгиня Александра Петровна не случайно выразила признательность по поводу того, что в Томской губернии результаты продажи лотерейных билетов оказались «особенно благоприятными»[3].

Уже в первые годы существования приюта члены Дамского отделения были озабочены изысканием средств для оказания помощи его выпускникам – круглым сиротам и тем, кому «по совершенной бедности родителей приходилось вступать в жизнь без всякой материальной под-

---

[1] *ТГВ*. 1864. 13 марта.
[2] Там же. 1865. 8 февр.
[3] Там же. 1869. 17 окт.

держки». Учитывалось при этом то, что «характер их еще не сложился… посторонние обстоятельства и в особенности крайняя нужда могут иметь на них самое вредное влияние». Оказание таким детям материальной помощи на первое время могло бы «служить верным средством к отстранению дурных последствий в их жизни». С этой целью члены Дамского отделения создали особый фонд приюта. Средства, необходимые для оказания помощи воспитанникам при их выходе из приюта, стали создаваться с 1868 г. Первоначально в сберкассу при Томском отделении госбанка были положены 43 р., вырученные от продажи «разных рукодельных работ», выполненных девочками, воспитывавшимися в приюте, и 300 р., пожертвованные потомственным почетным гражданином Томска И.А. Толкачевым.

Тогдашняя председательница Дамского отделения супруга губернатора Аделаида Алексеевна Родзянко, члены отделения (супруги председателя Томской казенной палаты Екатерина Ивановна Гилярова, управляющего Томской контрольной палаты Надежда Егоровна Грибовская, Томского городского головы Евлавия Васильевна Тецкова, надворного советника Варвара Николаевна Мальгудович, учителя Томской гимназии Варвара Людвиговна Тоннар, титулярного советника Аполинария Тимофеевна Квятковская, почетного старшины Томского попечительства детских приютов Федосья Емельяновна Цибульская, потомственного почетного гражданина Елизавета Михайловна Аршаулова, купцов 1-й гильдии Евдокия Васильевна Исаева, Пелагея Васильевна Набалова, Мария Николаевна Щекина, Глафира Яковлевна Сильвестрова, купеческого сына 1-й гильдии Глафира Петровна Тюфина, 2-й гильдии купца Татьяна Петровна Акулова) в конце 1867 г. решили заняться проведением балов-базаров и лотереи-аллегри, «надеясь этим средством при помощи частной благотворительности увеличить вспомогательный капитал», начало которому и было положено 343 р.

В 1869 г. жители Томска пожертвовали вещей на 2283 р., на сумму, более чем в 2 раза превысившую пожертвования предыдущего года[1]. Росло и число жертвователей. В 1871 г. оно составило более 60 человек[2].

С конца 60-х гг. воспитанницы приюта стараниями Дамского отделения при выходе замуж стали обеспечиваться деньгами, приданым (платьем, бельем, вещами, «хозяйственными принадлежностями»). В «Томских губернских ведомостях» регулярно помещались сообщения о

[1] *ТГВ*. 1870. 31 янв.
[2] Там же. 1872. 25 марта.

выдаче замуж воспитанниц приюта (к сожалению, в крайне редких случаях с указанием их фамилии) с выдачей им денег и приданого. Одну из них в 1869 г. выдали замуж за дьякона церкви Мариинской женской гимназии. Свадьбу сыграли в приюте. Невесту благословила сама председательница Дамского отделения. При выдаче замуж воспитанниц-сирот старались создать ощущение выхода их как бы из родительского дома[1].

Сложившаяся практика обеспечения молодой семьи самым необходимым на первое время сохранялась и в последующие десятилетия.

Летом 1869 г. при Владимирском приюте был заложен молитвенный дом, построенный в следующем году. В течение 1871 г. были изготовлены иконостас, иконы, появились «все церковные принадлежности». Хотя ставилась задача оборудования молитвенного дома без всякой роскоши, благодаря прекрасному рисунку и хорошей резьбе иконостас обрел «такой приятный вид, что взгляд останавливается на нем с большим удовольствием» – сообщалось в «Губернских ведомостях». Иконы, написанные в Новосерафимовском женском монастыре, получились «отличной работы».

На освящении молитвенного дома присутствовали воспитанницы приюта, бывшие круглые сироты, выданные в последние три года замуж.

Церковь была построена на потраченные Тюремным комитетом 3260 р. и пожертвования. П.В. Михайлов предоставил строевой лес, заказал на свои деньги иконостас, иконы, утварь и «многие другие принадлежности, ценность коих он не определил». Другие члены Тюремного комитета пожертвовали: Набалов – 90 п. листового железа на кровлю стоимостью в 315 р., Сорокин – колокола (301 р. 25 к.), Еренев – рамы и двери (200 р.), Дамское отделение – обои (39 р. 80 к.), 1-й гильдии купец Я.И. Петров – 100 р. деньгами на устройство печей, его супруга М.И. Петрова – «одежду на престол», жертвенник, ризы, занавесы к окнам, ковер и другие вещи. Председательница Дамского отделения Е.И. Гилярова (А.А. Родзянко после смерти мужа уехала из Томска, оставив «по себе прекрасную память») и директриссы – свечи, подрясник, ризы с подризниками, занавес к царским вратам, медную посуду, полотенца, муку для просфор, 7 благотворителей пожертвовали разные вещи.

---

[1] *ТГВ*. 1870. 4 апр.; 1872. 29 апр.; 1875. 24 мая; 1877. 28 мая.

По окончании освящения церкви по предложению вице-президента Тюремного комитета Платона, епископа Томского и Семипалатинского, в Киев была отправлена Аделаиде Алексеевне Родзянко телеграмма с выражением чувства глубокой признательности «за все то доброе, которое она сделала для приютских сирот, относясь к ним постоянно с истинно материнской заботой»[1].

Священником церкви был рукоположен уже упоминавшийся дьякон церкви Мариинской женской гимназии, женатый на воспитаннице приюта. Ему же было поручено и обучение детей. Воспитанники приюта обучались чтению, письму, закону Божию, русской истории, первым четырем правилам арифметики, вычислению на счетах, географии, рукоделиям и церковному пению. В мастерской «со всеми удобствами» мальчики и девочки обучались сапожному и башмачному ремеслу под руководством наемных мастера и мастерицы, выполняя частные заказы и изготавливая обувь для воспитанников приюта.

В 1877 г. по частным заказам было выполнено башмачных и сапожных работ на 415 р. 40 к., для приюта – на 386 р. 75 к., всего на 802 р. 15 к. На покупку материалов потребовалось 497 р. 85 к., на оплату труда мастера и мастерицы 360 р. Всего расход составил 857 р. 81 к., больше суммы, на которую было выполнено работ. Девочки старшего возраста сшили для воспитанников приюта 887 штук разного белья, связали 104 новых и надвязали 126 пар старых чулок. Стоимость этой работы составила 171 р. 19 к. Разных работ по частным заказам было выполнено на 22 р. 30 к. Всего за год оказалось получено от мастерской прибыли на сумму в 247 р. Главное состояло в выработке у воспитанников навыков в овладении тем или иным мастерством.

Большим подспорьем для обучения воспитанниц шитью на швейной машинке служили пожертвования для приюта различного рода тканей. В 1867 г. директрисы Дамского отделения пожертвовали для приюта: Е.В. Тецкова 10 кусков, В.Н. Мальгудович – 5 кусков синей дабы, В.Л. Тоннар – 70 аршин холста[2]. В 1868 г. через «Томские губернские ведомости» тюремный комитет объявил благодарность купчихам В.Г. Цибульской, А.П. Михайловой, М.И. Петровой, пожертвовавшим различные ткани на пошив платьев для воспитанниц[3]. Осенью 1871 г. в приют поступило от неизвестного лица 400 аршин ткани, от П.В. Ми-

[1] *ТГВ*. 1872. 29 апр.
[2] Там же. 1867. 24 нояб.
[3] Там же. 1868. 15 нояб.

хайлова – 602 аршина ситца[1], 700 аршин холста «на постельные принадлежности» пожертвовала Ю.Д. Калинина-Шутляева[2], в апреле 1876 г. около 200 аршин китайки пожертвовала Д.И. Сорокина[3]. Существенными являлись пожертвования готовыми изделиями. Весной 1876 г. кто-то неизвестный пожертвовал приюту, кроме 25 р. деньгами, 43 суконных пальто[4].

Материальные возможности приюта создавались многочисленными дарениями жителей города. Г.П. Тюфина подарила в 1868 г. приюту лошадь «с надлежащей сбруей, дрогами для бочки с водой и зимними дровнями»[5]. Полковник В.И. Асташев в 1874 г., кроме одного куска верблюжьего сукна, 200 кусков бязи, пожертвовал посуду: 22 больших, 12 малых кружек, 18 стаканов, 48 столовых, 42 чайных ложек, 4 поварежки, шумовки, 1 большую ложку, 1 большую вилку, 3 больших, 2 средних, 2 малых блюда, а также 2 п. манной крупы, 15 ф. саги, 12 ф. фамильного чая[6].

Было за что благодарить купца 2-й гильдии И.Л. Фуксмана, пожертвовавшего приюту 5 п. дегтярного мыла; Д.М. Шимолина, подарившего 2 медных самовара весом в 3 п. и вместимостью около 5 ведер; статского советника К.К. Горт-де-Гротта за 10 возов сена[7].

Для расходования по потребностям приюта кузнецкий купец Д.Д. Бекенин в 1875 г. пожертвовал 1000 р.[8] «На устройство при приюте пасеки, на заведение садоводства, птицеводства, шелководства, прачечной, столярной и библиотеки» пожертвовал пермский купеческий сын И.Ф. Каменский[9]. В 1879 г. он же пожертвовал 300 р.[10]

Постоянно, поступали пожертвования от лиц, пожелавших не называть своего имени. 26 января 1874 г. тюремный комитет «с чувством глубокой признательности» сообщил читателям газеты, что 24 декабря ушедшего года для Владимирского детского приюта через крестьянина Ишимской волости Корчуганова было пожертвовано неизвестным 2 головы сахара весом в 1 п. 7 ф., 4 ф. чая и, кроме того, для лотереи,

---

[1] *ТГВ*. 1871. 16 окт.
[2] Там же. 1872. 15 апр.
[3] Там же. 1876. 8 мая.
[4] Там же.
[5] Там же. 1868. 15 нояб.
[6] Там же. 1874. 14 дек.
[7] Там же. 16 февр., 20 апр.
[8] Там же. 1875. 22 нояб.
[9] Там же. 1869. 14 марта.
[10] Там же. 1879. 28 окт.

устроенной Дамским отделением, доставлен тем же крестьянином серебряный стакан. С ноября 1877-го по конец января 1878 г. от десятерых неизвестных лиц было сделано пожертвований на сумму в 937 р.[1]

Постоянно, «по незначительному числу арестантских детей», в приют принимались «круглые сироты из беднейшего класса», сироты, оставшиеся в Томске после смерти пересыльных арестантов. Когда Дамскому отделению удавалось найти родных, пожелавших взять сирот на воспитание, их отправляли на родину, «снабженными для дороги всеми необходимыми вещами» за счет сумм частной благотворительности[2]. Нижегородский купец И.С. Колчин в 1869 г. пожертвовал 100 р. «для пособия выбывающим из приюта воспитанникам и воспитанницам». Вскоре после этого он стал перевозить детей на своих пароходах бесплатно не только от Томска до Тюмени, но и по рекам Каме и Волге[3].

По оценке тюремного комитета Дамское отделение к 1871 г. «поставило детский приют в столь прекрасное положение, полное довольства без прихоти, дети в воспитательном и физическом отношении содержатся так хорошо, что не остается желать ничего лучшего. Желательно только, чтоб этот порядок, это состояние приюта, в стенах которого помещаются также дети, которым при неимении приюта, негде было бы приложить голову, чтобы этот порядок сохранялся всегда и на будущее время»[4]. Самое существенное заключалось в том, что Дамское отделение «деятельностью дам своего состава, посредством благотворительности частных лиц, устройством бала-базара, лотереи, рассылки праздничных поздравительных листов» имело возможность содержать приют, платя жалование служившим в его штате 16 сотрудникам, снабжать детей всем необходимым – одеждой, обувью, бельем, материалами для занятия рукоделием, для работы в учебных мастерских, учебными принадлежностями.

По данным за отдельные годы можно составить общее представление о численности воспитанников приюта (табл. 6).[5]

О составе воспитанников по возрасту в «Томских губернских ведомостях» были приведены данные за 1877 г. В возрасте от 1 года до 5 лет было 4 воспитанника, от 5 до 10 лет – 14, от 10 до 13 лет – 18, от 13 до 18 лет – 3; девочек до 1 года – 2, от 1 года до 4 лет – 2, от 6 до 10 лет –

---

[1] *ТГВ*. 1878. 11 февр.
[2] Там же. 1872. 29 апр.
[3] Там же. 1869. 30 окт.; 1873, 5 мая.
[4] Там же. 1871. 1 мая.
[5] Там же. 26 янв., 19 июня; 1872. 29 апр.; 1873. 5 мая; 1876. 19 июня; 1877. 11 июня.

12, от 10 до 14 лет – 29, от 14 до 18 лет – 10. В течение предыдущего 1876 г. в приют поступило 15 мальчиков, 14 девочек. По разным причинам выбыли 24 мальчика, 13 девочек, в том числе три бывшие воспитанницы были выданы замуж, пятеро воспитанников – отданы в услужение, двое поступили на должность фельдшерских учеников, девятнадцать были возвращены родителям или родственникам, семеро воспитанников умерли[1].

Таблица 6

Численность воспитанников приюта в разные годы

Годы	Число воспитанников			
	Арестантских		Посторонних	
	мальчиков	девочек	мальчиков	девочек
1870	17	17	27	33
1871	19	39	Всего	50
1872	25	11	29	37
1873	15	13	25	30
1875	26	20	24	32
1876	19	32	24	25
1877	26	31	11	25
1878	22	29	17	26

В числе воспитанников оказывались и подкидыши. В конце XIX в. Дамское отделение возбудило ходатайство о «Высочайшем соизволении на перемену фамилий всем безымянным подкидышам, находящимся в приюте под фамилией «неизвестный»[2].

В начале 1880 г. в связи с тем, что капитал тюремного комитета дошел «до крайне ограниченных размеров», возник вопрос, как дальше быть с приютом – передать его окончательно и на полное попечение Дамского отделения или, если оно откажется взять это на себя, добиваться передачи его городу «в непосредственное свое ведение».

9 сентября 1880 г. Тюремный комитет из-за недостаточности средств Дамского отделения по содержанию детского приюта определил: «Владимирский детский приют, как заведение, имеющее характер филантропический и как поэтому безусловно принадлежащий ведению и управлению Дамского отделения, передать с 1 ноября в распоряжение последнего, прекратив с этого времени всякое участие по содержанию в нем детей разных сословий местного населения, кроме детей арестан-

[1] *ТГВ*. 1877. 11 июня.
[2] *ГТ*. 1908. 25 марта.

тов, за содержание которых комитет будет уплачивать причитающуюся сумму денег каждомесячно».

В октябре этого же года по просьбе председательницы Дамского отделения срок передачи в его ведение приюта был перенесен на 1 января 1881 г. 23 октября Дамское отделение обратилось в тюремный комитет с предложением, чтобы он походатайствовал перед правительством о ежегодном выделении 3000 р. в год и разрешил устраивать ежегодно в пользу приюта один бал-базар с лотереей, спектакли, маскарады и концерты «с танцевальными вечерами», что уже с 60-х гг. практиковалось и приносило значительные средства приюту.

Дамское отделение просило тюремный комитет обратиться к городу с предложением оказывать с его стороны приюту помощь, кроме отпускаемых дров, выдавать ежегодное пособие в размере 2000 р. с учетом содержания в приюте детей бедных жителей Томска и круглых сирот. Тюремный комитет счел это предложение Дамского отделения обоснованным и, в свою очередь, обратился к городской думе с просьбой «предоставить для содержания приюта необходимые средства, так как в нем призреваются дети разных сословий, содержание которых должно лежать на обязанности города».

Городская дума, мотивируя свою позицию тем, что пока ей еще неизвестно, какими средствами она будет распоряжаться в наступающем году, «отпуск просимых 2000 р.» нашла «невозможным». Однако «со своей стороны, желая оградить… приют от распущения детей», пока тюремный комитет «исходатайствует на содержание приюта средства», 22 декабря городская дума приняла решение: 1) выдать тюремному комитету 400 р. на первые 3 месяца 1881 г.;

2) открыть через некоторых членов городской думы подписку для сбора добровольных пожертвований на содержание приюта;

3) просить тюремный комитет, если он найдет возможным, прислать городскому голове список всех воспитанников и воспитанниц приюта с обозначением против каждого звания для того, чтобы, если между ними окажутся дети мещан, то «о пособии городское управление могло бы войти в какое-либо соглашение с мещанским обществом»[1].

Таким образом, после продолжительного и основательного обсуждения вопроса о содержании приюта в дальнейшем было решено передать его на попечение Дамского отделения. Тюремный комитет взял на себя участие в судьбе арестантских детей, ежемесячно передавая Дам-

[1] *Свод* постановлений с 1874 по 1881 г.… С. 857.

скому отделению причитающуюся сумму на их пропитание. На 1 января 1880 г. в приюте содержались 80 воспитанников, в том числе 39 арестантских детей. В следующем 1881 г. их число возросло до 101, в том числе оказалось 24 мальчика и 30 девочек – детей сосланных в Томск арестантов и арестанток. Родители 12 из этих детей отбывали срок заключения в тюрьме. Остальные 47 воспитанников были детьми чиновников (4 мальчика, 11 девочек), мещан (9 мальчиков, 9 девочек), солдат (1 мальчик, 2 девочки), поселенцев (3 мальчика, 7 девочек) и 1 крестьянский мальчик. В марте 1885 г. городская дума удовлетворила просьбу мещанина Тимофея Аверина о помещении в приют его крестника малолетнего Александра Зайцева, оставшегося без отца и матери. Мальчика приняли стипендиатом города[1].

Дамскому отделению в новых условиях содержания приюта пришлось с большей энергией заниматься изысканием средств. Серьезным подспорьем продолжали быть пожертвования, особенно крупные единовременные взносы. В 1881 г. такие пожертвования были сделаны томскими купцами 1-й гильдии А. Пастуховым и Н. Вяткиным, почетным гражданином г. Бийска А.В. Соколовым по 5000 р., тарским купцом 1-й гильдии Д.А. Чернядьевым и тюменским купцом 1-й гильдии И.П. Войковым – по 1000 р., в 1882 г. томским купцом 1-й гильдии С.С. Валгусовым – 500 р. Томский купец 1-й гильдии Ф.И. Манасевич, потомственный почетный гражданин Я.И. Петров, барнаульский купеческий сын Д.Н. Сухов изъявили согласие делать ежегодные пожертвования в пользу приюта по 250 р.[2]

Постоянным источником средств для приюта продолжало оставаться проведение, кроме спектаклей и маскарадов, вещевых лотерей. В «Томских губернских ведомостях» наряду с перечнем жертвователей вещей для лотерейного розыгрыша публиковалось то, что было пожертвовано. В 1883 г. для лотереи пожертвовали: Преосвященный Владимир, епископ Томский и Семипалатинский 2 серебряные солонки, П.В. Михайлов – пиленого сахара 10 п., 100 ф. чаю, А.Д. Мерцалов – швейную машину и столовый серебряный «прибор», П.И. Богомолов – самовар и водоочистительный фильтр, Г. Панина – лошадь, Я.И. Акулов – 3 самовара, 3 дюжины ножей и вилок, 2 «плевальницы», П.И. Макушин – полное собрание сочинений А.С. Пушкина, «Картину минувшего» (Навроцкого), годовой абонемент для чтения в библиотеке,

[1] *Свод* постановлений с 1881 по 1891 г. … С. 1678.
[2] *ТГВ*. 1881. 12, 19, 26 сент.; 17, 24, 31 окт.; 1882. 23 янв.

Я.А. Серданович – «машинку для шоколада», И.П. Воинов – бронзовые часы с колпаком, фонарь, «гармонию», П.И. Пастухов – 195 аршин ситца, 15 платков, Б.Ф. Полянский – 2 пары запонок из алтайской яшмы, печатку из уральского топаза, стакан золотисто-зеленого стекла для соды, 2 стаканчика из красного хрусталя, Д.А. Чернядьев – 6 шерстяных платьев, салфетку, А.И. Пастухов – вазу, трое часов, фонарь, 4 чернильницы, Н.И. Гусев – золотой браслет, С.С. Валгусов – 10 чайников, 5 самоваров, 2 медных рукомойника, 2 дюжины столовых ножей с вилками, 4 пачки столовых ножей с вилками, 6 пачек столовых вилок, Я.Ф. Морозов – разных мелких вещей на 60 р., И.Е. Исаев – портсигарницу[1].

В объявленной на 30 декабря 1884 г. в Томском общественном собрании лотереи главные выигрыши были представлены двумя серебряными сервизами стоимостью по 100 р. каждый. На приобретение вещей для проведения лотереи было потрачено 1022 р. 14 к., в том числе из них уплачено торговому дому Немирова и Колодкина в Москве 840 р. 5 к., шести владельцам томских магазинов – 182 р. 09 к. чистого дохода было получено 3533 р. 25 к., переданных приюту.

Кроме пожертвованных наличными деньгами 1014 р. 77 к. (в основном по 1–3 р., лишь И.Л. Фуксман и М.С. Сычев – по 100 р.), пожертвования вещами предоставили: П.В. Михайлов – 3 бархатных ковра, 4 ковра «комоленых» цветных, 4 репсовых скатерти, 5 шелковых платков, 2 ф. фамильного чая, 3 п. 11 ф. сахара; Е.Н. Кухтерин – серебряную позолоченную сахарницу, серебряный бокал, стакан, солонку, 2 самовара; Ф.Х. Пушников – 2 вазы для цветов, чайник, 3 кружки, 2 кофейника, «маслянку», горчичницу, умывальник, 5 кастрюль, дюжину поясов, «портпапирос», 2 саквояжа, ягтаги, микроскоп, шахматы, портфель, бульонницу, шкатулку для карт, 13 подносов; Ф.С. Пастухов – самовар, посеребренную сахарницу, кофейник, металлическую кружку, «прибор для курения», поднос, 2 дюжины ножей и вилок, 5 дюжин вилок, 9 пачек ножниц; Е.М. Голованов – швейную машину; Н.И. Тельных – орган и 3 висячих лампы; М.Т. Самохвалов – 2 бронзовых канделябра; И.И. Колосов – 5 ковров, 5 медных чайников и 2 п. стеариновых свечей; А.И. Акулов – столовые часы и 2 вазы для цветов; М.И. Некрасов – 7 кувшинов, 2 салатника, 6 солонок, 4 «маслянки», 6 бокалов, дюжину стаканов, 2 чайных сервиза, дюжину рюмок, 5 кружек, 5 блюд, 2 утюга; И.М. Некрасов – мельхиоровый чайник, бархатную «швейку», медный

[1] *ТГВ*. 1884. 22 марта.

поднос; П.И. Макушин – сочинения Некрасова и 2 абонемента на чтение в библиотеке; С.С. Кальмеер – 2 синелевых платка, 2 капора, 2 муфты, 3 пары башмачков, 2 детских платья, 4 фартука; Крюгер – 307 бутылок пива; Э.Г. Фельзенмейер – 17 абажуров, 11 пелеринок, фарфоровую пепельницу, 3 металлических папиросницы, 10 шарфиков, несколько мелких вещей; А.Ф. Морозов – 2 чернильных прибора, 2 подсвечника, 2 лампы, 4 вазочки и несколько мелких вещей; Ф.М. Миленин – домино; Р.А. Бейлин – 2 стенных часов; Б.М. Сморгонер – 2 серебряных стаканчика; А.М. Мильштейн – микроскоп; М.А. Немзер – серебряный стакан и медный самовар; Н.Л. Бархатов – альбом и 2 «памятные» книжки; С.З. Берланд – серебряную ложку; Б.И. Ливен – серебряный стакан и дюжину ножей с вилками; И.Г. Вигдорович – серебряный ножичек; М.П. Тонков – мельхиоровые чайник и сахарницу; Ф.П. Брусницын – чугунное пресс-папье, яйцо из яшмы и рамку орехового дерева; Н. Петров – прюнелевые ботинки[1].

30 декабря 1885 г. в помещении общественного собрания было разыграно более 550 выигрышей, из них 250 серебряных вещей, выписанных их Москвы, а более 300 выигрышей были пожертвованы жителями Томска. Всего в тот вечер 12 тыс. билетов оказались раскупленными к 9 часам вечера[2].

Среди жертвователей деньгами оказались: барнаульский исправник А.А. Новогонский (63 р. 80 к.), каинский исправник М.Ф. Дворецкий (50 р.), чиновник по крестьянским делам Каргатского участка Каинского округа (42 р. 87 к.), крестьяне Томского округа (19 р. 80 к.), непременный член Томской губернской строительной комиссии А.А. Райский (7 р.), крестьянин Бийского округа (4 р. 50 к.), неизвестный (1 р. 50 к.).

Наряду с постоянно разыгрывавшимися серебряными, мельхиоровыми столовыми приборами, ножницами, столовыми часами, подсвечниками, чайниками, подносами, портсигарами, самоварами в 1886 г. разыгрывались бинокль, рамка для кабинетных портретов, термометр, машинка для ажурных работ, машинка для собирания плисе, полное собрание сочинений Некрасова, 3 тома сочинений Жадовской и вновь 2 годовых абонемента на получение книг из библиотеки для чтения от П.И. Макушина, в очередной раз от «неизвестного» – 6 ф. чаю[3].

На 30 декабря в здании военного манежа были объявлены главными выигрышами 2 серебряных чайных сервиза стоимостью более 100 р.

---

[1] *ТГВ*. 1885. 31 янв.
[2] *СВ*. 1886. 1 янв.
[3] *ТГВ*. 1886. 6 марта.

каждый. Остальные 900 выигрышей составляли столовые, чайные ложки, стаканы, бокалы. Иногда среди выигрышей оказывались изделия, изготовленные руками воспитанниц приюта. В лотереи декабря 1883 г. разыгрывались сделанные ими 2 бархатные вышитые подушки, 2 кожаных сумки, 2 коврика, вязаная салфетка, дюжина полотенцев[1]. В феврале 1895 г. в здании бесплатной библиотеки общества начального образования в пользу приюта разыгрывались серебряный чайный сервиз стоимостью 115 р., самовар «накладного серебра со всеми чайными принадлежностями» (100 р.), пишущая машинка, бархатный ковер, дойная корова, комнатная печь. Остальные выигрыши были представлены «ценными рукоделиями приюта», золотыми и серебряными вещами, столовыми и чайными ложками, шерстяными и ситцевыми материями, крупчатой мукой 1-го сорта, мебелью, чаем, сахаром, другими вещами. Цена билета оставалась постоянной – 25 к.[2] За 25 к. в 1890 г. можно было выиграть карету стоимостью в 250 р. (Супруги Михайловы в том году пожертвовали для розыгрыша 2 кареты (общей стоимостью в 500 р.)[3].

Директрисы Дамского отделения постоянно занимались оказанием помощи и бедным жителям города. Из денег, которые ожидалось выручить от первого бала-базара и лотереи в 1867 г., было заранее решено 2/3 общей выручки выделить на раздачу «истинно бедным людям или наличными деньгами или купленной ржаной мукой». Они взяли на себя обязанность лично посетить бедных, сведения о которых собирались «от разных посторонних лиц и членов Томской градской полиции». Помощь бедным была оказана на сумму в 1645 р. путем раздачи в зале Томской городской думы 22 и 24 декабря 1867 г. и 9–10 января 1868 г. 495 человекам в размере 1–5 р. (по числу душ в семье) 768 р. 40 к. наличными деньгами и 460 пудов ржаной муки по 1–5 пудов на каждого явившегося в думу бедного жителя города. Оставшиеся 416 р. 56 к. предназначались «для оказания пособия» тем, кто может прийти в думу позднее и для раздачи пособий перед Пасхой.

28 января 1868 г. на страницах «Томских губернских ведомостей» был помещен подробный отчет по балу-базару и лотереи с искренней и теплой благодарностью» в адрес директрис Дамского отделения от жителей Томска, получивших пособие. Сердечная признательность была

[1] *ТГВ*. 1884. 22 марта.
[2] Там же. 1895. 26 янв.
[3] Там же. 1890. 19 апр.

выражена всем, кто, кроме членов Дамского отделения, участвовал в проведении бала-базара и лотереи.

В 60-е гг. Дамским отделением выделялись деньги на ремонт богадельни при городской больнице (100 р.), городскому голове были отправлены 200 р. «для присоединения к капиталу на предполагаемое устройство в Томске ремесленной школы»[1]. Регулярно помощь оказывалась Дамским отделением жителям города в размере 1000 и более рублей. Сотни рублей выделялись «для выдачи пособия пострадавшим от наводнения». В 1870 г. 100 р., в 1872 г. 200 р. были выделены «во врачебную управу лечебнице «для приходящих», закрытой «по недостатку городских средств на ее содержание». Оказывалась Дамским отделением помощь бедным воспитанникам и воспитанницам мужской и женской гимназий в Томске, учащимся Каинского и Кузнецкого женских училищ[2].

В начале 70-х гг. XIX в. стала совершенно очевидной необходимость открытия в губернии фельдшерской школы для подготовки «сведущих фельдшеров и распределения их потом по сельским обществам». Решение этого вопроса оказалось связанным с приютом. Еще с 1864 г. началась переписка относительно возможности подготовки фельдшеров в приюте. Однако тогда дело до положительного решения вопроса не дошло. Но подготовительная работа уже началась. Во внеслужебное время аптекарь тюремной больницы коллежский секретарь Иванов в 1870 г. занялся обучением фельдшерскому делу четырех мальчиков[3].

В следующем году из этих четырех мальчиков одного «лучшего по успехам в науках» поместили в Томскую мужскую гимназию для обучения в ней «за счет фонда Владимирского детского приюта». Остальные трое мальчиков продолжили свое обучение в приюте[4].

Открытие фельдшерской школы при приюте состоялось в ноябре 1873 г. Директор тюремного комитета, инспектор врачебной управы, врач тюремной больницы и священник молитвенного дома имели задание к этому времени определить порядок проведения и время классных и практических занятий при аптеке больницы для мальчиков, которым предстояло совмещать общее образование с обучением в фельдшерской школе. Врачу тюремной больницы было установлено жалование в размере 300 р. в год и «за ежедневное преподавание уроков» в фельдшер-

---

[1] *ТГВ*. 1867. 12 марта; 1868. 26 апр.

[2] Там же. 1872. 25 марта, 29 апр., 13 мая; 1873. 13 янв., 12 мая; 1875. 24 мая.

[3] Там же. 1871. 17 апр., 1 мая.

[4] Там же. 1872. 29 апр.

ской школе, священнику и аптекарю дополнительное жалование по 60 р. в год. Покупка «необходимых классных и учебных принадлежностей» возлагалась на врача тюремной больницы «с предоставлением на этот расход счета для уплаты по нему денег».

Было решено, сообщив Дамскому отделению об открытии фельдшерской школы при приюте, просить его «об оказании содействия этому делу». С целью подготовки девочек к уходу за больными была выражена просьба к Дамскому отделению «занимать старших по возрасту воспитанниц приюта дежурством в женской больнице». Под наблюдением надзирательницы и по указанию врача предполагалось обучить девочек уходу за больными. Впоследствии, если это станет возможным, ожидалась подготовка их «к обучению фельдшерскому искусству посредством учреждения при приюте особого для сего отделения».

В 1872 г. один из трех мальчиков, обученных еще до открытия фельдшерской школы, «лучший по успехам», по просьбе управляющего аптекой тюремного приказа общественного призрения был определен в эту аптеку «для практических занятий и дальнейшего обучения». Остальные продолжили обучение при аптеке тюремной больницы, содержались по-прежнему в приюте[1].

Появление фельдшерской школы в «Томских губернских ведомостях» было отмечено как «отрадный факт» с «искренним приветствием новооткрытого учреждения» и пожеланием ему «всевозможных успехов», с твердым убеждением, что оно в недалеком будущем принесет самые плодотворные результаты»[2].

Под надзором аптекаря ученики занимались приготовлением лекарств, ведением аптекарских книг и постоянно находились «при визитации» доктора в больнице. Предусматривалось, что после экзамена они станут фельдшерами при тюремных больницах. В 1875 г. двух из пятерых обучившихся в фельдшерской школе допустили к должности аптекарских и фельдшерских учеников при больнице пересыльной тюрьмы[3]. Одного из воспитанников по итогам экзамена в 1876 г. определили для обучения во II классе уездного училища с содержанием за счет средств Дамского отделения, как и ранее определенных воспитанника в мужскую гимназию и воспитанницы в женскую гимназию[4].

---

[1] *ТГВ*. 1873. 5 мая.
[2] Там же. 24 нояб.
[3] Там же. 1975. 24 мая.
[4] Там же. 1877. 11 июня.

Что же касается деятельности Дамского отделения по содержанию Владимирского приюта, то на протяжении последующих десятилетий уже новые директрисы продолжали заниматься изысканием средств.

Источники их поступления оставались прежними. За счет пожертвований большого числа людей деньгами, вещами на проведение лотерей приюта сохранялась возможность обеспечивать существование обездоленных детей. Чистая прибыль от пожертвований, лотерей, концертов, спектаклей, которые проводились в городе ежегодно, была исключительно значимой. Ежегодно она оказывалась возможной благодаря отклику большого числа жителей Томска и других городов, как и в прежние годы.

26 декабря 1907 г. чистая прибыль от лотереи в пользу приюта составила около 3000 р.

Среди пожертвований отмечены 3 пары свиней от П.Е. Кухтерина, керосиновая печь, «спиртный» утюг от Э.Г. Лейтникера, роскошные книги, симфонион от П.И. Макушина, бархатный ковер от К.М. Просвиркина, ковры и самовар – от А.Д. Родюкова, футляр с серебряным закусочным прибором от генерал-майора Редько, мельхиоровый самовар, поднос, чайник, полоскательница и труба – от И.И. Смирнова, лошадь – от И.Л. Фуксмана, 3 музыкальных инструмента – от В.Ф. Шмидта, 4 столовых часов, серебряный браслет и щетки для усов – от Е.А. Анцелевина, 1 п. карамели – от Б.В. Брониславова, рукодельные изделия – от Т.П. Васильева, 14 аршин сукна – от С.Е. Владимирова, висячая лампа, вышитая подушка и вышитые салфетки – от А.Е. Закоурцева, 12 хрустальных сахарниц – от П.Л. Иванова, ацетиленовый фонарь и различные мелочи – от игуменьи Зинаиды, веера и различные мелочи – от Т.В. Казанцева, подушка и разные мелкие предметы – от Н.И. Кац, разные вещи поступили – от Н.Ф. Кащенко, А.П. Карнакова, Г.И. и Х.С. Ливен, Н.Б. Ленцлер, И.Ф. Лапиной, 3 пары коньков, бензиновая кухня, еще ряд вещей – от И.М. Некрасова, книги – от В.М. Посохина, гуттаперчивые игрушки – от товарищества «Проводник», разные туалетные предметы – от товарищества «Щепкин и Сковородов», 12 тюменских ковров, 5 одеял, 10 дюжин новых платьев – от товарищества «Второв с сыновьями», чайная посуда и статуэтка от торгового дома Осипова и Ярославцева, 20 п. крупчатки – от В.А. Горохова, никелированные самовары – от Кириллова и Никитина, разные дамские вещи – от Жидкова и Сапожникова, духи, мыло, какао – от фирмы Штоль и Шмидт. Это далеко не полный перечень всего пожертвованного для проведения только одной лотереи.

Кроме того, торговый дом Михайлова и Малышева пожертвовал на 100 р. разных мануфактурных товаров «для белья и платья детям приюта», 100 р. – И.С. Смирнов, 10 р. – В.А. Долгоруков, А.Г. Харитонова – голову сахара «дали на устройство в течение минувших рождественских Святок елки для детей приюта». Содержатель гостиницы «Европа» Морозов передал через губернатора в пользу Владимирского приюта 1000 р., от Э. Стрепетова поступило 50 р.

В 1908 г. супруги Блазеры пожертвовали приюту 100 р., Томское общественное собрание – 300 р. В ноябре этого же года было передано приюту 500 р. из завещанных умершим фельдшером Д.А. Петровым.

Как и в прежние десятилетия в пользу приюта проводились вечера, ставились спектакли. Существенным было участие в судьбе воспитанников и воспитанниц приюта деятелей музыкальной культуры, которые проводили музыкальные вечера специально в его пользу.

Весной 1908 г. в приюте содержалось около 90 детей. Если бы Дамское отделение располагало большими средствами и соответствующими помещениями, контингент питомцев мог бы возрасти значительно. Совершенно справедливо отмечалось в то время, что 90 детей представляют лишь «каплю в море собирающих по улицам милостыню и живущих в грязных притонах» городов губернии и его центра. «Голос Томска» констатировал: «Встречаются случаи, когда прием детей в приют крайне необходим, но нет возможности делать это». Отмечалось также, что «содержание воспитанников обходится удивительно дешево: на продовольствие тратится 15–16 к. на человека в день» – это притом, что приюту систематически доставлялись в достаточно большом объеме продукты питания (мука, крупа, яйца, масло, хлебо-булочные изделия, овощи и т.д., поступавшие от жителей города в виде пожертвований).

Было очевидно, что дети, лишенные возможности пребывания в приюте, «неминуемо кончат тем, что будут преданы суду. В этом случае каждый из них будет обходиться обществу очень дорого, являясь для него тяжким бременем и обузой».

Владимирский детский приют благодаря деятельности Дамского отделения и поддержки жителей города, как и другие приюты губернского попечительства, отмечалось современниками, «избавляют общество и государство от тех расходов, которые оно понесет тогда, когда эти дети, лишенные приюта, будут загублены жизнью большого города и вступят на торную дорогу преступлений, откуда уже нет возврата к честному труду». Поэтому Владимирский приют не случайно считался

«оазисом спасения для выброшенных за борт жизни мальчиков и девочек». Он подбирал их на улице, в разных притонах города, у дверей трактирных заведений и давал им кров, обучал их в своих мастерских, давал им «право на честный кусок хлеба».

Имея дело хотя и с детьми, «но детьми, искалеченными жизнью, привыкшими к… махорке, водке и кражам, сколько любви к ним, труда и энергии надо было прилагать, чтобы сделать из них послушных, скромных детей, внушить им любовь к труду и ближним».

Говоря о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться тем, кто занимался воспитанием питомцев приюта, отмечалось, что «не раз приходилось слышать о… безобразных диких выходках детей, поступающих в этот приют, о драках их между собою, ругательствах, требованиях водки и табаку», об участии в кражах. Весной 1908 г. на базарном мосту был задержан воспитанник приюта с украденным им из Воскресенской церкви облачением на аналой. Сколько нужно было тратить энергии на то, чтобы превращать «этих зверенышей в людей и возвращать им детский образ». Это достигалось «сердечным отношением к детям, привитием им религиозно-нравственных начал, обучением и приучением к физическому труду». На протяжении многих десятилетий питомцы приюта приобретали профессиональные навыки под руководством квалифицированных мастеров и мастериц в рукодельной, чулочной, сапожной и переплетной мастерских[1].

История Владимирского приюта, как и всех других приютов города дореволюционного времени, является очень поучительной и ждет еще продолжения ее изучения. Очень важным было бы проследить судьбу детей, прошедших обучение и воспитание благодаря неутомимой энергии многих людей, отдававших время, душевное тепло детям и оказывавших им бесценную материальную помощь.

Но даже без конкретного знания о судьбе каждого питомца, общее представление о многих спасенных детях складывается с учетом числа ежегодно находившихся в приюте детей, обеспеченных питанием, одеждой, обувью, избавленных нередко от неминуемой гибели.

Как отмечалось, с конца 60-х гг. XIX в. ежегодно оказывалась очень существенная помощь воспитанникам и воспитанницам приюта при выходе из него. 2–3 воспитанницы ежегодно выдавались замуж, получая приданое и все необходимое на первое время молодой семье.

---

[1] *ГТ*. 1908. 6 апр.

В начале XX в. при городской управе появился специальный капитал, пожертвованный А.А. Поповым, из процентов которого могло выдаваться ежегодно два пособия вступающим в брак бедным девицам, как это делалось во Владимирском детском приюте. В июне 1908 г. было решено выдать 150 р. Устинье Васильченко, крестьянке Семилужской волости. Капитал был пожертвован в 1904 г., но в 1908 г. было выдано только второе пособие. «Голос Томска» отмечал, что публика еще не знает об этом. Знаменательно в данном случае продолжение давней традиции оказания материальной помощи при выходе замуж[1].

Иногда удается установить факты благополучного трудоустройства питомцев приюта, прошедших обучение в фельдшерской школе.

Легко представить себе, как могла сложиться судьба Феоктиста Кротова, не окажись он воспитанником приюта. В мае 1882 г. его призвали в армию[2].

В 1884 г. воспитанницы Владимирского приюта были определены учительницами сельских училищ (Александра Пономарева в Михайловское сельское училище Зыряновской волости Мариинского округа)[3]. Годом раньше была назначена учительницей Вороновского сельского училища Уртамской волости под Томском воспитанница Мариинского детского приюта Васса Михайловна Ланкевич[4].

В январе 1885 г. получила назначение на должность учительницы Баткатского сельского училища Богородской волости воспитанница Владимирского детского приюта Юлия Берестова.

Общественная деятельность знатных дам Томска оказалась исключительно результативной. Им удавалось на протяжении многих десятилетий привлекать внимание общественности города к решению проблем огромной социальной значимости.

Мариинский детский приют

Кроме Владимирского, в Томске возникали и функционировали, в разные годы, дополняя друг друга, многие приюты. Еще в 1844 г. был открыт Мариинский приют, находившийся в ведении губернского попечительства детских приютов. Возник он благодаря пожертвованиям советника коммерции Андрея Попова. С 1859 г. почетным попечителем

---

[1] *ГТ*. 1908. 9 февр.
[2] *ТГВ*. 1882. 27 мая.
[3] Там же. 1884. 15 марта.
[4] Там же. 1883. 29 окт.

Мариинского приюта стал золотопромышленник И.Д. Асташев, семья которого содержала приют до 1875 г. И.Д. Асташев на свои средства выстроил 2-этажный каменный дом, ежегодно на содержание приюта отпускал от 2300 до 3800 р. Попечительницей приюта была его супруга Александра Павловна.

На содержание приюта И.Д. Асташев потратил всего 90000 р. После его ухода из жизни попечителем и содержателем «на свой счет томского Мариинского детского приюта» был утвержден полковник Вениамин Иванович Асташев «по его желанию». С 1875 г. приют содержался семьей Цибульских, пожертвовавших всего 143000 р.

В 1886 г. В.И. Асташев внес на содержание приюта единовременно еще 10000 р.

В штате приюта служили смотрительница, две ее помощницы, законоучитель, учитель русской грамматики и географии, учитель пения. Постоянно в приюте жили 30 детей, приходящих было 70. В 1868 г. на попечении приюта было более 100 детей (табл. 7).

Таблица 7

Состав воспитанников приюта в 1868 г., чел.

Дети	Девочки	Мальчики
Дворян и чиновников	20	1
Духовных лиц	10	1
Мещан и мастеровых	48	3
Разночинцев	22	3
Крестьян	9	1
Поселенцев	13	–
Купцов	2	4
Всего	124	13

В течение 1868 г. в приют поступили дети: 4 лет – 1, 5 лет – 2, 6 лет – 4, 7 лет – 9, 8 лет – 5, 9 лет – 10, 10 лет – 2, всего 33 человека.

К началу 1869 г. их численность изменилась (табл. 8).

Таблица 8

Состав воспитанников приюта на 1 января 1869 г., чел.

Дети	Девочки	Мальчики
Дворян и чиновников	16	1
Духовных лиц	8	1
Мещан и мастеровых	32	1
Разночинцев	15	2
Крестьян	9	–
Поселенцев	6	–
Купцов	2	1
Всего	88	6

В этом году поступили «для обучения портному ремеслу» 2 детей, отданы были «в семейства для присмотра за детьми» 2 девочки, выбыли 5 девочек «по истечении положенных лет», 7 девочек по желанию родителей «за отъездом их из города». «За непосещение приюта» подверглись исключению 1 мальчик, 3 девочки. Одна девочка умерла от чахотки. Одна девочка поступила «к исправлению должности помощницы» в самом приюте. Двух девочек из ночлежного отделения выдали замуж. В разные учебные заведения перешли 5 мальчиков, 9 девочек.

Всего в приюте вместе с приходящими было более 90 детей с учетом выбывших.

Разными болезнями (горячкой, лихорадкой, золотухой, желтухой, ревматизмом, чахоткой) в 1868 г. переболели 19 девочек, 2 мальчика. Лечил больных Ливанов бесплатными лекарствами из частной аптеки «на счет почетного члена приюта надворного советника Мальчудовича на 175 р.».

И.Д. Асташевым было в 1868 г. пожертвовано серой нанки 505 аршин, серпинки розовой для 30 платьев 174 аршина, холста для передников 220 аршин, 25 шерстяных одеял, 12 теплых платков, холста для белья 355 аршин, брани для 6 полотенцев 15 аршин, холста для кухни 55 аршин, коленкору белого для пелеринок и передников, обувь для девочек, живущих в приюте, ситцу для старших воспитанниц и прислуги 87 аршин, деревянная кроватка, двум воспитанницам «при выходе их в замужество на приданое» 275 р., им же холста 120 аршин. Всего различной ткани, обуви, платков и т.д. было пожертвовано И.Д. Асташевым на сумму около 500 р.

Кроме того, расход И.Д. Асташева на жалование смотрительнице, помощницам, учителям, прислуге составил более 1000 р., около полутора тысяч рублей ушло на обеспечение питания детей, сотрудников приюта, около 400 р. – на отопление, освещение и покупку мыла, тратились деньги также на приобретение учебных пособий, переплет книг, «на мелочный хозяйственный расход» (поправка и покупка деревянной посуды, лужение медной, поправка мебели), ремонт дома, «постановку новой внутренней чугунной лестницы», на содержание двух лошадей, жалованье 5 дворников, «улучшение пищи в праздник Рождества Христова и конфекты». Итого все пожертвования И.Д. Асташева на укрепление материальной базы приюта составили около 3800 р.

Обучением детей грамоте в приюте занимались инспектор Духовного училища священник Аполлон Лашков (преподавал Закон Божий). Русскую грамматику и географию старшим воспитанницам преподавал

священник А. Барков. Чтению, письму и арифметике обучали исполнявшая обязанности помощницы, бывшая воспитанница приюта Шихова и две младшие помощницы под руководством смотрительницы приюта. Пение преподавал учитель Духовного училища Дамаскин.

В праздничные дни воспитанницы «составляли хор певчих» в Воскресенской церкви.

В течение 15 лет роль смотрительницы приюта исполняла коллежская советница Эмилия Яковлевна Мысовая.

На практических занятиях дети учились вязать, ткать чулки, делать метки белья. Некоторых старших воспитанниц обучали шитью гладью и по канве. За работами наблюдали помощница при ночлежном отделении Белкова. Изделия, изготовленные детьми, обладали высоким качеством исполнения, их не стыдились дарить самым высоким гостям. Подаренные князю Владимиру во время посещения им приюта «образцы рукоделия в шитье гладью и по канве» были благосклонно приняты.

Часть изготовленных детьми изделий шла на продажу. К 1 января 1868 г. «рукодельный капитал детей» составил 855 р.

На вырученные деньги покупались разные материалы. Хорошее поведение и добросовестное отношение к работе материально поощрялись. В 1869 г. «за трудолюбие и примерную нравственность» было выдано 14 р. 5 к.

Князь Владимир, покидая приют, летом 1868 г. сделал примечательную запись: «Посещение Мариинского приюта доставило мне истинное удовольствие. Дай Бог, чтоб нашлось более подражателей почтенной деятельности Ивана Дмитриевича Асташева. Владимир».

Труды лекаря Ливанова были отмечены награждением орденом Св. Станислава 2-й степени. Смотрительница Мысовая удостоилась пожалованием со стороны Государыни Императрицы брошью с бриллиантами и рубинами.

За 50 лет существования приюта в него поступило 1224 ребенка, умерло – 30, что является свидетельством относительно высокого уровня медицинского контроля и содержания детей в приюте.

Детский приют братьев Е.И. и В.И. Королевых

28 апреля 1874 г. в Томске был открыт детский приют братьев Королевых с целью «дать малолетним сиротам – мальчикам всякого звания призрение, воспитание и обучение» (согласно Высочайшему утвержденному 27 декабря 1839 г. Положению о детских приютах). Он был

рассчитан на 25 мальчиков, которые принимались не младше 6 и не старше 9 лет, и находился в ведении томского губернского попечительства детских приютов, содержался на средства Королевых. Основной капитал составлял 20000 р. Не трогая его, Королевы обязались содержать приют на свои средства в течение 7 лет.

При открытии приюта в апреле 1874 г. в нем было 10 мальчиков, полностью укомплектовался он к сентябрю. В приюте оказались дети чиновников (2), канцелярского служителя (1), мещан (6), крестьян (10), отставных солдат (4), отставных унтер-офицеров (1), поселенческих (1), в возрасте 6 лет – 2, 7 – 10, 8 – 6, 9 – 5, 10 – 2.

Дети обучались молитвам, чтению, частично письму смотрительницей. В августе 1874 г. обучением начала заниматься учительница народных школ, выпускница Омской женской гимназии дочь чиновника Александра Григорьевна Пиленкова.

Все мальчики, из которых 16 до поступления в приют не знали вовсе букв и счета более 10, к весне 1875 г. научились читать, писать, считать, выучили все основные молитвы, Символ веры, пять основных заповедей.

В 1874 г. приют был обеспечен мебелью (столами, скамьями, досками для классных занятий, для столовой; для детей кроватями, железными шкафчиками, столами; шкафами для платьев, белья, посуды; умывальником; разными вещами по домоводству); посудой для смотрительницы и прислуги (столовой, чайной и прочей кухонной посудой (медной, железной, чугунной, деревянной); одеждой и обувью для 25 мальчиков (4 перемены белья, 2 перемены верхней одежды); для выхода суконными пальто и полушубками, летними и зимними шапками, по 2 пары сапог и 1 паре валенок; постельным, столовым и прочим бельем.

Всего попечители Королевы до 1 января 1875 г. потратили для приюта имуществом, посудой, одеждой и прочими вещами, также учебными пособиями более 2300 р. На содержание приюта в 1874 г. они израсходовали в виде жалования смотрительнице (250 р.), учительнице (120 р.), прислуге (201 р. 5 к.) всего 571 р. 5 к.

Каждому мальчику было определено ежедневно на питание 1 ф. черного, ½ ф. белого хлеба, мяса или рыбы ½ ф., на обед, ужин, утром и вечером чай с булкой, в скоромные дни с молоком.

Были полностью сделаны расходы на отопление дома, его освещение, на лекарство больным, учебные принадлежности (бумагу, карандаши, грифель, перья и прочее), на прокорм лошади и коровы, по до-

машнему хозяйству. В течение года заболели 7 мальчиков, их лечением занимался директор приюта Ф. Зацкевич.

Помещение приюта, достаточное по площади, содержалось в чистоте и порядке, одеждой и обувью дети были обеспечены полностью, пищу они получали «питательную и здоровую».

Смотрительницей приюта была жена надворного советника Екатерина Степановна Лучшева.

Дети по достижении 12 лет возвращались родственникам или отдавались для обучения в ремесленное училище.

До 1894 г. Королевы на содержание приюта израсходовали свыше 90000 р. Приют, помещавшийся в трехэтажном доме Королевых «в местности, изобилующей садами, представлял все удобства для содержания детей»[1].

С годами в результате увеличения в приюте детей условия их содержания заметно усложнились. В том же здании, где приют был открыт в 1874 г., в 1906 г., когда его посетила 15 марта М.И. Нолькен, содержалось уже не 25, а 35 детей. Это не могло не сказаться на качестве воздуха. На его спертость и плохое вентилирование помещения приюта обратила внимание М.И. Нолькен. Лучшее впечатление у нее осталось от посещения школы, где дети проходили обучение. Они читали, декламировали басни, писали на доске и «удовлетворительно пропели молитвы» для гостьи[2].

М.И. Нолькен при посещении приюта Королевых в 1908 г. обратила внимание на рукодельню. В ней под руководством хорошего мастера воспитанники приюта плели корзины и соломенные шляпки. М.И. Нолькен отметила, что «работы выполняются довольно хорошо и нужно ждать, что горожане не станут обегать приюты заказами»[3].

Приют для подкидышей

По инициативе и на средства томского купца 1-й гильдии Ф.Х. Пушникова в Томске в январе 1893 г. открылся приют, в который принимались круглые сироты и подкидыши.

В России с 1764 г., с появления первого воспитательного дома в Москве ведет начало государственное призрение брошенных детей. В

---

[1] *Бойко В.П.* Томское купечество конца XVIII – XIX века. Томск, 2005. С. 249.
[2] *ТГВ*. 1906. 15 марта.
[3] Там же. 1908. 22 марта.

70-е гг. XVIII в. в Московский воспитательный дом в среднем ежегодно поступало 1200, в Петербургский – 545 детей. В 1888 г. их число выросло соответственно до 17300 и 9900. Во второй половине XIX в. содержание брошенных детей казне обходилось в 1 млн р.[1]

Воспитательные дома существовали и во многих провинциальных городах. В Томске в 60-е гг. XIX в. подкидыши попадали во Владимирский детский приют, о чем уже говорилось выше.

До открытия сиропитательного Пушниковского приюта в «Томских губернских ведомостях» регулярно помещались сообщения о найденных в городе подкидышах.

Томский приказ общественного призрения обращался с просьбой, «не пожелает ли кто из благотворителей принять к себе на безмездное воспитание неизвестно кем покинутых»: к квартире томского мещанина Н. Зинова «младенца женского пола, названного при крещении Феоктистою» (1868 г.), «младенцев Елизавету и Марию – на воспитание бесплатно и Домну – бесплатно или за умеренную плату» (1871 г.), «младенца Сергея 2-х месяцев бесплатно с правами причисления по своему семейству или же к какому-нибудь обществу» (1873 г.).

Взяли на воспитание подкидышей крестьянская вдова ссыльного Богородской волости Елена Казанцева, ставшая матерью и подкинутому в сени ее квартиры в Воскресенской части 3-дневному мальчику (1870 г.). Взяла на свое воспитание подкидыша нарымская купчиха Евдокия Якушева (1871 г.). В Сенной части взял на воспитание подкинутого к его квартире 3-дневного мальчика мещанин Ефрем Патрушев в 1879 г. В этом году, кроме Ефрема Патрушева, взяли подкидышей томские мещане Николай Завьялов, Александр Демешкин, Решетников, Горохов, Михайлов, Наталья Икутова. В 1880 г. для 3-недельного мальчика стала матерью томская мещанка Маремьяна Кикрюшина. Кроме мещан, о судьбе подкидышей позаботились крестьянка Уртамской волости Вера Рогожкина, жившая в доме мещанина Гужова, отставной чиновник Судовский, жена запасного рядового Грокибовского, мариинский мещанин Ситников, пожарный служитель Гаврилов, городовой полицейской команды Карпихин, крестьянин Красноярского округа Алексей Чистов, рядовой Костромин, солдатская вдова Мутанова.

8 января 1886 г., проходя по Монастырскому переулку примерно в 10 часов вечера, мещанин Зыков подобрал сверточек, лежащий у тро-

---

[1] *Дэвид Л. Рансел*. Матери нищеты: Брошенные дети в России. Принстон, 1988, С. 209.

туара около дома протоиерея Донецка. Развернув тряпье, он увидел только что рожденную девочку. Зыков «выразил желание воспитать ребенка, если ему будет дано пособие от казны по 3 р. в месяц». Воспитанниками стали подкидыши в семьях купцов Родионова, Валгусова.

С открытием Пушниковского приюта, известного под названием Мариинского сиропитательного приюта, число подкидышей в Томске подросло значительно.

Кроме Пушниковых, в приюте брался содержать 10 человек С.С. Валгусов. Гарантировали содержать по 2 ребенка А.Н. Пастухов, Я.И. Акулов и И.М. Некрасов из расчета 40 р. в год на каждого воспитанника[1].

Немногие подкидыши были взяты на воспитание: в 1894 г. крестьянином Черновым, жившим в доме Ерохина, в 1897 г. мещанином Михайловым. Весной этого же года взяли на воспитание «разные люди» (без указания имени и сословной принадлежности) подкинутых к домам купцов Плаксина и Гадалова младенцев. В 1908 г. оказался в семье супругов Ковтун подкинутый к дому Бархотова на углу улицы Нечаевской и Дроздовского переулка малыш. В марте 1915 г. взял на воспитание подкинутого на углу Магистратской улицы и Протопоповского переулка малыша пожарный служитель Николай Мельников.

В связи с ежегодным увеличением числа подкидышей Пушниковского приюта городская дума постановила выделить ему из средств города в 1899 г. 2200 р.

Некоторые матери предпринимали попытки устройства новорожденных обманным путем. 3 июля 1893 г. к сидевшей у ворот дома Сумина 11-летней крестьянской девочке Савельевой какая-то женщина подкинула родившегося в январе месяце Петра. Месяцем раньше другая женщина оставила на руках у проходившей возле Кузнечного рва Анны Кальберт девочку с запиской, а сама скрылась. 9 мая 1896 г. на верхнем перевозе крестьянку из ссыльных неизвестная женщина попросила подержать 2-месячную девочку и скрылась. Летом 1908 г. проходивший по Акимовской улице мужчина попросил у Романенко подержать свою 2-летнюю дочь Ксению, сказав, что ему нужно сходить в лавочку, и «более за девочкой не возвращался». 19 ноября 1908 г. в квартиру ксендза местного томского костела пришла женщина с грудным ребенком, заявив, что желает его окрестить. Когда в прихожей никого

[1] *Бойко В.П.* Указ. соч. С. 249.

не осталось, она положила ребенка на пол, вышла из квартиры и не вернулась.

Иногда удавалось поймать некоторых матерей при их попытке подкинуть своего ребенка. Осенью 1895 г. у Пушниковского приюта были задержаны крестьянки Соколова и Недосекина, намеревавшиеся подкинуть младенца. То же самое пыталась сделать 9 декабря того же года крестьянская дочь Ковалева, подкинувшая к пивной лавке полуторамесячного ребенка, но была замечена.

В апреле 1898 г. в 11 вечера обходной Андрианов задержал крестьянина Ивана Михайлова, который подкинул младенца, оказавшегося сыном крестьянки Марии Загвоздкиной.

2 декабря 1908 г. в 9 часов вечера в 1-й полицейский участок Томска были доставлены две крестьянки Вятской губернии, Е.Ф. Бердинских и Е.М. Карбышева с 2-месячным младенцем, которого «покушались подбросить». Младенец оказался сыном Бердинских, которая созналась, что хотела его подбросить «из-за болезненного состояния и неимения средств к жизни». Желающих взять ребенка на воспитание не нашлось, хотя она писала об этом в газетах.

Некоторые матери пытались отдать своего ребенка в надежные руки. В 1908 г. Самович, проживавшая по Белозерской улице, заявила о своей готовности отдать для усыновления 2-недельного сына. Другая мать хотела «отдать в дети мальчика», а сама искала место кормилицы. Два раза давалось объявление в газете о желании отдать в надежные руки 4-месячного мальчика матерью, жившей на квартире в Благовещенском переулке в доме Хтодоренко. 9 января 1913 г. «Сибирская правда» опубликовала обращение «бедной женщины к добрым людям, не пожелает ли кто взять в дети с правом усыновления двухнедельного мальчика».

Время от времени обнаруживались трупы младенцев. Однажды был обнаружен совершенно разложившийся труп младенца, спрятанный в подполье. Зимой 1892 г. за домом Чевелева по Белозерской улице во рву был найден замерзший труп 5-месячного младенца. Трупы младенцев были обнаружены на берегу Ушайки 23 апреля 1892 г., второй – 7 мая с признаками насильственной смерти. 9 апреля 1894 г. при очистке отхожего места в доме мещанки Фотеевой был найден сильно разложившийся труп младенца, 7 сентября 1896 г. – девочки младенческого возраста. В этом же году 22 апреля с признаками насильственной смерти нашли труп младенца, 2 июня 1908 г. на берегу Томи у летнего рыбного базара против дома Самохина был обнаружен труп девочки, поло-

женный в новый сосновый, некрашеный гроб. Тело ее в белой холщевой рубахе, завернутое в белый коленкор, было покрыто оспенными прыщами. 23 марта в 10 часов утра во дворе дома Духовной семинарии на задах полицией был обнаружен труп замерзшего новорожденного ребенка. Была получена записка о подкинутом младенце, «но мороз и сильный ветер сделали свое дело: малютку нашли мертвым». 28 сентября 1909 г. мировой судья 7-го участка города Томска на Источной улице под накатанным в этом месте лесом между усадьбами № 8 и 10 на берегу Истока поднял труп младенца. Причиной смерти оказались воспаление кишечника и недостаток питания. При обследовании тела младенца признаков насильственной смерти не обнаружили. 23 июля того же года вблизи пароходной пристани «Черемошники» был найден труп полуторогодовалого мальчика, умершего от голода.

29 января в 10 часов вечера в баню на Большой Подгорной улице был подкинут труп замороженного малыша. А 26 марта на отвале в конце Акимовской улицы, а также на Большой Подгорной улице обнаружили трупы двух малышей. Найденный 6 мая 1915 г. на берегу Ушайки труп младенца был отправлен в анатомический покой.

Помещение в приют еще не давало гарантии выживания всех подобранных подкидышей. Чаще всего попадали туда новорожденные, находившиеся на искусственном питании. В 1906 г. принимавшая деятельное участие в судьбе приютов супруга губернатора баронесса М.И. Нолькен в марте в течение трех дней посетила приюты. В Пушниковском приюте 26 младенцев, находившихся при кормилицах, произвели на нее «удовлетворительное впечатление», тяжелый осадок остался от состояния 5 младенцев-искусственников. Только в течение 10 дней, предшествовавших посещению приюта М.И. Нолькен, умерло 8 детей-искусственников, которых, оказывается, кормили, как и ранее, коровьим молоком. Баронесса предложила либо увеличить число кормилиц, либо кормить искусственников козьим молоком. Преимущество его состояло в том, что козы не болеют туберкулезом. Кроме того, важным было и то, что коза стоила дешевле коровы.

В день посещения приюта 13 марта баронесса увидела только что принесенного недоношенного семимесячного отечного, с плохо бьющимся сердцем ребенка. Для него понадобилась грелка, которой не оказалось в приюте. По сообщению врача Шамовской в большинстве случаев дети умирали от туберкулеза, микробами которого было наполнено помещение приюта. Дети, находившиеся при кормилицах, постоянно могли оказаться без них. Кормилица, получавшая 5 р. в месяц, всегда

могла бросить детей, если появлялась возможность где-нибудь заработать больше. Особенно тяжелым был уход кормилицы для детей при переходе их на искусственное питание, что нередко грозило им смертью[1].

В 1908 г. 23 ноября одна из фельшериц при раздаче детям лекарств по ошибке дала двум девочкам в возрасте 1 года 1 месяца и 1 года 4 месяцев раствор карболовой кислоты, от чего младшая из них умерла.

В приюте была очень высокая смертность. По данным за 1893–1895 гг. поступило 102 младенца, из них ушли из жизни 83. С. Соболев, чиновник по особым поручениям при губернаторе объяснял это неудачными попытками аборта, «бросанием детей зимой на улице без утепления», отсутствием в Томске опытных и добросовестно относящихся к делу нянечек[2]. Очевидно, главная причина высокой смертности в приюте состояла в том, в каком состоянии поступали подкидыши. В большинстве случаев в приюте оказывались только что рожденные, либо пробывшие на свете несколько дней, недель, месяцев младенцы, нуждавшиеся в уходе, обеспечить который приют был не в состоянии.

В приюте дети содержались до шести лет, затем отдавались частным благонадежным лицам с правом усыновления или в существующие в Томске приюты.

Приют для бездомных детей

В начале XX в. томская общественность оказалась озабоченной идеей открытия приюта для бездомных детей.

В письме от 2 мая 1901 г. томский губернатор сообщил городскому голове, что епископ Томский и Барнаульский Макарий в своей новогодней речи высказал особое пожелание ознаменовать «наступление новолетия, а вместе с ним и столетия делом истинно-христианской благотворительности – открытием в Томске приюта – убежища для бездомных детей».

В местной печати нашла подтверждение настоятельная необходимость для Томска подобного учреждения. Было высказано пожелание, «чтобы городская управа взяла на себя инициативу и организацию этого дела».

---

[1] *ТГВ*. 1906. 15, 19, 20 марта.

[2] *Быков А.А.* Социальная защита детей в Сибири в XIX – начале XX века // Вестник Том. гос. ун-та. 2003. Март. С. 134–135.

В свою очередь, городской голова А.П. Карнаков в связи с исполнением 10-летия посещения Томска наследником цесаревичем Николаем Александровичем, будущим императором, на заседании городской думы поставил вопрос, «не признает ли она необходимым чем-либо отметить этот день». Дума постановила учредить в Томске приют для бездомных и нищих детей.

Изысканием средств предстояло заняться созданному особому комитету, в который вошли Е.С. Образцов, А.И. Макушин, Е.М. Голованов, А.Д. Родюков, А.Е. Кухтерин, И.Е. Кухтерин, И.М. Некрасов, И.М. Плотников, А.П. Усачев, И.Ф. Лапин, Н.Н. Плотников, Ц.Р. Шадрин, Н.А. Молчанов, Н.В. Тряпицин.

Дума также решила учредить в приюте 4 стипендии с внесением расхода на них в смету «в числе обязательных расходов» и ходатайствовать о присвоении стипендиям имен великих княжен Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, Марии Николаевны и Анастасии Николаевны.

К моменту принятия думой решения об открытии приюта нашлись и благотворители, которые стали отправлять деньги на имя епископа. К уже присланным 292 р. 65 к. епископ добавил 100 р. Он предложил открыть при городской управе фонд и обещал «сделать предложение о пожертвованиях некоторым известным ему христианским благотворителям».

Городская дума ответила, что уже откликнулись некоторые благотворители, еще среди жителей города найдутся «такие, которые пожелают своими взносами увеличить этот капитал до размера, чтобы проценты с него могли составить стипендию Его Преосвященства».

19 августа 1902 г. дума постановила продолжить ходатайство «о принятии открываемого городом приюта для бедных и нищих детей в ведомство учреждения императрицы Марии»[1].

31 июля министр внутренних дел уведомил, что ходатайство населения Томска по случаю 10-летней годовщины посещения Томска Его Величеством об основании по этому случаю приюта для бездомных и нищих детей, с учреждением в нем 4 стипендий имени их Императорских Величеств великих княжен Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, Марии Николаевны, Анастасии Николаевны 26 июля «высочайше доложено Государю Императору».

---

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 835–836, 839–841, 1191–1193.

В середине октября 1901 г. епископ Макарий в дополнение к ранее присланным пожертвованиям через томского губернатора передал «на учреждение приюта для безродных детей, скитающихся по улицам города», еще 1000 р. и просил использовать процент с этого капитала «на составление предполагаемой городским управлением стипендии его имени».

23 ноября 1901 г. душеприказчик томского мещанина Александра Григорьевича Каратакова член особого комитета Иван Федорович Лапин представил в городскую думу 1000 р. с тем, чтобы увеличить процентами этот капитал и на проценты с него учредить «на вечные времена стипендию имени А.Г. Каратакова для призрения бездомных детей». Приняв дар, дума решила ходатайствовать о присвоении этой стипендии его имени[1].

Избранный городской думой комитет для изыскания средств на учреждение приюта для бездомных детей считал необходимым решение вопроса, каким будет этот приют, учреждением чисто городским или он войдет в состав учреждений ведомства императрицы Марии. В первом случае он должен был действовать по инструкциям городской думы, во втором – ожидалось, что «граждане города легче отзовутся на призыв о помощи»[2].

В приюте для бездомных и нищих детей содержались 22 девочки и 9 мальчиков. Баронессе Нолькен понравилось, как держались при встрече с ней дети: вежливо и свободно, декламировали стихотворения и басни, писали под диктовку на доске, отвечали по географии. Дети произвели на нее впечатление не забитых, школьное дело М.И. Нолькен оценила как поставленное хорошо.

По мнению М.И. Нолькен, в 1906 г. посетившей Татьянинский приют в 8 верстах от Томска, дети содержались в лучших условиях по сравнению с другими приютами. 30 мальчиков и 6 девочек содержались в просторном светлом помещении, почти всецело опекаемые торговым домом братьев Кухтериных.

Детский приют и Дом трудолюбия при Иоанно-Предтеченском женском монастыре

По инициативе Макария, архиепископа Томского и Алтайского и тогдашнего губернатора Г.А. Тобизена в 1892 г. при Иоанно-Предтеченском женском монастыре были открыты Детский приют и Дом

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 905, 940, 988–989.
[2] Там же. С. 940–944.

трудолюбия. Совет приюта возглавила настоятельница монастыря игуменья Зинаида, казначейские дела вела монахиня Анисия Григорьевна Некрасова. В числе почетных членов совета была Клавдия Яковлевна Второва из Москвы.

Обязанности надзирательницы приюта исполняла мещанская девица Пелагея Егоровна Борисова с домашним образованием. В штате приюта и Дома трудолюбия состояли: учительница, помощница учительницы, три заведующие воспитанием детей, экономка, две коровницы, три хлебопечки, три столовницы, дворник, работник.

Лечением детей занимался член врачебного отделения губернского правления статский советник Павел Петрович Еланцев с платой в 120 р. в год. Он посещал приют 2–3 раза в неделю, лечил медикаментами из монастырской больничной аптеки.

При приюте была церковно-приходская школа, епархиальный училищный совет отпускал на ее содержание 300 р. в год.

Детей, обучавшихся в школе и живших в приюте, с 1 сентября 1907 г. по 1 сентября 1908 г. было 22 девочки и приходящих 5.

Приют и Дом трудолюбия помещались в особых от монастыря зданиях на монастырской земле, отданной безвозмездно во временное пользование. Здания были приспособлены для жилья девочек и приходящих женщин и девиц.

В приют принимались не моложе 5 лет круглые сироты и в исключительных случаях дети бедных родителей с платой 3–5 р. в месяц. В 1907–1908 гг. платы поступило 122 р.

Девочки обучались грамоте, пению, особенно церковно-богослужебному. При приютской церкви существовал детский хор под управлением учительницы М.Т. Михайловой. Девочек-певчих в дни Рождества Христова и Пасхи «благожелательные граждане» иногда приглашали в свои дома для церковных песнопений.

На 1 сентября 1908 г. в приюте девочек было 60, по возрасту: 5 лет – 1, 2 лет – 3, 8 лет – 1, 9 лет – 4, 10 лет – 5, 11 лет – 3, 12 лет – 10, 13 лет – 7, 14 лет – 6, 15 лет – 1, 16 лет – 7, 17 лет – 1, 18 лет – 6, 19 лет – 1, 20 лет – 1, 21 года – 1, 22 лет – 2.

Кроме грамоты, дети обучались типографскому и переплетному делу, разного рода рукоделиям (шитью церковных одежд, платьев, вязанию, вышиванию, изготовлению матрацев). Все дети занимались и обучались домашнему хозяйству. Более взрослые готовили пищу, стирали белье, чистили и мыли посуду, убирали комнаты, мыли полы. Младшие

дети, находясь при исполнении работ старшими, помогали им по кухне и столовой. Весной и летом старшие работали в огороде, на покосе.

По предложению Макария попробовали девочек отдать для обучения печатному и переплетному делу. Но оказалось, что для этого надо иметь свою типографию, чтобы труд не был таким изнурительным. Через Московский купеческий банк Зинаида на создание типографии получила 10000 р. с условием возврата их в течение 10 лет. Но для организации работы в типографии пришлось нанимать мужчин. С 1 сентября 1907 до 1 сентября 1908 гг. было нанято до 30 мужчин. Старшие девочки 14–18-летнего возраста, наиболее грамотные, изучали типографское дело (17 человек), 10 – находились в переплетной мастерской.

2 воспитанницы старшего возраста и более развитые выполняли набор несложных таблиц; 8 девочек изучали сплошной набор и правку корректуры; 7 – знакомились с характером шрифтов; 2 воспитанницы по переплетному делу фальцевали, брошюровали, переплетали учебники, изготавливали коробки для шляп и шапок; 6 воспитанниц фальцевали, сшивали гражданские книги, нумеровали страницы книг; 2 младшие воспитанницы занимались только фальцеванием листов[1].

Холерная эпидемия 1892 г. унесла жизни многих родителей, дети которых остались круглыми сиротами. Заботы о них по инициативе епископа Макария, губернатора Г.А. Тобизена и его супруги принял на себя женский монастырь. Самой первой задачей явилось устройство как можно скорее временного помещения для сирот, затем предстояло построить постоянное.

Первым внес пожертвования на это дело от себя Макарий. Он распорядился об отпуске из суммы приходского попечительства при кафедре томского епископа на первое время 500 р. Пожертвование поступило и от губернатора. Благодаря этому с 1 октября был открыт приют для сирот, названный Домом трудолюбия.

К августу 1893 г. на постройку и обзаведение Дома трудолюбия поступило: от приходского попечительства при кафедре томского епископа 3500 р., от томского губернатора – 500 р., от А.И. Попова – 1000 р., Б.П.Л. – 1000 р., Кухтериных – 300 р., И.И. Колосова, В.И. Королева и И.П. – по 200 р., И.Г. Гадалова – 150 р., лично от Г.А. Тобизена, Ф.С. Пастуховой, И.А. Еренева, Горохова, Жернакова, В. Ерофеева, И.В. Королева, И.И. Лагунова по 100 р.; от М.А. Шмурыгина, А. Карнакова, С. Карнакова, П.В. Вытнова – по 50 р.; менее 50 р. пожертвовали 67 человек – 1214 р. 20 к.

---

[1] *СП*. 1909. 10 янв.

Собрано было «в кружки» – 166 р. 38 к.

Всего – 5 280 р. 58 к.

На собранные средства было построено, окончательно отделано временное помещение в 2-этажном деревянном доме, в котором осенью разместили сирот.

Построено было и постоянное помещение. К середине августа оставалось покрыть крышу железом. Вчерне было построено одноэтажное на каменном фундаменте, крытое железом помещение для больницы и кухни, устроен погреб.

На выполнение всех работ были потрачены следующие суммы: 160 р. выдано архитектору за проект, 9417 р. 18 к. пошли на приобретение необходимых материалов (на плотничные работы – 3098 р.), за печи, железные кровати, кузнечные работы.

Оставалось всего 113 р., а нужно было еще уплатить за железо для крыши (780 р.), за окраску крыши и карнизов. Всего требовалось еще 4004 р.

У монастыря таких денег не было. Он и так расходовал немало средств для содержания сирот – на питание, одежду, обувь.

При открытии Дома трудолюбия было принято 28 сирот, оставшихся после смерти родителей от холеры. Затем стали приниматься сироты всех умерших после разных болезней бедных родителей. На полном содержании в середине августа 1893 г. находились 44 круглых сироты в возрасте от 2 до 14 лет, большинство их составляли девочки. Они обучались грамоте, рукоделию, ремеслам. Им прививалась религиозность, любовь к труду, «чтобы по выходе они были добродетельными христианами и добрыми трудящимися гражданами».

Поскольку большинство сирот попали в Дом трудолюбия из разных мест, помогать ему в содержании и воспитании детей должны были, справедливо считалось, со всей Сибири.

Деятельность общества «Пчельник»

Весной 1906 г. Томское благотворительное общество занялось изысканием средств для возведения здания кухни городской богадельни и приюта, а также на строительство особого помещения для дряхлых призреваемых. Правление общества намеревалось расширить верхний этаж богадельни с целью устройства специального помещения для нервных больных, страдающих Виттовой пляской, появившихся в последнее время на улицах Томска. По подписному листу на это было собрано от

И.М. Некрасова, Михайлова и Малышева и «Торгового дома Кухтерин и сыновья» по 300 р., от Д.А. Петрова – 10 р.[1]

С открытием в Томске отделения Российского общества защиты женщин произошло слияние уже созданного до этого и возглавлявшегося М.И. Нолькен общества защиты женщин «Пчельник».

18 апреля 1906 г. на квартире супруги начальника губернии баронессы М.И. Нолькен состоялось заседание общества «Пчельник». На нем обсуждались меры, необходимые для оказания помощи девушкам и молодым женщинам, приезжавшим в Томск для поиска работы. Разговор шел об опыте оказания помощи такого рода в других городах страны. В Петербурге во временных приютах бралась плата за питание от 5 до 20 к. в сутки. Не имевшим средств предоставлялись помещение и стол – в кредит.

В мастерских дамских нарядов и белья нуждающиеся женщины могли обучаться шитью и заработать кусок хлеба. Такая мастерская была открыта в Петербурге. Здесь только работали или брали работу на дом. Даже временно место проживания не предоставлялось.

С 1902 г. в Минске была открыта школа кройки с трехмесячным обучением за 10 р. Самых бедных обучали бесплатно. В школу принимались не только жительницы Минска, но и окрестных мест и селений. Приезжие девушки все три месяца жили в приюте и были гарантированы от опасности быть «вовлеченными в разврат». Безграмотных обучали грамоте. Вскоре здесь же стала действовать школа шитья с платой в 5 р. за трехмесячный курс.

На заседании общества «Пчельник» была одобрена программа томского отделения Российского общества защиты женщин.

Главной целью общества было оказание помощи девушкам и молодым женщинам, прибывавшим в город в поисках работы. Первое время пребывания в незнакомом городе всегда было связано с большими трудностями. Члены общества решали задачу немедленного предоставления приюта и устройства на работу особенно тем, кому угрожала опасность «впадения или вовлечения в разврат». По отношению к тем, кто не избежал этого, в качестве первоочередной задачи предусматривалось обеспечить «розыск и обследование положения «падших женщин», предоставление им временного приюта и устройство их дальнейшей судьбы».

---

[1] *ГТ*. 1906. 12 марта.

Однако эта благородная задача оказалась невыполнимой. К концу XIX в. проституция в городе достигла огромного масштаба. Она стала одной из главных причин широкого распространения сифилиса и других венерических болезней. С каждым годом все труднее оказывалось обеспечивать необходимый надзор за состоянием здоровья занимавшихся проституцией. Его не мог обеспечить один городовой врач, проводивший обследование. С 1893 г. этим занималась врач – «вольно практиковавшая женщина», которую приглашали содержательницы домов терпимости. Они сами рассчитывались с нею.

Для решения вопроса о мерах усиления борьбы с венерическими болезнями, прежде всего сифилисом, одно время обсуждалась проблема учреждения для этой цели специального врачебно-полицейского комитета. Однако из-за отсутствия необходимых для этого 5000 р. комитет учрежден не был.

В 1900 г. надзор за здоровьем проституток был возложен на старшего врача больницы общественного призрения, состоявшего на государственной службе. Эту обязанность ему следовало выполнять без всякого дополнительного вознаграждения. При очередной постановке врачом вопроса о необходимости учреждения врачебно-полицейского участка, «давно желательного и крайне необходимого в университетском городе», до изыскания средств на его содержание он просил городского голову назначить ему вознаграждение за обследование проституток.

16 ноября 1901 г. городская дума постановила городской управе разработать вопрос об изыскании средств на учреждение вышеназванного комитета. А врачу, ведущему надзор, назначить ежемесячную выплату в размере 100 р. с декабря 1900 г. 2 января 1901 г. за осмотр проституток с 13 ноября 1900 г. дума постановила выдать 100 р. А.А. Грацианову. С 1 января 1901 г. занимавшийся осмотром проституток врач Закоурцев в начале апреля получил 1300 р.

Неоднократно в течение длительного времени на заседаниях санитарно-исполнительной комиссии обсуждался вопрос о больнично-госпитальном лечении проституток. Больница приказа общественного призрения и городская больница отказывались принимать их ввиду отсутствия специальных отделений. В некрасовскую больницу больные сифилисом и другими венерическими болезнями не допускались «по завещанию». Строить же венерическую больницу оказалось не на что[1].

[1] *ГТ*. 1908. 31 мая.

Освидетельствование проституток постоянно сопровождалось выявлением большого числа больных. В первой половине 1908 г. из обследованных 325 проституток 164 было назначено амбулаторное лечение, в том числе 120, зараженным легкими венерическими болезнями, 44 девицам – повторное лечение сифилиса[1].

Содержательница дома терпимости, солдатка Р-штейн сама взялась за лечение жившей у нее девушки, зараженной сифилисом. Она в ходе лечения ляписом выжгла девушке тело до кости. 17 декабря 1886 г. «Сибирская правда» сообщила, что жизнь девушки оказалась в опасности. А содержательница дома терпимости была арестована.

Заразиться от проституток можно было не только в домах терпимости. Проституция процветала в большинстве бань города. Во многих случаях они были просто домами терпимости с той лишь разницей, что посетители подвергались значительно большей опасности. Бани справедливо называли «вспомогательными учреждениями для содействия развитию сифилиса и других венерических болезней». По свидетельству врачей, значительная часть заражений происходила именно в банях.

Это требовало принятия самых энергичных, решительных мер «с целью охраны населения от распространения заразы, преследуя беспощадно всех банщиков – содержателей проституток. 12 июня 1906 г. было принято постановление, запрещающее их проживание при банях без прописки. За нарушение этого постановления содержатель бань на Солдатской и Нечаевской улицах Л.Б. Фефербаум «за не прописку двух проституток, живших при банях и занимавшихся позорным промыслом, за допущение находиться здесь лицам, не имеющим видов на жительство, за крайне антисанитарное содержание бань, отсутствие дезинфекции ретирадных мест» был оштрафован на 1000 р. В случае его несостоятельности штраф мог быть заменен 3-месячным тюремным заключением.

Опасным оказывалось посещение квартир проституток-одиночек. 9 марта 1908 г. на такой квартире по ул. Загорной, 26 скоропостижно умер посетитель-мужчина лет 35. В кармане пиджака покойного нашли счета от погребального бюро П.Р. Кочережко на имя Бориса Петровича Матереева, конторщика службы сборов Сибирской железной дороги[2].

---

[1] *ГТ*. 1908. 1 окт.

[2] Там же. 11 марта.

Весной 1908 г. сотрудники полиции сумели обнаружить до 200 тайных проституток в Томске[1].

В конце 1908 г. «в интересах общественного спокойствия» была закрыта являвшаяся по свидетельству полицмейстера «притоном тайной проституции» баня, которую содержал троицкий мещанин А.С. Хромов[2].

Занятие проституцией имело тяжелые последствия не только для посетителей домов терпимости, бань и квартир проституток-одиночек. Нередко не выдерживали испытаний избранной профессией и они сами.

В конце XIX – начале XX в. все чаще на страницах газет в рубрике «Убийства и самоубийства» стали помещаться сообщения об отравлении оказавшихся в Томске из разных уголков страны, вставших на путь зарабатывания средств к существованию через продажу своего тела. Они становились источником заражения клиентов в результате того, что, прежде всего, заражались сами. Оказываясь в безысходной ситуации, свели счеты с жизнью 23-летняя Пелагея Кожевникова, 20-летняя Мария Шмакова, Мария Моисеенко и еще одна крестьянская дочь, все они ушли в город из родных деревень Томского уезда. Прибывшие в Томск из Пермской губернии рано ушли из жизни Елизавета Ленивцева (отравившись 8 июля 1894 г. раствором фосфорных спичек, в муках умерла через 5 дней), выпила карболовую кислоту 4 января 1896 г. Кирьякова. 3 марта этого же года отравились раствором фосфорных спичек Дадонова и Гузиева. Приехавшие из Пермской губернии покончили собой 6 марта 1897 г. Ксения Чернокутова и 15 февраля 1915 г. 16-летняя Александра Лыжина. Свели счеты с жизнью в домах терпимости Агафья Ханова, Анисья Макарова, Кириллова, Ковыряскина. Обойдясь без отравления, застрелились 26-летняя Марина Попова в ночь на 18 мая 1897 г. и 16-летняя Фекла Тышко, крестьянская дочь, приехавшая в Томск из Гродненской губернии. Перед самоубийством последняя заперлась в уборной своей квартиры на Почтамтской улице 19, где ее подняли уже мертвой[3]. Не по своей воле ушла из жизни мещанская девица Аграфена Трапезникова, зарезанная в доме терпимости 7 декабря 1891 г. легковым извозчиком Ефимом Тихоновым[4].

---

[1] *ГТ*. 1908. 15 марта.

[2] Там же. 20 дек.

[3] *СВ*. 1886. 9 нояб.; *ТГВ*. 1887, 4 июня, 9 июля, 17 сент.; 1889. 5 окт.; 1894. 22 сент.; 1895. 4 мая; 1896. 22 февр., 6 июня, 4 июля, 29 авг.; 1847. 17 апр., 15 мая, 12 июня, 25 сент.; 1898. 12 февр.; *ТВ*. 1915. 17 февр.; 1915. 14 мая, 27 мая, 11 июня.

[4] *ТГВ*. 1892. 23 янв.

Здесь перечислена лишь незначительная часть проституток, которые до того как стать ими, несомненно, надеялись определиться в жизни, но оказавшись один на один с трудностями устройства в незнакомом городе, не нашли другого пути. Не единичной была ситуация, в которой оказалась дочь коллежского асессора Анастасия Добринская. Она в течение 9 месяцев 1908 г. не могла найти работу и, не имея средств к жизни, просила через газету «Голос Томска» помочь ей «найти работу надзирательницы, кастелянши, заведующей хозяйством или фельдшерицы или оказать материальную помощь»[1].

Не лучше складывалась судьба девушек, попадавших по приезде в Томск в руки мошенников. Последние, обещая хорошее трудоустройство, увозили их в другие города и там доставляли в дома терпимости[2]. 3 июля 1908 г. в полицейском участке Иркутска крестьянка Евдокия Рагузина заявила, что с неделю тому назад прибыла из Томска вместе с подругами Татьяной Копьевой и Соломонидой Корытовой вместе с какой-то женщиной. Она наняла их в качестве прислуг, обещая устроить в Иркутске на «хорошие места». Согласившись с заманчивым предложением, девушки поверили нанимательнице и поехали с ней в Иркутск, но пришли в ужас, когда узнали, что одну из них (Копьеву) мошенница увела в публичное заведение, где продала ее за 35 р. Узнав об этом, Рагузина и поспешила в полицейский участок. Нанимательница оказалась мещанкой г. Томска, Надеждой Ивановной Захаровой, занимавшейся поставкой в публичные дома «живого товара». Она была арестована[3].

О фактах подобного рода «деятельности» поставщиков девушек в дома терпимости и появлялись сообщения в газетах и в последующие годы[4]. В 1915 г. были арестованы каинские мещанин Хаим Апель и мещанка Блюма Ройнши, не имевшие прав на жительство в Томске. В процессе дознания было установлено, что они прибыли в город с целью вербовки девиц в дома терпимости[5].

В безысходной ситуации и состоянии полной незащищенности оказывались некоторые девушки, далекие от занятия проституцией. 8 мая 1885 г. в доме Муромова в квартире домашней учительницы Степановой отравилась раствором пяти коробок спичек горничная крестьянская

---

[1] *ГТР*. 1908. 22 марта.
[2] *СП*. 1914. 17 сент.
[3] *ГТ*. 1908. 13 июля.
[4] *СП*. 1914. 17 сент.
[5] *ТВ*. 1915. 12 февр.

дочь Татьяна Замятина, умершая 12 числа. Она оставила объяснение причины своего ухода из жизни. До поступления «в услужение» к Степановой, она была горничной у учительницы гимназии, квартировавшей в доме Петрова, в котором 29 апреля произошел пожар в квартире страхового агента Фалеева. В пожаре заподозрили Татьяну Замятину. И хотя подозрение не подтвердилось и ее освободили из-под ареста, она «стала стыдиться знакомых, знавших ее как хорошую девушку» и решилась на самоубийство[1].

А что касается самоубийства проституток, то после них не оставалось никаких объяснений по поводу причины ухода из жизни. Похоже объективно они сводились к тому, что было написано в предсмертной записке покончившей собой в Иркутске 20-летней Дарьей Разборской. В конце октября 1908 г. «Голос Томска» опубликовал ее. «Дорогие папа и мама, дорогие братья и сестры, – писала Дарья, – желаю вам жить счастливо». Братьев и сестер она просила «в город не ездить, а то такую смерть получите, как я», а родителей умоляла «держать дочерей хорошо, чтобы в чужих людях не жили». Прощаясь с жизнью, девушка задала вопрос: «Я почему такая несчастная уродилась?», отцу советовала: «Папа, вы свои деньги караульте, чтобы черти не утащили. Все будут несчастны».

Не трудно представить, в каком состоянии писано Дарьей предсмертное письмо. В конце его она попыталась объяснить причину самоубийства: «Я жизнью покончила за одного человека, было бы, папа, вам известно, 22 числа. Ваша Разборская». Далее еще следовала приписка: «Я писала торопилась, на веревке удавилась. Папа, похорони меня скорей. Меня, папа, простите, что я так сделала, я вытерпеть не могла. Затем прощайте и не помните, что я была у вас. Вы меня не любили и, словом, именно я, папа вам мешала». Возможно, что в последних словах отложилось воспоминание о том, как она уходила из родительского дома в город[2].

Томское общество защиты женщин, озабоченное «предохранением девушек и женщин от впадения или вовлечения в разврат», необходимостью «оказания нравственного воздействия на падших женщин с целью возвращения их к честной жизни», занималось оказанием приюта для девушек и молодых женщин, прибывавших в город с целью найти место работы и проживания. Председатель Общества защиты женщин М.И. Нолькен с пониманием относилась к тому, что пребывание в не-

---

[1] *СВ*. 1885. 20 мая.
[2] *ГТ*. 1908. 29 окт.

знакомом городе было связано для них с большими трудностями. Поэтому Общество занималось розыском и обследованием их положения, предоставлением им немедленного временного приюта, устройством их дальнейшей судьбы, выдачей нуждавшимся единовременных и ежемесячных пособий.

Это делалось за счет денег, пожертвованных разными лицами и торговыми фирмами при возникновении в Томске Общества, а также за счет членских взносов[1].

Составление брошюр, статей, организация переводов по вопросам, имеющим отношение к задачам общества, устройство публичных лекций также предусматривалось в числе мер его программы.

Устанавливались членские взносы в размере 3 р. в год.

Председательницей Общества была избрана баронесса М.И. Нолькен[2].

Совершенно очевидны благороднейшая цель создания этого Общества защиты женщин, важность задач, которые оно пыталось решить. Но также очевидной оказалась невозможность что-то радикальное сделать для спасения вставших на путь добывания средств к существованию проституцией.

20 февраля 1908 г. были объявлены наиболее привлекательные выигрыши, которые могли получить участники лотереи 22 февраля: лошадь, 3 пары свиней, самовар накладного серебра стоимостью в 125 р., серебряный кофейный сервиз (85 р.), серебряная сухарница (85 р.), две швейные машины, много мелких серебряных вещей можно было выиграть по билету ценой в 25 к.[3]

Позднее жителей Томска известили, кому достались выигрыши по лотерее 22 февраля, проведенной в помещении городской думы (с указанием адресов счастливчиков): серебряная сахарница – М.Т. Лихачевой (ул. Торговая, 24), самовар накладного серебра – Л.В. Деболи (ул. Бульварная, 171), серебряный кофейный прибор – А.Е. Пономареву (пер. Нечевский, 14), орган – А.В. Гребцовой (Благовещенская площадь, 2), швейная машина – М.И. Кулькину (ул. Никитинская, 23) и Г. Орлову (ул. Жандармская, 14), стиральная машина – Г. Лукину (пер. Приюто-Духовской, 2), 3 пары свиней: И.В. Павлову (ул. Знаменская, 13), Б.А. Андрианову (ул. Малая Подгорная, 10), и госпоже Лещеновской (ул. Большая Королевская, 8), лошадь – С.В. Хомич (ул. Офицерская, 7)[4].

---

[1] *ГТ*. 1906. 19 апр.; 1908. 9 янв.
[2] Там же. 19 апр.
[3] Там же. 1908. 20 февр.
[4] Там же. 18 марта.

Открытие в Томске богадельни

Общество, возглавленное М.И. Нолькен, одновременно занималось сбором средств и на постройку богадельни для престарелых бедных и больных женщин. В начале 1908 г. на попечении Общества их было 17 человек.

14 июля 1908 г. на общем собрании томского комитета помощи голодающим было решено после отправки нуждающимся 21800 р., оставшиеся в наличии 3231 р. 82 к. передать Обществу защиты женщин, которому требовались средства на постройку дома. Помещение, построенное для них раньше, было «настолько тесно и малоудобно», что не давало возможности «приютить очень многих нуждающихся на склоне лет в призрении и помощи старух».

Губернатор дал Обществу защиты женщин разрешение на постройку в Томске богадельни «на уступленном для сего Владимирским детским приютом участке земли». Предполагалось построить помещение на 30 кроватей[1].

В сентябре 1908 г. состоялось открытие богадельни. Перед собравшимися на ее освящение предстало большое здание в виде продолговатого корпуса с мезонином, «довольно красивое». Нижний этаж его почти во всю длину пересекался коридором. Направо и налево по коридору располагались комнаты пансионерок – светлые, чистые, просторные, каждая была рассчитана на 1–3 старушки. Не было обычной для казенной богадельни обстановки.

Создавалось ощущение, что это частные квартирки, где с большим удобством разместились жильцы. К моменту открытия богадельни здесь уже жили более 20 чел.[2]

С необычной торжественностью прошел акт освящения здания богадельни. Перед ним был устроен помост, украшенный по бокам зеленью и флажками, устланный сукном. К 12 часам дня стали собираться приглашенные: начальник губернии барон К.С. Нолькен, вице-губернатор И.В. Штевен, попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев, начальник Сибирской железной дороги И.К. Ивановский, начальник почтово-телеграфного округа Франц с супругой, игуменья Зинаида, управляющий акцизными сборами Несмялов, Директор народных училищ Рамзевич, начальник губернского жандармского управления пол-

---

[1] *ГТ*. 1908. 25 июля.

[2] Там же. 5 окт.

ковник Романов, старший советник губернского управления М.Н. Еремеев, советники: Г.А. Игнатовский, В.Э. Мейер, врачебный инспектор Мессарош с супругой, барон Е.К. Нолькен, помощник тюремного инспектора гр. Толстой, ветеринарный инспектор Бельский с супругой, ротмистр Озеровский, госпожи Рамзайцева, Лейтнекер, Мейер, Ржаницина, старший чиновник особых поручений Г.П. Пожаров, Н.Н. Копанс, младший чиновник особых поручений А.Н. Васильев, инженер Лангер с супругой, врач Закоурцев с супругой, инспектор по делам печати Виноградов, и.д. городского головы Богомолов, полицмейстер Фукс, купеческий староста Сычев, А.Е. Кухтерин с супругой, В.А. Долгоруков, начальник тюрьмы Житинский, Леонович, штабс-капитан Сарычев, доктор Богораз, Г.И. Ливен с супругой, уездный исправник Попов и др.

Присутствовали специально прибывшие на освящение министр путей сообщения, член Государственного совета генерал-лейтенант Шауфус с директором своей канцелярии камергером двора Его Величества, действительным статским советником Паутовым.

Молебен совершил архиепископ Макарий вместе с ректором семинарии о. архимандритом Мелетием и ключарем кафедрального собора. «Стройно пел хор женского монастыря».

После молебна все были приглашены к столу, сервированному в столовой и прилегающих комнатах. Было провозглашено много тостов (за здоровье императора, за устроительницу богадельни баронессу М.И. Нолькен, за архиепископа Макария, попечителя учебного округа, товарища председателя Общества защиты женщин А.Е. Кухтерина, сотрудниц М.И. Нолькен – госпожу Кирсанову, госпожу Кац и др.

Корреспонденция с рассказом о прошедшем освящении богадельни завершилась трогательными словами, адресованными тем женщинам, которые много сил, времени отдавали заботе о престарелых и немощных: «Дай бог, чтоб к имени баронессы М.И. Нолькен присоединились еще женские имена, о которых с глубокой благодарностью вспомнят в будущем бедные беспризорные женщины города Томска»[1].

На завершение строительных работ при богадельне требовались деньги. Баронесса Нолькен предложила устроить 21 сентября лотерею в помещении городской управы. Лица, желающие помочь в завершении строительства богадельни, могли присылать деньги и вещи в дом губернатора на имя баронессы М.И. Нолькен[2].

---

[1] *ГТ*. 1908. 5 окт.
[2] Там же. 10 сент.

Лотерея прошла в зале городской думы, «прекрасно декорированном». В одной из комнат играл оркестр Красноярского полка. С 11 часов утра огромная толпа стояла у входных дверей. Всего через 2 часа с небольшим подходившие посетители узнавали, что билетов уже нет. Эту лотерею посетило около 2000 человек.

В те же дни в Томске общество защиты женщин выразило глубокое сожаление по поводу предстоящего отъезда из Томска М.И. Нолькен в связи с переводом губернатора в Могилёвскую губернию на ту же должность. С сердечной признательностью отмечалось ее деятельное участие в судьбе томских приютов, особенно Владимирского, в Томской общине сестер милосердия, Красного Креста, высокую оценку председательниц Общества получила за вспомоществования нуждающимся ученицам гимназии[1].

В 1908 г. Томское попечительство бедных обратилось к благотворителям с просьбой продолжать оказание помощи бедствующим жителям города: «В нашем городе очень много бедных и неимущих по несчастию … Последние годы особенно обильны такими несчастными благодаря слишком тяжелым экономическим условиям жизни». Томское попечительство о бедных при кафедре архиепископа обратилось к благотворителям с просьбой о новых пожертвованиях. Бедные обращаются к помощи попечительства как к центру местной церковно-христианской благотворительности. Попечительство в зависимости от свободных средств, жертвуемых благотворителями и собираемых в кружки во время богослужения в архиепископской церкви, старалось «утешить таких несчастных и облегчить их тяжелое материальное положение». Но средства попечительства были настолько скудными, а нужда в них так велика, что оно вынуждено было обратиться «с усерднейшею просьбою ко всем православным гражданам г. Томска и других мест уделить от своих избытков хотя малые крохи на пользу и утешение всем таким бедным».

Пожертвования деньгами, вещами, продуктами и материалами принимались в архиерейском доме в канцелярии архиепископа, у эконома архиепископского дома и в помещении библиотеки. Их можно было также адресовать на имя архиепископа.

Попечительство оказывало помощь в виде единовременного пособия – «лицам, впавшим в нужду по болезни и неспособности к труду, сиротству, за невозможностью найти службу, работу». На это в год расходовалось более 2000 р. На 6 платных стипендий для сирот-девочек при Доме трудолюбия тратилось более 200 р.

---

[1] *ГТ*. 1908. 24 сент.

Помощь воинам, их семьям, раненым

Оказание помощи воинам, их семействам, детям было неотъемлемой частью жизни горожан. Еще до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в начале 1876 г. были отправлены из Томска в помощь семьям пострадавших жителей Герцеговины и Боснии в адрес славянского благотворительного комитета 404 р.[1] К осени этого же года в пользу раненых и бедствующих славян в ответ на обращение Преосвященного епископа Платона в соборе было собрано около 200 р., пожертвования в следующие дни были сделаны «разными лицами, служащими торгового дома Петрова и Майкова, от священнослужителей кафедрального собора, всего по подписным листам томичей было собрано около 1700 р.[2]

В августе 1876 г. в городской роще «с целью помощи бедствующим славянам устроенное народное гуляние дало чистой прибыли около 3000 р., в том числе – около 1000 р. за проданные З.А. Супруненко, В.А. Каменской, С.И. Нарской, Т.Н. Акуловой, Д.А. Романовской цветы, фрукты, вина, закуски, сигары, папиросы, чай, мед, десерт, пиво[3]. В адрес славянского благотворительного комитета поступил сбор от спектакля, поставленного в августе 1876 г. в солдатском театре[4]. А осенью этого же года преподаватели Духовной семинарии решили жертвовать по 2 % «своего содержания в пользу воюющих за веру и отечество славян Балканского полуострова с сентября месяца до окончания войны»[5].

19 мая 1877 г. на заседании городской думы после прочтения Высочайшего манифеста от 12 апреля об объявлении Россией войны Турции было решено принять посильное участие в оказании помощи больным и раненым воинам, выделить 15000 р., кроме того – между всеми жителями города открыть подписку. В ответ на это служащие Томской казенной палаты объявили о пожертвовании до конца войны от жалованья 1–3 % в пользу вдов, сирот, убитых или раненых воинов. Чиновники канцелярии общего губернского управления решили отчислять по 1 %, члены Томской городской управы – 3 %, городской голова – 10 %, служащие по вольному найму чиновники губернского правления, наборщики типографии – по 1–2 %. Томская мещанская управа выделила 1000 р., а по еще не завершившейся подписке представителями всех сословий на

---

[1] *ТГВ*. 1876. 31 янв.
[2] Там же. 11 сент.
[3] Там же. 22 авг.
[4] Там же. 15 авг.
[5] Там же. 2 окт.

18 июля 1877 г. было собрано более 15000 р.[1] Более 130 жителей Томска внесли пожертвования в размере от 3 до 3000 р., в том числе: 2000 р. – Е.И. Королев, 1000 р. – В.И. Королев, 1000 р. – торговый дом Петрова и Михайлова, 3000 р. – З.М. Цибульский, 300 р. – Е.Н. Кухтерин, 50 р. – П.И. Макушин, по 300 р. – Ф.И. Манасевич, Н.П. Голдобин, А.Н. Пастухов, Я.И. Акулов, И.И. Сорокин, К.М. Чевелев, по 500 р. – С.С. Валгусов, И.С. Вильянов, М.П. Черемных[2]. Народное гуляние, проведенное в пользу семейств нижних чинов запаса, призванных в армию, дало 607 р. прибыли[3]. Вырученные от спектаклей, устроенных супругой купца И.Ф. Каменского В.А. Каменской весной и летом 1877 г., 280 р. также были переданы на оказание помощи воинам[4].

Во время Первой мировой войны наиболее емкими оказались плоды благотворительности и внеслужебной деятельности жителей Томска. Это нашло выражение в стремлении помочь беженцам, прибывавшим в Сибирь, устройством летом 1915 г. однодневного сбора, в сборе городской управой сведений о наличии свободных в городе жилых помещениях, которые можно было бы использовать для нужд беженцев из Галиции и Западного края.

Основное внимание было направлено на оказание посильной помощи воинам на передовой линии фронта[5]. 4 января 1915 г. начальник Томской железной дороги С.М. Богашев отправил от имени служащих дороги отдельной сибирской мортирной батарее 600 кисетов с чаем, сахаром, конфетами, пряниками, 5 п. кедровых орехов, 3 п. 20 ф. мыла, 3 п. 25 ф. «табаку полукрупки», 210000 спичек, 600 пар теплых чулок и носков, 217 пар теплых перчаток и рукавиц, 86 пар чулок. А на следующий день он получил телеграмму: «Я и все чины дивизиона приносим сердечное русское спасибо за присылку белья и подарков. Внимание Ваше и всех служащих дороги подкрепляет нас в тяжелой борьбе с врагом нашей Родины. Командир 3-го Сибирского мортирного дивизиона полковник Макалинский». Это было выражением благодарности за присланное от служащих Томской железной дороги на фронт еще раньше – до 4 января[6].

---

[1] *ТГВ*. 1876. 7 мая, 11, 18, 25 июня, 2 июля.
[2] Там же. 1877. 23 июля.
[3] Там же. 13 авг.
[4] Там же. 17 сент.
[5] *ТВ*. 1915. 1, 13 авг.
[6] Там же. 8 янв.

В феврале 1915 г. служащие томского отделения Госбанка отправили своим бывшим сослуживцам, взятым на войну, посылки: каждому по 2 рубашки, 2 кальсон, 2 пары портянок, мыло, чай, сахар и «прочие вещи»[1]. Такого рода посылки стали отправляться на фронт, после того как по всей стране оказалось собрано для армии теплых вещей больше необходимого. Как и всюду, в Томске стали готовить белье и пасхальные подарки с рубашками, нижним бельем, с чаем, сахаром, различными не портящимися продуктами[2]. Дамский комитет членов судебного ведомства и адвокатуры организовал изготовление и отправил в Петроград 300 комплектов белья «в организуемый комитетом дезинфекционный отряд, отправляющийся на передовые позиции».

Большую активность проявили в те дни, кроме названного, и другие дамские комитеты[3]. При Сибирских женских курсах был организован по городу сбор средств на пасхальные подарки томским полкам[4].

16 января 1915 г. «Томский вестник» известил своих читателей о благодарности благотворительному кружку дам духовного звания от командира 42-го Сибирского стрелкового полка за присланные подарки на боевые позиции. В то время этим кружком готовилась уже 5-я партия белья для отправки на фронт. Сам кружок в марте этого же года через газету выразил благодарность лицам и учреждениям, пожертвовавшим деньги и вещи на подарки воинам. Благодарности были удостоены: епархиальное женское училище, Мариинская женская гимназия, Макушин, Посохин, Брониславов, магазины Менке, Штоль и Шмидт, студенты, участвовавшие в упаковке студенты вещей[5]. В апреле кружок отправил комплекты белья на 250 человек, в каждом из них с парой белья, портянками, полотенцем, мочалкой, мылом, табаком, кисетом с папиросами, чаем, сахаром, сухарями[6]. Члены кружка дам духовного звания занимались подготовкой подарков, адресованных действующей армии. В августе 1915 г. они собрали две партии вещей и белья. Одна с 1125 вещами и 39 пачками спичек была отправлена в действующую армию, другая – из 1916 вещей – в Синодальный лазарет имени наследника цесаревича Алексея Николаевича[7].

---

[1] *ТВ*. 1915. 22 февр.
[2] Там же. 5, 18 февр.
[3] Там же. 13 февр.
[4] Там же. 21 февр.
[5] Там же. 11 марта.
[6] Там же. 18 апр.
[7] Там же. 13 авг.

Сотни комплектов белья и подарков собрал для 1-го Сибирского передового отряда дамский кружок при университете[1]. В действующую армию на передовые позиции кружок дам учебного ведомства отправил белье с разными подарками[2]. В апреле с пасхальными подарками от жителей Томска побывал в армии И.И. Гадалов[3].

Свой вклад в это общее дело вложили и учащиеся Томска. В распоряжение уполномоченного местного отделения Красного Креста учащиеся женского Александровского приходского училища передали 100 кисетов с подарками для действующей армии.

Одним из первых через Красный Крест отправили из Томска посылки воспитанницы 3-й женской гимназии Н.А. Тихонравовой. В середине января 1915 г. в гимназию пришло адресованное ее воспитанницам письмо от солдат с благодарностью за присланные посылки в декабре 1914 г.[4]

Усилия попечительских советов, комитетов, кружков были направлены на сбор средств для оказания помощи раненым. В апреле 1915 г. «Томский вестник» опубликовал «Письмо в редакцию» инспектора судоходства графа В.И. Головина. Он писал: «Война оставит очень много изувеченных людей. Наш долг не покидать этих несчастных на произвол судьбы, не обременять ими и без того тяжелых условий жизни их семей, наш долг: организовать общественную помощь путем создания постоянных санаторий для увечных воинов».

К этому времени уже было получено разрешение на сбор пожертвований для сооружения такого санатория. «Теперь только от нас и от степени сознания нами нашего долга, – продолжал Головин, – зависит судьба наших обездоленных братьев». Он напомнил об отзывчивости сибиряков «на общественные нужды». Открытие сибирского санатория для раненых и увечных воинов автор письма справедливо считал «будет лучшим из тех памятников, которые скажут далеким потомкам о духовной жизни народа (подчеркнуто мной. – *А.Ж.*), сумевшего славно изжить тяжелую годину трудной борьбы».

От редакции газеты предлагалось пожертвования отправлять на имя автора письма по адресу: Томск, судоходный отдел, ул. Гоголевская, 35. Прием пожертвований был открыт и при редакции «Томского вестника»[5].

---

[1] *ТВ*. 1915. 19 марта.
[2] Там же. 20 мая.
[3] Там же. 30 апр.
[4] Там же. 14 янв.
[5] Там же. 29 апр.

Призыв Головина нашел широкий отклик. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что сбор средств в помощь раненым начался в Томске еще до публикации его письма. На 2 марта было объявлено проведение студенческого вечера «в пользу сибирского общества помощи раненым». 4 марта литературно-музыкально-драматическое общество для той же цели поставило благотворительный спектакль. 5 марта жители города были извещены о проведении через 2 дня в главном корпусе технологического института студентами-грузинами литературно-музы-кально вокального вечера, сбор с которого предназначался для Тифлисского лазарета[1]. В конце марта 1915 г. в актовом зале технологического института местный фотокружок решил устроить недельную платную выставку с передачей сбора с нее в сибирское общество помощи раненым[2]. В мае воспитанники Духовной семинарии пожертвовали раненым 200 р.[3]

Группа дачников деревни Федосеевой летом 1915 г. устроила спектакль с отчислением 20 % сбора в пользу раненых. После спектакля был организован стол с прохладительными напитками, чаем и мороженым. Чистый сбор с него также шел в пользу раненых[4]. Благотворительные спектакли ставились дачниками также в деревне Заварзиной и на Губинской заимке. Часть сбора от спектакля предназначило для раненых воинов Общества содействия вечерним общеобразовательным классам. В апреле оно провело спектакль в пользу воспитательных заведений для осиротевших детей воинов[5].

В августе 1915 г. Томское отделение Сибирского общества помощи раненым воинам перевело 1000 р. уполномоченному передового врачебно-питательного отряда на приобретение табака «для раздачи на передовых позициях и белья для походных бань»[6]. Центральный комитет Томской железной дороги ежемесячно выделял на содержание 10 коек в офицерском лазарете Главного комитета. Этим койкам было решено присвоить название коек служащих Томской железной дороги[7].

Еще в начале 1915 г. И.И. Гадалов пожертвовал 1000 р. на устройство «остановочно-питательного пункта для раненых возвращающихся солдат» на Раскате, 2. Он предоставил дом с целью дать возможность

---

[1] *ТВ*. 1915. 1, 4, 5 марта.
[2] Там же. 19 марта.
[3] Там же. 8 мая.
[4] Там же. 21 июня.
[5] Там же. 8 июля.
[6] Там же. 29 авг.
[7] Там же. 28 авг.

возвращавшимся на родину раненым и больным воинам после высадки из поездов отдохнуть в теплом помещении и получить горячее питание[1]. Другие остановочно-питательные пункты обслуживались железнодорожными агентами и их семьями[2].

Летом 1915 г. по распоряжению начальника Томской железной дороги С.М. Богашева на станциях были установлены ящики для опускания в них прочитанных газет, которые можно было использовать для чтения ранеными во время их следования домой в поездах[3].

По инициативе И.И. Гадалова, начальника добровольной пожарной команды, в Томске состоялся торжественный сбор денег «в пользу раненых русских героев». 30 января 1915 г. в 6 часов вечера дружинники «в полной форме с зажженными факелами, с оркестром музыки» во главе с Гадаловым вышли из депо на ул. Петровской. По сторонам команды отдельные дружинники шли с кружками для сбора денег. Шествие под звуки марша двинулось по ул. Иркутской, Раскату, Магистратской и Почтамтской улицам.

Во время следования команда останавливалась у некоторых частных домов и общественных учреждений, при этом оркестр исполнял как русский гимн, так и гимны союзных с Россией государств.

Шествие было «весьма эффектно и за дружинниками двигалась масса народа, пожертвования сыпались весьма охотно». Дойдя до Архиерейского дома и исполняя Народный гимн, шествие двинулось обратно. У городского полицейского управления дружинники были отпущены, а сборщики с кружками проследовали в управление для подсчета денег. За полтора-два часа оказалось собрано около 600 р.[4]

110 томичей откликнулись на приглашение комиссии по сбору пожертвований на открытие здравницы в Крыму для раненых и больных воинов и их детей. Проведенный с их участием сбор пожертвований 21 августа дал 1425 р.[5]

Томичи оказывали помощь и жителям окраин, пострадавшим от военных действий. Владельцы увеселительных заведений в мае 1915 г. решили отчислять для них часть сбора.

Тогда же была устроена лотерея-аллегри, а обществом физического развития в городском саду организовано народное гуляние. В книжных

---

[1] *ТВ*. 1915. 4 февр.
[2] Там же. 19 мая.
[3] Там же. 22 июля.
[4] Там же. 4 февр.
[5] Там же. 20, 25 авг.

магазинах и киосках в продажу поступила новая брошюра Е.М. Баранцевича «Отношение поляков к войне». В магазинах Макушина и Лясс продавались ноты со словами Е.М. Баранцевича и музыкой А.В. Анохина «для пения с аккомпанементом рояля» «Боевой истории второй Отечественной войны». Все вырученные от продажи брошюры и нот деньги предназначались для пострадавших от военных действий на окраинах России[1]. До 1 июля в центральный комитет Томской железной дороги для них же поступило пожертвований около 4000 р.[2]

В марте 1915 г. около 2000 р. было собрано в пользу пострадавших от военных действий жителей Польши, а лотерея, проведенная в их же пользу 31 мая, дала 2466 р.[3]

К лету 1915 г. возникла сложная проблема приема, размещения и трудоустройства беженцев, прибывших в Сибирь с окраин, пострадавших от военных действий. По предложению Синода в Томске возник епархиальный комитет для оказания помощи беженцам «без различия народности и вероисповедания». Городская управа нуждалась в средствах, которые могла бы выделить «на первоначальные расходы» дума. Обязательным управой признавалось открытие при ней подписки для сбора пожертвований и обращение думы за разрешением «на устройство в Томске однодневного сбора на тот же предмет».

Комитет по оказанию помощи беженцам возглавил П.В. Иванов, его членами стали два представителя духовного ведомства, представители Томского отдела Красного Креста, председатель съезда крестьянских начальников, томский полицмейстер, податной инспектор 1-го участка и городовой врач[4]. Беженцев размещали «во временно отведенных переселенческих бараках» возле станции Томск–2. В них оказалось возможным размещение до 300 человек. Созданное при канцелярии податного инспектора И.С. Скурлатова по адресу пер. Дробышевский, 12 справочное бюро занималось решением вопросов их трудоустройства. Для «призрения детей неимущих беженцев» на первое время было решено обратиться за поддержкой к городским приютам. 50 нетрудоспособным было выделено помещение в богадельне Миллюнонен[5].

Всех трудоспособных беженцев группировали по профессиям. Среди них преобладали люди «интеллигентных профессий»: учителя,

---

[1] *ТВ*. 1915. 28 мая.
[2] Там же. 6 авг.
[3] Там же. 5 марта, 8 июня.
[4] Там же. 1, 21, 25 авг.
[5] Там же. 26 авг.

фельдшеры, конторщики и др., было также много мастеровых. Томичи, нуждавшиеся в рабочих, могли обращаться в управление Томского переселенческого района, располагавшееся на ул. Миллионной.

Беженцев-латышей из Томска направляли в Семилужскую и Ново-Кусковскую волости на переселенческие участки, отведенные для них. Выразившим пожелание остаться на этих участках наравне с другими переселенцами обещалась выдача ссуды «на домообзаводство»[1].

Неоценимой оказалась забота горожан о семьях воинов и их детях. В пользу семей запасных и работников ополчения в городскую управу поступило с начала военных действий к первым числам января 1915 г. 27650 р.[2] Через месяц пожертвования на оказание благотворительной помощи семьям призванных в армию составили около 46000 р. В последующие месяцы на конец мая они выросли до шестидесяти с лишним тысяч рублей[3].

В комитете благотворительного кружка дам духовного звания раненые солдаты, возвращавшиеся с театра военных действий, получали денежную и материальную помощь. К середине января 1915 г. ее получили около 40 человек[4]. Ближе к весне 1915 г. стали поступать прошения о помощи из сел и деревень. Среди учащихся высших и средних учебных заведений возникла идея организовать в течение летних месяцев отряды для оказания сельскому хозяйству «трудовой помощи по обработке и уборке полей». А члены томских кредитных товариществ поддержали предложение представителей Мариинских товариществ об организации в деревнях на период летних работ детских яслей в помещениях школ[5].

На 9–12 мая в доме И.Л. Фуксмана (на Почтамтской улице) было объявлено открытие выставки птицеводства. «За лучшие экземпляры хозяйственной выставки» предусматривалось премирование золотой, серебряной и бронзовой медалями. Половина сбора от выставки была предназначена «в пользу приюта для детей воинов, ушедших на войну»[6].

Приют для детей воинов, ушедших на фронт, действовал уже с начала 1915 г. В феврале В.А. Вытнова сделала щедрый дар приюту и заявила о своей готовности ежемесячно давать 50 р. специально на началь-

---

[1] *ТВ*. 1915. 12, 13 авг.
[2] Там же. 8 янв.
[3] Там же. 6, 25 февр., 4 марта, 3, 8, 22 апр., 14, 30 мая.
[4] Там же. 16 янв.
[5] Там же. 26, 29 апр.
[6] Там же. 9 мая.

ное образование детей-сирот. В.А. Титова, В.А. Вытнова, Н.М. Тихонова, О.И. Фишер, К.А. Кородева, П.И. Шуткова и пожелавшие остаться неизвестными на Рождество прислали игрушки и лакомства[1].

4 июня 1915 г. в «Томском вестнике» было объявлено: «Вскоре предполагается устройство яслей в селах и деревнях Томской губернии для детей лиц, ушедших на войну». 20 июня комитет благотворительного кружка дам духовного звания, открывая в Томске ясли, обратился с просьбой по всем священникам и учительницам церковно-приходских школ, чтобы они с участием готовых оказать помощь воинам, открыли ясли в своих селах на местные средства. Комитет со своей стороны, в случае нужды, обещал по возможности оказывать помощь.

В помощь семействам, из которых были призванные в действующую армию, на 31 января 1916 г. было собрано более 78000 р.[2]

Благотворительность, пожертвования, милосердие были адресованы не только страждущим горожанам – пожилым, больным, сиротам, бедным, страдавшим от часто случавшихся в городе пожаров, наводнений. Обычным явлением городской жизни в военные годы становилась каждодневная работа, направленная на оказание помощи воинам на передовой линии фронта, их семьям, раненым. Представители всех слоев жителей города «от мала до велика» вносили свой посильный вклад во благо Родины, ее будущего.

---

[1] *ТВ*. 1915. 18 февр.

[2] Там же. 20 марта.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ

Жизненные трудности томского студенчества на рубеже XIX–XX вв.

В последние десятилетия наметился заметный отход от традиционного для советской историографии принципа изучения истории томского студенчества с учётом в основном его участия в революционном движении.

В диссертации Л.И. Смокотиной, защищенной в 1994 г. и посвященной социально-экономическому положению томских студентов в конце XIX – начале XX в., был впервые использован богатый опыт дореволюционных авторов в исследовании данной проблемы. Они имели возможность непосредственного наблюдения за жизнью студентов и были хорошо знакомы с их нуждами.

Л.И. Смокотина проделала значительную работу по определению основных сюжетов избранной темы исследования, имеющих самое непосредственное отношение к повседневной жизни и тех, кто на рубеже XIX–XX вв. учился в университете.

В дополнение к тем материалам, которые дошли до нас еще с дореволюционного периода в виде выступлений представителей университетской администрации, профессоров университета на заседаниях его Совета, публикаций в периодических изданиях Томска сегодня заметно расширились возможности для более полного освещения повседневной жизни студентов университета. Выход в свет многотомного библиографического словаря «Профессора Томского университета», составленного коллективом молодых исследователей исторического факультета Томского государственного университета под руководством профессора С.Ф. Фоминых, дает возможность в значительно большей степени исследовать повседневную жизнь студентов в ее конкретном проявлении на примере судеб многих питомцев университета конца XIX – начала XX в.

На это время приходится начало становления и развития высшей школы в Томске. С открытием здесь университета в 1888 г. город превратился в один из самых известных в стране. Томск оказался на со-

вершенно особом положении благодаря разрешению только здесь принимать в число студентов и выпускников духовных семинарий. Министр народного просвещения пошел на это, исходя из того, что при допуске в Томский университет только выпускников гимназий прием студентов «может оказаться настолько малым», что «не будет соответствовать пользе, приносимой новым учебным заведением»[1].

В начале 1898 г. среди студентов университета были выпускники восьми сибирских гимназий, шести – из Европейской России, пяти сибирских духовных семинарий и сорока двух из Европейской России[2].

Семинаристы преобладали в числе студентов до 1908 г. Из 166 врачей первых трех выпусков было 107 воспитанников семинарий Европейской России.

Если в течение многих лет в университет поступали в основном из-за Урала, то к 1913 г. – больше всего из Западной Сибири[3].

В подавляющем большинстве студенты университета были выходцами из малообеспеченных сословий. В этом состояла одна из причин большого отсева их. За 1888–1913 гг. из поступивших на медицинский и юридический факультеты 5021 человек окончили университет 1605. За эти годы по разным причинам выбыло из университета более 2,5 тыс. человек[4].

При открытии Томского университета большие надежды возлагались на участие его сотрудников в исследовании природных и естественных богатств Сибирского края путем организации научных экспедиций, которые признавались Министерством народного просвещения «весьма полезными и… даже неотложно необходимыми»[5].

А что касается роли университета в подготовке врачей для работы в Сибирском регионе, показательно, что из 166 врачей первых выпусков более половины их (91) остались на службе в Сибири[6].

---

[1] *Торжество* открытия юридического факультета Императорского Томского университета // Годичный акт в Императорском Томском университете 22 октября 1898 года. Томск, 1899. С. 7.

[2] *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за 1897 г. // Там же. С. 12–13.

[3] *Краткий* исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1917. С. 99–100.

[4] *Попов М.Ф.* Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913. С. 12.

[5] *Торжество* открытия юридического факультета … С. 10, 11.

[6] Там же. С. 9.

Повседневная жизнь студента прежде всего определялась его материальной обеспеченностью. Но лишь незначительная часть студентов могла рассчитывать на получение стипендий. Из казны стипендией в 300 р. обеспечивались лишь 20 студентов.

Еще до открытия университета, начиная с 1877 г., на капиталы, пожертвованные разными обществами и лицами, было учреждено 20 частных стипендий. К 1913 г. их число выросло за счет учреждения с 1888 г. еще около 40 стипендий (в размере от 100 до 427 р.[1]

Совершенно очевидны трудности подавляющего большинства студентов из малообеспеченных сословий, к тому же оказавшихся в такой дали от родительского дома. Поэтому для них особое значение имели новые пожертвования, служившие источником для учреждения частных стипендий[2].

По данным за 1897 г., студенты получали, кроме 20 казенных, 35 частных стипендий, находившихся в распоряжении правления университета, 24 стипендии из ведения различных учреждений и обществ вспомоществования учащимся. Одна стипендия в размере 102 р. 75 к. была назначена местными управлениями по соглашению с правлением университета[3].

В декабре 1894 г. несколько студентов обратились в Томскую городскую думу с прошением о назначении им «пособия из стипендии, учрежденной в память 200-летнего юбилея царствования Петра I». Эта стипендия была учреждена в размере 300 р. На 1895 г. городская дума выделила из этой стипендии пособия студентам 3-го курса А.Ф. Хилю и К.В. Купресову в размере 75 и 105 р. и первокурснику В. Коржавину – 75 р.[4]

В 1897 г. правлением университета и в городской думе решался вопрос (уже не первый раз) об оказании материальной помощи студенту А. Колосову.

Уроженец Томска, он поступил в университет по окончании Томской губернской гимназии в 1893 г. С 1895/96 уч. г. получал стипендию в размере 152 р. 20 июня 1897 г. он был отправлен в село Бердское по совету томских врачей, в сопровождении матери для лечения от нервного расстройства. В пути следования из Томска на пароходе пытался, бросившись в воду, утопиться. Пробыв в Бердском до 2 июля без вся-

---

[1] *Попов М.Ф.* Указ. соч. С. 14.
[2] *Журнал* заседания Совета… 1885. С. 45; 1896. С. 4; 1898. С. 103.
[3] *Попов М.Ф.* Указ. соч. С. 17.
[4] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 686, 687.

кой пользы для здоровья, А. Колосов был привезен матерью в Томск. Обследовавший его профессор В.М. Курлов определил заболевание студента в острой психической форме, соединенной с манией преследования. В то время в Томске еще не было возможности для лечения такого заболевания, студента следовало направить в Казанскую психиатрическую больницу.

Для матери А. Колосова, имевшей в Томске небольшой дом, который приносил в год 25 р. дохода, было непосильно взять на себя расходы, связанные с отъездом сына для лечения в Казань. Она обратилась в правление университета с просьбой выслать в Казань стипендиальные деньги, которые причитались из назначенной ее сыну стипендии имени Александра II. Правление университета дало согласие на высылку стипендии с 1 июля по 1 октября. В свою очередь, оно просило городскую думу оказать матери студента материальную помощь, а также внести в правление университета за текущее полугодие «лекционную плату».

Томская городская дума приняла решение о внесении в правление университета за студента Колосова платы «за слушание лекций» в течение 1897/98 уч. г. Будучи студентом 5-го курса, с начала 1898/99 уч. г. А. Колосов перешел в Казанский университет.

Освободившаяся стипендия имени Александра II была назначена студенту Антону Лисовскому, уроженцу Томской губернии, получившему диплом об окончании университета в 1900 г.[1]

Материальные трудности были настолько широко распространены среди студентов, что при возникновении вакансий на стипендию подавались прошения, многократно превышающие число вакансий[2]. Поэтому в большинстве случаев прошения о назначении или увеличении стипендий не удовлетворялись. В сентябре 1908 г. вдова статского советника Г.Х. Наумова просила городскую думу увеличить ее сыну И.Н. Наумову стипендию как внуку основателя Общественного банка по случаю поступления его в университет и о единовременном пособии на обмундирование в размере 120 р. Городская дума постановила просимое пособие выдать, а в увеличении стипендии отказать[3].

Выходец из семьи священника, выпускник Тамбовской духовной семинарии А.М. Никольский был направлен на учебу на казенный счет

---

[1] *Свод* постановлений … с 1891 по 1898 г. С. 1265–1268; с 1898 по 1904 г. С. 232–233; *Краткий* исторический очерк Томского университета за первые 25 лет… С. 175.

[2] *Журнал* заседания Совета… 1891. С. 98.

[3] *ГТ*. 1908. 18 сент.

в Петербургскую духовную академию. Но он, решив стать медиком, в 1902 г. поступил в Томский университет. С 3-го курса получал стипендию Восточной Сибири (300 р. в год), затем стипендию имени потомственного почетного гражданина Л.И. Кузнецова (250 р.). Будучи студентом 5-го курса, в течение года он исполнял должность ординатора за плату по найму в госпитальной хирургической клинике. По окончании университета в 1908 г. с отличием был зачислен в штат университета, став в последствии профессором кафедры болезней уха, горла и носа[1].

Не всем стипендиатам удавалось пройти полный курс обучения в университете. В октябре 1892 г. по просьбе студента И.И. Дьякова, представившего удостоверение «о своих успехах и поведении… в виду неимения средств для продолжения учения», Томская городская дума постановила выдать ему половину городской стипендии (150 р.) на 1893 г. Видимо, из-за материальных трудностей с 1894 г. он не смог продолжать учебу[2]. Не дошел до получения диплома и студент 5-го курса М.А. Николаев, которому по его заявлению городская дума назначила стипендию имени Петра I на 1-е полугодие 1902 г.[3] Не было среди выпускников юридического факультета П.В. Боржим, которому на 1902/03 уч. г., когда он учился на 3-м курсе, была назначена городская стипендия в 300 р.[4]

В порядке назначения на стипендии возникали проблемы. В течение ряда лет для сохранения стипендии достаточно было в среднем по успеваемости иметь отметку не менее 3,5 баллов. Студенты, назначенные на стипендию, имели право получать ее в течение 3 лет. Это не позволяло студентам, которые в те же годы по всем предметам сдавали экзамены на «5» получать стипендии. Ученый совет университета в 1894 г. высказал предложение о необходимости подвергать испытанию стипендиатов в конце каждого года и даже по окончании 3-го курса, требуя от них в среднем не менее 4 баллов[5].

Позднее, в 1899 г., Томская городская управа занялась разработкой проекта правил для стипендий, учрежденных городской думой при юридическом факультете в размере 300 р. в год из отчисляемых ежегодно городских средств Томска вплоть до образования капитала, собранного на это по подписке. Согласно разработанным правилам на сти-

---

[1] *Профессора* Томского университета… С. 323–324.
[2] *Свод* постановлений… с 1891 по 1898 г. С. 295–296.
[3] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 1013.
[4] Там же. С. 1216.
[5] *Журнал* заседания Совета… 1894. С. 83–84.

пендию могли претендовать только студенты университета при успеваемости не менее 4 баллов в среднем при отличном поведении[1].

Существенную статью расходов в студенческом бюджете составляла плата за обучение. В августе 1892 г. Совет университета высказался за признание всех практических занятий на медицинском факультете «на будущее время» бесплатными. Ректор профессор А.И. Судаков обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством об освобождении студентов от платы за практические занятия. Министр, «не находя возможным согласиться на удовлетворение такого ходатайства», в январе 1893 г. сообщил ректору, что, вопрос о размере платы со студентов университета за слушание лекций и за участие в практических занятиях уже рассматривался в Министерстве в 1885 г. Оно «циркулярным распоряжением» от 1 ноября того же года разъяснило попечителям учебных округов, что со студентов «следует взимать как за каждую лекцию теоретическую, так и за практические упражнения на всех факультетах, кроме медицинского, по 1 р. за недельный час в полугодие, на медицинском, ввиду значительного числа предметов, положенных по плану преподавания на этом факультете, по 75 коп.». Общая плата на всех факультетах составляла 20 р. за полугодие. Этой суммы и рекомендовалось ректору придерживаться[2].

Несостоятельные студенты, не получавшие стипендии, частично освобождались от платы за обучение. В 1897 г. 211 студентов в 1-м полугодии и 176 студентов во 2-м получили пособие в размере от 25 до 65 р. По данным за 1895, 1896 и 1897 гг., общая сумма пособий в среднем из расчета на одного студента составила соответственно 63 р. 70 к., 67 р. 48 к. и 77 р. 13 к.[3]

По данным Л.И. Смокотиной, прожиточным минимумом за счет стипендий и пособий могла быть обеспечена очень незначительная часть студентов. Большинству из них, являвшихся выходцами из малооплачиваемых сословий не приходилось рассчитывать на помощь от родителей или родственников. За все дореволюционные годы бесплатное образование в университете получили менее 14 % студентов от общего числа их. На моральное и физическое состояние студентов сильное влияние оказывали жилищные условия.

В общежитии, построенном по инициативе и при активном участии попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского, в

---

[1] *Свод* постановлений… с 1898 по 1904 г. С. 290–292.
[2] *Журнал* заседания Совета… 1893. С. 220–221.
[3] *Попов М.Ф.* Указ. соч. С. 17.

основном на собранные им частные пожертвования в 10 комнатах жили по одному человеку, в 32 – по 2, и в 2 – по 3 человека. Всего в общежитии проживали от 76 до 80 студентов из числа стипендиатов и «своекоштных». Первые платили за проживание в общежитии по 12 р. в течение всего года, вторые столько же – за 9 месяцев в году. Из этой суммы 6 р. вносилось за помещение (с отоплением и прислугой), 6 р. – за питание и освещение. Жившие в общежитии получали завтрак, обед и ужин: 1,5 ф. белого хлеба и черный хлеб без ограничения – на завтрак, в воскресные дни – пирожки. Обед состоял из двух блюд (1-го и 2-го); в праздники – из трех, ужин – из котлеты или кружки молока. На одного студента полагалось 1,5 ф. мяса с костями в день, около 1,5 ф. коровьего масла в месяц. Чай и сахар студенты должны были покупать сами. Питались они в общей столовой, под которую было отведено специальное помещение в самом общежитии[1].

В общей университетской столовой в начале XX в. около 200 бедных студентов обслуживались бесплатно, что было убыточным. Убытки покрывались за счет изыскания средств на это, в том числе за счет сбора от спектаклей[2].

На одном из заседаний общества вспомоществования учащимся было принято решение о выдаче 37 нуждающимся абонементов на получение бесплатных обедов в студенческой столовой[3].

На 5 декабря 1908 г. был объявлен симфонический вечер с участием почти всего преподавательского состава музыкальных классов города. Половина сбора предполагалась в пользу нуждающихся студентов университета и технологического института[4].

Благодаря дешевизне обедов, удобству «получения отдельных блюд, чистоте и порядку» число столующихся доходило до 500 человек. Это вызывало недовольство со стороны студентов, которым нередко не хватало второго мясного блюда и каши. И того и другого столовая ежедневно успевала готовить соответственно 260 и 280 порций. Студенческий комитет объявил, что «о своих неудобствах» в работе столовой студенты могут заявлять присутствующим во время обеда членам комитета или делать записи в жалобной книге[5].

---

[1] *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за 1897 г. С. 19, 20.
[2] *ГТ*. 1908. 17 февр.
[3] Там же. 8 нояб.
[4] Там же. 30 нояб.
[5] Там же. 30 янв.

Иногда вывешивались объявления о предстоящем ограничении числа тех, кто пользовался услугами студенческой столовой. В 1915 г. было объявлено, что обеды будут отпускаться только студентам по 20 к. за два блюда и по 30 к. за три блюда. С 10 мая предполагалось начало подготовки к ремонту столовой[1].

Большинству иногородних студентов приходилось довольствоваться проживанием на частных квартирах. Спрос на последние со стороны студентов с каждым годом возрастал с увеличением набора в университет в Томске. К осени 1896 г. на 1-й курс было зачислено около 190 человек, общая численность студентов в 1896/97 уч. г. составила 430 человек. К этому времени стал ощущаться заметный рост цен на квартиры. Со строительством Сибирской железнодорожной магистрали в Томске выросло население, появились различные административные учреждения, возник спрос на здания под них и на квартиры для служащих. Ближайшая перспектива была связана с открытием технологического института и юридического факультета в университете. Это неизбежно должно было сопровождаться обострением жилищной проблемы для студентов.

На Совете университета с первых лет его открытия стал часто рассматриваться вопрос о посещаемости студентов. Уже на 5 ноября 1888 г. много пропусков оказалось у Скороходова, который по болезни пропустил 60 лекционных часов. Через 7 лет, в 1895 г., он еще продолжал быть студентом, дойдя до 5-го курса, на котором был оставлен на второй год. На основании отзыва профессоров госпитальной терапевтической клиники «о его занятиях неудовлетворительно» в 1895 г. было принято решение об «увольнении» Скороходова из университета[2].

У оставленного на второй год на 5-м курсе А. Хиля в 1895 г. было тоже много пропусков и тоже по болезни. Через 2 года он все же смог окончить университет[3].

В 1891 г. врачебной справкой было засвидетельствовано тяжелое заболевание студента 2-го курса А. Яковлева, страдавшего «малокровием и симптомами от этого: сердцебиениями, удушьем, расстройством нервной системы, упадком сил». Экзамены по всем предметам за второе полугодие 2-го курса Совет университета разрешил перенести на август. Видимо, в дальнейшем не наступило улучшение, А. Яковлев не смог окончить университет[4].

---

[1] *ТВ*. 1915. 29 апр.
[2] *Журнал* заседания Совета… 1895. С. 28.
[3] Там же. С. 29; *Краткий* исторический очерк… С. 172.
[4] *Журнал* заседания Совета… 1891. С. 76.

Тогда же рассматривалась просьба на переэкзаменовку в августе месяце Д. Варлакова, который не смог явиться на экзамен в срок «вследствие нервного расстройства, вызванного исключительными, крайне неблагоприятно сложившимися семейными обстоятельствами». При обсуждении просьбы студента некоторые члены Совета говорили о нем, как об «очень усердном и преданном научным занятиям, и хотя студент Варлаков оставался на второй год, но занимался в лабораториях и действительно в последнее время находился в крайне стесненных денежных и семейных обстоятельствах». Совет принял решение ходатайствовать перед попечителем учебного округа о допуске студента к экзамену после каникул[1]. До получения Варлаковым диплома об окончании университета дело не дошло.

В последующие годы каждый раз, когда на Совете рассматривался вопрос о пропусках лекций и практических занятий, большинство студентов ссылались на нездоровье (головные боли, колики, расстройство желудка, ангина, коньюнктивит). Им приходилось из-за плохого самочувствия нередко обращаться к услугам университетского врача. В одном 1897 г. амбулаторное лечение прошли 256 студентов, более 30 лечились в терапевтической клинике[2].

Не удавалось избежать заболевания студентам, которые «из-за неимения теплой одежды» иногда пропускали лекции «по целым дням».

Из приглашенных на совет эту причину пропусков занятий назвали четверо студентов, в их числе А. Мартемьянов, окончивший университет в 1898 г., и П. Нагорский, получивший диплом с отличием в 1911 г.[3]

На заседании Совета университета 20 декабря 1894 г. профессор Беликов внес предложение «не считать невольные пропуски лекций по болезни, по неимению теплой одежды препятствием для зачета семестра», без которого не давался допуск к экзаменам. Одновременно другими профессорами высказывались суждения относительно того, что, «если студент посещает университет неисправно, есть основания сомневаться в основательности его знаний по семестренным предметам и возникает вопрос, можно ли ему зачесть семестр или нет». Тогда рассматривалось ходатайство 25 студентов о переносе им экзамена на август месяц.

Совет постановил относительно всех студентов вернуться к рассмотрению вопроса о дальнейшей их судьбе на следующем заседании.

---

[1] *Журнал* заседания Совета… 1891. С. 189.

[2] *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за 1897 г.… С. 18

[3] *Краткий* исторический очерк… С. 174, 183.

В их числе был студент 5-го курса Рафаил Бутыркин, из 63 учебных дней пропустивший 40 дней. Инспекцию члены Совета обязали представить сведения о причинах пропуска занятий каждым студентом[1].

На заседании Совета 11 января 1895 г. инспектор заявил, что обязанность инспекции состоит в констатации, а не в выяснении причин отсутствия студентов. Тогда было принято решение строже придерживаться положений университетского устава. Им предусматривалось «не засчитывать семестр» в случае пропусков студентом практических занятий и лекций. До этого времени в течение 7 лет функционирования университета Совет при зачете семестра ограничивался «напоминанием и внушением через декана… наиболее неисправным студентам». Отныне было решено отказаться от этого гуманного принципа и студентам, накопившим много пропусков, не засчитывать семестр.

В отношении 10 прогульщиков 3-го курса было решено обязать их «к сдаче экзаменов по всем предметам» этого курса, а не только по фармакологии и общей патологии, как предусмотрено программой. Р. Бутыркин позднее, 30 мая того же года, был отчислен из университета.

О неблагополучии с состоянием здоровья студентов красноречиво свидетельствуют данные за 1896 и 1897 гг., когда в терапевтической клинике прошли лечение соответственно 24 и 31 студент, амбулаторно у университетского врача – 282 и 225 человек.

Наибольший процент заболеваний приходился на болезни уха, горла, носа, гортани, бронхов (93 и 75 случаев заболеваний). Высоким был уровень заболеваний желудочно-кишечного тракта, нервных и венерических болезней.

Преобладание болезней дыхательных органов и превышение среди студентов уровня заболеваний туберкулезом по сравнению с последним в «воинских присутствиях», по признанию администрации университета, являлось следствием «крайне дурных условий», в которых жили студенты на частных квартирах. Им приходилось ютиться на квартирах беднейшей части городских жителей[2].

Что касается условий, в которых оказывались студенты на частных квартирах, они были установлены в результате обследования, проведенного студентом Ф.А. Киркевичем, части квартир, на которых жили студенты университета. Необходимость проведения такого рода обследования была продиктована пониманием влияния бытовых условий на

---

[1] *Журнал* заседания Совета… 1894. С. 155–157.

[2] *Торжество* открытия юридического факультета… С. 18, 19.

успеваемость студентов, а главное – на состояние их здоровья. С 6 февраля по 30 марта Ф.А. Киркевич познакомился с условиями проживания 75 студентов. Из них по одному в комнате жили 11 человек, по два – 23 человека и по три – 18 человек. Всего было обследовано 40 комнат, снимавшихся студентами по улицам: Солдатской (современной Красноармейской), Жандармской (Гоголя), Нечаевской (пр. Фрунзе), Никитинской, Еланской (Советская), Торговой (Вершинина), Черепичной (Крылова), Ерлыковской (Герцена), Буткеевской (Усова), Спасской (Советская), Источной (от ул. Татарской до Московского тракта); в переулках Затеевском, Даниловском, Макаровском и по Московскому тракту.

В большинстве своем студенты жили на густонаселенных, грязных улицах, на части из них – «при полнейшем отсутствии тротуаров и мостовых». Лишь одна комната снималась на 1-м этаже каменного дома. Все остальные снятые студентами комнаты находились в небольших старых деревянных домах.

Оказалось, что лишь в редких случаях квартиры сдавались их хозяевами. Чаще всего студентами снимались кем-то арендованные квартиры. Арендаторы сдавали свободные комнаты на разных условиях – «со столом», «без стола» или «с прикуской» (хлебом и печеньем к утреннему и вечернему чаю). Студенты-квартиранты жили в комнатах, полученных из вторых рук, что отражалось на ценах за проживание в них.

Из 75 студентов больше всего оказалось первокурсников – 38 человек, второкурсников и третьекурсников было по 10 человек, с 4-го курса – 4, и пятикурсников – 13 человек.

11 комнат были отделены от соседних помещений (жилой комнаты, кухни или прихожей) неплотной, иногда даже не доходившей до потолка перегородкой. В шести комнатах оказались ничем не оклеенные, слегка отесанные деревянные стены. Между давшими трещины бревнами торчали клочки мха, пакли. В щелях бревен обитали тараканы и клопы. «Пятна плесневых грибков» дополняли «общую пеструю картину таких стен», – заключил обследователь. В более старых домах на покосившемся полу через дыры и щели между половицами свободно проникал «холодный, часто затхлый, подвальный воздух». Большинство осмотренных комнат не отвечали минимальным требованиям по объему площади на одного человека. В 28 комнатах, недостаточных по объему, проживало 55 человек.

Степень естественного освещения также была ниже нормы. Перед окнами снятых комнат нередко оказывались высокий забор, стены со-

седнего дома, деревья. Стекла окон в некоторых домах оказались покрытыми толстым серо-матовым слоем льда, не пропускавшим свет. Зимние оконные рамы с густым или широким переплетом также препятствовали нормальному дневному освещению комнат.

В вечернее и утреннее время комнаты освещались керосиновыми лампами, лишь одна квартира – стеариновой свечой. В редких комнатах зажигались две лампы, в большинстве из них горела одна лампа для нескольких человек.

В 26 квартирах комнаты обогревались голландской, в 6 – русской печами, которые не обеспечивали теплом все комнаты дома. Поэтому, кроме русской печи, в 5 снимаемых студентами комнатах стояли еще железные печи, которые в холодное время приходилось протапливать по 2–3 раза в сутки. Некоторые квартиранты сообщили, что в холодное время зимой температура в комнате опускалась до 6–5 и даже до 3 градусов.

На состоянии здоровья студентов неблагоприятно сказывались как излишняя влажность, так и то, что некоторые комнаты были «ненормально сухими».

Только в 3 из 40 обследованных комнат имелись форточки для проветривания, но в зимние месяцы из-за холода ими не пользовались. Лишь при одной квартире был теплый туалет, находившийся в другом доме, куда надо было ходить через двор.

Неблагоприятно на чистоте воздуха сказывалась недостаточная изоляция комнат от соседних помещений. Почти в 30 комнатах размер помещения в кубических метрах оказался ниже необходимой нормы, в 14 комнатах – недостаточная степень освещения, повышенная влажность – в 18 комнатах, в том числе в 8 комнатах – чрезмерная влажность.

Обследование пришлось ограничить знакомством с условиями проживания студентов на вышеперечисленных улицах. С наступлением весны и распутицей доступ к другим студенческим квартирам стал затруднительным. Хотя «сравнительно небольшое число исследованных квартир» не могло дать «полной картины достоинств и недостатков в гигиеническом отношении всех студенческих помещений в городе», но даже по полученным Ф. Киркевичем сведениям можно судить, в каких условиях жили студенты на частных квартирах, расположенных значительно ближе к университету по сравнению с теми, которые остались не обследованными.

В декабре 1894 г. на Совете университета от всех студентов, пропустивших за семестр более 25 % занятий, потребовали объяснения

причин. Сокольников (третьекурсник), Резников и Мартемьянов (оба со 2-го курса) заявили, что пропустили лекций меньше, чем отмечено в списке. Живя на квартире далеко от университета, они опаздывали, появлялись на лекции через 15 минут после ее начала, когда уже завершался учет присутствующих служителем инспекции. Резников и Соколов, как и многие другие студенты, пропускали лекции, так как давали частные уроки, которые служили для них источником существования[1].

В абсолютном большинстве своем студентам приходилось совмещать учебу с работой. Можно считать, что везло тем, кому удавалось устроиться лаборантом в университете. Это не только давало возможность заработка, но очень помогало в профессиональной подготовке будущего медика.

В январе 1893 г. Совет университета дал согласие на трудоустройство студента 5-го курса И. Коровина «За его содействие профессору Попову при судебно-медицинских вскрытиях и за работы при занятиях со студентами в судебно-медицинской лаборатории», назначив «вознаграждение по примеру получаемого другими студентами в качестве ассистентов» по 20 р. в месяц с 1 января 1893 г.[2]

В конце декабря того же года профессор А.С. Догель доложил Совету, что он в течение нескольких лет не имел лаборанта. Вести практические занятия и готовить препараты для 80 студентов без лаборанта невозможно. В 1891 г. он получил разрешение взять себе в помощники студента П. Королькова, который с 1-го курса занимался гистологией. Выполняя обязанности лаборанта, в течение двух лет он получал по 20 р. в месяц. За пять лет занятий гистологией П. Корольков, по отзыву профессора, настолько «успел познакомиться с самим предметом и способом ведения занятий в лаборатории», что получил «хорошую научную подготовку и практический навык». В студенческие годы он опубликовал две работы, за одну из которых получил золотую медаль. А.С. Догель просил назначить выпускника 1893 г. П. Королькова на штатную должность лаборанта при кафедре гистологии[3].

По предложению профессора П.В. Буржинского Совет университета согласился принять на должность ассистента при кафедре фармакологии в 1895 г. студента 5-го курса К.Ф. Архангельского До этого он помогал профессору в экспериментах над животными[4].

---

[1] *Журнал* заседания Совета… 1894. С. 155.
[2] *Попов М.Ф.* Указ. соч. С. 200.
[3] *Журнал* заседания Совета… 1894. С. 74–75.
[4] *Журнал* заседания Совета… 1895. С. 32.

В ноябре 1897 г. профессор И.С. Поповский просил Совет допустить к работе на кафедре нормальной анатомии студента 5-го курса Р. Дикштейна. Он был сыном военного врача Томского военного госпиталя. С начала учебного года стал усердно заниматься нормальной анатомией, помогая профессору в приготовлении препаратов для лекций, в инвицировании трупов. Предложение И.С. Поповского Совет поддержал (с вознаграждением студента за его работу по 20 р. в месяц)[1].

В октябре 1898 г. профессору Н.Ф. Кащенко было временно разрешено на 10 месяцев использовать одного из студентов в качестве препаратора за ту же плату.

Для части студентов большим подспорьем были именные стипендии. В крайне тяжелой ситуации находился выходец из Архангельской губернии, сын священника А. Азбукин. Отец его умер, когда мальчику было всего 6 лет. Поступив в Томский университет в 1904 г., на 3–5-м курсах А. Азбукин получал стипендию коммерции советника З.М. Цибульского имени императора Александра II. На 3-м курсе он еще работал учителем искусств в Томском женском двухклассном училище Министерства народного просвещения, а также в качестве студента-практиканта во врачебном отделе Сибирской железной дороги.

Под руководством профессора кафедры нормальной анатомии Г.М. Иосифова А. Азбукин активно участвовал в изготовлении новых и приведении в порядок старых музейных анатомических препаратов. Установлено, что почти все сухие препараты по кровеносной системе сосудов и часть костей черепа, хранящиеся в настоящее время в музее анатомии СибГМУ, были раскрашены Азбукиным в его студенческие годы. Он копировал рисунки, помещенные в анатомическом атласе, в увеличенном виде для демонстрации их в аудитории[2].

Будущий профессор Томского университета Н.И. Березнеговский, выходец из семьи священника, из Тамбовской губернии, с отличием окончил университет. В студенческие годы, как и А. Азбукин, получал стипендию имени императора Александра II из фонда коммерческого советника З.М. Цибульского[3].

Исключительный интерес представляет путь в науку участников студенческих волнений конца XIX в.

Сын священника, выпускник Томского духовного училища (1892 г.) и семинарии (1898 г.) П.А. Ломовицкий, став студентом 1-го курса, при-

---

[1] *Журнал* заседания Совета… 1898. С. 34.
[2] *Профессора* Томского университета… Т. 2. С. 24–25.
[3] Там же. Вып. 1. С. 37.

нял участие в студенческих волнениях 1899 г. Отчисленный правлением университета, в августе этого же года он был вновь принят на 1-й курс. В 1904 г. с отличием окончив университет, оказался в штате медицинского факультета. В 1920 г. стал профессором кафедры терапевтической факультетской клиники[1].

В 1896 г. в числе студентов университета оказался Е.И. Неболюбов, сын священника, выпускник Симбирской духовной семинарии. С 3-го курса был отчислен за участие в студенческих волнениях 1899 г., но вскоре восстановлен и в 1902 г., окончив университет с отличием, был зачислен в штат факультетской детской клиники. В течение многих лет работу в университете совмещал в разные годы с выполнением обязанностей врача по вольному найму, штатного врача в 1-м Сибирском коммерческом училище в Томске, врача Томской губернской мужской гимназии. Длительное время был врачом и казначеем Томского общества «Ясли»[2].

Сын священника из Семипалатинской области, выходец из многодетной семьи, в которой было 6 детей, К.Н. Завадовский по окончании Томского духовного училища и семинарии в 1896 г. поступил в университет. Будучи исключенным за участие в студенческих волнениях, а затем восстановленным, окончил университет с отличием в 1902 г. На 3-м курсе получал стипендию действительного статского советника М.А. Гилярова, на 4-м курсе – стипендию торгующего через Кяхту купечества. В студенческие годы активно участвовал в научно-исследовательской работе в области психиатрии под руководством профессора М.Н. Попова. Пройдя большой путь практической работы с 1902 г. в качестве врача инфекционной больницы Томской общины сестер милосердия Красного Креста, ординатора при университетской клинике нервных и душевных болезней, в течение 1906–1908 гг. – стажировку в Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, все последующие годы трудился в университете, став после революции профессором кафедры факультетской терапевтической клиники[3].

Ставший профессором кафедры кожных и венерических болезней А.А. Боголепов, из семьи священника Вологодской губернии, будучи студентом 3-го курса также попал под исключение из университета как участник волнений 1899 г., но, как и другие студенты, тоже был восстановлен. А по окончании университета в 1902 г. с отличием как проявивший в студенческие годы большой интерес к изучению кожно-венерических болезней был оставлен для работы лаборантом при уни-

---

[1] *Профессора* Томского университета… Т. 2. С. 274–275.
[2] Там же. С. 309.
[3] Там же. С. 140–141.

верситетской клинике кожных и венерических болезней. Как и многим сотрудникам университета тех лет, выпало на его долю побывать в течение двух лет во Франции и Германии[1].

И. Валединский, сын священника Владимирской епархии, выходец из многодетной семьи во время учебы во Владимирской духовной семинарии успел ознакомиться с сочинениями В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского. Скопив денежные средства за время работы по окончании духовной семинарии письмоводителем в канцелярии Епархиального училищного совета Владимирской губернии, он в 1895 г. поступил в университет. С 1 июля 1896 г. ему была назначена стипендия им. Н.В. Васильева в размере 87 р. 40 к. в год. Плату за лекции на счет университета в размере 100 р. в 1896 г. перевело правление товарищества ситценабивной мануфактуры Иваново-Вознесенска. За участие в студенческих волнениях исключенный в 1899 г., в том же году был восстановлен.

Материальной помощи, которую он получал в виде стипендии и платы за лекции, не хватало на жизнь. В студенческие годы И. Валединский совмещал учебу с работой в качестве фельдшера в местной переселенческой организации. По окончании университета в 1901 г. Владимирское земство пригласило его на работу участковым сельским врачом. Через год он стал фабричным врачом одной из фабрик Иваново-Вознесенска. В 1903 г. по приглашению профессора А.Е. Смирнова И. Валединский вернулся в университет, где проработал многие годы, пройдя путь от сверхштатного ассистента при кафедре гистологии и эмбриологии, ассистента и приват-доцента кафедры частной патологии и терапии и терапевтической госпитальной клиники, с ноября 1919 г. – экстраординарного профессора кафедры частной патологии и терапии – до отъезда из Томска в Воронеж в 1923 г.[2]

Нелегкий жизненный путь до поступления в университет прошел П.И. Чистяков, сын пономаря. Родился он в Енисейской губернии. Его брат Петр в 1898 г. окончил Томский университет. В 1873 г., когда Павлу Чистякову было всего 6 лет, во время эпидемии тифа умер его отец. В 1882 г. он окончил Красноярское духовное училище, через 6 лет – Томскую духовную семинарию. Из-за недостатка материальных средств пришлось пока отказаться от поступления в университет и пойти работать. В течение 3 лет до июля 1891 г. П. Чистяков работал в качестве

[1] *Профессора* Томского университета… Т. 2. С. 54–55.
[2] Там же. С. 82–83.

надзирателя за учениками Красноярского духовного училища и почти одновременно – делопроизводителем Совета Красноярского епархиального женского училища. Более 4 лет (с сентября 1891 по декабрь 1895 г.) был учителем сельской церковно-приходской школы, одновременно в 1891–1894 гг. – псаломщиком при местной церкви в селе Анашинском. С декабря 1895 по июнь 1896 г. работал секретарем Енисейского епархиального архиерея. Скопив немного денег и сделав небольшой заем, в 29-летнем возрасте П. Чистяков стал в 1896 г. студентом университета, но за участие в студенческих волнениях его исключили. В течение нескольких месяцев до восстановления в университете работал письмоводителем в акцизном управлении. Получал на 3-м курсе стипендию кяхтинского купечества, на 4-м – частную стипендию потомственного почетного гражданина А.Н. Некрасова. Окончив университет с отличием в 1902 г., стал работать в офтальмологической клинике университета. В течение 1903–1909 гг. выезжал сначала в качестве помощника, а с 1905 г. руководителем летучих глазных отрядов в различные уезды Казанской, Пермской, Вятской губерний для борьбы с трахомой. В 1910 и 1914 гг. выезжал за границу, где посетил офтальмологические клиники Германии, Швейцарии, Австрии. С 1920 г. до отъезда из Томска в 1923 г. в Пермь П.И. Чистяков был профессором кафедры офтальмологии с клиникой[1].

Значительной части материально необеспеченных студентов в поисках средств для жизни приходилось сочетать учебу с работой, чаще всего не связанной с профессиональной подготовкой.

Из числа студентов нанимался псаломщик университетской церкви, регент хора. Певчими в хоре также были студенты[2].

Нуждавшимся в заработках очень трудно было куда-нибудь устроиться. Об этом свидетельствуют публикации объявлений о поисках работы студентами университета.

В течение одного 1908 г. многочисленные объявления были опубликованы на страницах «Голоса Томска». 17 января студент университета объявил, что «ищет уроков или других каких-либо занятий. Может успешно репетировать и готовить в младшие классы учебных заведений». На следующий день другой студент, «опытный репетитор», предлагал свои услуги в подготовке «за полный курс средних учебных заведений». 23 января студент извещал, что «находится в крайне критиче-

---

[1] *Профессора* Томского университета… Т. 2. С. 479–480.

[2] *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета… С. 130, 145; *Журнал* заседания Совета … 1895. С. 25.

ском положении и покорнейше просит томских граждан дать какое-нибудь занятие, письменную работу или уроков».

Снимавший квартиру во флигеле по ул. Магистратской, 49 студент П-ов Н. соглашался давать уроки «за стол и комнату». 30 января еще один студент заявил, что «готовит и репетирует по всем предметам курса средних и низших учебных заведений». Найти его можно было по адресу Нечаевская, 37, спросив студента. С. Погожев и В. Морви, не постеснявшиеся представиться: «находясь в безвыходном положении» и «крайне нуждающийся», искали возможность давать уроки. П. Богословский в марте предлагал свои услуги в подготовке специально по латинскому и русскому языкам и по физике. По всем предметам средних учебных заведений другой студент обещал успешно готовить, особенно по математике, латинскому, французскому и немецкому языкам. Снимавший квартиру по ул. Черепичной, 12, кв. № 1, Т-ев готов был обеспечить репетирование по французскому, немецкому языкам и математике в объеме гимназического курса.

Б. Тихомиров от своего имени, от имени своих друзей, нуждавшихся студентов предлагал услуги «в хор, тенор и баритон». Сам он окончил университет в 1912 г. В июне 1908 г. Е. Волконский и Л. Небосклонов поместили объявление, что «готовят детей группами и отдельно с языками: английским, немецким, французским. Исправляем малоуспешных по всем новым и древним языкам словесности (составление сочинений), арифметике, геометрии, физике, химии». Оба они закончили университет с отличием, Е. Волконский в 1910 г., Л. Небосклонов в 1912 г. Среди студентов был способный давать уроки танцев у себя на дому и в частных домах[1].

Однотипные объявления делались разными студентами. В сентябре 1913 г. Н. Дронов, «не имея средств учиться», предлагал услуги по подготовке детей «за стол и квартиру». Может быть, ему было не под силу оплачивать проживание по ул. Гоголевской, 40, в кв. № 2.

Насколько трудно было студентам найти возможность давать уроки, можно судить по тому, что им приходилось вновь и вновь предлагать свои услуги через газету. Это признавалось и публично. «Голос Томска» давал совершенно объективную информацию, «насколько велика нужда среди учащихся высших учебных заведений: в одно семейство на объявление, приглашающее репетитора, в течение часа объявлялось

[1] *Краткий* исторический очерк… С. 182, 184, 185.

более 20 студентов, соглашавшихся на вознаграждение самого малого размера».

Не всегда выполненная студентами работа могла быть оплачена. 9 ноября 1908 г. участники студенческого оркестра университета обеспечили музыкальное сопровождение спектакля, исполненного труппой, привезенной в Томск артистом Императорских театров М. Петипа. Однако обещанных денег внезапно покинувший Томск М. Петипа не заплатил.

Самодеятельный университетский оркестр, возглавлявшийся с 1893 г. профессором П.В. Буржинским, давал не только платные концерты, но и бесплатные с благотворительной целью. Последняя не предусматривалась в случае участия оркестра в спектакле М. Петипа[1].

Тем, кому в конце концов оказывалось не по возможностям получить университетское образование, приходилось трудоустраиваться в качестве канцелярских служителей, столоначальников, служителями губернского суда[2].

Материальное положение с годами не улучшалось. Увеличение числа студентов не сопровождалось ростом числа казенных степендиатов. Более того, шло удорожание проживания в общежитии. В 1903 г. плата составила 16 р. Со второй половины 1907 г. студенты отказались от получения «съестного удовольствия» в столовой общежития. Тогда повысилась стоимость проживания в нем: в одиночных комнатах до 9 р., двойных – до 8 р., в тройных – до 7 р. с человека. С проведением электричества, установкой телефона и устройством душа соответственно до 12, 10, 8 р.[3]

Заработки студентов были небольшими. В самых удачных случаях они составляли до ⅓ их бюджета. Работа выполнялась студентами самая разнообразная. Кроме репититорства, многие старались попасть на службу в управлении сибирской железной дороги для выполнения канцелярской или чертежной работы, переписки бумаг. Кому-то удавалось устроиться так, что они «пользовались столом в семействах, где давали уроки». Немного денег зарабатывали разгрузкой на пристани и вокзале, выполняя работу носильщиков, маляров, швейцаров. Как уже отмечалось, обладавшие хорошим голосом пели в церковных хорах, другие

---

[1] *Профессора* Томского университета… Вып. 1. С. 66.
[2] *ТГВ*. 1890. 27 сент.; 1891. 31 янв., 20 июля.
[3] *Краткий* исторический очерк … С. 219.

работали врачами, фельдшерами. Помощь родных в среднем составляла немногим более 60 р. в месяц[1].

Без помощи от частных жертвователей и благотворительных обществ очень многие студенты не могли бы учиться. В 1913 г. университет располагал 600 тыс. р. стипендиального капитала. Из него студентам ежегодно выдавалось более 21 тыс. р. Многие студенты были стипендиатами городских и общественных управлений или получали казачьи стипендии.

Часть несостоятельных студентов, не получавших стипендий, освобождались от платы за обучение или получали для этой цели ссуды и пособия из благотворительных капиталов, составлявших 10 тыс. р.

Возникшие в 1907 г. землячества также оказывали материальную помощь несостоятельным студентам за счет выручки от концертов, вечеров, спектаклей. Всего к концу 1913 г. землячествами было собрано за 6 лет около 40 тыс. р.[2]

Материальное положение студентов немного облегчалось благодаря бесплатному медицинскому обслуживанию со стороны университетского врача и бесплатной выдаче лекарств по его рецепту.

С начала 90-х гг. для студентов были введены льготы на железнодорожный проезд (на Рождество, Пасху и летние каникулы) со скидкой 50 %. С 1895 г. размер скидки был увеличен: чем дальше нужно было ехать студенту, тем большая скидка предоставлялась на расстоянии проезда в один конец до 900 верст. А в 1912 г. была введена 50 % скидка независимо от расстояния.

В научные экспедиции студенты по железной дороге ездили бесплатно. Даже окончившие университет в течение 4 месяцев имели право бесплатного проезда[3].

Прием в университет выпускников духовных семинарий оправдал себя. Они оказались более трудолюбивыми, лучше выходцев из других сословий учились, чаще награждались медалями за научные работы, получали дипломы с отличием. 25-летняя история университета свидетельствует о том, что семинаристы Европейской России не только составляли большинство студентов университета, но были лучше подготовлены к учебе в вузе.

---

[1] *Смокотина Л.И.* Социально-экономическое положение томских студентов в конце XIX – начале XX в.: Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1994. С. 44, 47.

[2] *Томск*. История города от основания до наших дней. Томск, 1999. С. 14, 15.

[3] *Краткий* исторический очерк… С. 49–50.

Студенты университета жили трудно в материальном отношении, однако имели много возможностей для получения высокого уровня квалификации.

Иногда их захватывала стихия волнений, имевших место в период политической активности российского и томского студенчества в конце XIX в., в период первой русской революции, когда даже прекращались занятия в университете[1]. Но основные их усилия были направлены на овладение профессией.

Конец XIX – начало XX в. – очень важный период в становлении и развитии высшего образования в Томске. Результаты огромной созидательной работы профессоров и студентов уже в то время заметно отразились на жизни населения в разных, даже очень отдаленных уголках восточной окраины России.

Выпускники университета оказались хорошими специалистами, преданными своему делу, они способствовали не только оказанию помощи в улучшении здоровья людей, но и развитию культуры населения.

Выпускник 1894 г., киргиз по национальности, врач Амре Дурманович Айтбакин в студенческие годы занялся решением вопроса о лечебных свойствах кумыса. В 1892–1893 гг. он ездил на родину в Павлодарский уезд, где по специальному заданию профессора А.И. Судакова занимался стерилизацией кумыса. Но в 1892 г. большая часть бутылок при доставке кумыса в Томск разбилась. А в неразбитых бутылках жир собирался в комья, кумыс оказался непригодным к употреблению. В следующем году Айтбакину повезло. Он привез в Томск 50 бутылок доброкачественного кумыса. Хранившийся в течение 8–9 месяцев при температуре 10–15 градусов он представлял собой сильно пенящуюся жидкость с приятным кисловатым вкусом. Для его экспертизы Айтбакин пригласил одного томского купца из татар, который не смог по вкусу отличить долго хранившийся кумыс от свежеприготовленного. Результат исследования оказался очень значимым – было доказано, что стерилизованный кумыс по своему составу не отличается от свежеизготовленного[2]. Представленное Айтбакиным на конкурс сочинение на тему «Изменение кумыса при стерилизации и составе стерилизованного кумыса» в 1894 г. было отмечено серебряной медалью[3]. Об огромном

---

[1] *Томский* университет (1880–1980). Томск, 1980. С. 75–88; *Томск*. История города от основания до наших дней. С. 169–178.

[2] *Журнал* заседания Совета… 1894. С. 137.

[3] *Краткий* исторический очерк… С. 171, 201.

авторитете каракалинского врача А.Д. Айтбакина и его влиянии на киргизов всего уезда писалось в газете «Восточное обозрение»[1].

Сам он сохранил добрую память об университете, которому в 1896 г. ко дню храмового праздника (в честь иконы Казанской Божией Матери) 22 октября прислал телеграмму: «Поздравляю дорогой университет с годовым праздником. Врач Айтбакин».

К этому дню в университет пришли телеграммы от бывших его выпускников. И.П. Коровин, окончивший университет в 1893 г., писал: «Полный благодарных чувств шлю искренние поздравления родному Университету». Прислал «дорогой альме матрис сердечный привет, тысячи пожеланий учителям, профессорам и студентам», пожелание «успеха и счастия в жизни молодым товарищам. Признательный питомец. Курганский земский врач» В.Ф. Сосунов. Поздравление с праздником и пожелание «процветать родному Университету» пришло от врача А.Н. Григорьева с Сахалина. Университет поздравлял «с восьмой годовщиной плодотворного служения дорогой родине», желая «скорейшего открытия других факультетов, чтобы Университет мог жить более полною жизнью», врач пятого батальона из Пржевальска Н. Петров. Благодарное воспоминание за то, что впервые семинаристам был дан доступ к медицине, сохранил А.Н. Мицкевич[2].

Начальный период становления высшего образования в Томске сопровождался превращением города в один из самых известных в стране. Полностью оправдалось разрешение о принятии в число студентов университета выпускников духовных семинарий, в подавляющем большинстве из малообеспеченных семей. Немногие из них получали стипендии, большинству приходилось совмещать учебу с работой.

Существенную роль в судьбе первых студентов сыграли пожертвования, ставшие традиционными и сопровождавшиеся учреждением частных стипендий. Серьезным подспорьем для особо нуждающихся являлись организация бесплатного питания в студенческих столовых и бесплатное медицинское обслуживание.

Томск предоставлял массу возможностей для самореализации, и студенты жили хоть трудно, но интересно.

---

[1] *Торжество* открытия юридического факультета… С. 11–12.
[2] *Краткий* исторический очерк… С. 11–12.

«Отечеству и науке» – девиз студентов дореволюционного Томска

Уникальность Томского университета состоит в том, что он возник не сразу по императорскому указу 1803 г.[1], а только тогда, когда потребность в нем была осознана в самой Сибири и началось мощное движение внутренних сил по достижению поставленной цели открытия университета.

Сибирский университет, создававшийся в конце XIX в., был во многом (в силу своего положения и специфики возникновения – по желанию города, края) свободен от недостатков других российских университетов. Он изначально не стоял в оппозиции городу, как средневековые университеты. Он не был обязан своим возникновением исключительно государству, так как половину средств на его открытие составили частные пожертвования. Кроме того, сибирское общество восприняло университет как «светоч», «высший рассадник». Поэтому университет стал сразу неразрывно связан с городом и регионом, не случайно уже само его открытие стало событием для всего города, вылившимся в народное праздничное гуляние[2].

23 октября 1908 г. в газете «Голос Томска» появилось краткое сообщение: «В сибирском университете образован новый студенческий союз, поставивший задачу «вырвать русское студенчество из тенет революции». Девиз новой группы «Patriae et Litteris», что значит «Отечеству и науке».

До провозглашения этого девиза университет прожил уже два десятилетия, получив известность за пределами Томска и Сибири. Судьбоносным для университета оказалось назначение его попечителем главного инспектора училищ Западной Сибири В.М. Флоринского, доктора медицины, профессора, имевшего и опыт административной работы в Министерстве просвещения. Хорошо знакомый с достижениями крупнейших центров медицинских исследований в Европе, он поставил перед собой труднейшую и благороднейшую задачу создания на далекой восточной окраине России еще одного крупного центра подготовки специалистов высокого класса.

---

[1] *Кузнецов С.К.* Томский университет // Проблемы духовной жизни (Материалы «круглого стола»). Томск, 1992. С. 6.

[2] *Антащук Л.К., Безменова Т.В.* Место праздника в мире университета // Проблемы духовной жизни: (Материалы «круглого стола»). Томск, 1992. С. 43–44.

К тому моменту, когда двери университета открылись для первых 72 студентов, он располагал прекрасными аудиториями, в которых можно было обеспечивать теоретическую подготовку будущих врачей. Но в университет еще не было необходимой клинической базы.

Почти одновременно с открытием университета состоялась закладка здания для факультетских клиник, а до его торжественного открытия в 1892 г. госпитальные клиники размещались в больнице Приказа общественного призрения, построенного еще в начале XIX в. Хирурги называли ее «гнойным скопищем и очагом грязи», но вынуждены были работать в таких условиях. Только в 1907 г. они перебрались в здание второго студенческого общежития, перестроенное и оборудованное для новых целей[1].

Огромна заслуга В.М. Флоринского в подборе профессоров и преподавателей университета. Он лично отыскал и пригласил в Томск замечательных специалистов. Из Казанского университета приехал анатом Н.М. Малиев, служивший военным полевым врачом-хирургом во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Одновременно с анатомией он занимался и антропологией, основы которой им были заложены в Сибири. Оказались в Томске опытные практики и теоретики в различных областях медицины: гистолог и эмбриолог А.С. Догель, ботаник С.И. Коржинский, фармаколог Э.А. Леман. Последний единственный из приглашенных В.М. Флоринским не был доктором медицины, имел полученную в 1872 г. степень магистра, высшую в то время степень в области фармакологии.

Из Дерптского университета приехал С.И. Залесский. Получив медицинское образование, он заметно расширил свою профессиональную квалификацию, прослушав полный курс химических наук, посетив лекции по фармакологии и философии. Результаты его научных изысканий были широко известны в России и за рубежом по публикациям в периодических изданиях Лондона, Вены, Дерпта.

Из Петербурга был приглашен Н.А. Гезехус, три семестра проработавший в Берлине под руководством знаменитого физика, математика и физиолога Г. Гельмгольца, из Харьковского университета – зоолог Н.Ф. Кащенко. Наряду с чисто медицинскими в университете существовали кафедры физики, химии, геологии (среди первых приглашенных В.М. Флоринским был минералог и геолог А.М. Зайцев). Эти кафедры обеспечили основу будущего расширения университета.

---

[1] *Томск*. История города от основания до наших дней. С. 126.

Еще в 1885 г. приглашенный из Казанского университета садовник П.Н. Крылов заложил Ботанический сад и оранжерею.

Исключительно удачным оказался выбор первых профессоров университета, имевших научные труды, опубликованные в России и за рубежом, все они были молоды: от 27 лет (С.И. Коржинский) до 43 лет (Н.А. Гезехус).

Уровень профессиональной квалификации первых профессоров Томского университета, их научный потенциал, готовность служить отечеству и науке исключали для студентов возможность ситуации, в которой оказался в стенах Харьковского университета студент Николай Костомаров. По окончании Воронежской гимназии он поступил в Харьковский университет на историко-филологический факультет, который «не блистал в ту пору профессорскими дарованиями». Поэтому первые годы пребывания Н. Костомарова в университете почти не отличались от гимназических лет, хотя сам студент много работал, увлекался то классической древностью, то новой французской литературой, но эти увлечения не были поддержаны надлежащим руководством и определенной системой работы. Не случайно позднее свою студенческую жизнь Н.И. Костомаров назовет «беспорядочной»[1].

Для студентов Томского университета в период становления и развития первой высшей школы в Сибири стараниями его первых профессоров создавались условия для получения образования на высоком уровне того времени. Хотя трудностей было много.

Образцом служения «Отечеству и науке» для студентов университета были его замечательные профессора, на долю которых выпала нелегкая работа, связанная с формированием материальной базы кафедр, созданием при них кабинетов и лабораторий. Им пришлось заниматься обеспечением кабинетов мебелью, приборами, инструментами, необходимыми для изготовления наглядных пособий, демонстрации опытов, проведения практических работ.

А.С. Догель выписал студенческие микроскопы, приобрел необходимые инструменты, мебель, реактивы и красящие вещества для гистологического кабинета, организовал создание микроскопических препаратов при участии студентов[2].

Основатель минералогического кабинета и музея в университете профессор А.М. Зайцев подарил им около 400 книг и брошюр, коллекцию из около 4000 минералов, собранных им за ряд лет в пределах Том-

---

[1] *Мякотин В*. Об авторе // История Руси Великой: В 12 т. М., 2000. Т. 1. С. 5.

[2] *Профессора* Томского университета. Вып. 1. С. 91.

ской и Енисейской губерний. За рубежом он приобрел для музея ряд коллекций саксонского происхождения[1].

Значительный вклад в создание Анатомического музея внес Н.М. Малиев. За время работы в Томске он собрал ценную коллекцию анатомических препаратов. Оценивая вклад Н.М. Малиева в основание Анатомического музея ректор университета А.И. Судаков отмечал, что «музей долго будет служить памятником научной и педагогической деятельности первого профессора кафедры анатомии». В 1896 г. Н.М. Малиев передал кабинету нормальной анатомии около 200 наименований книг, журналов, брошюр по анатомии[2].

Работу пополнения содержания музея продолжил Г.М. Иосифов. Студенты под его руководством готовили препараты, которые составляют гордость Анатомического музея до сих пор. Из помещенных в музей 656 новых препаратов 369 были изготовлены самим профессором Г.И. Иосифовым. Известны имена студентов, готовивших препараты для музея, – А. Азбукин, С. Вергилесов, П. Обросов, К. Катцен, И. Раевский, П. Сорокин, В. Щипачев. И их стараниями Анатомический музей в дореволюционной России считался одним из лучших[3].

При Э.А. Лемане, основателе фармацевтического кабинета и лаборатории при кафедре фармации и фармакогнозии, были приобретены приборы, инструменты, химическая посуда, фармакохимические препараты и реактивы[4].

Основатель школы зоологов и Зоологического музея Н.Ф. Кащенко обеспечил к своему отъезду из Томска в 1912 г. наличие в музее около 950 чучел животных, около 3350 спиртовых препаратов, богатой коллекции шкурок млекопитающих и птиц, подаренной музею бывшим генерал-губернатором Степного края И.А. Колпаковским, коллекции беспозвоночных животных Северного Ледовитого океана, коллекций различных животных, собранных профессорами В.В. Сапожниковым и М.Д. Рузским. Сам Н.Ф. Кащенко лично передал музею коллекцию позвоночных животных, собранную во время экспедиций в различные районы Сибири[5].

Всю организационную работу по устройству терапевтической факультетской клиники провел профессор А.П. Коркунов. Через заграничные фирмы он выписал аппаратуру, необходимую для осмотра больных и изготовление снимков на фотографических пластинках. С

---

[1] *Профессора* Томского университета. Вып. 1. С. 96–97.
[2] Там же. С. 159–160.
[3] *Профессора* медицинского факультета. Т. 1. С. 41–42, 102–103.
[4] *Профессора* Томского университета. Вып. 1. С. 149.
[5] Там же. С. 109–111.

конца 1897 г. стараниями А.П. Коркунова стали применяться в клинике рентгеновские лучи[1].

П.Н. Крыловым были заложены основы живой лаборатории при университете – Ботанический сад с его оранжереями и посадками на открытом грунте. Эта лаборатория использовалась при прохождении студентами общего курса ботаники, была местом проведения наблюдений и практических работ. В 1914 г. в оранжереях сада имелось 11650 экземпляров растений из тропических и умеренно-теплых стран и 27700 экземпляров в открытом грунте сада.

С именем П.Н. Крылова связано основание Ботанического музея с гербарием. Он обрабатывал коллекции растений из мужской гимназии и реального училища в Томске, интересный гербарий Г.Н. Потанина с Тарбагатая[2].

И.Н. Грамматикати в 1905 г. основал в Томском университете Акушерско-гинекологическое общество, которому передал свою библиотеку. Он внес большой вклад в расширение материальной базы университета, явившись организатором пристройки к главному корпусу факультетской клиники для терапевтической, гинекологической, хирургической, детской и нервных клиник и для акушерского отделения двух 2-этажных корпусов. По его инициативе при материальной поддержке А.Е. Кухтерина в Томске был открыт первый родильный дом (1895 г.)[3].

К.Н. Виноградов с 1890 г. работавший на кафедре патологической анатомии, возглавлявший ее до августа 1892 г., занимался первоначальным обустройством и оборудованием кафедры и института патологической анатомии. Из Петербурга он привез 1500 микроскопических препаратов, более 200 – макроскопических, предназначенных для музея и микроскопических исследований. При нем были сделаны первые шаги по созданию музея и коллекции по патологоанатомии[4].

При Е.С. Образцове с 1892 г. началось создание при кафедре кожных и венерических болезней кожно-венерической клиники, для которой приобретались муляжи в Петербурге, Москве, Томске[5].

По инициативе профессора кафедры нервных болезней М.Н. Попова в 1899 г. было положено начало психотерапевтической клиники, расположенной в бараке недалеко от современного главного корпуса медицинского университета. Клиника была рассчитана на 10 больных, кото-

---

[1] *Профессора* Томского университета. Вып. 1. С. 122–123.
[2] Там же. С. 127–129.
[3] Там же. С. 84–85, 194.
[4] Там же. С. 71–72.
[5] Там же. С. 184–185.

рых лечили за высокую плату в размере от 50 до 75 р. в месяц. Через 3 года было открыто новое здание амбулатории[1].

В начале 90-х гг. XIX в. при кафедре судебной медицины стараниями профессора М.Ф. Попова была основана судебно-медицинская лаборатория, оснащенная необходимым оборудованием, литературой, создан музей[2].

Недолго работал в Томском университете (с 1 января 1890 г. по 11 августа 1891 г.) профессор П.М. Альбицкий, но в его истории и в памяти студентов он оставил глубокий след. Перед отъездом в Томск он закупил в Петербурге оборудование и аппаратуру для предстоящих исследований в Сибири. В Томском университете создал и оснастил необходимым оборудованием лабораторию общей патологии. Под его руководством занимался экспериментами над животными, исследуя теплообмен и обмен веществ, студент П.П. Авроров, на защите докторской диссертации которого в 1900 г. П.М. Альбицкий выступил в качестве одного из оппонентов, крупных отечественных патофизиологов, которые единодушно высоко оценили результаты исследования молодым ученым обмена веществ и развития энергии в организме при помощи голодания[3].

Было бы преувеличением сказать, что материальная база была обеспечена в достаточной степени для нормального функционирования кабинетов и лабораторий, предназначенных для учебного процесса в университете. Но минимум условий для учебы студентов и их занятий научно-исследовательской работой усилиями ректоров и профессоров университета был создан.

Как известно, значительную часть студентов Томского университета составляли выпускники духовных семинарий. Нередко они были выходцами из многодетных семей священнослужителей. Многим из них приходилось по окончании семинарий до поступления в университет какое-то время работать, чтобы скопить деньги, необходимые на дорогу и жизнь в Томске.

Выпускник Орловской духовной семинарии С.А. Адамов работал учителем начальных классов и только через два года поступил на открывшийся в университете юридический факультет. А во время учебы он подрабатывал репетиторством. В 1900 г., уйдя с юридического факультета, поступил на медицинский[4].

---

[1] *Профессора* Томского университета. Вып. 1. С. 192–193.
[2] Там же. С. 194.
[3] Там же. С. 26–27.
[4] *Профессора* медицинского факультета… Т. 1. С. 37–38.

По окончании Уфимской духовной семинарии в 1899 г. работал на протяжении двух лет народным учителем в селе Благовещенский завод И.Л. Вакуленко. До поступления в университет 2 года был учителем начального земского училища в Вятской губернии Н.В. Вершинин. Его земляк Я.А. Калачников работал статистом в земском статистическом отделении при Вятской земской управе, занимаясь сбором материала, необходимого для переоценки недвижимого имущества торгово-промышленных заведений и городских недвижимых имуществ, подлежащих земскому обложению[1].

В течение двух лет проработал учителем приходского училища И.П. Коровин по окончании Пермской духовной семинарии в 1886 г. Через год из стен той же семинарии вышел Н.С. Спасский, которому до поступления в университет пришлось устроиться на работу в качестве канцелярского служителя в Екатеринбургскую контору Госбанка[2].

К.М. Гречищев вместе со своим товарищем по Рязанской семинарии А.И. Шибковым на вырученные 200 р. от благотворительного спектакля, поставленного труппой любителей драматического искусства при клубе велосипедистов в Рязани, отправился в Томск и поступил в университет. Из-за недостатка средств к существованию и во время учебы в университете подрабатывал делопроизводителем в обществе вспомоществования учащимся, затем – конторщиком на строительстве Средне-Сибирской железной дороги. Одно время исполнял обязанности статистика в земстве. Во время учебы в университете, не имея средств к существованию, на 3-м курсе работал учителем искусств в Томском женском двухклассном училище, преподавая черчение, рисование и чистописание. На 5-м курсе в качестве студента-практиканта работал во врачебном отделе Сибирской железной дороги[3].

Выпускник 1905 г. Таврической духовной семинарии М.К. Бутовский, став студентом университета, подрабатывал репетиторством. Одно время (на 1-м курсе) подрядился суфлером в украинской труппе Понтуса, гастролировавшей в Томске. Во время прекращения занятий в университете из-за студенческих волнений уехал в Киев, где до осени 1906 г. он работал канцеляристом в губернском присутствии по крестьянским делам. Вернувшись в Томск для продолжения учебы, одно-временно работал канцеляристом в Томской переселенческой управе. На 4-м курсе работал фельдшером в кожно-венерической ам-

[1] *Профессора* медицинского факультета… Т. 1. С. 105, 126–127, 245.
[2] Там же. С. 296; Т. 2. С. 174.
[3] Там же. С. 71–172.

булатории. В летние каникулы после 4-го курса устроился фельдшером больницы Перекопской земской управы. А.М. Никольский, будучи студентом 5-го курса, работал ординатором в госпитальной хирургической клинике. А.Г. Савиных зарабатывал на жизнь, служа воспитателем в приюте. К.Ф. Архангельский работал ассистентом при кафедре фармакологии у профессора П.В. Буржинского, С.П. Мочалов – в акушерской клинике[1].

Здесь приведена мизерная часть примеров совмещения учебы в университете или работы до поступления на медицинский факультет по окончании духовной семинарии только тех, чья жизнь впоследствии оказалась связанной с Томским университетом, быстро ставшим крупным научным центром

Университетские кафедры развернули серьезную исследовательскую работу, ученые имели возможность публиковать результаты своих исследований в научной периодике. В 1889 г. вышел первый том их научных трудов – «Известия Императорского Томского университета», которые с тех пор издавались регулярно.

В том же 1889 г. по инициативе ректора университета Н.А. Гезехуса возникло Томское общество естествоиспытателей и врачей. В него вошли исследователи разных направлений, представители различных городских учреждений. Целями общества было объявлено в его уставе «содействие успехам всех отраслей естествознания и научной медицины, изучение Сибири и прилегающих к ней стран в естественно-историческом и медицинском отношениях… изучение населяющих Сибирь племен, преимущественно инородцев, в антропологическом отношении»[2].

Общество естествоиспытателей и врачей явилось первым научным объединением всех, кто занимался исследованием Сибири. Наряду с университетскими учеными в нем сотрудничали директор реального училища, библиофил, метеоролог Г.К. Тюменцев, учитель П.А. Буткеев, горные инженеры А.С. Боголюбский и В.С. Реутовский, врачи А.И. Макушин, В.С. Пирусский[3].

Более чем за 10 лет до возникновения Общества естествоиспытателей и врачей в Томске на одном из заседаний Академии наук было сообщено (4 апреля 1878 г.) о том, что «исправляющий должность директора Томского реального училища Тюменцев доставил Академии коллекцию насекомых, заспиртованных животных и нескольких рыб, пре-

---

[1] *Профессора* медицинского факультета… Т. 1. С. 96–97; Т. 2. С. 48, 130.

[2] *Томск*. История города от основания до наших дней. С. 126.

[3] *Краткий* исторический очерк … Томск, 1917. С. 125.

имущественно из окрестностей Томска». Было доложено на заседании также о том, что преподаватели училища и Томской Мариинской женской гимназии предложили свои услуги по дальнейшему сбору коллекции животных и растений и обратились к Академии с просьбой снабдить их подробными инструкциями». Они просили также выслать сочинение П.С. Палласа, «Записки Императорской академии наук» и «Летопись Главной физической обсерватории» за 1874–1876 гг. Предложение Томских преподавателей было принято с благодарностью и решено полученные коллекции передать в Зоологический музей, просимые книги выслать в Томскую гимназию. Члены «биологического разряда» получили задание составить необходимые инструкции[1].

Создание в Томске Общества естествоиспытателей и врачей способствовало поднятию на новый уровень исследовательской работы тех, кто ею занимался. Первоначально оно состояло из 13 профессоров, затем число его членов возросло до 113, в том числе – 35 иногородних членов. В 1905–1907 гг. в период студенческих волнений Общество не функционировало, в 1907 г. его деятельность возобновилась.

К исследованию флоры и фауны Сибири Обществом привлекались и студенты. На его средства студенты побывали в верховьях реки Томи для сбора насекомых (1908 г., В.В. Хворов), в Змеиногорском уезде для сбора растений и семян (1908 г., В.С. Титов), для исследования озера Учум в Енисейской губернии (1908 г., Солдатов), для сбора коллекций по флоре на Дальнем Востоке, в районе Амурского бассейна (1908 г., В.Ф. Семенов), для сбора ботанических и этномологических коллекций на берегах Телецкого озера (1911 г., В.В. Хворов) и реки Абакан (1911 г., Сычинский), в Западной Барабе (1911 г., Молотилов), на Саянах (1912 г., Семенов).

По данным до 1912 г. по линии Общества было сделано 418 докладов. С докладами выступали и студенты. В.В. Солдатов сообщил о работе, проделанной им в районе озера Учум, В.С. Титов выступил с отчетом о гербаризации в окрестностях Колыванского завода летом 1908 г. В.В. Хворов отчитался о поездке в верховья реки Томи и на Телецкое озеро, И.Н. Михайловский сделал доклад «Город Троицкосавск со слободою Кяхтою в санитарном отношении»[2].

Важное место в деятельности Общества заняла издательская деятельность. Несмотря на сложные финансовые проблемы изыскивались

---

[1] *Летопись* Российской академии наук. Т. 3: 1861–1900. СПб., 2003. С. 270.
[2] *Краткий* исторический очерк... Томск, 1917. С. 34, 138, 139.

возможности для публикации студенческих работ. В разные годы были опубликованы работы студентов, выполненные в лаборатории медицинской химии Н.И. Павловским («О влиянии чая, кофе и некоторых спиртных напитков на количественное действие пепсина»), А.И. Собкевича («Сравнительная оценка некоторых способов определения общего количества серы в моче»), В.М. Барвинского («Изменения в составе и свойствах крови собак после вылущения щитовидной железы»).

По оценке профессоров университета, студенческие работы представляли большую научную ценность. Их рекомендовали к публикациям и по решению Совета университета. Обращалось внимание на обстоятельность, добросовестность в решении поставленной задачи, на овладение студентами методики исследования, практическую значимость выполненной работы.

Высокую оценку профессоров А.И. Судакова, М.Г. Курлова, Э.А. Лемана получила представленная на конкурс и заслужившая награждения золотой медалью выполненная в 1893 г. студентом 5-го курса П.В. Бутягиным на тему «Химико-бактериологическое исследование воды, употребляемой в Томске для питья». Выводы, сделанные исполнителем, свидетельствовали об исключительной актуальности проблемы исследования. Они убеждали в необходимости «более правильной организации водоснабжения Томска по сравнению с существующей организацией». Оказалось, что до П.В. Бутягина проводились химико-физические исследования воды, а он получил еще бактериологические данные, необходимые для оценки «Санитарного достоинства питьевых вод». Кроме того, автор определил содержание растворенного в воде кислорода, что «до него никем сделано еще не было». Одно из достоинств его работы состояло в том, что он исследовал не только питьевую воду рек Томи, Ушайки, почти всех имеющихся в Томске общественных водохранилищ и ключей, а также многих частных колодцев. Были взяты и образцы воды в общественных банях.

Наряду с высокой оценкой выполненной П.В. Бутягиным работы, рецензентами были отмечены и недостатки, что открывало перспективы ее продолжения. В частности, профессор М.Г. Курлов указал на необходимость учета того, на каком расстоянии от берега, с поверхности или глубины была взята проба воды, в какую погоду, что этому исследованию предшествовало (дождь, ветер), какой была температура воздуха, воды[1].

---

[1] *Журнал* заседаний Совета... 19 октября 1893 г. С. 30–35.

На конкурс в 1893 г. свою работу на малоисследованную тему «О происхождении внезапной смерти от причин, лежащих в сердце» представил И.П. Коровин. Под руководством профессора М.Ф. Попова студент уже успел себя зарекомендовать, представив перед этим на суд Общества естествоиспытателей и врачей результаты своих научных поисков, получившие высокую оценку. Ценность работы, которая рассматривалась Советом университета, заключалась в микроскопических и параллельных им химических исследованиях сердечной мышцы. По результатам проведенных студентом исследований, оказалось возможным судить о степени изменений в сердце. Было признано, что им положено начало разработки перспективной темы исследования изменений сердца в случаях внезапной смерти с учетом возраста, пола, времени года[1].

Одному из самых трудных вопросов микроскопической анатомии посвятил свою конкурсную работу, удостоенную золотой медали в 1893 г., П.Я. Корольков. До него никто не смог найти метод окраски тончайших разветвлений нервов в слюнных железах. Применявшийся ранее метод золочения препаратов для слюнных желез оказывался непригодным. П.Я. Корольков использовал новейшее достижение в медицине – применение окраски метиленовой синью, частично серебром[2].

С одобрением была воспринята Советом университета и составителями отзывов работа, выполненная студентом В.Н. Устюжаниновым, посвященная продаваемому в Томске чаю, одному из самых потребляемых населением продуктов питания. Необходимость исследования качества чая диктовалась широко распространенной практикой его подделки. Автор исследовал до 15 сортов байхового и кирпичного чая с помощью микроскопа и химического анализа на предмет выяснения наличия или отсутствия подделок, определения ценности чая. Последняя задача оказалась неразрешимой на основании данных химического анализа. Ценность чая определяется его физическими свойствами: запахом, вкусом, цветом, тщательностью приготовления, возрастом чайных листьев, которые не поддаются определению с помощью химического и даже микроскопического анализа. Пока удалось провести исследование чая с учетом количества воды, солей, растворимых и не растворимых в воде, теина, танина, экстрактивных веществ. Тема оказалась пока далекой от ее полноценной разработки и в силу объективных причин. Но

[1] *Журнал* заседаний Совета… 1893. С. 36–39.
[2] Там же. С. 40–42.

проделанная студентом работа получила одобрение и была признана достойной серебряной медали[1].

Золотой медалью Совет университета в 1894 г. отметил конкурсную работу студента М.П. Рувкевича на тему «Влияние стрихнина на отравление алкоголем». Проведенные на животных опыты показали, что стрихнин повышает раздражимость психомоторных центров, угнетенную алкоголем, кровяное давление, работу сердца, дыхание и температуру. Рувкевичу удалось установить, проведя опыты на собаках, что возбудимость головного мозга, угнетаемая спиртом, под влиянием стрихнина быстро повышается. Установлено было им также на основании 17 сложных опытов с применением трепанации, перевязки многочисленных сосудов, вскрытий грудной клетки, обнажения сердца, перерезки нервов. Опыты были продолжительными, требовали много времени, хорошего знания анатомии животных и хорошей техники их проведения. Результаты исследования были представлены приложенными к тексту 29 таблицами с обозначением кривых возбудимости мозговых центров, кровяного давления, деятельности сердца, состояния дыхания, температуры животных, на которых проводились опыты. На заседании Совета университета была особо отмечена практическая значимость результатов студенческой работы и выражена уверенность, что они скоро будут оценены клиницистами[2].

Золотыми медалями были отмечены работы студентов И.Л. Вакуленко («Обмен фосфора и серы у человека», 1904), Б.К. Шишкина («Материалы к вопросу о химическом составе воды озер Шира, Иткуль и некоторых других озер», 1908), С.В. Вергилесова («К морфологии начала грудного протока, и его расширения у млекопитающих», 1908), И.Р. Ломакина («Об отношении яичного белка (куриного) к микроорганизмам куриного помета», 1909), А.И. Собкевича («Сравнительная оценка некоторых способов определения общего количества серы в моче», 1909), В.Г. Щипачева («К вопросу о снабжении кровеносными сосудами периферических нервов», 1910), В.М. Барвинского («Изменение в составе и свойствах крови у собак после вылущения щитовидной железы», 1912). Серебряных медалей удостоились работы П.П. Солдатова («Озеро Учум», 1908), В.Г. Щипачева («Внутренние паразиты рыб Томского края», 1912).

---

[1] *Журнал* заседаний Совета… 1894. С. 132–135.
[2] Там же. С. 135–137.

Все конкурсные работы выполнялись в процессе участия в научных кружках при кафедрах и клиниках университета под руководством профессоров.

На протяжении 1900–1911 гг. 11 студентов юридического факультета были награждены золотыми медалями за представленные ими на конкурс работы, посвященные сибирским воеводам, губернаторам и генерал-губернаторам, формам крестьянского землевладения в Сибири, положению духовенства в христианско-евангелической церкви, земельной ренте, значению вопроса о свободе воли в уголовном праве, винной монополии в Томской губернии и Семипалатинской области, ссылке в Сибири и другим проблемам.

Уровень профессиональной подготовки студентов прошел проверку в экстремальной ситуации борьбы с эпидемией холеры в Томске и Томской губернии в 1892 г.

Заболевшим холерой рассчитывать на оказание медицинской помощи было трудно. При недостатке медицинских работников в городе часть из них были откомандированы из Томска в охваченные холерой местности губернии. Не приходилось надеяться на медицинскую помощь со стороны врачей Европейской части страны в виду того, что там в нескольких губерниях также свирепствовала эпидемия.

Созданная по распоряжению губернатора санитарная комиссия оказалась в чрезвычайно затруднительном положении. Оценивая крайнюю недостаточность наличных медицинских сил для борьбы с эпидемией, ректор университета профессор А.И. Судаков предложил привлечь в помощь медикам студентов медицинского факультета. Он исходил из того, что часть студентов сами изъявили желание участвовать в борьбе с эпидемией, при этом заверяя, что обладают достаточной подготовкой и можно рассчитывать на существенную с их стороны помощь.

Членам санитарной комиссии было нелегко согласиться с предложением услуг со стороны студентов. Как писал на имя ректора университета городской голова М. Дмитриев, «я по себе уверен, что не одному из членов комиссии пришлось задуматься над вопросом, будем ли мы нравственно правы, воспользовавшись этим сердечным порывом юношей, увлеченных искренним желанием стать в ряды защитников своего отечества? Не слишком ли эгоистично будет с нашей стороны допустить эксплуатацию этой готовящейся опоры будущего – поставить юношей в ряды передовых бойцов на защиту нашей жизни, рискуя собственной?».

После долгих раздумий и обсуждений предложение ректора университета с учетом готовности части студентов, изъявивших желание участвовать в борьбе с эпидемией, было решено воспользоваться и их услугами. Польза, принесенная студентами, превзошла все ожидания санитарной комиссии. 10 студентов (А.В. Беляев, В.Н. Силин, С.Е. Павский, А.А. Иволин, Н.Н. Панаретов, Н.П. Поспелов, Н.А. Кутузов, М.П. Соколов, А.В. Слайчевский, Д.А. Миловидов) под руководством профессора А.И. Судакова и местных врачей в Томских городских больницах с 18 июля по 1 октября занимались лечением больных и уходом за ними.

Другая группа студентов (А.А. Смородинцев, Л.М. Прасолов, И.П. Михайловский, П.П. Успенский, А.С. Павлинский, И.А. Стуков, Г.Б. Боннер) лечили больных на дому. В итоге было предоставлено 1113 санитарных карточек. Стольким больным была оказана помощь.

Третья группа в составе 10 студентов (В.П. Богословский, Н.В. Мефодиев, К.И. Сасыкин, Д.М. Файнберг, А.Н. Григорьев, Л.М. Орлеанский, А.И. Окиншевич, А.П. Шуйский, Л.А. Флеров, В.Н. Николаевский) провела 2317 дезинфекций в помещениях, где находились больные.

П.В. Бутягин, А.А. Грацианов, Н.А. Пьянков, В. Добромыслов, Соколов ухаживали за больными в пересыльной тюрьме и в переселенческих бараках.

Студенты не только помогали врачам, но во многих случаях им пришлось работать самостоятельно, заменяя врачей. Работали они дни и ночи с полным сознанием важности и большой ответственности за выполняемое ими дело.

Как отмечалось в благодарственном письме томского губернатора Г.А. Тобизена, благодаря помощи студентов последствия эпидемии в Томске оказались менее трагичными, чем они могли быть. Некоторые из них (Силин, Беляев, Стуков, Иволин) были командированы и в округа губернии в дополнение к тем, которые работали в Бийском, Барнаульском, Каинском, Томском округах. На долю студентов выпали немалые трудности, ибо им приходилось действовать самостоятельно, без поддержки товарищей, нередко сталкиваться с предрассудками и суевериями крестьян. Тем значимее были результаты их самоотверженного труда, благодаря которому не одна тысяча жителей была обязана им сохранением жизни и здоровья. С помощью студентов оказалось возможным ограничить размеры и степень распространения эпидемии.

У Г.А. Тобизена были основания участие студентов в борьбе с эпидемией холеры оценить «в высшей степени» полезным и выразить уверенность в том, что оно оставит «навсегда… самое отрадное воспоминание». Он выразил пожелание, «чтобы врачебная деятельность каждого из господ студентов увенчалась таким же успехом, с каким они работали по прекращению холерной эпидемии, и сопровождалась таким же доверием со стороны населения и такою же общею признательностью, какими они пользовались теперь».

Чувством глубочайшей признательности проникнуто письмо томского городского головы на имя ректора университета: «За труды, принесенные на спасение населения г. Томска господами профессорами Александром Ивановичем Судаковым и Александром Павловичем Коркуновым, а также господам студентам».

Городской голова М. Дмитриев писал, что «всякому, без различия общественного положения и степени умственного развития, стало понятно то значение, какое в будущем предстоит иметь университету в Сибири. Всякий воочию убедился, что залог будущего счастья и благополучия Сибири, ее надежда на правильное развитие производительных сил населения обширной территории заключается… в университете. Всякому ясна стала цель учреждения университета, и какие силы готовятся в нем, и как направляются они для честного плодотворного труда на благо отечеству.

Представившийся случай показал нам образец будущих наших сибирских врачей»[1].

В связи со вспышками эпидемии районы бедствия обращались в университет с просьбой о командировании студентов старших курсов для работы в местах массовых заболеваний среди населения. Они выезжали далеко за пределы Томской губернии. Н.С. Спасский участвовал в борьбе с эпидемией холеры на Урале. В 1892 г. в университет пришло благодарственное письмо акмолинского губернатора с извещением ректора о «плодотворной деятельности» студента 5-го курса Островского, который во все время холерной эпидемии заведовал одним из участков в Омске, «работая наравне с врачами, с беспримерным усердием во всякое время дня и ночи помогал страждущим и своим гуманным отношением и знанием дела снискал любовь населения и глубокое уважение всех узнавших его»[2].

---

[1] *Журнал* заседаний Совета… 1892. С. 169–171.
[2] Там же. С. 171.

Летом 1893 г. во время летних каникул для борьбы с эпидемией холеры Ковровским земством был приглашен Н.С. Касторский. В сентябре 1893 г. Костромская городская управа сообщила в университет «о добросовестном и усердном исполнении обязанностей заведующего холерным бараком в г. Костроме с 12 августа по 21 сентября» студентом Гундоровым. О такой же полезной работе студента Быстрова пришло сообщение из временного Красноярского переселенческого комитета[1].

Подвижничество студентов в борьбе с эпидемиями холеры и чумы становилось традицией. Несмотря на риск, добровольцев всегда находилось больше, чем требовалось. В 1910 г. в ответ на просьбу КВЖД прислать 10 врачей изъявили желание поехать 100 студентов. М.К. Бутовский летом 1910 г. работал фельдшером больницы Перекопской земской управы во время ликвидации эпидемии холеры на железнодорожной станции «Джанкой» Таврической губернии. С декабря 1910 по сентябрь 1911 г. он, студент 4-го курса, участвовал в борьбе с эпидемией чумы на КВЖД. Там он заведовал баней, вагонами-теплушками, ночлежным домом, врачебно-санитарными участками, осматривал пароходы. Противочумное бюро КВЖД выдало ему свидетельство, в котором было отмечено, что он «относился к возложенным на него обязанностям в высшей степени добросовестно, с полным знанием дела». М.К. Бутовский был награжден серебряным нагрудным значком с надписью «Борьба с чумой» с правом пожизненного ношения его[2].

Для борьбы с эпидемией холеры студенты университета были приглашены во многие другие места, в том числе в Тюмень, Тобольск, Пермь, Самару, Тамбов, на Уральскую железную дорогу.

Вместе с профессором А.А. Введенским в 1904 г. студенты участвовали в лечении раненых во время русско-японской войны 1904–1905 гг., привезенных из Маньчжурии[3].

В 1892 г. профессором Ф.А. Ерофеевым была создана глазная клиника на 10 коек, оснащенная необходимым оборудованием. В ней шел ежедневный амбулаторный прием страдающих глазными болезнями. Совместно с обществом попечения слепых Ф.А. Ерофеев под своим личным руководством организовал глазные летучие отряды, которые выезжали в Барнаульский и Бийский округа для лечения глазных болезней у местного населения. Позднее практиковались выезды летучих

---

[1] *Журнал* заседаний Совета… 1893.

[2] *Профессора* медицинского факультета… Т. 1. С. 96–97.

[3] Там же. С. 114.

отрядов в Томскую, Тобольскую, Енисейскую губернии, Якутскую область. Оказание офтальмологической помощи населению стало традиционным. Ф.А. Ерофеев подтвердил факт широкого распространения трахомы среди местных жителей Сибири. После ухода из жизни Ф.А. Ерофеева его дело продолжил профессор С.В. Лобанов. С годами заметно увеличилось число прошедших лечение в клинике (с 62 в 1905 г. до 210 в 1912 г.), амбулаторно с 937 до 3597 за эти же годы. В одном 1912 г. клинику посетило более 10300 человек. В том же году в клинике было сделано 727 операций. Продолжались рейды студенческих отрядов. Всего в дореволюционный период в различные местности Сибири, включая Иркутскую губернию и Акмолинскую область были направлены 36 таких отрядов[1].

Традиции, заложенные первыми профессорами университета, были поддержаны и продолжены их питомцами.

Профессор П.П. Авроров, получив известие о результатах опытов французских исследователей по культивированию кусочков куриного эмбриона в куриной плазме, приступил к подобного рода экспериментам в лаборатории общей патологии. Из-за отсутствия хорошо разработанной технологии эксперимента первые опыты оказались неудачными. Совместная работа профессора с приглашенным для участия в проведении эксперимента студентом Д.И. Тимофеевским позволила разработать технологию и методику опытов на кроликах, собаках, морских свинках. Оказалось возможным выращивание клеток вне организма, что было достигнуто в 1911 и 1913 гг. В следующем году П.П. Авроров и Д.И. Тимофеевский впервые получили важные результаты по культивированию лейкемической крови человека. Они были опубликованы в том же году в журнале «Русский врач» и вызвали огромный интерес всей медицинской общественности. А опубликованная ими в 1914 г. монография «Опыты культивирования тканей вне организма» принесла им мировую известность[2].

У истоков школы фармакологов в Томске стоял профессор П.В. Буржинский, а создал ее Н.В. Вершинин, со студенческих лет интересовавшийся проблемой воздействия лекарственных препаратов на сердечно-сосудистую систему человека. Он выступил инициатором комплексного изучения лекарственных растений Сибири и создания на их основе разнообразных лечебных препаратов[3].

---

[1] *Профессора* медицинского факультета… Т. 1. С. 93–94, 151–153.
[2] Там же. С. 18–20, 25–27.
[3] Там же. С. 47, 66–69.

Выпускник 1893 г. П.В. Бутягин посвятил свою деятельность разработке методов производства бактерийных препаратов. С его именем связано становление и развитие микробиологии в Сибири. Налаженное им производство противодифтерийной, противоскарлатиновой, противодизентерийной сыворотки дало возможность оказывать помощь врачам в лечении инфекционных болезней во многих городах Западной и Восточной Сибири. А во время Первой мировой войны для действующей армии было налажено изготовление холерной и брюшетифозной вакцины. Организация производства перечисленных сывороток и вакцин оказалась возможной с открытием в 1906 г. Бактериологического института, первым директором которого стал П.В. Бутягин. А открытие института было подготовлено многолетней работой по производству первоначально только противодифтерийной сыворотки[1].

Окончивший с отличием университет в 1893 г. С.М. Тимашев стал основателем школы педиатров в Томске[2].

Самым знаменитым из блестящих выпускников первых лет справедливо считается А.А. Кулябко. До поступления в Томский университет он успел окончить в 1888 г. физико-математический факультет Петербургского университета со степенью кандидата естественных наук и в том же году поступил в Военно-медицинскую академию, но через 2 года его направили в Томск исполняющим должность прозектора по кафедре физиологии. Одновременно с основной работой он вольнослушателем учился на медицинском факультете, который в числе первых выпускников университета окончил с отличием в 1893 г. В декабре этого же года А.А. Кулябко вернулся в Петербург, поступил в физиологическую лабораторию при Императорской академии наук. Там он подготовил и защитил докторскую диссертацию, тем же летом 1902 г. приступил к опытам по оживлению человеческого сердца. Полиглот, свободно владеющий 5 языками (немного хуже знал еще 5 языков и в 7 языках разбирался), обладавший обширными познаниями в различных областях науки, А.А. Кулябко в результате многочисленных экспериментов пришел к выводу, что остановка сердца не означает еще его окончательной гибели, а отдельные органы человека даже после этого еще не погибают и их функции можно восстановить. После знакомства с опытами англичанина Локка, разработавшего новый способ изучения работы сердца теплокровных животных при помощи особого соляного

[1] *Профессора* Томского университета… Вып. 1. С. 50–52.
[2] *Профессора* медицинского факультета… Т. 1. С. 200.

раствора, А.А. Кулябко добился восстановления ритмичной деятельности сердца кролика спустя 18, затем 44 часа после его остановки. 3 августа 1902 г. он впервые в мире оживил сердце ребенка через 20 часов после смерти от воспаления легких. Впоследствии А.А. Кулябко обратился к восстановлению жизненных функций мозга, работая снова в Томском университете, куда он был в 1903 г. приглашен на кафедру физиологии, которую возглавлял в течение двадцати с лишним лет[1].

Профессора Томского университета стали крупными учеными, обрели известность в стране и за ее пределами. Об этом свидетельствует их участие в работе Всероссийских съездов и Международных конгрессов.

Е.С. Образцов в 1896 г. выступил с докладом на Всероссийском съезде сифилидологов в Петербурге, VII съезде русских врачей в Казани (1899), XI съезде естествоиспытателей и врачей в Петербурге (1901). На последнем съезде из Томского университета были еще профессора А.П. Коркунов, Ф.А. Ерофеев, П.Н. Крылов, выступивший с докладом[2].

Профессора Е.С. Образцов, А.П. Коркунов, Ф.А. Ерофеев представляли Томский университет на Пироговском съезде в Москве в 1902 г., профессор П.П. Авроров – в 1904 г.[3]

Были участниками Международного конгресса по гигиене и демографии в Вене М.Г. Курлов (1894), XII Международного медицинского конгресса в Париже Ф.А. Ерофеев (1900), XIV Международного съезда врачей в Мадриде И.Н. Грамматикати. На XV Международном медицинском конгрессе в Лиссабоне в 1906 г. побывали М.Г. Курлов и И.Н. Грамматикати[4].

Участия на многих съездах удостоился Н.Ф. Кащенко: в 1892 г. – на Международных антропологическом и зоологическом съездах, Акклиматизационном ботанико-зоологическом съезде в Москве. На X Археологическом съезде в Риге в 1896 г. он выступил с докладом «К вопросу об одновременном существовании мамонта и человека». Доклад был посвящен найденному им в 1896 г. вблизи Томска скелета мамонта со следами деятельности современного ему человека[5].

Свидетельством признания заслуг профессоров Томского университета являлось избрание их членами различных обществ. Н.Ф. Кащенко состоял членом обществ: естествоиспытателей при Санкт-Петербургском, Харьковском, Киевском университетах, Московских обществ

---

[1] *Профессора* Томского университета… Вып. 1. С. 129–130, 133–137.
[2] Там же. С. 94, 123, 129.
[3] Там же. С. 19, 94, 123, 185.
[4] Там же. С. 85, 94, 141.
[5] Там же. С. 112.

испытателей природы, любителей естествознания, любителей аквариума, Харьковского общества опытных наук и Киевского общества испытателей природы. Он был избран и членом Международного анатомического общества[1].

Членом Русского сифилидологического и дерматологического общества являлся профессор Е.С. Образцов[2].

За заслуги в области урологии А.А. Введенский в 1908 г. был избран членом Международной ассоциации по урологии. Главный комитет ее находился в Париже. В России тогда было всего 10 членов этой ассоциации, один из них служил в Томском университете[3].

В знак признания научных заслуг почетным членом Бельгийского акушерско-генекологического общества в 1914 г. стал И.Н. Грамматикати.

Уже приводились свидетельства того, что было впервые достигнуто в области медицины в Томском университете, при этом не только профессорами, но и студентами, проявившими большой интерес к научно-исследовательской работе. Будущими профессорами университета, выросшими из его выпускников, именно в студенческие годы приобретались первые значимые результаты в разрабатываемых ими проблемах, намечались пути продолжения исследований в избранной ими области медицины.

Новое пополнение профессуры было достойно коллег первого набора по инициативе В.М. Флоренского. Среди его представителей были люди удивительно интересной судьбы. Так, Платон Иванович Тихов родился в Туринске Тобольской губернии в семье священника, рано осиротел, воспитывался с 4 лет у тетки-просвирни. Начальное образование получил в деревенской школе. В десятилетнем возрасте был отдан в Тобольское духовное училище, затем учился в духовной семинарии, откуда после 4-го класса был исключен. Некоторое время он работал ямщиком на постоялом дворе, затем поступил в Пермскую классическую гимназию, которую окончил с золотой медалью. В 1887 г. П. Тихов поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, но вскоре перешел на медицинский, который окончил в 1893 г. В 1893–1899 гг., пройдя путь от штатного ординатора госпитальной хирургической клиники до профессорского стипендиата при Казанском университете, защитив диссертацию, побывав после этого в заграничной командировке, поработав на протяжении 1901–1902 гг.

---

[1] *Профессора* Томского университета… Вып. 1. С. 112.
[2] Там же. С. 123.
[3] Там же. С. 58.

старшим врачом Костромской губернской больницы, в ноябре 1902 г. П.И. Тихов стал экстраординарным, а с 1907 г. – ординарным профессором кафедры госпитальной хирургической клиники Томского университета. Здесь он заложил основы развития урологии и онкологии в Сибири, внес много нового в хирургию костно-суставного туберкулеза и крупных суставов. Он впервые в практике разработал и осуществил операцию реплантации верхних и нижних конечностей. Школа, созданная профессором П.И. Тиховым, обогатила отечественную и мировую хирургическую науку в области остеопластических операций, хирургии брюшной полости, кровеносных сосудов, исследованиями по обезболиванию. Ему принадлежит первенство в проведении сложнейших операций в области урологии (операции по пересадке мочеточников в прямую кишку, получившей название метода Тихова – Грамматикати). В 1907 г. впервые в Сибири Тиховым была успешно зашита рана сердца[1].

При всех трудностях и сложностях становления и развития университета в конце XIX – начале XX в. его открытие стало одним из самых значительных в истории Азиатской России.

Современники уже в самые первые годы функционирования университета, когда еще не был сделан первый выпуск его студентов, по достоинству оценили значение университета для населения Сибири, которое в этом убедилось в период борьбы с эпидемией холеры в 1892 г. Без преувеличения можно считать, что суровое испытание прошли студенты, выполнявшие в течение длительного времени самую тяжелую и опасную работу в Томске, где они, кроме всего прочего, еще и присутствовали при захоронении тел, умерших от болезни. Серьезной проверкой готовности студентов к будущей профессии явилось участие в борьбе с эпидемией в разных уголках Сибири и Европейской России.

В октябре 1891 г. не порывавший связей с университетом и своими учениками Д.И. Тимофеевским, А.В. Репревым, П.П. Авроровым П.М. Альбицкий в приветственной телеграмме из Петербурга писал: «Шлю привет дорогому для меня Томскому университету в третью годовщину его существования, исполненный любви и благодарности и самой горячей уверенности, что жизнь нашего молодого прекрасного университета разольется могучим и чистым потоком, который внесет свою тяжесть во всю русскую университетскую жизнь»[2].

---

[1] *Профессора* медицинского факультета… Т. 2. С. 204; *Профессора* Томского университета… Вып. 1.С. 256–259.

[2] *Профессора* Томского университета… Вып. 1. С. 27.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В газетных материалах оказался сконцентрированным исторический опыт городской жизни, имеющий сегодня не только научную значимость. В условиях возрождения России, Сибири в ее составе обращение к историческому прошлому Томска может быть продиктовано в большей степени его практическим значением. Опыт развития одного из крупных городов Сибири во второй половине XIX – начале XX в. представляется во многом поучительным.

Наибольшую ценность в прошлом Томска составляет высокий профессионализм, проявлявшийся в процессе самореализации его жителей. Самое удивительное заключается в том, что уровень подлинного мастерства был присущ всему созданному людьми разного возраста, разной сферы профессиональной деятельности, разной степени имущественного и социального положения. Изделия кондитерской фабрики Тихонова, обойной – Ярославцева и Стахеева, обувной – Каплана иконописной, иконостасной и ризочеканной мастерской – Панкрышева, ремесленного товарищества, томских монахинь, воспитанников школ, училищ, детских приютов несли на себе печать высокого профессионализма. Качество любой продукции ценилось превыше всего, это было правилом. Нередко случавшиеся отступления от него подлежали осуждению.

В опыте прошлого восхищает постоянная ориентированность производства на человека, заинтересованность производителей материальных и духовных ценностей в скорейшем потреблении их продукции теми, кому она предназначалась.

Значительным является опыт реализации продуктов производства по схеме «производитель – потребитель», что давало возможность приобретения их последним «по сходным ценам».

Люди разного достатка могли удовлетворять свои потребности благодаря постоянно превышавшему спрос предложению. В магазинах Томска бесперебойно продавались изделия местных промышленных предприятий, мастерских, товарищества ремесленников. В ши-

роком ассортименте всегда имелись ткани и готовые изделия зарубежных фабрик.

Все стороны городской жизни нашли отражение на страницах периодической печати. История грамотности, образования, городских училищ, гимназического, университетского, институтского образования; охрана городской безопасности, хроника воровства, мошенничества, грабежей, разбоев, уголовных дел; хроника бедствий города, наводнений, эпидемий, пожаров – все это становилось достоянием читателей.

Среди жителей города всегда было немало тех, кто нуждался в материальной помощи. Благотворительность, пожертвования, милосердие по отношению к страждущим, пожилым, старым, одиноким, больным, сиротам, бедным – неотъемлемая черта городской жизни того времени. Благотворительность различных слоев городского населения – купцов, чиновников, священнослужителей, рядовых горожан составляет бесценную страницу истории города. Каждая группа людей в соответствии с социальной структурой городского населения оказывала помощь не только членам своего сословия. Помощь «всем миром» остро нуждавшимся в ней, роль личной инициативы, частной благотворительности, роль милосердных людей в открытии детских приютов, школ, участие горожан в решении назревших социально значимых задач народного образования – не сходили со страниц «Томских губернских ведомостей» и всех газет, которые появились в городе в конце XIX – начале XX в.

Много внимания уделялось в печати изучению опыта других городов с целью возможности его применения в Томске, но и опыт нашего города был интересен для других регионов России, достаточно сказать о создании и содержании на протяжении нескольких лет уникального Детского сада в Томске «по методе» выдающегося немецкого педагога Фребеля.

Со страниц дореволюционной печати Томск второй половины XIX – начале XX в. выступает как город больших контрастов. Он оказался местом открытия первой Бесплатной читальни в Сибири, первой иконостасной, иконописной, ризочеканной мастерской, первого каменного здания театра, здесь появилась первая обойная фабрика. Многочисленные общества, занимавшиеся «попечением» о народном образовании, «вспомоществованием» учащимся, распространением коммерческих, профессиональных знаний, отечественного и зарубежного опыта, способствовали накоплению духовного потенциала города.

В то же время он буквально задыхался от антисанитарии, чрезвычайно напряженной была в городе криминогенная ситуация, процветали проституция и пьянство, сопровождавшееся драками с летальным исходом.

Не все устраивало самих томичей в экономическом развитии города. Для них очевидным было то, что не хватало предприимчивости для развертывания обрабатывающей промышленности.

Вместе с тем для Томска того времени оказалась присущей вера в поступательное развитие. Шел второй год войны, до ее конца было ещё далеко, а «Томский вестник» убеждал читателя: «Нашу родину, безусловно, ожидает экономический подъём и возрождение, которые, несомненно, проявятся в Сибири». Большие надежды возлагались на «развитие как частной, так и общественной инициативы и предприимчивости».

Материалы газет дореволюционного Томска могут служить основанием для связи времен. Проблемы, поставленные в них относительно прошлого и будущего города, во многом не утратили своей актуальности до сих пор. Достаточно привести лишь один из многих примеров: «Вот мы, жители Томска, кто давний, кто новый, задаем себе вопрос: куда идет наш город? Богатеет ли он или беднеет? И каждый решает вопрос по-своему. По словам одних, как будто город улучшается, а другие уверяют, что будто падает, беднеет». Обращение «Сибирского вестника» к томичам в конце 1886 г. и через 100 с лишним лет остается актуальным.

При всем том, что было нежелательного, негативного в истории дореволюционного Томска, он не случайно в конце XIX в. стал университетским городом.

В конечном счете на общем фоне достигнутого в развитии города во второй половине XIX – начале XX в. представляется возможным использование накопленного опыта, который, бесспорно, может быть воспринят томичами в начале XXI в.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Улицы дореволюционного Томска и их современные названия[1]

Акимовская ул. –	Шишкова ул.
Акуловский пер. –	Сухоозерный пер.
Александровская ул. –	Герцена ул.
Аполлинарьевская ул. –	Студенческая ул.
Ачинская ул. –	Ачинская ул.
Ачинский пер. –	Военный пер.
Базарная пл. –	Ленина пл.
Банный пер. –	Осенний пер.
Баранчуковский пер. –	Баранчуковский пер.
Белая ул. –	Белая ул.
Белозерская ул. –	Белозерная ул.
Белозерская пл. –	Кривая ул.
Белозерский пер. –	Белозерский пер.
Благовещенская пл. –	Батенькова пл.
Благовещенский пер. –	Батенькова пер.
Большая Татарская ул. –	Татарская ул.
Большая Королевская ул. –	Горького ул.
Бульварная ул. –	Кирова пр.
Буткеевская ул. –	Усова ул.
Буткеевский пер. –	Буткеевский пер.
Буяновская ул. –	Буяновский пер.
Верхняя Елань (самая высокая часть города) –	улицы Вершинина, Карташова, Кузнецова, Кулева, Советская, Тимакова, Усова, Пирогова, Белинского
Владимирский пер. –	Тимакова ул.
Водяная ул. –	Водяная ул.
Войлочная ул. –	Войлочная ул.
Войновский пер. –	Тихий пер.
Воскресенская ул. –	Октябрьская ул.
Горшковский пер. –	Горшковский пер.
Дальнеключевская ул. –	Дальнеключевская ул.
Даниловский пер. –	Даниловский пер.
Дворянская ул. –	Гагарина ул.
Дроздовский пер. –	Спортивный пер.

[1] *История* названий томских улиц. Томск: Водолей, 1998.

Духовская ул. –	К. Маркса ул.
Еланская ул. –	Советская ул.
Ереневская ул. –	Пролетарская ул.
Ефремовская ул. –	Бакунина ул.
Жандармская ул. –	Гоголя ул.
Завьяловский пер. –	Базарный пер.
Загорная ул. –	Загорная ул.
Заисточье –	Татарская слобода
Заисточный пер. –	Источный пер.
Заозерная ул. –	Заозерный пер.
Затеевский пер. –	Затеевский пер.
Знаменская ул. –	Войкова ул.
Знаменский пер. –	Войкова пер.
Иркутская ул. –	Пушкина ул.
Источная ул. –	Источная ул.
Карповская ул. –	Карпова ул.
Кирпичная ул. –	Среднекирпичная ул.
Кондратьевская ул. –	Лермонтова ул.
Магистратская ул. –	Р. Люксембург ул.
Макаровский пер. –	Типографский пер.
Малая Кирпичная ул. –	Песочный пер.
Малая Королевская ул. –	Эуштинская ул.
Малая Подгорная ул. –	Малоподгорная ул.
Миллионная ул. –	Ленина пр.
Монастырская ул. –	Крылова ул.
Мухинский бугор –	возвышенная часть в районе кондитерской фабрики
Мухинская ул. –	Сибирская ул.
Нечаевская ул. –	Фрунзе пр.
Нечевский пер. –	Нечевский пер.
Никитинская ул. –	Никитина ул.
Никольский пер. –	Комсомольский пер.
Никольская ул. –	Алтайская ул.
Новокарповская ул. –	Свердлова ул.
Новокиевская ул. –	Новокиевская ул.
Ново-Соборная ул. –	Ново-Соборная ул.
Обруб ул. –	Обруб ул.
Офицерская ул. –	Белинского ул.
Петровская ул. –	Яковлева ул.
Подгорный пер. –	Беленца ул.
Почтамтская ул. –	Ленина пр.
Преображенская ул. –	Дзержинского ул.
Приюто-Духовской пер. –	Совпартшкольный пер.

Протопоповский пер. –	Пионерский пер.
Раскат –	Октябрьский взвоз
Ремесленная ул. –	Лебедева ул.
Русаковский пер. –	Ванцетти пер.
Садовая ул. –	Ленина пр.
Серебренниковский пер. –	Сакко пер.
Симоновская ул. –	Учебная ул.
Солдатская ул. –	Красноармейская ул.
Спасская ул. –	Советская ул.
Татарская ул. –	Татарская ул.
Тверская ул. –	Тверская ул.
Тецковский пер. –	Кооперативный пер.
Торговая пл. –	Ленина пр.
Тюремная ул. –	А. Иванова ул.
Уржатка –	район в месте слияния Ушайки с Томью, граничащий с Песками, Болотом, Монастырским местом и Юрточной горой
Филевская ул. –	Мельничная ул.
Хомяковский пер. –	1905 года пер.
Черепичная ул. –	Кузнецова ул.
Ямской пер. –	Нахановича пер.
Ярлыковская ул. –	Карташова ул.

Приложение 2

Периодические издания, выписывавшиеся в 1864 г. в Томске[1]

Воскресный досуг	65
Сын Отечества	21
Московские ведомости	20
Отечественные записки	20
Модный магазин	18
Собрание романов	17
Санкт-Петербургские ведомости	18
Русские ведомости	16
Северное сияние	14
Северная почта	12
Искра	12
ЖМЮ	12
Ваза	11
Домашняя беседа	10
Современник	10
Иллюстрированная газета	9
Чтение для солдат	9
Биржевые ведомости	8
Духовная беседа	8
Сборник чтений для солдат	8
Учитель	6
Современный листок	6
ЖМНП	6
Народная беседа	6
Мирское слово	5
Православное обозрение	4
Дело и отдых	4
Северная пчела	4
Библиотека для чтения	4
Русский ремесленник	4
Русский инвалид	3
Русское слово	3
Эпоха	3
Голос	3
Морской сборник	3
Заграничный вестник	3
Военный сборник	3
Детский журнал	3
Семейный вечер	3
Народное богатство	2
Весть	2
Медицинская газета	2
День	2
Развлечения	2
Странник	2
Аптекарский журнал	2
Вокруг света	2
Музыкальный свет	2
Якорь	2
Мирской вестник	2
Законы	2
Сенатские ведомости	1
Земледельческая газета	1
Базар	1
Самообразование	1
Душеполезное чтение	1
Картинная галерея	1
Горный журнал	1
Друг здравия	1
Дух христианина	1

[1] ¼ из перечисленного – иллюстрированные журналы. Цифры неточные, не все выписанное учтено.

Приложение 3

Томское общество для вспомоществования учащимся

17 июня 1873 г. Министерство внутренних дел утвердило Устав Томского общества, 28 октября последовало его открытие.

Для управления Обществом были избраны:

председателем Андрей Петрович Супруненко; его товарищем на 2 года – Михаил Алексеевич Гиляров, членами Общества: Елизавета Александровна Фризель, Павел Михайлович Кошаров, Иван Алексеевич Еренев, Гавриил Константинович Тюменцев, Егор Алексеевич Шавров. (Обязательные условия, чтобы избирались живущие в Томске. Собирается не менее 2 раз в месяц). Секретарем: Иван Евстафьевич Хантинский, казначеем Петр Васильевич Михайлов.

Общество встретило большое сочувствие, за короткое время в него записался 131 чел. и собрано в кассу Общества 1500 р.

Почетными членами Общества стали:

генерал-губернатор Западной Сибири Александр Петрович Хрущов, начальник Томской губернии действительный статский советник Андрей Петрович Супруненко, преосвященный Епископ Томский и Семипалатинский Платон, бывший главный инспектор училищ Западной Сибири Иван Оттонович Смольян, колыванский купец Петр Васильевич Михайлов, нарымский купец Тит Алексеевич Кайдалов.

Членами – учредителями Общества стали:

И.О. Смольян, директор училищ Томской губернии Николай Иванович Иванов, начальница гимназии Е.А. Фризель, ректор Томской духовной семинарии – архимандрит Моисей, бывший инспектор Томской гимназии Николай Алексеевич Стукальский, законоучитель священник Мисюрев, законоучитель – Лашков, Карл Яковлевич Лохер, Федор Михайлович Тоннар, Гавриил Константинович Тюменцев, Павел Михайлович Кошаров, Егор Васильевич Кремянский, Наркиз Михайлович Мрайский, Игнатий Мартынович Чигирев, Ананий Гаврилович Лакида, Петр Александрович Буткеев, Фердинанд Юлианович Маткевич, Николай Иванович Кусков, Александр Андрианович Андрианов, Александр Александрович Диомидовский, Сергей Иванович Промтов.

Действительными членами стали:

Екатерина Юрьевна Супруненко
Калисфения Дмитриевна Кошарова
Пелагея Даниловна Лохер
Михаил Алексеевич Гиляров
Михаил Николаевич Берестов
Вера Ивановна Подкорытова
Павел Осипович Козлов
Александр Васильевич Иваницкий
Дмитрий Иванович Тецков
Евграф Иванович Коренев
Матвей Иванович Макаров
Николай Семенович Грищенко
Егор Кондратьевич Дель
Порфирий Алексеевич Кайдалов
Иван Евстафьевич Хантинский
Михаил Михайлович Германов
Александр Иванович Злобин
Дмитрий Яковлевич Покровский
Степан Анемподистович Селиванов
Осип Афанасьевич Парфианович
Александр Михайлович Ермолаев
Дмитрий Егорович Попов

Николай Васильевич Кобылин
Николай Андреевич Моргунов
Иван Алексеевич Еренев
Яков Иванович Петров
Михаил Петрович Богомолов
Яков Леонтьевич Хотимский
Адам Осипович Классовский
Константин Павлович Платонов
Федор Владимирович Ефимов
Автоном Букич Юрченко
Петр Андреевич Мосоров
Иван Михайлович Щигровский
Иван Григорьевич Чистяков
Эдуард Федорович Бранденбург
Федор Алексеевич Гуцен
Александр Сергеевич Разумнов
Митрофан Иванович Селиванов
Василий Александрович Оксенов
Николай Семенович Полушев
Станислав Александрович Богдзевич
Николай Александрович Гирс
Александр Романович Николаев
Александр Михайлович Германов
Егор Михайлович Ромашов
Евгений Юрьевич Барщевский
Василий Семенович Садовников
Николай Васильевич Россов
Анастасий Филипьевич Силин
Николай Александрович Булыгин
Николай Петрович Шаврин
Никита Емельянович Аккерман
Леонид Федорович Толкачев
Афанасий Федорович Толкачев
Николай Мефодьевич Серебренников
Михаил Иванович Соловьев
Протоиерей Иоанн Сухопаров
Архимандрит Викор
Егор Алексеевич Шавров
Иосиф Ильич Томбеев
Михаил Федорович Гладышев
Александр Ильич Акулов
Федор Ильич Акулов
Петр Иванович Богомолов
Илья Петрович Зырин
Василий Афанасьевич Мутовкин
Петр Федорович Алексеев
Павел Максимович Горбачев
Павел Павлович Герасимов
Федор Иванович Манасевич
Петр Иванович Макушин
Петр Михайлович Деулин
Петр Федорович Мошков
Христофор Михайлович Киселев
Иван Петрович Воинов
Константин Антонович Плахотский
Петр Тимофеевич Лавровский
Николай Петрович Зубов
Николай Андреевич Аргеляндер
Михаил Петрович Рыкачев
Апполон Михайлович Подкорытов
Степан Ильич Знаменский
Евгений Осипович Кириллов
Семен Антонович Луговской
Иван Александрович Злобин
Валериан Андреевич Давыдович
Павел Федорович Бедрин
Владимир Андреевич Карпинский
Николай Дмитриевич Богоявленский
Василий Васильевич Кобылин
Владимир Алексеевич Таскин
Алексей Михайлович Марков
Дмитрий Петрович Харитонов
Валериан Павлович Бедрин
Ипполит Фомич Раковский
Василий Васильевич Михайлов
Юлиан Александрович Савинский
Захар Михайлович Цибульский
Федосья Емельяновна Цибульская
Варвара Гордеевна Цибульская
Мария Ивановна Петрова

Желающие записаться приглашались к казначею общества 1-й гильдии купцу Петру Васильевичу Михайлову в магазин его, а также в книжный магазин Макушина и Михайлова[1].

---

[1] *ТГВ*. 1873. 24 нояб.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ТОМСК В СЕРЕДИНЕ XIX в. 8
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТОМСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. 17
Организация местного производства в Томске в 60–70-е гг. 17
«Вооружить труженика соответственно его занятиям полезными сведениями» 25
Чего не хватало сибирякам, чтобы пользоваться произведенным на месте? 27
О мерах к поощрению кустарных промыслов 30
Развитие частного предпринимательства в конце XIX – начале XX в. 36
Способы обмана покупателей 48
Конкурентная борьба на томских рынках 53
ТОМСК КАК СРЕДА ОБИТАНИЯ 57
Благоустройство города в середине XIX в. 57
Неотложные задачи по дальнейшему благоустройству города 60
Поиски новых вариантов содержания улиц 64
Разработка новых инструкций по благоустройству города 69
Содержание отхожих мест 79
Что имели, не сумели сохранить 82
Превратности судьбы Белого озера 92
Чтобы лучше горели фонари 96
Устройство средств передвижения 101
Начало развития телеграфного сообщения и телефонной связи в Томске 109
Пример для других городов 115
Последствия пожаров 119
Организация помощи погорельцам 127
Состояние мест вечного покоя 134
КРИМИНОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДЕ 138
Можно ли было избавиться от нищих? 138
Тащили все, что попадало под руку… 144
Поимка воров и грабителей 150
Рост детской преступности 164
Судебные приговоры 168
ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКЕ 183
ТОМСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ. 184
Открытие гимназии 184
Материальная база гимназии 190

Организация учебного процесса 192
О приемных экзаменах для поступающих в Томскую губернскую гимназию 195
Контроль за поведением и успеваемостью гимназистов 198
Материальная помощь гимназистам 202
Будущее выпускников гимназии....206
Значение гимназии в жизни Томска 211
ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКЕ....215
Начало женского образования в Томске 215
Открытие Томской Мариинской женской гимназии....219
Комплектование штата гимназии 221
Программа обучения воспитанниц гимназии....224
Изыскание средств на оплату обучения «недостаточных» учениц гимназии в конце XIX – начале XX в....225
Поиски путей решения проблемы тесноты в гимназии 229
НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТОМСКЕ....239
Периодическая печать о проблемах начального образования в Томске 239
Воскресные школы 245
В поисках средств на развитие начального образования....249
Решение проблемы образования бедных детей церковных служителей 250
Повивальная школа 253
РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКЕ 255
Открытие реального училища....255
Коммерческое училище и создание «Общества распространения коммерческого образования» в Сибири....257
Женская профессиональная школа....262
Деятельность Общества пчеловодов 265
ОБУЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ 269
ВСЕМ МИРОМ....278
П.И. Макушин и Детский сад по методе Фребеля в Томске 278
Усердием директрис Дамского отделения....293
Мариинский детский приют....312
Детский приют братьев Е.И. и В.И. Королевых....315
Приют для подкидышей....317
Приют для бездомных детей 322
Детский приют и Дом трудолюбия при Иоанно-Предтеченском женском монастыре 324
Деятельность общества «Пчельник» 327
Открытие в Томске богадельни 335
Помощь воинам, их семьям, раненым....338
ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ....347
Жизненные трудности томского студенчества на рубеже XIX – XX вв. 347
«Отечеству и науке» – девиз студентов дореволюционного Томска 369
ЗАКЛЮЧЕНИЕ....390
ПРИЛОЖЕНИЯ....393
Приложение 1....393
Приложение 2....396
Приложение 3....397

Н а у ч н о е и з д а н и е

ЖЕРАВИНА Аниса Нурлгаяновна

ТОМСК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.
(по материалам дореволюционной печати)

Редактор *А.И. Корчуганова*
Компьютерная верстка *Г.П. Орлова*

Подписано в печать 27.04.2010 г. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Печ. л. 25,13; уч.-изд. л. 24,34 + 8 вкл.;
усл. печ. л. 24,14. Тираж 300 экз. Заказ №

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «ИД Экс Либрис», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28